8.

ГОСУДАРЬ ЦАРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЬ

ЦАРЬ БѢЛЫЙ ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ

ПЕРВЫЙ ИМПЕРАТОРЪ ПО ЗЕМЛѢ

№ 3823.

В. Кожевниковъ.
1899.

Дре.

ПѢСНИ

СОБРАННЫЯ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ

ИЗДАНЫ

ОБЩЕСТВОМЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

Выпускъ 8.

МОСКВА.
Въ Типографіи П. Бахметева, на Срѣтенкѣ, д. Карлони.
1870.

По опредѣленію Общества:

1868, Февр. 23, и 1870 года, Апр. 24.

Секретарь и редакторъ П. Безсоновъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

ЧАСТЬ III.

ВЫПУСКЪ 8-й.

Выписки изъ протоколовъ засѣданій общества л. р. сл.

Пѣсни Былевыя и Историческія:

Русь Петровская.

Государь-царь Петръ Алексѣевичь,
Царь Бѣлый Петръ Первый,
Первый императоръ по землѣ.

—

Стран.

I-я половина Пѣсней Петровскихъ 1 — 113

Отдѣлъ I. Рожденье. 1, 2
Рожденье, первые годы и отъѣздъ на чужую сторону. 3 — 15
II. Возстанія и казни Стрѣльцовъ. 16 — 21
Казнь Князя, Большаго Боярина, Атамана Стрѣлецкаго 22 — 30
III. Правежъ. 30 — 36
IV. Государь борется съ драгуномъ. 37, 38
V. Князь Василій Васильевичь Голицынъ 39 — 50
Князь Стрѣлковскій въ походѣ съ козаками. 51
VI. Азовскіе походы.—Донскіе Козаки. Иванъ Заморянинъ . . . 52 — 54
Самъ царь. 54 — 56
Ѣдетъ Шереметевъ графъ Борисъ Петровичь 56, 57
Пріѣздъ Донскихъ козаковъ на Воронежъ и Москву: народъ знакомится съ атаманомъ 57, 58
Атамановъ приказъ по Дону: сборы Донцовъ. 58, 59
Сборы солдатъ, новаго войска. 59, 60

Стран.

Дума и соборъ объ Азовѣ. Приступъ и побѣда. 60 — 63
Плывутъ подъ Азовъ: взяли городъ и поздравляютъ царя 64, 65
VII. Донскія и Азовскія дѣла.—Атаманъ Флоръ Миняевичь. . . . 65 — 68
Сенька Маноцковъ . 69, 70
Некрасовъ и князь Долгорукій. 71 — 75
Оплошность Донцовъ подъ Азовомъ и полонъ имъ 75 — 78
Донской козакъ въ плѣну Азовскомъ. 78 — 85
Донской козакъ въ плѣну Турецкомъ 85, 86
VIII. Гроза на Донцовъ.—Вѣсть о смутахъ. — 87
Жалоба Дона. — 88
Челобитная Донцовъ 88, 89
Скорлыгинъ-Карыгинъ. 89 — 93
Ефремовъ . 93, 94
Донской козакъ передъ царемъ. Тюрьма, допросъ, правежъ и милость. 95 — 105
IX. Царица Евдокія Өедоровна Лопухина. Пѣсня Царицы. . . . 106 — 113

—

II-я половина Пѣсней Петровскихъ. 114 — 302

Война Сѣверная. Походы Шведскіе.

Отдѣлъ X. Русскій сонъ 114, 115
Видѣнье королю Шведскому 115, 116
Сборы Шведскіе. 116, 117
Сборы Русскіе. 117, 118
Выступъ войска . 118, 119

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

Отдѣлъ XI. Сборы и выѣздъ Шереметева. Пѣсня его. 119 — 125
XII. Шереметевъ и Шлиппенбахъ. Маіоръ земли Шведской. . . 125 — 135
Тѣ же и Левенгауптъ 135, 136
XIII. Левенгауптъ и Краснощоковъ 137
XIV. Орѣхъ—Орѣшекъ, Пѣтебургъ—Нюссбургъ, Шлюссельбургъ—Шлюшенъ. 138 — 146
То же (иначе). 146, 147
То же. Убитъ полковникъ 147, 148
Рычковъ на морѣ Варяжскомъ 148 — 153
Донцы на морѣ Верейскомъ, передъ самимъ королемъ Шведскимъ. 154, 155
XV. Царь на пути къ Шлюссельбургу. Козаки не узнали его. . 156 — 160
XVI. Поѣздка царя въ Стокгольмъ и обратно 160 — 167
XVII. Осада Выборга 167, 168

Стран.

XVIII. Сборы подъ Полтаву. Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ . 168 — 170
Полтавское дѣло. 170 — 173
Полтава, Король Шведскій и Мазепа 173, 174
Плата Запорожцамъ за Полтаву. 174, 175

XIX. Пѣсни Малорусскія. 176 — 211

Поплатились Запорожцы за Полтаву.—Гордѣенко.—Царь Восточный и Голицынъ. 176 — 178
Замыслы Мазепы. Искра, Кочубей, Палій 178 — 185
Палій на свободѣ, битва подъ Полтавой. Король утекаетъ за одно съ Мазепой. 186, 187
Погоня за Шведами до Бендеръ. Палій съ Гречкой. 188
Съѣздъ Русскихъ. Свобода Палію и походъ его съ Шереметевымъ подъ Полтаву. Король и Мазепа, ихъ бѣгство 189 — 196
Мазепа. Судьба Искры и Кочубея. Разоренъ Батуринъ 197 — 200
Мазепа подъ Полтавой со Шведами. Царь Московскій и побѣда. Бѣгство къ Бендерамъ и смерть Мазепы 200 — 202
Палій въ Сибири. 203 — 205
Старина про Палія и прочіе Малорусскіе отзывы о томъ времени. 206 — 211

Отдѣлъ XX. Опять война. 212

XXI. Походъ Шереметева подъ Ригу 213
Государь ѣдетъ по морю. Рига взята 213, 214
XXII. Колывань—Ревель. 215, 216
XXIII. Походы въ земли Шведскія и Турецкія, возвратъ и уроны. 217 — 229

XXIV. Петровскія Канты. 230 — 260

Слюсенбурхъ . 231 — 234
Нарва . 234 — 236
Переходъ Шведовъ въ Малую Русь, Полтава, Мазепа 236 — 254
Рига . 254 — 256
Прочія канты . 256 — 260

Отдѣлъ XXV. Ладожскій каналъ. 261 — 264

XXVI. Пѣсни Петровскія у Сербовъ 265 — 272

Отдѣлъ XXVII. Петръ Первый кончается . . 273 — 276

Смерть государя. 276, 277
Плачь государыни . 277, 278
Плачь войска . 278 — 294

—

XXVIII. Князья (Репнинъ) Меншиковъ, Гагаринъ. 294 — 302

—

Дополненія

къ прежнимъ выпускамъ

и

Приложенія

къ VIII-му выпуску пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ.

Стран.

I.—Илья Муромецъ на Соколѣ кораблѣ. 305 — 308
Добрый Молодецъ теряетъ жену 309, 310
Грозный царь Иванъ Васильевичь и козаки Гребенскіе 310
Смутное Время. Попъ Емеля 311
Убитъ Карамышевъ . 312
Убитъ Астраханскій Воевода. 313, 314
Стоянка Разина . 315 — 317
Сынъ Разина. Попытки проникнуть въ Астрахань 317, 318
Пѣсня Разинская. 319
Пѣсня Разинцевъ . 320, 321
Татарскій полонъ . 321 — 325
Канты передъ Петровскими 325 — 332
Безвремянный Молодецъ 333 — 335
Плачи. 335 — 338
Сказки о Петрѣ. 339, 340
II. Замѣтка П. А. Безсонова къ 8-му выпуску (первая половина). I — CXIX
Оглавленіе 8-го выпуска I — IV

Выписка изъ протоколовъ Общества Любителей Россійской Словесности *).

— 1868 года, Февраля 23-го, CCL засѣданіе, пунктъ 4.—Д. Ч. П. А. Безсоновъ представилъ, что имъ уже приготовленъ въ чернѣ текстъ 8-го выпуска «Пѣсенъ Кирѣевскаго,» заключающій въ себѣ *Пѣсни Былевыя и Историческія о Петрѣ 1-мъ.*—Представленія Д. Ч. П. А. Безсонова были утверждены Обществомъ.

— 1870 года, Апрѣля 24-го, CCLXXV засѣданіе, пунктъ 3.— Д. Ч. П. А. Безсоновъ довелъ до свѣдѣнія Общества, что на дняхъ выйдетъ въ свѣтъ изданный имъ по порученію Общества *восьмой* выпускъ «Пѣсней, собранныхъ П. В. Кирѣевскимъ,» обнимающій *Пѣсни Былевыя и Историческія изъ эпохи Петра 1-го*, съ цѣною для продажи въ 1 р. 50 к., при чемъ представилъ отпечатанные чистые листы и счеты по изданію, а также доложилъ, что въ черновыхъ матеріалахъ имъ собранъ и подготовленъ къ изданію *выпускъ 9-й*, съ Историческими Пѣснями *отъ Петра 1-го до Александра 1-го и 1812 года*, предполагаемый къ печатанію въ теченіе предстоящаго лѣта и по объему матеріаловъ имѣющій стоить до 1 рубля сер. за экземпляръ; по прежнимъ примѣрамъ, выразивъ вновь своему сочлену признательность за успѣшно выполняемое имъ изданіе, Общество постановило: выдать по счетамъ...; 8-й выпускъ по выходѣ разослать..., а относительно выпуска 9-го утвердить предположенія издателя и предоставить ему немедленно приступить къ печатанію.

*) Печатались въ Московскихъ Вѣдомостяхъ и Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Въ виду повторяющихся прискорбныхъ явленій и во избѣжаніе непріятныхъ разбирательствъ впредь, покорнѣйше просятъ гг. сочинителей разныхъ теоретическихъ и историческихъ обзоровъ словесности, составителей хрестоматій и учебниковъ, издателей сего рода руководствъ, пособій и извлеченій: изъ предлежащаго изданія или прочихъ подобныхъ изданій, имѣющихъ отношеніе къ Обществу Л. Р. Сл., *не перепечатывать цѣликомъ* образцовъ или памятниковъ народной словесности, хотя бы краткихъ, но составляющихъ—каждый—отдѣльное цѣлое и особый нумеръ, въ томъ видѣ, въ какомъ они, съ примѣчаніями и объясненіями, являются здѣсь свѣту впервые, ибо симъ недозволительнымъ способомъ нарушается собственность Собирателей или ихъ наслѣдниковъ, право Общества и трудъ первыхъ Издателей, а продажа, возвращающая расходы и доставляющая фондъ для будущаго теченія дѣлу, подрывается къ явному ущербу.

Выпускъ 8.

Пѣсни Былевыя и Историческія,

Русь Петровская:

Государь-царь Петръ Алексѣевичь,

Царь Бѣлый, Петръ Первый,

первый императоръ по землѣ.

—

Во весельи въ радости
Не видали, какъ дни прошли,
Для младаго царевича,
Петра Алексѣевича.

*

Тутъ распахана была пашня:
Не плугами и не сохами,—
Добрыхъ коней копытами;
Посѣяна была пашня
Еще тѣми же драгунскими тѣлами;
Взборонована была пашня
Еще тѣми же Мурзавецкими копьями;
Поливана была пашня
Тою ли христіянской кровью.

*

О семъ преславномъ дѣлѣ, въ пѣснехъ неслыханномъ,
Пѣти будетъ весельникъ по морю пространномъ,
Пѣти будетъ на холмѣ путникъ утружденный,
И проповѣсть иногда, лѣты изнуренный,
Старецъ внукомъ: и, яко своима очима
Видя то, внуцы старца нарекутъ блажима.

*

ПОСВЯЩАЕТСЯ ИЗДАТЕЛЕМЪ

ДВУХСОТЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

30 МАЯ 1672 ГОДА.

ГОСУДАРЬ ЦАРЬ ПЕТРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЬ.

I.

Рожденье.

1.

(Кирша Даниловъ).

Когда [1]) свѣтелъ-радошенъ во Москвѣ [2])
Благовѣрный [3]) царь Алексѣй царь [4]) Михайловичь:
Народилъ Богъ [5]) ему сына царевича,
[Царевича] Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ [6]).

Всѣ-то Русскіе какъ [7]) плотники-мастеры [8])
Во всю ноченьку [9]) не спали,—
Колыбель-люльку [10]) дѣлали
Они младому царевичу.
А и нянюшки-мамушки,
Сѣнныя красныя [11]) дѣвушки
Во всю ноченьку [12]) не спали,—
Шириночку [13]) вышивали
По бѣлому рытому [14]) бархату
Они [15]) краснымъ золотомъ.

[1]) *Сахар.* А что;—*Кост.* Ужъ какъ;—*Люб.* Какъ.—[2]) *Кост.* въ Москвѣ;—*Люб.* въ каменной Москвѣ.—[3]) *Кост.* Ласковый (небывалое прозвище, неловко перенесенное отъ Владиміра).—[4]) *Кост.* сударь.—[5]) *Кост.* Господь.—[6]) *Кост.* Этого стиха нѣтъ: „Что царевича Петра Алексѣевича".—[7]) То есть: какъ и всѣ то; *Люб.* нѣту „какъ".—[8]) *Кост.* Какъ и всѣ-то Русскіе плотнички, Что плотнички—сами мастеры (разбавлено).—[9]) *Кост.* Они ночку.—[10]) Тождесловіе (эпическая тавтологія).—[11]) *Кост.* сѣнны.—[12]) *Кост.* Онѣ ночку.—[13]) У Калайдовича ошибочно прочитано: „Шинкарочку;" *Кост.* исправлено, а *Сахар.* (придумано по обычаю) „одѣялицо".—[14]) *Люб.* Что по бѣл. рыт.;—*Сахар.* По бѣлу рыту.—[15]) *Кост.* и *Люб.* опущено.

[А и] тюръмы съ покаянными [1])—
Они [2]) всѣ распущалися [3]),
А и погребы царскіе—
Они всѣ растворялися [4]).
У царя благовѣрнаго [5])
Еще [6]) пиръ и столъ на радости,
А князи сбиралися,
Бояра [7]) съѣзжалися
И дворяне сходилися [8]);
А все [9]) народъ Божій на пиру
Пьютъ-ѣдятъ, прохлаждаются [10]).

Во весельи въ радости [11])
Не видали, какъ дни прошли [12]),
Для младаго [13]) царевича,
Петра Алексѣевича,
Перваго императора [14]).

(Ср. „Древн. Росс. Стихотворенія,“ подъ заглавіемъ: „Свѣтелъ-радошенъ царь Алексѣй Михайловичъ.“—Разнорѣчія: 1) *Сахарова* „Сказанія,“ т. 1; 2) *Костомарова* и *Мордовцевой* сборникъ въ „Лѣтописяхъ Р. литер. и древн.“ т. IV; 3) *С. М. Любецкаго* изъ сборника, пѣсня, неизвѣстно гдѣ и когда записанная).

* *

[1]) „А и тюрьмы съ покаянными:“ такъ у *Люб.*, такъ по составу стиха и согласно стиху слѣдующему; *покаянные*—то же, что нынѣ *несчастные*, тюремные, затворники, заключенные. — [2]) Онѣ, тюрьмы, какъ и выше *они* — дѣвущки. — [3]) *Кост.* приправлено: „А втапоры затюремнички они всѣ распущались;“ — *Сахар.* сочинено: „Бояре тюрьмы съ покаянными всѣ разпущали.“ — [4]) *Кост.* Царскіе погребы они всѣ растворялись; *Сахар.* А погребы царскіе они всѣ растворяли (И. П. Сахарова смѣшало слово *они*).—[5]) *Кост.* у ласковаго (какъ и выше). – [6]) *Кост.* Шелъ; – *Люб.* Пошолъ. – [7]) *Люб.* и *Сахар.* Бояре.—[8]) Стихи приблизительно должны быть:

А князи-бояра сбиралися,
Сбиралися-съѣзжалися
И дворяне сходилися.

Кост. (разбавлено) Всѣ князья, бояре къ царю собиралися, Всѣ дворяне ко ласковому соѣзжалися.—[9]) Д. б. „Весь;“ такъ и исправлено *Кост.*—[10]) Множественное при собирательномъ „народъ.“– *Сахар.* А все народъ Божій. На пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлаждаются.—[11]) По стиху д. б. „во радости;“ *Кост.* одно: „Въ весельи.“—[12]) *Люб.* Въ томъ ли весельѣ, на великой радости, Не видали они, какъ дни прошли.—[14]) *Кост.* Все для младшаго (!).—[13]) Какъ и

Рожденье, первые годы и отъѣздъ на чужую сторону.

1.

(Симбирск. губ., у. Сызранскаго, село Рѣпьёвка).

Что у насъ въ каменной Москвѣ прiуныли,
Во большой колоколъ звонили [1]):
Породила [2]) царевича
Свѣтъ Петра Алексѣевича.
Нянюшки-мамушки
Всеё ночь не спали,—
Одѣяльце простегали
На чистыемъ се́ребрѣ,
На красныемъ золотѣ.
Плотнички-мастеры
Всеё ночку простукали,—
Колыбелку продѣлали [3]).

*

выше, прибавка позднѣйшая.—*Кост.* прибавлено, пропущенное въ 5-мъ стихѣ, „Перваго императора по землѣ.“—У *Люб.* окончанiе:

Для млада царевича Петра Алексѣевича,
Для того ли славнаго перваго императора.
То старина, то и дѣянiе,
Какъ бы синему морю на утѣшенье,
Молодымъ молодцамъ на пере́манье (перенманье),
Еще намъ, Веселымъ Молодцамъ (скоморохамъ, смѣнившимъ древнихъ пѣвцовъ), на потѣшенье,
Сидючи во бесѣдѣ смиренныя,
Испиваючи медъ, зелено вино.
Гдѣ-то пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ
Тому боярину великому
И хозяину своему ласковому (ср. этотъ конецъ въ прежнихъ выпускахъ).

[1]) Это „унылое“ начало, несоотвѣтственное веселью рожденья, взято отъ многочисленныхъ Былевыхъ пѣсенъ о смерти царей (см. ихъ ниже и въ другихъ выпускахъ); внезапный звонъ большаго колокола пугалъ одинаково, ибо могъ возвѣщать, и чаще, чѣмъ рожденье, напротивъ смерть, пожары и прочiя бѣдствiя какъ набатъ.—[2]) Государыня.—[3]) Переходъ постепенный отъ сего начала къ дальнѣйшему, къ Добрынѣ, Безъименному Мо́лодцу, иносказанiямъ и олицетворенiямъ, связь и смыслъ подобныхъ переходовъ см. съ

Отломилася вѣточка
От саха́рнаго де́ревца;
Откатилося яблочко
Отъ саха́рнаго деревца [1]):
Отъѣзжалъ Добрый Мо́лодецъ
Отъ отца своего—матери;
Лишился же [2]) Добрый Мо́лодецъ
Своей родной страны;
Пріѣхалъ же Молодецъ
Къ быстро́й рѣчкѣ Смородинкѣ;
Переѣхалъ же Добрый Молодецъ
Чрезъ быструю рѣчку Смородинку.

Переѣхавши Молодецъ
Сталъ похвалятися:
«Охъ ты гой еси, рѣчинька,
«Рѣка быстра Смородинка!
«Ты въ славѣ была, рѣчинька,
«Рѣка была славная.»
И сталъ надъ ней смѣятися:
«Хуже озера стоячаго,
«Поганой калужины [3])!»

Позабылъ Добрый Молодецъ
На той странѣ два ножа,
(Два ножа) два булатные;
Воротился же Молодецъ
За ножами за булатными.
Онъ на перву ступень ступилъ—

подробностію въ „Замѣткѣ“ на концѣ выпуска. Здѣсь же различный составъ обозначенъ *различными шрифтами*.

[1]) Д. б. „Отъ садовой отъ яблоньки.“—[2]) Выѣхалъ изъ.—[3]) Стока лужъ, соединенія ихъ; лужи извилистой (въ сихъ случаяхъ у насъ приставка *ка* то же, что нѣмецкое *ge*).

Потопилъ коня добраго;
На другую ступень ступилъ—
Потонулъ Добрый Молодецъ.

Прiѣзжаетъ его матушка,
Говоритъ быстрой рѣчинькѣ:
««Охъ ты гой еси, рѣчинька,
««Рѣка быстра Смородинка!
««Потопила ты моего сына,
««Сына любимаго,
««Любимаго, единаго.»»
Говоритъ-то ей рѣчинька
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красной дѣвицей:
—Охъ ты гой еси, баба старая,
—Стара баба—матёрая!
—Не я его потопила,
—Потопила его похвала молодецкая.—

(Записано Языковымъ).

*

2.

(Сызрань).

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Православный царь веселъ былъ,
Онъ и веселъ, и радошенъ:
Породила сударыня
Ему сына царевича.
Тутъ и нянюшки, и мамушки
Всеё ночку просидѣли,—
Сороченьку прошили
По атласу, по бархату,

По чистому по золоту,
По мелкому се́ребру;
Тутъ-то плотнички-ма́стеры
Всеё ночку простукали,—
Колыбелушку строили.

*

Отломилася вѣточка
Отъ садо́вой отъ яблонки,
Откатилося яблочко:
Отъѣзжаетъ сынъ отъ матери
На чужу-дальну сторону,
На чужу-дальну сторону—
За рѣку за Смородину.

Подъѣзжаетъ же молодецъ
Ко рѣкѣ ко Смородинѣ:
Онъ воскликнетъ же—возгаркнетъ
Громкимъ голосомъ:
«Охъ ты рѣчушка, рѣчушка,
«Мать быстра рѣка Смородина!
«Широки́мъ ты не широкая,
«Глубоки́мъ ты глубокая!
«Есть ли на тебѣ на рѣчушкѣ
«Переходы-то частые,
«Переброды-то мелкіе?»
Возговоритъ рѣчушка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красною дѣвицей:
—Охъ ты гой еси, добрый молодецъ,
—Добрыня Никитьевичь!
—Нѣтъ-то на мнѣ на рѣчушкѣ
—Переходовъ-то частыихъ,
—Перебродовъ-то мелкіихъ;

—Только есть на мнѣ на рѣчушкѣ
—Два мосточка калиновыхъ,
—И то они во далечѣ
—Во чистомъ полѣ.—
Возговоритъ молодецъ,
Добрыня Никитьевичь:
«Что же ты, рѣчушка,
«Съ перевозу съ насъ берешь?»
Возговоритъ рѣчушка
Человѣческимъ голосомъ,
Душой красной дѣвицей:
—Охъ ты гой еси, молодецъ,
—Ты Добрыня Никитьевичь!
—Съ перевозу-то съ васъ беру:
—По добру коню наступчату [1],
—По сѣделечку Черкасскому,
—По удалу-добру молодцу;
—А тебя я, добрый молодецъ,
—Я тебя и такъ перепущу
—За слова твои за ласковы,
—За поклоны за низкіе.—

Переѣхалъ же молодецъ
Черезъ рѣку чрезъ Смородину
И сталъ похвалятися,
Надъ рѣкой посмѣхатися:
«Сказали про рѣчушку,
«Сказали про быструю,
«Что эта рѣчушка
«Широкимъ широкая,
«А глубокимъ глубокая:
«Анъ эта рѣчушка

[1]) Что выступаетъ впередъ бодрой и твердой поступью.

«Хуже озера стоячаго.
«Какъ дождева калужина!»
Какъ возговоритъ рѣчушка
Душой красной дѣвицей:
—Охъ ты гой еси, добрый молодецъ,
—Ты Добрыня Никитьевичь!
—Воротись ты за меня, за рѣчушку:
—Позабылъ ты за мной, за рѣчушкой,
—Два ножа, два булатныихъ.—

Воротился молодецъ
За рѣку за Смородину:
Онъ на перву ступень ступилъ,—
Онъ добра коня потопилъ;
Онъ на другую ступень ступилъ,—
Сѣделичко Черкасско потопилъ;
На третью ступень ступилъ,—
Самъ тутъ утонулъ.

(Записано Языковымъ; ср. у насъ выпускъ 2-й).

*

3.

(Кирша Даниловъ) [1].

Когда было Молодцу
пора-время великое [2]),
честь-хвала молодецкая,
Господь-Богъ миловалъ,
Государь-царь жаловалъ,

[1]) Старина эта, по связи содержанія, въ самомъ сборникѣ Кирши поставлена *рядомъ* съ рожденьемъ Петра; особенная форма Старины, переходящей въ разсказъ говоркомъ, сдѣлала то, что каждый почти второй, и даже третій стихъ, теряя самостоятельность склада, присоединяется къ первому какъ прибавка; мы и печатаемъ эти разрушенные стихи особымъ способомъ.—[2]) Когда все было въ пору и во́ время, съ великою удачей.

Отецъ-мать Молодца у себя
во любви держалъ [1],
А и родъ-племя на Молодца
не могутъ насмотрѣтися,
Сусѣди-ближнiе
почитаютъ и жалуютъ,
Друзья и товарищи
на совѣтъ съѣзжаются,
Совѣту совѣтовать,
крѣпку думушку думати,
Они про службу царскую
и про службу воинскую [2]).

*

Скатилась ягодка
съ сахáрнаго деревца,
Отломилась вѣточка
отъ кудрявыя отъ яблони:
Отстаетъ Доброй Молодецъ
отъ отца—сынъ—отъ матери;

*

А нынѣ ужь Молодцу
безвремянье великое:
Господь-Богъ прогнѣвался,
государь-царь гнѣвъ взложилъ,
Отецъ и мать Молодца у себя
не въ любви держатъ,
А и родъ-племя Молодца
не могутъ и видѣти,
Сусѣди-ближнiе
не чтутъ—не жалуютъ,
А друзья-товарищи
на совѣтъ не съѣзжаются,

[1]) Согласовано съ „отецъ,“ какъ выше со „временемъ.“ —[2]) За симъ перерывъ, ибо слѣдующiе три стиха составляютъ собственно начало втораго отдѣла Старины.

Совѣту совѣтовать,
крѣпку думушку думати,
Про службу царскую
и про службу воинскую.
А нынѣ ужь Молодцу кручина великая
и печаль немалая [1]).

*

Съ кручины, де, Молодецъ,
со печали великія,
Пошелъ, Доброй Молодецъ,
онъ на свой конюшенной дворъ,
Бралъ, Доброй Молодецъ,
онъ добра коня стоялаго,
Наложилъ, Доброй Молодецъ,
онъ уздицу тесмянную,
сѣделечко Черкесское,
Садился Доброй Молодецъ
на добра коня стоялаго,
Поѣхалъ Доброй Молодецъ
на чужу-дальну сторону.

Какъ бы будетъ Молодецъ
у рѣки Смородины,
А и взмолится Молодецъ:
«А и ты, мать быстра рѣка,
ты быстра рѣка Смородина!

[1]) Все это начало относится уже къ другимъ Безъимяннымъ или Молодецкимъ пѣснямъ, о Безвремянномъ или Неудачливомъ Молодцѣ, о женѣ его неудачливой, объ отъѣздѣ въ Литву къ Королевнѣ Политовской, о Горѣ и т. п.: эта связь указана уже не разъ въ прежнихъ выпускахъ и въ нашемъ изданіи сборника Рыбниковскаго. Второй же отдѣлъ Старины, слѣдующій за симъ, о гибели въ Смородинѣ, начинается собственно стихами, врѣзавшимися выше: „Скатилась ягодка;“ а первый отдѣлъ той же Старины, о рожденьѣ, имѣющійся въ двухъ предшествующихъ образцахъ, здѣсь уже утраченъ.

«Ты скажи мнѣ, быстра рѣка,
ты про броды конины,
про мосточки калиновы,
перевозы частые.»
Провѣщится быстра рѣка
человѣческимъ голосомъ
да и душой красной дѣвицей:
—Я скажу тѣ, быстра рѣка,
Доброй Молодецъ,
—Я про броды конипые,
про мосточки калиновы,
перевозы частые.
—Со броду конинаго я беру
по добру коню,
—Съ перевозу частаго
по сѣделечку Черкесскому,
—Со мосточку калинова
по удалому Молодцу:
—А тебя, Безвремяннаго Молодца [1]),
я и такъ тебя пропущу.—

Переѣхалъ Молодецъ
за рѣку за Смородину,
Онъ отъѣхалъ, Молодецъ,
какъ бы версту—другую,
Онъ своимъ глупымъ разумомъ,
Молодецъ, похваляется:
«А сказали про быстру рѣку
Смородину,
««Ни пройти, ни проѣхати
ни пѣшему, ни конному:»

1) Когда прошло его „время," сталъ онъ „Безвремяннымъ," неудачливымъ, несчастнымъ.

«Она хуже, быстра рѣка,
тое лужи дождевыя [1].»
Скричитъ за Молодцемъ, какъ въ сугонь [2]),
быстра рѣка Смородина
Человѣческимъ языкомъ,
душой красной дѣвицей:
—Безвремянной Молодецъ!
ты забылъ за быстрой рѣкой
—Два друга сердечные—
два остра ножа булатные,
—На чужой-дальной сторонѣ
оборона великая.—

Воротился Молодецъ
за рѣку за Смородину:
Не льзя что не ѣхати [3])
за рѣку за Смородину,—
Не узналъ Доброй Молодецъ
того броду конинаго,
Не увидѣлъ Молодецъ
перевозу частаго,
Не нашелъ, Доброй Молодецъ,
онъ мосточку калинова;
Поѣхалъ, де, Молодецъ,
онъ глубокими омуты.
Онъ перву ступень ступилъ,—
по черевъ конь утонулъ;
Другу ступень ступилъ,—
по сѣделечко Черкесское;

[1]) Читайте: „дру́гую;“ „дожжёвыя;“ „дѣ́вицей“ и т. п.—[2]) Въ слѣдъ, въ погоню.—[3]) Испорчено вмѣсто: „нельзя ни йти, ни ѣхати;“ изъ этого образовался новый оттѣнокъ смысла: „нельзя же ему не вернуться, по такимъ словамъ, за друзьями.“

Третью ступень конь ступилъ,—
уже гривы не видѣти.
А и взмолится Молодецъ:
«А и ты, мать быстра рѣка,
ты быстра рѣка Смородина!
«Къ чему ты меня топишь,
Безвремяннаго Молодца?»
Провѣщится быстра рѣка
человѣческимъ языкомъ,
она душой красной дѣвицей:
—Безвремянной Молодецъ!
—Не я тебя топлю,
Безвремяннаго Молодца:
—Топитъ тебя, Молодецъ,
похвальба твоя—пагуба.—

Утонулъ Доброй Молодецъ
во Москвѣ рѣкѣ, Смородинѣ;
Выплывалъ его доброй конь
на крутые берега;
Прибѣгалъ его доброй конь
къ отцу его и матери;
На лукѣ на сѣдельныя
ярлычекъ написанной:
««Утонулъ Доброй Молодецъ
во Москвѣ рѣкѣ, Смородинѣ [1]).»»

(Др. Росс. Стихотвор.).

*

[1]) По преданію, здѣсь подтвержденному, это древнее имя Русское при другомъ, еще болѣе древнемъ, Чудскомъ (Финскомъ) имени рѣки „Москвы;“ ср. въ концѣ выпуска „Замѣтку.“

4.

(Губ. Олонецкой, въ Тихвиноборскомъ погостѣ, Каргопольскаго у.).

Богъ Молодца не милуетъ,
Государь Молодца не жалуетъ,
Дружья-братья-товарищи
На совѣтъ не съѣзжаются,
И нѣтъ на Молодцѣ ни чести-похвалы молодецкія.
Женилъ-то его родной батюшка
На чужой на дальной сторонушкѣ
И бралъ за женою приданаго
Три черленыихъ три ка́рабля:
Первый гружонъ ка́рабль златомъ и серебромъ,
А другой гружонъ карабль скатнымъ жемчугомъ,
А третій гружонъ карабль женинымъ приданыимъ.
Тутъ-то Добру Молодцу молода жена
Не въ любовь пришла, не по разуму.

*

Бралъ онъ себѣ добра коня наступчива,
И сѣделышко Черкасское, и плетку шелковую,
Самъ говорилъ таково слово:
«Лучше мнѣ добрый конь злата и серебра,
«Лучше мнѣ сѣделко Черкасское всего женинаго приданаго,
«Да лучше мнѣ плетка шелковая молодой жены.»
Да взялъ-то съ собою Добрый Молодецъ
Два товарища, два надѣйные,
Два ножичка, два булатніе;
Поѣхалъ на чужую-дальную сторонушку.

Доѣхалъ до рѣчки Смородинки,
Самъ говорилъ таково слово:
«Ай ты матушка, быстра рѣка Смородинка!
«Есть ли чрезъ тебя, рѣку Смородинку,
«Перевозы-то узкіе, переброды-то мелкіе?»

Отвѣчала она человѣческимъ голосомъ:
—Есть чрезъ меня перевозы-то узкіе, переброды-то мелкіе,
—Есть три мосточка, три калиновыхъ;
—На первомъ беру на мостѣ сѣделко кованое,
—На другомъ беру на мостѣ коня наступчива,
—На третьемъ самого Добра Молодца;
—А тебя, Добра Молодца, и такъ пущу.—

Переѣхалъ Добрый Молодецъ чрезъ рѣку Смородинку,
Самъ говорилъ таково слово:
«Сказали мнѣ, Добру Молодцу,
«Что течетъ рѣка Смородинка быстра и грозна:
«А нынче рѣка Смородинка течетъ будто вода болотняя,
«Болотня вода со ржавчинкой.»

Да забылъ Добрый Молодецъ за рѣчкой Смородинкой
Два товарища, два надѣйные,
Два ножичка, два булатніе,
И поѣхалъ за рѣчку Смородинку.
На первомъ мосту брала сѣделко кованое,
На другомъ брала добра коня наступчива,
На третьемъ брала самого Добра Молодца.
Взмолился Добрый Молодецъ:
«Ай ты матушка, быстра рѣка Смородинка!
«Не топи, не губи меня, Добра Молодца!»
Говорила рѣка Смородинка таковы слова:
—Ай ты, удалый-дородный Добрый Молодецъ!
—Не я тебя топлю, не я гублю,
—А топить тебя—губитъ честь-похвала молодецкая!—

Только Добрый молодецъ и живъ бывалъ:
Оставалась его нелюба жена.

(Ср. *Рыбник.* ч. I, № 82, тамъ же Былины о Добрынѣ и сердитой Пучай-рѣкѣ, а также у насъ выпуски 2-й и 7-й).

* * *

II.

Возстанія и казни Стрѣльцовъ.

1.

(Губ. Симбирской, с. Головино).

Бывало, де, православный царь
Любилъ стрѣльцовъ, много жаловалъ:
Нынче государь на насъ прогнѣвался
И хочетъ стрѣльцовъ казнить-вѣшати,
Съ самóго съ атамана голову рубить.

Сходились стрѣльцы во единый кругъ,
Они думали крѣпку думу за единую,
Посылали атамана къ самому царю:
««Поди-ка, атаманъ, къ самому царю,
««Кланяйся царю въ рѣзвы ноженьки,
««Проси у царя большой милости:
««Не можно ли насъ, батюшка, стрѣльцовъ простить?
««Возьмемъ мы ему городъ, который надобно,
««Безъ свинцу возьмемъ, безъ пороху.
««Безъ его снаряду государева [1],
««Возьмемъ городъ грудью бѣлою.»»

Тутъ пошолъ атаманъ къ самому царю,
Пошолъ онъ вдоль по улицѣ,
Подходитъ онъ къ государеву Двору.
На то время государь-царь по дворцу гуляетъ.
Онъ и палъ, молодецъ, на колѣночки,
Сталъ кланяться царю въ рѣзвы ноженьки,
Сталъ просить у него большой милости:
«Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный царь,
«Всея Руси царь Петръ Өедорычь [2])!

[1]) Безъ нововведеній, принятыхъ въ новомъ войскѣ.—[2]) У новаго пѣвца прежнее имя уже замѣнено болѣе новымъ.

«Не можно ли насъ, стрѣльцовъ, простить?
«Возьмемъ мы тебѣ городъ, который надобно,
«Безъ свинцу возьмемъ, безъ пороху,
«Безъ твоего снаряду государева,
«Возьмемъ городъ грудью бѣлою.»
Выходитъ царь-государь на Красёнъ Крылецъ,
Возговоритъ онъ громкимъ голосомъ:
—Охъ ты гой еси, стрѣлецкій атаманушка!
—И нѣтъ отъ меня вамъ милости.
—Ступай, сбирай стрѣлецкое свое войско,
—Гони-ты ихъ на Красну Площадушку,
—А которыхъ на поле на Куликово-то [1]:
—Кого стану казнить, кого вѣшати,
—Съ тебя, съ атамана, голову рубить.—
Тутъ у молодца рѣзвы ноги подогнулися,
Бѣлы руки его опустилися,
Буйна его головушка съ плечь долой ка́тится,
Соболина его шапочка изъ рукъ выпала,—
Соболина шапка на немъ во сто рублей,
А кунья шуба на молодцѣ во тысячу.

Пошолъ молодецъ съ широка́ двора,
Съ того двора съ государева.
Всходитъ во Стрѣлецку большу́ улицу;
Тутъ не золота трубонька вострубила,
Не серебряна сипо́винка [2]) возъигрывала,
Тутъ вскричалъ атаманъ громкимъ голосомъ,
Чтобы слышно было по всему городу:
«Охъ вы гой еси, стрѣльцы, добры молодцы!
«Вы ступайте, убирайтеся вонъ изъ города:
«И нѣтъ намъ, братцы, отъ царя большой милости,
«Велѣлъ гнать на Красную Площадушку,

[1]) Московскія Былины повсюду перевели эту мѣстность въ Москву (смѣшивая „поле Кучково"): ср. вып. 6-й.—[2]) *Сиповка, сопѣль,* народный и войсковой духовой инструментъ.

«А которыхъ на поле на Куликово-то,
«Кого хочетъ казнить, кого вѣшати,
«А съ меня, съ атамана, голову рубить.»

(Записано Языковымъ).

*

2.

(Сызрань).

Во далечѣ, во далечѣ во чисто́мъ полѣ,
А ещё того по́далѣ во раздольицѣ,
Тутъ на красное солнышко выката́лося:
Выѣзжаетъ-то удалый-добрый молодецъ,
Еще тотъ же стрѣлецкій атаманушка.
Хороша-больно на молодцѣ приправушка:
Подъ нимъ добрый конь ровно лютый звѣрь,
Кольчуга-то на молодцѣ серебряная,
Соболина на нёмъ шапка до могучихъ плечь,
На немъ ту́гій лукъ какъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
Калены стрѣлы какъ часты звѣзды.
Онъ и держитъ путь-дороженьку въ каменну Москву,
Онъ и горы и долы въ переско́чь скакалъ,
Темные лѣсы межу ногъ пускалъ,
Быстрыя рѣки перепрыгивалъ.

Возъѣзжаетъ онъ во матушку каменну Москву,
Пріѣзжаетъ ко дворечушку ко суда́реву.
Караульщиковъ онъ не спрашивалъ,
Приворотничкамъ не билъ челомъ,
Онъ и бьетъ своего добра коня—не жалуетъ,
Его добрый конь осержается,
Отъ сырой мати-земли отдѣляется,
Перепрыгивалъ онъ стѣнушку бѣлокаменну;
Подъѣзжаетъ онъ ко крылечушку ко судареву.
Воскрикнетъ онъ—возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
«Охъ ты гой еси, нашъ батюшка, православный царь,
«Во всеё Руси царь, Петръ, сударь, Лексѣевичь!
«Ты за что̀ про что на насъ, сударь, прогнѣвался,

«Ты за что нашь зеленый садъ хочешь выжечь-вырубить,
«Всѣ и вѣтвицы-кореньицы повысушить?
«Не можно ли тебѣ, сударь, насъ стрѣльцовъ простить?
«Мы возьмемъ тебѣ городъ, какой надобно,
«Безъ свинцу-то мы—безъ пороху суда́рева,
«Мы безъ ружеецъ, безъ сабелекъ безъ вострыихъ,
«Мы возьмемъ тебѣ городъ своей грудью бѣлою.»
Выходилъ-то тутъ батюшка православный царь,
Во одниxъ-то онъ чулочкахъ, онъ, безъ чоботовъ,
Во одной-то онъ сорочкѣ, онъ, безъ панцуровъ;
Воскричитъ-то онъ—возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
—Охъ ты гой, стрѣлецкой атаманушка!
—Ужь и вотъ-то я съ боярами подумаю,
—Съ сенато́рами съ фельмаршалами перевѣдаю.—
Ужь возговоритъ тутъ стрѣлецкой атаманушка:
«Охъ ты гой еси, нашь батюшка, православный царь,
«Во всеё Руси царь, Петръ, сударь, Лексѣевичь!
«Въ глазахъ ты меня, сударь, обманывашь:
«Не видать тебѣ меня у себя [1]) въ дворцѣ!»

Онъ и бьетъ свого́ добра коня—не жалуетъ,
Его добрый конь осержается,
Отъ сырой мати-земли отдѣляется,
Перепрыгиватъ онъ стѣнушку бѣлокаменну,
Онъ и держитъ путь-дорожку во далече во чисто поле;
Возъѣзжаетъ онъ во стрѣлецкую армеюшку,
Воскричитъ-то онъ—возгаркнетъ громкимъ голосомъ:
«Охъ вы гой еси, стрѣлецкія головушки!
«Еще хочетъ насъ православный царь всѣхъ жаловать,
«Жаловать хоромами, хоромами высокими,—
«Двумя столбами дубовыми
«И петлями шелковыми!»

(Языковъ).

*

[1]) Это дурно записано и вѣроятно подправлено.

3.

Дотолѣва зеленъ [1]) садъ зелёнъ стоялъ:
А нонче зеленъ садъ присохъ–приблёкъ,
Присохъ–приблёкъ, къ землѣ прилёгъ,
Пріуныли въ садочкѣ вольны пташечки,
Всѣ горькія кукушечки.

На зарѣ было на утренней,
На восходѣ солнца краснаго,
Государь–царь по дворцу гулялъ,
Онъ въ однѣхъ чулкахъ безъ чоботовъ,
Тоненькій созямчикъ [2]) на спашечку.
На всѣ сторонки обзирался:
Никто нейдетъ къ Бѣлу царю съ повинной,
Ни князья, ни бояре, ни сильны могучи богатыри:
Только одинъ изъ нихъ пошолъ добрый молодецъ,
По имени Иванушка Ивановичь,
Стрѣлецкій атаманушка.
Несетъ съ собой топоръ и плаху.
Подходилъ онъ къ Бѣлу царю близёхонько,
Кланялся Бѣлу царю низёхонько,
Рѣчь возговорилъ добрый молодецъ Бѣлу царю:
«Гой ты, гой еси, батюшка, православный царь!
«Не прикажи казнить, прикажи слово молвити:
«Никто нейдетъ къ тебѣ, къ Бѣлу царю, съ повинною,
«Только я пришолъ къ тебѣ съ повинною,
«Принесъ съ собой топоръ и плаху.»
Рѣчь возговоритъ православный царь:
—Да Богъ проститъ тѣ за всѣ вины, да и я прощу!—

Послалъ въ силу–ратію [3]) посланника,
Шла бы шла ратія къ Бѣлу царю съ повинною:

[1]) Зеленый.—[2]) *Озямъ* (ознять, markedly ознимать) то же, что *зипунъ* (спять, запять, запинать), сначала на застежкахъ, потомъ запашной полный кафтанъ халатомъ; частнѣе *зипунъ*—застежкою, *озямъ* запашкою.—[3]) Рать.

Опять никто нейдетъ къ Бѣлу царю съ повинною.

На то же православный царь осерживался,
Приказалъ ихъ всѣхъ казнить-вѣшать.

(Кир.).

Сравните Ивана Ивановича ниже, въ Козакахъ.

*

4.

(Съ Урала).

Тонко-звонко во Успенскій большой колоколъ ударили.

У крыльца-крыльца было параднаго,
Стоялъ тутъ стрѣлецкій атаманушка:
Во правой рукѣ держитъ коня добраго,
Соболиную шапочку подъ пазушкой.
Со крыльца идётъ надёжа православный царь,
Въ однимъ ситцевомъ халатѣ на распашечку,
Въ однѣхъ шолковыхъ чулочкахъ и безъ туфелекъ.
Какъ возговоритъ стрѣлецкій атаманушка:
«Охъ ты гой еси, надёжа, православный царь!
«Не возможно-ли насъ, батюшка, стрѣльцовъ простить?»
Что возговоритъ надёжа православный царь:
—Охъ ты гой еси, стрѣлецкій атаманушка!
—Поѣзжай ты скоро во Слободы Стрѣлецкія,
—И я тамъ буду кого любить, кого жаловать,
—И кого буду казнить и вѣшать.—
Еще тутъ-то стрѣлецкій атаманушка призадумался:
Подогнулися у стрѣльца рѣзвы ноженьки,
И опустилися бѣлы рученьки,
И выпадаетъ изъ рукъ шапочка.

(Отъ В. И. Даля).

* *

Казнь Князя, Большаго Боярина, Атамана Стрѣлецкаго.

1.

Изъ Кремля-Кремля, крѣпка гóрода,
Отъ дворца-дворца государева,
Что до самой ли Красной Площади,
Пролегала тутъ широкая дороженька.
Что по той ли по широкой по дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра мóлодца,
Добра молодца, Большаго Барина [1]),
Что Большаго Барина, атамана стрѣлецкаго,
За измѣну противъ царскаго Величества [2]).
Онъ идетъ ли молодецъ—не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей озирается,
Что и тутъ царю не покоряется [3]).
Передъ нимъ идетъ грозёнъ палачь,
Во рукахъ несетъ остёръ топоръ,
А за нимъ идутъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена;
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдаютъ, какъ ручьи шумятъ,
Въ возрыданьѣ выговариваютъ [4]):
««Ты дитя ли наше милое!
««Покорися ты самому царю,
««Принеси свою повинную,

[1]) Въ другихъ „боярина.“ — [2]) *Дмитр.* „къ отечеству.“ — [3]) *Дмитр.* „И въ измѣнѣ не кается.“ — [4]) Въ изд. *Якушкина*, 1865 г. (записано А. А. Григорьевымъ у Цыганъ):

Позади пятъ отецъ съ матерію,
Отецъ съ матерью, молодая жена.
Отецъ-мать во слезахъ слово молвили.—*Дмитр.* „Они взрыдъ говорятъ ему.“

««Авось тебя государь-царь пожалуетъ [1]),
««Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ.»»
Каменѣетъ сердце молодецкое [2]),
Онъ противится царю, упрямствуетъ,
Отца-матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ.
Привели его на Площадь Красную,
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи [3]).

(Пѣсенникъ Чулковскій и Новиковскій; Дмитріева и др.).

Конецъ пѣсни явно подправленъ.

*

[1]) Въ другихъ:

Авось тебя Богъ помилуетъ,
Государь-царь пожалуетъ.

Якушк.:

Царю Бѣлому, Петру Первому,
Принеси ты головушку повинную;
Авось тебя тогда Господь-Богъ помилуетъ,
Государь-царь тебя пожалуетъ.

[2]) За нимъ *Якушк.*:

Добрый молодецъ отца-матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой насмѣхается,
О милыхъ дѣтяхъ не болѣзнуетъ,
Что и тутъ онъ царю не покоряется.

[3]) *Дмитр.* разбавлено:

Сердце въ немъ было каменно,
Не внималъ отцу съ матерью,
Не тужилъ о женѣ своей,
Не вздыхалъ о сироточкахъ
И царю не покорствовалъ.
Привели его на площадь,
Не успѣлъ народъ воззриться...
Отхватилъ палачь молодцу
Въ одинъ разъ буйну голову
По его могучи плеча.

2.

Голова ль ты моя, головушка,
Голова моя послуживая!
Послужила моя головушка
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Со добра коня не слѣзаючи,
Изъ стремянъ ногъ не вынимаючи.
Ахъ, не выслужила головушка
Ни корысти себѣ, ни радости,
Какъ ни слова себѣ добраго [1]),
И ни рангу себѣ высокаго [2]):
Только выслужила головушка
Два столбика высокіе,
Перекладинку кленóвую,
Еще петельку шелковую.

По Мясницкой славной улицѣ,
За Мясницкими за ворóтами,
Ведутъ князя-боярина.
Передъ нимъ идутъ попы, дьяконы,
Во рукахъ несутъ большу книгу,
А за нимъ идетъ солдатъ рота,
На голó несутъ шпаги [3]) острыя;
А по правую по сторонушку
Идетъ его грозной палачь,
Во рукахъ несетъ саблю острую [4]);
А по лѣвую по сторонушку,
Тутъ идетъ его родна сестра;
Она плачетъ, что рѣка льется,

[1]) Начиная съ Даніила Заточника, чрезъ всю нашу древнюю Словесность до пословицъ, повторяются эти выраженія.—[2]) *Сахаровъ* подправилъ: „И ни славы высокія.“—[3]) *Сахаровъ* подправилъ: „стрѣльцовъ рота;“ „бердыши.“—[4]) *Сахар.* „топоръ широкій.“

Возрыдаетъ, какъ ручьи текутъ.
Унимаетъ ее родный братъ:
«Ты не плачь, не плачь, родна сестра,
«Не слези свои очи ясныя,
«Не руди [1]) своего лица бѣлаго,
«Не надсажай своего сердца ретиваго.
«Какъ чего же тебѣ хочется:
«Иль помѣстій моихъ, иль вотчины,
«Иль имѣнія тебѣ—богатства [2]),
«Или злата, или серебра,
«Иль моего тебѣ здоровьица?»
—Ахъ ты свѣтъ же, мой любезной братъ!
—Ничего-то мнѣ не хочется,
—Ни помѣстій твоихъ, ни вотчинъ,
—Ни имѣній твоихъ—богатства,
—Ни злата, ни серебра:
—Ужь какъ только мнѣ, братецъ, хочется,
—Твоего, сударь, здоровьица.—
Да что взговоритъ родимой братъ:
«И ты свѣтъ, моя родна сестра!
«Тебѣ плакать,—не выплакать,
«Молить Бога,—не вымолить,
«У царя просить,—не выпросить.
«И такъ меня Богъ помиловалъ,
«Государь-царь пожаловалъ:
«Велѣлъ срубить буйну голову
«По мои плеча могучія.»

Какъ взвели князя на срубъ высокъ,
На его мѣсто показанно;
Онъ молился Спасу—чудному [3]) образу,
Онъ на всѣ стороны [4]) низко кланялся:

[1]) Не кровавь или не марай.—[2]) По складу—„богатества;“ въ другихъ „богатаго.“—[3]) Въ другихъ „образу“ отброшено.—Это на Спасской башнѣ, Красной Площади.—[4]) Въ другихъ: „Онъ кругомъ всѣмъ.“

«Ахъ прости, прости, міръ и народъ [1]) Божій!
«Помолитеся за мои грѣхи,
«За мои грѣхи тяжкіе.»
Не успѣлъ народъ лишь взозрити,
Какъ отсѣкли буйну голову
По его плечи могучія.

(Оттуда же).

*

3.

Изъ Кремля-Кремля, крѣпка города,
Отъ дворца-дворца государева,
Что до самой ли Красной Площади
Пролегала тутъ путь-дороженька.
А по той ли по дороженькѣ,
Ахъ, казнить вели добра молодца,
Добра молодца, знатна барина,
Что главнѣйшаго атамана, де,
Атамана, де, слышь, стрѣлецкаго,
За измѣну, де, клятвы въ вѣрности,
Клятвы въ вѣрности царю Русскому,
Царю Русскому и Московскому [2]).
Молодецъ идетъ—не оступится,
Не оступится, не посупится:
Онъ на всѣхъ людей озирается,
Видомъ гордымъ такъ всѣмъ доказыватъ,
Что и тутъ царю нѣтъ повинности.
Передъ нимъ идетъ злой грозенъ палачь,
Онъ въ рукахъ несётъ страхъ-остёръ топоръ;
А за нимъ идутъ отецъ съ матерью
Того добраго удалъ-молодца,
Удалъ-молодца, знатна барина;

[1]) Ошибка вмѣсто „міръ-народъ.“
[2]) До того доходили исправленія!

А за матерью шла млада жена,
Его вѣрная сердцу милая.
Они плакавъ всѣ, горько всхлипывутъ,
Слезы горькія какъ рѣкой текутъ,
А рыданья ихъ, какъ ручей шумитъ,
Ихъ кручина зла обуяла всѣхъ,
Имъ надежды нѣтъ упросить царя,
Царя грознаго, справедливаго;
Безнадежные жь приговаривутъ:
«Ты дитя, дитя ль, дитя милое!
«Покорися самъ предъ царемъ своимъ,
«Ты пади предъ нимъ, поклонись ему,
«Повинись ему во повинности,—
«Милосерды всѣ цари Русскіе,
«Наказавъ они и пожалуютъ,
«Отдадутъ тебѣ честь и жизнь твою,
«Не лишишь ты насъ собой радости,
«Не оставишь насъ сиротами здѣсь.»
Сердце каменно молодецкое
Леденѣетъ лишь да упорствуетъ,
На царя дышетъ злобой дерзкою,
Злобой дерзкою, богомерзкою.
Молодецъ отца не послушался,
Не тронулся онъ воплемъ матери,
Надъ женой своей онъ не сжалился,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ,
Шедши съ гордостью усмѣхается.
Привели его къ Красной Площади,—
И буйна глава непокорнаго
Отдѣлилася отъ могучихъ плечь.

(Наивная романтическая передѣлка въ „Русскомъ національномъ пѣснопѣніи.“ — Слѣдующія за симъ передѣлки, забывшія извѣстное лицо и обратившія князя-боярина-атамана въ простаго „добраго молодца“ или остановившіяся уже надъ казненнымъ, принадлежатъ къ дальнѣйшимъ судьбамъ пѣсни среди самаго народа).

* *

1.

Ты змѣйка, скоропейка [1]), змѣя лютая!
Изъ норы ты, змѣя, ползешь—озираешься,
По песку ползешь—извиваешься,
По травѣ ты ползешь—всю траву сушишь;
Изсушила въ полѣ всю травушку,
Да всю травушку, всю муравушку,
Всѣ цвѣточки, всѣ лазоревые [2]).
Ты душа ль, душа красна дѣвица!
Изсушила ты добра молодца,
Какъ былиночку въ [3]) чистомъ полѣ,
Довела его ты до погибели,
Что до той ли темной тéмницы.

Что изъ славнаго села Преображенскаго,
Изъ того Приказу государева,
Что вели казнить добраго молодца,

[1]) Скорпіонъ; *Сахаровъ*, не понявши, по обычаю исправилъ „*скороспѣйка*“ и, не смотря на то, что творческій сей образъ выражаетъ снѣдающую грусть, по другимъ образцамъ угрызающую совѣсть преступника, по инымъ язву несчастной любви, наконецъ и саму „погубительницу дѣвицу,“—напротивъ сочинилъ изъ этого жену (рядомъ съ полюбовницей!), а все начало изложилъ такими затѣйливыми стихами:

У меня ли, молодца, змѣя жена,
Змѣя жена, ладо (какъ это гармонируетъ со скорпіономъ!) скороспѣйка,
Моя-то змѣя изъ норы ползетъ, озирается,
По песку ползетъ, извивается,
По травѣ ли ползетъ, всю траву сушитъ;
Изсушила моя лада и травушку,
Да что травушку, муравушку.

[2]) Таково, можно думать, было вступленіе Былевой пѣсни „Изъ Кремля-Кремля, крѣпка города,“ когда она не перешла еще, отъ историческаго князя, къ простому „мóлодцу“ и „дѣвицѣ;“ потомъ это начало окрѣпло лишь при пѣснѣ Безъимянной.—[3]) Въ другихъ „во“.

Что казнить его—повѣсити,
Его бѣлыя руки и ноги скованы [1]),
По правую руку идетъ страшенъ палачь,
По лѣвую идетъ его мать ро́дная,
Позади идетъ красная дѣвица,
Его милая полюбовница,
Что зазноба его ретива̀ сердца,
Погубительница живота его.

(Самая распространенная пѣсня; ср. пѣсенникъ Чулковскій, Новиковскій и другіе).

* *

5.

Голова ль ты моя, головушка,
Голова ль ты моя молодецкая!
До чего тебѣ дошататися,
По всему ли свѣту бѣлому,
По всему ли царству Московскому?

Что у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменно́й Москвѣ,
На Мясницкой славной улицѣ,
У кружала государева [1]):
Какъ лежитъ убитъ добрый молодецъ,
Онъ бѣлы̀мъ лицомъ ко сыро́й землѣ,

[1]) По другимъ: „Его бѣлыя руки связаны, Его скорыя ноги скованы.“

[1]) За обводъ Города, туда, гдѣ приходились (и нынѣ называются) ворота, на примѣръ Мясницкія или Петровскія, вынесены были „кружала, государевы,“—шатеръ съ питьями, а старше народные круги для гульбищъ, хороводовъ и—тутъ же публичной казни; пѣсня отъ исторической казни перешла уже просто къ пропившемуся молодцу и, кажется, съ Красной Площади въ Бѣлый городъ.

Растрепавъ [1]) свои кудри черные,
Разметавъ [1]) свои руки бѣлыя,
Протянувши [1]) ноги скорыя.
Что ни ласточка—ни косаточка
Вкругъ теплà гнѣзда увивалася,
Увивалася его родная матушка,
Причитавши сію рѣчь промолвила [2]):
«Я давно тебѣ, сынъ, говорила,—
«Не ходить было по чужимъ дворамъ,
«По чужимъ дворамъ, по чужимъ женамъ!»

(Ср. пѣсенникъ Шнора, изд. 2, Спб., 1791, и „Русск. націон. пѣснопѣніе“).

* * *

Творчествомъ связанная съ симъ *казнь князя Долгорукаго* вѣроятно имѣла позднѣйшее историческое происхожденіе и потому пѣсня о ней помѣщена будетъ послѣ.

Обратная сторона казней и милость царя нашла себѣ выраженіе въ другомъ отдѣлѣ подобныхъ пѣсней (ср. ниже „Замѣтку“):

III.

Правежъ.

1.

У насъ было, братцы, на святой Русѣ,
На святой Русѣ, въ каменнòй Москвѣ,
Стояла тутъ палата бѣлокаменна.
Къ той палатѣ бѣлокаменной
Съѣзжалися князья со боярами,
Всѣ сенатòры Московскіе,

[1]) Первоначально, разумѣется, было: „растрепалъ,“ „разметалъ,“ „протянулъ.“—[2]) Народная рѣчь подправлена на письмѣ.

Грозные воеводы губернскіе.
Изъ той ли палаты бѣлокаменной
Выводятъ бóсаго дóбраго мóлодца,
Въ одной сорочкѣ безъ пояса,
Въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ;
Становятъ его на бѣлъ-горючь камень;
Стали его судить-допрашивать:
««Ты скажи, не утаивай, добрый молодецъ:
««Ты съ кѣмъ воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ.
««Ты съ кѣмъ разбивалъ золоту казну,
««Того монастыря Румянцева?»»

(Кир.; не кончено).

*

2

(Въ Сѣнной Губѣ, Олон. губ.).

А ходилъ-гулялъ добрый молодецъ по чисту полю,
Искалъ себѣ поединщичковъ,
И находилъ во чистомъ полѣ:
Сидятъ шестьдесятъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ
И подѣляютъ ёны золоту казну.
И приходитъ этотъ дороднiй-добрый молодецъ,
Самъ говоритъ таковы слова:
«Ай же вы, удалы-дородни-добры молодцы!
«Дайте мнѣ-ка-ва золотой казны
«Хоть малый жеребеечекъ?»
И проговорятъ всѣ удалы-добры молодцы:
««Голечёкъ ты, удаленькій молодецъ!
««Не можешь нажить себѣ золотой казны!
««А не дадимъ тебѣ малаго жеребеечка,
««А не дадимъ тебѣ и трехъ рублей,
««А не дадимъ тебѣ и трехъ алтынъ!»»
Показалось ему это слово

За досаду, за обиду за великую.
Ухватилъ черленый вязъ
И ударилъ черленымъ вязомъ по сырой землѣ:
Отъ того удара богатырскаго
Мать сыра земля сколыбалася,
А добры молодцы испугалися,
По чисту полю разбѣгалися,
И оставили ёны золоту казну.
Взялъ удалый-добрый молодецъ золоту казну
И понесъ въ каменну Москву.

Приходитъ въ каменну Москву на царевъ кабакъ,
И купилъ-бралъ зелена вина,
Самъ говорилъ таковы слова:
«А пейте, братцы, зелена вина!
«Не пропить моей золотой казны:
«Есть у меня золотой казны сорокъ тысячей.»
И пригодилися служки монастырскія,
И доносили его царскому величеству.
И приводятъ этого удалаго-добра молодца,
И сталъ царь его допрашивати:
—Скажи, скажи, удалый-дороднїй-добрый молодецъ:
—Былъ ли ты красть монастыря Румянцева
—И былъ ли ты нести золотой казны?—
Говоритъ удалый-добрый молодецъ:
«Ай же ты, царь Петръ Алексіевичь!
«А не былъ я красть монастыря Румянцева
«И не былъ я нести золотой казны.
«А ходилъ-гулялъ по чисту полю
«И находилъ во чистомъ полѣ
«Шестьдесятъ удалыхъ-добрыхъ молодцевъ,
«И подѣляютъ ёны золоту казну,
«И золотой казны сорокъ тысячей;
«И просилъ я у нихъ золотой казны
«Хотя малаго жеребеечка.
«А ёны говорятъ, удалые молодцы:

«—Голечёкъ ты, удаленькій молодецъ!
«—Не можешь нажить себѣ золотой казны!
«—А не дадимъ тебѣ малаго жеребеечка,
«—А не дадимъ тебѣ и трехъ рублей,
«—А не дадимъ тебѣ и трехъ алтынъ!—
«Показалось мнѣ это слово
«За досаду за обиду за великую;
«Ухватилъ я черленый вязъ
«И ударилъ черленымъ вязомъ по сырой землѣ:
«Отъ того удара богатырскаго
«Мать сыра земля сколыбалася,
«А добры молодцы испугалися,
«По чисту полю разбѣгалися,
«И оставляли ёны золоту казну.»
Проговоритъ его царское величество:
—Ай же ты, удалый-дороднiй-добрый молодецъ!
—Ходи-гуляй по чисту полю
—И стой за вѣру христiянскую!—

(Отъ Козьмы Романова; записано 13 Янв. 1861 г.; ср. сборн. Рыбник. т. II, № 42).

*

3.

(Село Павлово, Нижегор. губ.).

Били добраго мóлодца на правежѣ,
На жемчужнымъ перехрёстычкѣ,
Во морозы во Хрешшенскiе,
Во два прутишка желѣзные.
Онъ стоитъ, удалинькой,—не тряхнетса
И русы кудри не шолохнутса:
Только горючи слезы изъ глазъ катятса.

Наѣжжаетъ къ нему православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичь.

Не золо́тая трубынка востру́била,
Не серебряна сиповычка возы́грала,
Тутъ возго́воритъ царь Петръ Алексѣевичь:
«Вы за што добротнаго ка́зните,
«Бьете-ка́зните казнью смертною?»
Тутъ возговорятъ мужики приходскіе [1]):
««Ужь ты гой еси, православный царь,
««Царь Петръ Алексѣевичь!
««Мы за то ёво бьемъ-казни́мъ,—
««Онъ покралъ у насъ Николу-ту Можайскаго
««И унесъ казны сорокъ тысячей.»»
Тутъ возго́воритъ добрый мо́лодецъ:
—Ужь ты гой еси, православный царь,
—Православный государь Петръ Алексѣевичь!
—Не вели меня за слово ка́знить-вѣшати,
—Прикажи мнѣ слово молыти,
—Мнѣ сея, добра молодца, поправити:
—Не я покралъ у нихъ Николу-ту Можайскаго
—И не я унесъ у него золоту казну,
—А покрали ёво мужики кашилы [2]).
—Только лучилося мнѣ, доброму молодцу,
—Это дѣло самому видѣти.
—Гулялъ я, молодецъ, по бережку,
—На жолты́мъ песку, при мелки́мъ лѣску́,
—И увидѣлъ, што онѣ дѣлятъ казну,
—Не шшитаючи дѣля́тъ, отгребаючи;
—У меня, у мо́лодца, серцо разгорѣлоса,
—Молодецка кровь раскипѣласа:
—Ломалъ я, молодчикъ, мотовилочку [3]) дубовую,
—Перебилъ я мужиковъ до полу́-смерти,
—Иныхъ-прочихъ чуть живыхъ пустилъ.
—И взялъ я у нихъ золоту казну,

[1]) Члены приходской общины, церковнаго прихода.—[2]) Коробейники, перехожіе торговцы.—Кашинцы?—[3]) Костыль съ развилиною; въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ ошибочно „мостовиночьку.“

—Взямши казну, сталъ перешшитывать:
—Нашшиталъ казны сорокъ тысячей.—

Тутъ не зо́лота трубынька востру́била,
Не серебряна сиповычка возы́грала,
Какъ возго́воритъ надёжа православный царь,
Православный государь Петръ Алексѣевичъ:
«Ты куда́ такову казну дѣвалъ?»
Тутъ возго́воритъ добрый молодецъ:
—Ужь ты гой еси, православный царь,
—Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
—Прогулялъ я во кружалѣ
—Со голыдьбою со кабацкою!—

(Запис. свящ. Ѳаворскимъ; ср. Изв. А. Н., т. I; у насъ выпускъ 6, стр. 194 и далѣе; вып. 7-й, стр. 53 и дал.).

* *

Слѣдующая пѣсня перешла уже отсюда въ простую Безъимянную:

4.

Ахъ ты сердце мое, сердце молодецкое,
Крѣпче тверда́го булата, крѣпче камени [1])!
Ты *трепещешь повсеча́сно* во бѣломъ тѣлѣ,
А доселѣ не вѣщало, не сказывало,
Что быть доброму дѣтинѣ во по́иманьѣ,
Что рукамъ его *могучимъ быти связанымъ*,
Что ногамъ его проворнымъ быти скованымъ,
Что сидѣть ему, дѣтинѣ, въ темной те́мницѣ
За запоромъ *и рѣшоткой за желѣзными*.
Ахъ, мнѣ завтра [2]) горемыкѣ во допросѣ быть,

[1]) Въ другихъ: „каменя."—[2]) „завтрѣ."

Передъ грознымъ судіею, предъ самимъ царемъ.
Станетъ царь нашъ *правосудный* меня спрашивать:
««Ты скажи, скажи, дѣтинка, добрый молодецъ [1]),
««Повинись мнѣ, съ кѣмъ ты грабилъ, съ кѣмъ разбой держалъ?»»
«Донесу я, государь [2]), *со всей истинной*:
«Воровали-разбивали со мной четверо,—
«Первый другъ мнѣ и товарищъ былъ мой добрый конь,
«А по немъ второй товарищъ мой булатный ножъ,
«На посылку же послати [3]) калены стрѣлы,
«Куда я ихъ посылаю, туда самъ нейду.»
««Исполать тебѣ,»» царь скажетъ, ««добрый молодецъ!
««*Надлежитъ* тебя дѣтину мнѣ пожаловать:
««Что высокими хоромами [4]) въ чистомъ полѣ,
««На двухъ столбикахъ дубовыхъ съ перекладиной,
««Съ перекладиной кленовой и со петлею [5]).»»

(Пѣсенникъ *Дмитріева* и другіе; помимо письменной поддѣлки, обозначенной здѣсь, гдѣ слишкомъ явно, курсивомъ, повторяется на разные лады въ дальнѣйшихъ пѣсняхъ Безъимянныхъ и оживаетъ въ знаменитой пѣснѣ Ваньки Каина, о чемъ ниже).

* * *

[1]) „дѣтинушка, крестьянской сынъ.“—[2]) „государю.“ — [3]) „На посылку посылалъ я.“—[4]) „высокою полатою.“—[5]) „вязовой и съ петлицею.“

IV.

Государь борется съ драгуномъ.

1.

(Съ Урала).

У дворца-дворца было государева,
У того крыльца у Кра́шонова [1]),
Стоялъ тутъ раздви́жной стулъ,
На стулу сидитъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичь;
Передъ нимъ стоятъ князья́-баре.
Рѣчь возговорилъ православный царь:
«Ой вы гой еси, князья-бо́яре!
«Нѣтъ ли изъ васъ охотничка
«Со Бѣлымъ царемъ поборотися,
«За прокладъ [2]) царя потѣшити?»
Всѣ князья-бо́яре испужалися,
По палатушкамъ разбѣжалися.
Передъ нимъ стоитъ молодой драгунъ,
Молодой драгунъ лѣтъ пятнадцати;
Рѣчь возговоритъ онъ Бѣлу царю:
—Гой ты, гой еси, православный царь,
—Православный царь Петръ Алексѣевичь!
—Не прикажи ты меня казнить-вѣшать,
—Прикажи мнѣ слово молвити,
—Слово молвити, рѣчь возго́ворити:
—Я охотничекъ съ тобой, со Бѣлымъ царемъ, поборотися,
—За прокладъ царя потѣшити.—

[1]) Краснаго.—[2]) Скуки ради, для удовольствія и отдыха (прохлады), чтобъ провести время (откуда „про-клада“).

«Когда поборешь ты меня, молодой драгунъ,—милую тебя,
«А я поборю,—казнить буду тебя.»
Рѣчь возговорилъ молодой драгунъ:
—Есть воля Божья и твоя царёва.—

Подпоясывалъ православный царь шелкóвъ кушакъ,
Выходили они, съ молодымъ драгуномъ, сухватáлися
Рѣчь возговорилъ ему молодой драгунъ,
Бѣлу царю Петръ-Алексѣевичу:
—Гой ты батюшка, православный царь,
—Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
—Да я тебя, православнаго царя, побороть хочу [1])!—
Лѣвой рукой молодой драгунъ побарывалъ,
Правой рукой молодой драгунъ подхватывалъ,—
Не пущалъ царя на сыру землю.
Рѣчь возговорилъ православный царь:
«Сполать [2]) тебѣ, драгунъ, боротися!»
Подходилъ къ нему молодой драгунъ близёхонько:
—Гой ты, гой еси, батюшка православный царь,
—Православный царь Петръ Алексѣевичъ!
—Не погнѣвайся на мое бороньице.—
«Благодарю тебя, молодой драгунъ, за бороньице!
«Чѣмъ тебя, молодой драгунъ, дарить-жаловать:
«Сёлами ли те—дерéвнями,
«Али те золотой казной?»
—Не надо мнѣ ни селóвъ, ни дéревневъ,
—Ни матушки золотой казны:
—Дай ты мнѣ безденежно
—По царевымъ кабакамъ вино пить.—

(Отъ В. И. Даля; связь сего съ ближайшими отдѣлами см. ниже въ „Замѣткѣ").

* * *

[1]) Передъ тѣмъ, какъ повалить: смотри-ка, сей-часъ повалю тебя!—[2]) Исполать, спасибо, молодецъ: съ греческаго „ис полла эти", на многа лѣта (= спаси Богъ), которое слышалось постоянно въ церкви и удержалось особенно благодаря близости къ народному (столь же однако иностранному, но древнѣйшему) „исполинъ", „сполинъ," богатырь, молодецъ.

V.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ.

1.

(Воронежскій уѣздъ).

Какъ ни куликъ по болотамъ куликаетъ [1]):
То князь Голицынъ по лугамъ гуляетъ
Со своими со стрѣлецкими полками.
Онъ думаетъ, князь,—гадаетъ,
Про все размышляетъ:
«Гдѣ бъ пройти ему—проѣхать?
«Если полемъ князю ѣхать,
«Ему будетъ пыльно;
«По глухимъ дорогамъ ему ѣхать,—
«Будетъ князю стыдно.»
Вотъ поѣхалъ князь Голицынъ
На Тверскую заставу.

У Тверской ли у заставы
Его окликáли:
««Какъ кто это по дорожкѣ,
««Кто изволитъ ѣхать?»»
Отвѣчаетъ князь Голицынъ:
«Здѣшній вашъ начальникъ!»

[1]) Кромѣ своей фигуры и манеры, *куликъ*, благодаря связи своего имени съ древле-праздничными, обрядовыми и торжественными—*куличь, колачь* и т. п., далъ свое имя длиннымъ поѣздамъ колядскимъ и масляничнымъ (гусемъ, „куликомъ"—говорятъ Поляки и Бѣлоруссы), гордымъ выступамъ (медленнымъ, подъемнымъ шагомъ), потѣхамъ и ликованью („куликать"), даже длинному, разгорѣвшемуся отъ праздника, носу и т. д.

Подъѣзжаетъ князь Голицынъ
Къ Казанску собору:
Скидаваетъ князь Голицынъ
Шапочку соболью,
Полагаетъ князь Голицынъ
Три поклона въ землю;
Помолившись, князь Голицынъ
Во Кремль-городъ ѣдетъ.

Какъ подъѣхалъ князь Голицынъ
Ко Кремлевски́мъ палатамъ,
Какъ и вышла-та ему па встрѣчу
Матушка царевна,
Матушка царевна—Софья Алексѣвна....

(Ср. „Воронежск. Бесѣду“ 1861 г.).

*

2.

(Орловск. губ., у. Малоарханг.).

Эхъ да ни кулика-тъ [1]), братцы, во чистомъ полѣ куликаить:
Охъ аль-на [2]) молодой князь Голицынъ по лужкамъ гуляить,
Іонъ гуляить-разгуляить на вороно́мъ ко́ни,
Ни одинъ князь гуляить,—съ своими съ полками,
Што съ своими со полками, съ Донскимъ казаками [3]).

[1]) Произнесенный ъ: *куликъ-тъ*; ср. наше изданіе „Болгарскихъ пѣсенъ“ и замѣчанія объ языкѣ.—[2]) То же, что *ажь но*, анъ вотъ.—[3]) Въ этомъ періодѣ пѣсенъ „Донскіе козаки“ постоянно чередуются именемъ со „стрѣльцами“, по своей роли за это время и по сходству положенія, о чемъ см. ниже при Азовѣ и грозѣ на козаковъ.

Вотъ онъ думаить–гадаить:
«Гдѣ ему пройтить–проѣхать?
«Если лугомъ князю ѣхать,—лугомъ очень мокро;
«Если лѣсомъ князю ѣхать,—лѣсомъ очень тёмно;
«Вотъ и полямъ князю ѣхать,—черно–пыльно;
«Што Москвою князю ѣхать,—Москвой очень стыдно.»
Вотъ онъ крался, князь,—пробирался улицей Тверскою,
Што и улицей Тверскою, Охотнаимъ Рядомъ [1]).

Подъѣзжаить князь Голицынъ близко ко Собору;
Скидаваить князь Голицынъ шапочку соболью,
Вотъ онъ Богу–то молился на всѣ три сторонки,
На четвертую сторонку царю поклонился:
«Здравствуй, царь–государь, съ своими съ полками!»

(Запис. П. И. Якушкинымъ).

*

3.

(Оттуда же, с. Сабурово).

Что ни куликъ куликаетъ:
Ни [2]) молоденькій князь Голицынъ по лужку гуляетъ,
Онъ ни одинъ князь гуляетъ, съ своими полками,
Со любезными сы полками, больше съ козаками.
Да онъ думаетъ, князь,—гадаетъ,
Про все размышляетъ:
«Вотъ и гдѣ князю Голицыну въ Москву проѣхать?
«Вотъ и полемъ князю ѣхать,—полемъ было пыльно,
«Вотъ и полемъ ѣхать князю,—да всё былья;

[1]) Тамъ же, гдѣ Охотный рядъ по нынѣ; дальнѣйшій путь обозначается Казанскимъ Соборомъ и оттуда уже Успенскій.—[2]) Еще особый видъ отрицательнаго сравненія: съ двойнымъ отрицаніемъ, при обѣихъ половинахъ.

«Вотъ и лѣсомъ князю ѣхать,—ему было тёмно;
«Вотъ Москвою ѣхать князю,—ему было стыдно.»
Отъ чего же князю стыдно? Что первый измѣнщикъ.

Вотъ и ѣхалъ князь Голицынъ улицей Тверскою,
Да все улицей Тверскою, Слободой Ямскою,
Слободою все Ямскою, къ новому Собору.
Онъ скидаетъ, князь Голицынъ, шапочку соболью,
Шапочку соболью несетъ ёнъ съ собою,
Іонъ снялъ, князь Голицынъ, сталъ Богу молиться,
Вотъ и Богу князь помолился, да всѣмъ поклонился:
«Ужь ты здрастуй, царь-государь, со своей царицей [1])!
«Ужъ ты жалуй, царь, господъ разными чинами,
«А меня, князя Голицына, малымъ городочкомъ,
«Да вотъ малымъ городочкомъ,—славнымъ Ярославомъ.»

(Запис. тѣмъ же).

*

4.

(Симбирск. губ., Усть-Урень).

Не куличенка куликаетъ:
Небольшой-то ли [2]) князь Голицынъ по лужкамъ гуляетъ.
Онъ думаетъ-гадаетъ: гдѣ въ Москву проѣхать?
«Лѣсомъ князю ѣхать,—очень тёмно;
«А лугами князю ѣхать,—мужичкамъ накладно;
«Косогоромъ князю ѣхать,—очень косогорно;
«Чернобылью князю ѣхать,—очень чернобыльно [3]);
«А дорогой большой князю ѣхать,—очень пыльно;

[1]) Царевной—Софьей Алексѣвной.—[2]) Нáбольшій (наибольшій), главный изъ „Большихъ“ князей-бояръ.—[3]) „Быль“ и „чернобыль“ возникла изъ „чернопыльно,“ см. № 2.

«А Москвою князю ѣхать,—очень стыдно:»
У князя есть карета,—худыя лесоры.
«Поворачивай, ребята, глухимъ переулкомъ!»
И подъѣзжаетъ князь Голицынъ къ большому собору....

(Окончаніе какъ въ слѣдующемъ образцѣ; запис. П. В. Шейномъ отъ Ефр. Полякова 70 лѣтъ; ср. „Чтенія" 1859).

5.

(Оттуда же).

Не куликъ куликаетъ:
Небольшой-то ли самъ князь Голицынъ
Во лузяхъ ли гуляетъ;
Не одинъ-то князь гуляетъ,
Гуляетъ-то со своими полками,
Да все съ казаками.
Онъ думаетъ-гадаетъ:
«Гдѣ бы въ Москву мнѣ проѣхать?»
Дороженькой князю ѣхать пыльно,
Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать очень страшно,
А зелеными лузями ѣхать тонко [1]):
«Я проѣду, князь Голицынъ, на Московскую дорогу.»

И выѣзжаетъ князь Голицынъ на Московскую дорогу,
Подъѣзжаетъ князь Голицынъ къ Московскимъ воротамъ,
Какъ у князя Голицына худыя лесоры:
Онъ думаетъ князь,—гадаетъ: «какъ Москвой проѣхать?»
Глухимъ переулкомъ, улицей Ямскою,
Улицей Ямскою, дорожкой Тверскою,
Ко Спленскому Собору.

Подъѣзжаетъ князь Голицынъ ко Спленскому Собору,
Скидаваетъ свою шапочку соболью,

[1]) Ошибка вм. топко, мокро (лугами заливными).

И приходитъ князь въ соборную церковь,
Начинаетъ князь Голицынъ Богу молиться;
Помолился князь Голицынъ, всѣмъ низко поклонился,
Самому императору поклонился пониже:
«Охъ ты, государь нашъ, императоръ!
«Всѣхъ ты господъ жаловалъ чинами,
«А меня ты ни чѣмъ не пожаловалъ?»
—Жалую тебя, князь Голицынъ, городомъ Ярославля.—

(Отъ ратника Николая Картавенка, лѣтъ 40, запис. тѣмъ же).

*

6.

(Губ. Олонецк., Петрозаводскій уѣздъ, Кижская волость)

А не куличенька по болоту куликаетъ:
Какъ самъ большой князь Голицынъ по лужкамъ гуляетъ,
Не одинъ-то князь ѣздитъ-гуляетъ,—со полкамы,
Что со тыма со полкамы, съ конныма егарямы.
Ужъ какъ думаетъ князь Голицынъ, думаетъ-гадаетъ,
Ужь какъ думаетъ-гадаетъ, сrозмышляетъ:
«Още гдѣ же тутъ мнѣ, князю, гдѣ въ Москву проѣхать?
«Если полюшкомъ ѣхать,—ему очень князю пыльно;
«Если лѣсушкомъ князю ѣхать,—ему очень страшно;
«Что болотамы князю ѣхать,—ему было грязно;
«Что Москвою князю ѣхать,—ему было стыдно:
«Что поѣду я, князь Голицынъ, Ямскою-Тверскою,
«Что Ямскою-Тверскою, глухимъ персулкомъ.»

Пріѣзжаетъ-то князь Голицынъ къ Успенскому собору,
Скидываетъ-то князь Голицынъ шапочку соболью,
Становился онъ, князь, самъ Богу молился,
Онъ молился, на всѣ на четыре на сторонки поклонился,
Поклонился самому государю, всѣхъ ему пониже:

«Ужь ты здравствуй, нашь государь императоръ!
«Още жалуешь нась, государь, малыма чинамы,
«Още жалуешь насъ, государь, мелкима селамы:
«Пожалуй-ко, государь, Малымъ-Ярославцемъ [1])?»
—Ты скажи-тко, князь Голицынъ, чѣмъ онъ прилюбился?—
«Прилюбился мнѣ онъ: стоитъ на прикрасы.»

(Отъ Леонтія Богданова, запис. П. Н. Рыбниковымъ; ср. ч. III).

*

7.

(Тульск. губ. и уѣзда).

Во лужкахъ-то князь Голицынъ гуляеть,
Онъ со тѣми, вѣдь, со полками, всё съ егорями
Онъ и думаетъ, князь Голицынъ:
«Гдѣ пройтить лучше,—проѣхать?
«Дорóгою ѣхать пыльно, а лѣсомъ ѣхать тёмно.»
Ѣхалъ князь Голицынъ. улицей Тверскою,
Улицей Тверскою, славною [2]) Ямскою,
Славною Ямскою, глухимъ переулкомъ.

Подъѣзжаетъ князь Голицынъ прямо ко Собору,
Скидаваетъ князь Голицынъ шапочку соболью;
Вотъ и сталъ, князь Голицынъ, Богу онъ молиться,
На всѣ стóроны князь Голицынъ поклонился:
«Вотъ и здравствуй, государь-царь, съ своею царевной!
«Вотъ ты жалуешь, государь-царь, князьёвъ и бояревъ,
«Вотъ ты жалуешь, государь-царь, мáлыми чинами:
«А ты пожалуй-ко меня, государь-царь, меня городочкомъ,
«Вотъ и тѣмъ ли же городочкомъ,—Мáлымъ-Ярославцемъ?»

[1]) Вмѣсто: „славнымъ Ярославлемъ."—[2]) Вмѣсто: „слободой."

—Вотъ и чѣмъ же тебѣ, князь Голицынъ, городъ показался?—
«Хорошо Ярославь городъ построенъ, на рѣчкѣ поставленъ,
«Вотъ во томъ ли городочкѣ много зеленыхъ садочковъ,
«Что во тѣхъ ли во садочкахъ гуляютъ дѣво́чки,
«Гуляютъ дѣво́чки, генеральскія дочки [1].»

(Отъ солдата, изъ показанной мѣстности, записано П. В. Кирѣевскимъ 11 Сент. 1834 г. въ Новгородѣ).

*

8.

(Моск. губерніи, с. Воронки).

Не куликъ по болотамъ куликаетъ:
Молодой князь Голицынъ по лугамъ гуляетъ;
Не одинъ князь гуляетъ,—съ разными со полками,
Со Донскими козаками, еще съ егарями.
И онъ думаетъ–гадаетъ:
«Гдѣ пройтить–проѣхать?
«Ему лѣсомъ ѣхать,—очень тёмно;
«Мнѣ лугами, князю, ѣхать,—очень было мокро;
«Чистымъ полемъ князю ѣхать,—мужикамъ обидно [2]);
«А Москвой князю ѣхать,—было стыдно.»
Ужь поѣхалъ князь Голицынъ улицей Тверскою,
Тверскою–Ямскою, Новой Слободою,
Новой Слободою, глухимъ переулкомъ.

Подъѣзжаетъ князь Голицынъ близко ко Собору,
Скидава́етъ князь Голицынъ шапочку соболью,
Становился князь Голицынъ на колѣнки,
На колѣнки становился, самъ Богу молился,

[1]) Видѣнъ пѣвецъ—солдатъ.—[2]) Затопчетъ ниву.

Богу помолился, царю–государю низко поклонился:
«Ужь ты здраствуй, государь–царь, со своими боярами,
«Со своими боярами, съ большими князьями,
«А еще ты, государь–царь, съ голубыми лентами [1]),
«А еще ты, государь–царь, съ разными полками!
«Охъ ты батюшка, государь–царь, ты нашь православный!
«Ты за чѣмъ, государь–царь, черня–тъ [2]) разоряешь?
«Ты за чѣмъ большихъ господъ сподобляешь [3])?
«Ты пожалуй, государь–царь, меня городочкомъ,
«Не большимъ городочкомъ, Малымъ–Ярославцемъ?»
—Нѣту, нѣту тебѣ, князю, нѣтъ ни городочка,
—Ни малаго, ни большаго нѣту Ярославца!—

(Запис. П. В. Кир. Іюля 23).

*

9.

(Губ. Калужской, у. Лихвинскаго, дер. Андроновское).

Ю насъ только вы болоти куликъ куликаи:
Вотъ нашь да князь Голицинъ сы полкомъ гуляи.
Думалъ–думалъ князь Голицинъ, думалъ, гдѣ проѣхать?
«Толькя лѣсомъ, только князю, ѣхать лѣсомъ,—очень тёмно;
«Толькя полемъ князю ѣхать,—полемъ очень пыльно;
«Вотъ Москвою князю ѣхать,—Москвой очень стыдно.»
Толькя ѣхалъ князь Голицинъ, ѣхалъ все провулками,
Все провулками–заковулками, низли [4]) въ Москву ѣхать.

Подъѣзжаитъ князь Голицинъ кы цареву кы Собору [5]),
Іонъ скидаетъ, князь Голицинъ, ёнъ шапку соболью,

[1]) Здѣсь видѣнъ пѣвшій, новаго времени.—[2]) То же, что „черпь–тъ" (переходъ *ь* въ *я*, какъ *ъ* въ *а*).—[3]) Угодны они тебѣ и ты угождаешь имъ, по нраву, удовлетворяешь.—[4]) Нежели, ежели (старинное негли).—[5]) Въ другомъ спискѣ: «къ церкви ко Собору.»

Іонъ Богу, Богу молился, низко поклонился,
Низко, низко только поклонился й юпалъ [1]) на колѣнка:
«Южь чѣмъ, государь-царь, чѣмъ жа насъ пожалуешь?»
—Я пожалую тобе, князь Голицинъ, мелкими деревнями,
—Мелкими деревнями, новыми городами:
—Они тёсомъ ни 'бложóны [2]), небомъ 'ни [3]) покрыты.—

(Запис. Якушк.).

*

10.

(Губ. Орловск. и того же уѣзда).

Ни кули́ченька по болоту куликаетъ:
Князь Голицынъ по лужечку гуляетъ;
Ни одинъ онъ гуляетъ,—съ своими полками,
Со своими полками, всё съ егарями.
«Думаетъ-гадаетъ: гдѣ въ Москву проѣхать?
«Полемъ князю ѣхать,—чернобыльно;
«Лужкомъ князю ѣхать,—трава павелика [4]);
«Лѣсомъ князю ѣхать,—будетъ тёмно;
«Большой дорогой князю ѣхать,—будетъ пыльно;
«Большой улицей князю ѣхать,—будетъ отъ господъ стыдно.»
Поѣхалъ князь Голицынъ глухимъ переулкомъ.

Подъѣзжаетъ князь Голицынъ къ Успенскому собору,
Скидаетъ князь Голицынъ шапочку соболью,
Кладетъ онъ ее передъ собою,
На колѣни князь становился, Богу онъ молился,

[1]) И упалъ.—[2]) Не обложоны.—[3]) Они. — [4]) Придумана въ пополненіе къ чернобылью: см. выше.

Богу онъ молился, царю поклонился:
«Здравствуй, государь-царь, надёжа моя!
«Чѣмъ ты, государь-царь, господъ жалуешь?»
—Господъ я жалую чинами, купцовъ жалую городами.—
«А меня, государь-царь, жалуй городочкомъ,
«Жалуй городочкомъ, Малымъ-Ярославцомъ.»
—Чѣмъ же тебѣ, князь, Ярославь-городъ показался?—
«Показался мнѣ Ярославь-городъ садами:
«Во первомъ во садикѣ гуляли генеральски дочки,
«Во другомъ во садикѣ гуляли купечески дочки.»
—Я тебя, князь Голицынъ, жалую
—Двумя столбами съ перекладиной,
—На шею на твою шелковую петельку.—

(Запис. П. В. Кир.).

*

11.

(Той же губерніи, у. Болховскаго).

Не куличушки въ полѣ куликали:
Не [1]) Голицынъ князь по рощѣ гуляетъ;
Про все думаетъ и гадаетъ, про все размышляетъ:
«Гдѣ же князю ѣхать, гдѣ ему проѣхать?
«Чистымъ полемъ князю ѣхать,—ему будетъ пыльно;
«Темнымъ лѣсомъ князю ѣхать,—ему будетъ темно;
«Улицею ѣхать,—ему будетъ стыдно;
«Ужь и лугомъ князю ѣхать,—трава спавелика.
«Ужь и ѣхать ему, не ѣхать,—глухимъ переулкомъ,
«Что глухимъ переулкомъ, улицей Москвою,
«Улицей Москвою, славною Тверскою.»

Подъѣзжаетъ князь Голицынъ къ церкви ко Собору,
На колѣнихъ становился, самъ Богу молился [2]):

[1]) То же двойное отрицаніе при сравненіи, какъ выше.—[2]) За симъ должно быть: „Самъ Богу молился, царю поклонился."

«Ужь ты батюшка, государь, вся наша надёжа!
«Ужь ты жаловалъ всѣхъ господъ всѣми городами:
«А меня пожалуй однимъ городочкомъ.»
—Я пожалую тебѣ, воръ собака, во полѣ хоромы,
—Что въ чистомъ полѣ хоромы, ни крыты, ни мшёны
—Ни крыты, ни мшёны, столбы не тверржёны.—

(Записано и доставлено намъ М. П. Лисицынымъ).

*

12.

(Губ. Московской, с. Ильинское).

По лужкамъ князь Голицынъ гуляетъ,
Не одинъ-то князь гуляетъ, съ своими полками,
Съ своими полками, ещё егарями.
Думалъ-думалъ князь Голицынъ, гдѣ лучше проѣхать?
«Ужь и полемъ князю ѣхать,—ему пыльно;
«Тёмнымъ лѣсомъ князю ѣхать было страшно;
«А дорóгой князю ѣхать было стыдно.»
Ужь поѣхалъ князь Голицынъ переулкомъ.

Подъѣзжалъ-то князь Голицынъ ко Собору,
Скидовалъ-то князь Голицынъ пуховýю шляпу,
Становился князь Голицынъ на колѣни,
И онъ кланялся царю Бѣлому (Николаю Павловичу),
Кланялся князь Голицынъ господамъ всѣмъ—боярамъ:
«Вы состройте мнѣ, бояре, каменны палаты,
«Что не крытыя, не мшоны, совсѣмъ не свершоны.»

(Запис. П. В. Кир. 1832 г.).

* *

Князь Стрѣлковскій въ походѣ съ козаками.

1.

(Симбирск. губ., с. Усть-Урень).

Мимо лѣсику, мимо бору сыраго,
Пролегала путь-дороженька;
Никто по ней не прохаживалъ
И никто по ней не проѣзживалъ:
Только шелъ-прошелъ одинъ полкъ козаковъ.
Напередъ у нихъ ѣхалъ злой полковничекъ,
Злой полковничекъ ѣхалъ, князь Стрѣлковскій.
««Прикажи ты намъ здѣсь ночевати?»»
Князь Стрѣлковскій на то разсердился,
И поѣхалъ онъ на крутыя горы,
И беретъ во правую рученьку подзорную трубоньку,
И поглядывалъ на чисто поле далекохонько:
Какъ во трубоньку ничего ему не видно,
Только и видно ему—быстрая рѣчка,
Какъ по рѣчушкѣ растетъ камышъ-травка;
Какъ со вечера травка притихаетъ,
Ко полуночи травка зашумѣла,
Ко бѣлой-то зарѣ травка завѣвала....

(Отъ Н. Картавенка, запис. П. В. Шейномъ; ср. „Чтенія" 1859.—О связи сего съ ближайшими отдѣлами см. ниже „Замѣтку").

* * *

При слѣдующемъ отдѣлѣ предварительно нужно вспомнить, по Былинамъ, первыя покушенія на Азовъ, соборы о томъ (подобные соборамъ о Смоленскѣ) и плѣнъ древнѣйшихъ козаковъ въ Азовѣ, о чемъ см. ч. II, вып. 7, стр. 116, 117, 133, 135—137, и Рыбник. ч. II, № 40, ч. III, №№ 46 и 47.

VI.

Азовскіе походы. Донскіе Козаки. Иванъ Заморянинъ.

1.

(Губ. Симбирской, с. Головино).

У насъ было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, на Тихóмъ Дону,
На Тихомъ Дону на Иванычѣ,
Сходился тутъ хорошъ-пригожъ козачій кругъ,
Донское козачьё со Яицкими,
Гребенскіе съ Запорожскими.

По кругу ходитъ Иванъ Замóрянинъ,
Онъ и рѣчь-ту говоритъ,—во трубу трубитъ:
«Вечоръ-то намъ, братцы, указъ пришелъ,
«За утро намъ добрымъ молодцамъ во походъ итти,
«Подъ тотъ ли подъ Азовъ городъ,
«Подъ тую ли подъ стѣну бѣлокаменну.
«Ой гой еси, добрые молодцы,
«Донскіе козаки со Яицкими,
«Гребенскіе козаки съ Запорожскими!
«Вы возьмите, молодцы, по топорику,
«Сдѣлайте телѣженьки карли́нскія [1]),

[1]) Въ смыслѣ „иностранныхъ,“ не обычныхъ, на особый способъ, съ палубами, по образцу судовъ (въ постройкѣ которыхъ доселѣ есть техническій терминъ „карлингъ“). Иначе „бурмистровскія,“ бургомистровъ и бурмистровъ (также иностранныя), или „бурмицкія (отъ „бурма“),“—съ подъемомъ, съ крышкой, съ запястьемъ, съ запоромъ.

«Карли́нскія телѣги со палубами:
«Во телѣженьки кладите живой товаръ,—
«По восьми мо́лодцевъ,
«А по девятому въ провожальники,
«По десятому въ повозчики
«Ѣхать же намъ, добрымъ молодцамъ,
«Во Азовъ городъ.»

Не доѣхатчи Азова, становилися,
Пущали они въ зелены лу́ги заповѣдные,
Добрыхъ коней,
Вотъ луга̀ княженецкіе [1]).
Изъ того же изъ славнаго города изъ Азова
Выходили тутъ Турецки цѣловальнички:
««Что̀ это за диво, за диво́вище,
««Что̀ у насъ въ лугахъ за народъ стоитъ,
««Попущали они [2]) добрыхъ коней на стреножники [3])?»»

Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряне сиповочки возговорили,
А возго́воритъ Иванушка Замо́рянинъ:
«Ой вы гой еси, вѣрны клюшницы [4]),
«Турецки цѣловальнички!
«Я стою, Иванъ, со товарами со дорогильными [5]):
«Очищайте вы дворы въѣзжіе,
«Гдѣ со товаромъ раскластися,
«А я самъ стану, Иванъ, середь города,
«Середь города, середь Азова.»

[1]) Относится къ предыдущему: „въ зелены луги заповѣдные, вотъ (въ) луга княженецкіе (заповѣдные—княженецкіе, въ Былинахъ со временъ Владиміра).— [2]) Народъ.—[3]) Спутавъ ноги; другой списокъ: „не стреноживши.“—[4]) Множ. отъ „ключникъ.“—[5]) Шелковыми: не отъ „дороговизны“ сихъ товаровъ (до́роги), какъ думаютъ иные, а скорѣе это товары 1) травчатые, съ узорами, полосатые, и 2) полосами, какъ извѣстно, у насъ постилавшіеся по царскому и вообще праздничному пути, откуда ихъ имя „юро́ги“ и „пути;“ были почетныя лица „съ путемъ“ и т. п.). Позднѣе это имя утвердилось за товаромъ „шелковымъ.“

Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряная сиповочка возговорила,
Возговоритъ Иванушка Заморянинъ:
«Ой гой еси, удалы-добры молодцы!
«Чтобы были у васъ ружья [1]) чистыя,
«И кремни вострые,
«И во бѣлыхъ [2]) рукахъ сабли вострыя!»

На зарѣ было—на зоренькѣ,
На зарѣ было на утренней,
Не золотая трубынька вострубила,
Не серебряна сиповочка возговорила,
А возговоритъ Иванушка Заморянинъ:
«Вставай ты, вставай, мой живой [3]) товаръ,
«Во бѣлы руки берите сабли вострыя,
«Вы рубите со Татаръ буйны головы!»

(Доставл. П. М. Языковымъ).

Былина очень хорошая и по языку древняя; къ сожалѣнію предлежащій образецъ на половину разрушенъ въ стихѣ.

Именно эта Былина и подкрашена, въ книжной обработкѣ, именемъ Скопина, а потомъ перенесена ко взятію Астрахани, къ Одоевскому изъ временъ Разина, къ Шереметеву изъ временъ Петра. См. вып. 7, стр. 116, 117, 161 и дал.

* *

Самъ царь.

1.

(Губ. Нижегородской, с. Павлово).

Собирается православный царь
подъ крѣпкой Азовъ-городъ,
Собираетъ онъ телѣжинекъ
Сорокъ тысячей,

[1]) Въ другомъ спискѣ „рукавы." — [2]) „въ обѣихъ."—[3]) „новой," — то же что свѣжій, живой.

Въ кажную телѣжку сажалъ
по пяти молодчиковъ,
По шестому приставливалъ
по извошшичку,
Укрывали сукнами
багрецовыми,
Убивали гвоздочками
полужоными.

Подъѣзжали къ Азовскимъ крѣпкимъ
воро́тичкамъ.
Возго́воритъ православный царь
таково слово:
«Охъ вы гой естя́, Азовскіи
караульшшички!
«Доложите во Азовѣ
свымъ начальничкамъ:
«Пріѣхалъ къ вамъ богатой гость
Ѳёдоръ Ивановичь,
«Съ тѣми ли съ товарами
со заморскими,
«Со куницами пріѣхалъ
и съ соболи́цами [1]).»
Отворили ёму Азовски
крѣпки воротички:
Онѣ [2]) ѣхали во Азовъ-городъ
трои суточки,
На четвёртые суточки
уставились.
Тутъ возго́воритъ православный царь
таково слово:
«Охъ вы гой естя, извошшички,
добры мо́лодцы!

[1]) Какъ отъ „куна" и „кунь" образована „куница," такъ отъ „соболь"— „соболица."—[2]) Пріѣзжіе.

«Отдирайте суко́нцы
во единой махъ!»
Отдирали они суконцы
скоро на́ скоро,
Вылетали изъ кажней изъ телѣжки
по пяти молодчиковъ,
Они сабли востры
на голо держутъ.

Испужалися Азовскіи
начальнички:
««Ужь ты батюшка нашъ,
православный царь,
««[Православный царь]
Петръ Алексѣевичь!
««Не мути ты нашъ
Тихой Донъ:
««Мы станемъ тѣ [1]) служить вѣкъ
вѣрой-правдою,
««Вѣрой-правдою и какъ тѣ надобно [2]).»»

(Запис. свящ. Ѳаворскимъ; ср. Изв. А. Н. т. I).

* *

Ѣдетъ Шереметевъ графъ Борисъ Петровичъ.

1.

(Оттуда же).

Ужь ты славное сѐло Павлово,
Слобода графа Шереметева!
Про тея, сѐло, идетъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая:
Будто ты, сѐло, на красѝ [3]) стоишь,

[1]) Тебѣ.—[2]) Влагаются тѣ же слова, какъ Донскимъ козакамъ. —[3]) На красѣ (какъ въ другихъ): крась, высь, ширь и т. п.

На красй стоишь, на крутой горѣ,
На крутой горѣ, по раздольицу [1]),
Ты на двухъ рѣкахъ, на двухъ быстрыихъ,
Промежь тея бѣжитъ рѣчка Тáрычка,
Возлѣ бóкъ [2]) бѣжитъ Ока-матушка.

По Окѣ-рѣкѣ бѣжитъ лóтычка [3]),
Лёгка лотычка раскрашóная,
Всё гребцами лóтка [3]) усажóная,
Какъ на восьмера на весéлички.
Въ этой лотычкѣ самъ графъ гулялъ,
Шереметевъ графъ Борисъ Петровичь...

(Не кончено; запис. тѣмъ же).

* *

Прiѣздъ Донскихъ козаковъ на Воронежъ и Москву: народъ знакомится съ атаманомъ.

1.

Мимо славнаго города Воронежа
Пролегала тутъ широкая дороженька
[Что ко славному ко городу ко Санктпитеру [4])].
Что по той было по широкой по дороженькѣ
Ужь какъ шли-прошли козаки со Тиха Дона,
Со Тиха, братцы, Дона со Ивановича.
Ужь какъ всѣ, братцы, козаки сквозь Москву прошли [5]):

[1]) Обычное начало, обращаемое и къ Ярославлю, и къ друг.—[2]) По бокамъ, вдоль боковъ, о бокъ. — [3]) Одна изъ формъ, указывающая на корень *лот-* (*лот-окъ*, *lat-us*, *лат-ка* и т. п., плоскость выгнутая или вогнутая).— [4]) Позднѣе вставленный стихъ. — [5]) Такъ какъ въ ту пору не было еще Санктпитера (и стихъ о немъ вставочный), то путь и слова самой пѣсни были конечно не „*сквозь* Москву,“ а „*на* Москву;“ потому и первое знакомство, удивившее цѣловальниковъ, вѣроятно имѣло мѣсто *въ Воронежѣ* (безъ того не за чѣмъ было и выводить его).

Что одинъ изъ нихъ козакъ остается [1]).
Онъ заходитъ на кружало государево [2]),
Онъ снимаетъ съ себя шапочку черна̂ соболя,
Онъ и молится Спасителеву образу,
Онъ и кланяется на всѣ четыре стороны,
Государевымъ цѣловальникамъ особливъ поклонъ:
«Ахъ вы здраствуйте, государевы цѣловальники!
«Вы продайте мнѣ вина на пять сотъ рублёвъ,
«А товарищамъ моимъ на тысячу.»
Промежу [1]) собой цѣловальники взглянулися:
««Ужь какъ е́кова питуха у насъ не было,
««Ужь какъ знать это, братцы, не Донской козакъ,
««Ужь какъ знать это ата́манъ ихъ!»»
Вывозили имъ пойла, сколько надобно:
«Ужь вы пейте, мои робята [1]), сколько вамъ хочется!»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

* *

Атамановъ приказъ по Дону: сборы Донцовъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Не ясенъ соколъ леталъ по поднебесью:
Донской есаулъ бѣгалъ по Дону;
Казаковъ-то онъ рѣчью *привѣтствовалъ* [3]):
«Вы вставайте, добры мо́лодцы,
«Господу Богу помо́лимтеся:
«Да не пусти Господь руки варвара
«На Петра царя Бѣлаго, *православнаго!*

[1]) у *Сахарова*, какъ водится, исправлено: „остается," „промежду;" „ребята."—[2]) См. выше.—[3]) Отзывается книжною подправкой: ее и ниже мы отмѣчаемъ въ печати курсивомъ.

«Вы вставайте, други, пробудитесь,
«Борзыхъ ко́ней, други, вы сѣдлайте,
«Подъ Азовъ-городъ, други, поѣзжайте:
«Ой мы городъ разоримъ *съ головы до ногъ*,
«Много казны возьмемъ, много золота,
«Войсковую казну [1]) знатно поисправимъ.»
««Атамана своего семъ [2]) да послушаемъ [3]),
««Послушаемъ да пойдемъ въ походъ!»»
Самъ сизо́й орелъ пробуждается:
Самъ Петро [4]) царь подымается,
Съ своими князьями-боярами,
Съ своими Донцами,
Съ своими Запорожцами.

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866, СПб.).

* *

Сборы солдатъ, новаго войска.

1.

(Симбирск. губ. с. Станичное).

Намъ пора-та, робятушки, съ кабаку итти!
Не вечерняя заря потухать стала,
Не утренняя заря занимается:
Бѣжитъ-то изъ Москвы скорый посолъ,
Держитъ во рукахъ грозный указъ,
Чтобы были мы солдатушки прі́убра́ные,

[1]) Свою, Донскую.—[2]) Давайте-ка, пу-ка.—[3]) Это уже отвѣтныя рѣчи козаковъ.—[4]) То есть „Пѣтра, Пётръ-тъ (оглашеніе конечнаго ъ, при зарождавшемся у насъ, подобно болгарскому, членѣ).“

Перевязи-портупеи были бы бѣлёныя
И ружьецы были бы чищеныя.
Намъ заутра, солдатушкамъ, въ походъ итти,
Въ походъ итти подъ Азовъ-городъ:
Намъ стоять-то, солдатушкамъ, подъ Азовомъ три года [1])....

(Отъ А. М. Языкова).

* *

Дума и соборъ объ Азовѣ. Приступъ и побѣда.

1.

Ахъ [2]) бѣдныя головушки солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ!
Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлу свѣту солдаты во строю стоятъ.

Что не золотая трубушка [3]) вострубила,
Не серебрена сиповочка возыграла,
Что возговоритъ нашъ батюшка православный царь:
«Ахъ вы гой еси [4]), всѣ князья и бо́яря!
«Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:
«Еще какъ намъ Азовъ-городъ взяти?»
Еще [5]) князья и бо́яря промолчали:
Еще жь самъ [6]) нашъ батюшка прослезился.
«Ахъ вы гой еси, солдаты и драгуны!
«Вы придумайте мнѣ думушку крѣпкую:
«Еще какъ-то намъ Азовъ-городъ взяти?»

[1]) Обыкновенное въ Былинахъ предупрежденіе, послѣ котораго въ пѣсни слѣдовало конечно описаніе самой стоянки.—[2]) *Сахар.* „Ахъ вы;" *Костомар.* „Охъ."—[3]) *Кост.* „трубонька." — [4]) *Кост.* „есте (!)." — [5]) *Кост.* „Какъ." — [6]) *Кост.* „А и самъ."

Какъ не ярыя пчолушки зашумѣли,
Что взговорятъ [1]) солдаты и драгуны:
„«Взять ли намъ, не взять ли,—бѣлой грудью!»»

На восходѣ было краснова солнышка,
На закатѣ было свѣтлова мѣсяца,
На зорѣ они на приступъ пошли,
Подъ тотъ ли подъ славной подъ Азовъ-городъ,
Что подъ тѣ ли стѣны бѣлокаменныя,
Ахъ [2]) подъ тѣ ли подъ раскаты подъ высокіе.
Что не съ горъ ли бѣлы камни [3]) покатилися:
Покатилися со стѣнъ *непріятели*;
Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлѣлися:
Забѣлѣлися бѣлы груди бассурманскія;
Ахъ [4]) не съ дождичка [5]) ручьи разливалися,
Разливалася тутъ кровь *нечестивая* [6]).

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій; то же повторяется въ другихъ позднѣйшихъ; конецъ отзывается,—гдѣ у насъ *курсивъ*,—книжною подправкой; не много *исправили* Сахаровъ и гг. Костомаровъ съ Мордовцевой—„Лѣтоп. Р. литер. и др.“ Гораздо больше И. И. Дмитріевъ въ своемъ пѣсенникѣ, откуда перешла слѣдующая, вторая редакція и къ позднѣйшимъ:)

*

2.

Еще съ вечера солдатамъ
Приказъ отданъ былъ:
Со полуночи солдаты
Ружья чистили;

1) *Сахар.* и *Кост.* „возговорятъ.“—2) *Кост.* „Что.“ – 3) Любопытно *Сахаровъ* исправилъ синтаксисъ: „Что съ горъ не бѣлы камни (такъ яснѣе!).“—4) *Кост.* „Что.“—5) *Сахар.* „не съ дождика.“ — 6) У *Цертелева* въ рукописи: „Азовъ *крѣпкій*.“—„Что возговорятъ солдаты и драгуны: Ахъ ты батюшка, православной Руской царь! Прикажи ты намъ скорѣй итти на приступъ, Мы возьмемъ тотъ Азовъ-городъ своей грудью.“—„Не съ крутыхъ горъ камни покатилися.“—„Ахъ не дожжички ручьями разливалися.“—„Не литавры Турецки раздалися, Раздалось ура Россійское побѣдное (подправлено)“

Ко бѣлу свѣту солдаты
Во строю стоятъ.
Не трубушка золотая
Вдругъ вострубила,
Не серебрена сиповка
Вдругъ воскликнула,
То возговоритъ отецъ нашъ
Православный царь:
«Ой вы гой еси, всѣ князи
И боярева!
«Придумайте-пригадайте
Вы мнѣ думушку:
«Какъ бы взяти поскорѣе
Намъ Азовъ-городъ?»
Всѣ князья-бояре нишкнутъ [1]).
Самъ ли батюшка
Прослезился, и, вздохнувши,
Къ нимъ возговорилъ:
«Ой вы гой еси, драгуны
И солдатушки!
«Вы придумайте мнѣ, други,
Крѣпку думушку:
«Какъ бы взяти поскорѣе
Намъ Азовъ городъ?»
Какъ рои пчелъ зашумѣли,
Такъ солдатушки
Въ одинъ голосъ закричали:
««Царь нашъ батюшка!
««Взять ли намъ его, не взять ли,—
««Грудью бѣлою!»»

[1]) Такъ старались подладиться къ народному языку: *нишкни*—молчи.

До заката еще было
Свѣтла мѣсяца [1]),
Еще утренней зарею [1])
На приступъ пошли,
Что подъ тѣ ли крѣпки стѣны
Бѣлокаменны,
Что подъ тѣ ли подъ роскаты
Подъ высокіе.
Не съ крутыхъ горъ сѣры камни
Покатилися:
Съ стѣнъ высокихъ покатились
Непріятели;
Не въ поляхъ широкихъ снѣги
Забѣлилися:
Забѣлѣлися то груди
Непріятельски;
И не съ дозжика потоки
Разливалися:
Разливалася ручьями
Ихъ багрова кровь.

(„Карманный Пѣсенникъ“ И. И. Дмитріева, М. 1796 г.; если уже допускать было передѣлку,—одна изъ самыхъ мастерскихъ, достойная лучшей цѣли; замѣчательно, какъ талантъ писателя и чуткій слухъ угадалъ и воспроизвелъ подлинный складъ, господствующій въ Былинахъ этого періода,—см. образцы выше, съ особымъ способомъ печатанія *строфъ*).

* *

[1]) Поправка умная, хотя и безъ знанія пріемовъ народнаго творчества.

Плывутъ подъ Азовъ: взяли городъ и поздравляютъ царя.

1.

(Москва).

Ахъ, по морю, морю синему,
По синему морю по Верейскому [1]),
Плыли-восплывали три военныхъ корабля.
На передъ корабль бѣжитъ,—
Что соколъ летитъ:
Во томъ во корабликѣ,
Императоръ-царь сидитъ;
Во другомъ корабликѣ
Всё князья-бояра сидятъ;
Во третьемъ корабликѣ
Всё солдатушки сидятъ,
Солдаты сидѣли Преображенскаго полку.
Охоту имѣли [2]) подъ Азовъ городокъ.

Подкопы копали всё глубокіе,
Бочки закатали съ лютымъ зельемъ,
[Съ лютымъ зельемъ] съ чернымъ порохомъ,
Свѣчи прилѣпляли воску яраго:
Свѣчи догорали,—бочки разорвало,
Разметало башни всё угольчатыя [3]).

Стали поздравляти императора-царя:
««Здравствуй [4]), государь-императоръ, съ Азовомъ городомъ!»»

(Запис. П. В. Кир. отъ Московской мѣщанки, 70-ти лѣтней старухи, изъ Рогожской).

*

[1]) Осмыслено изъ „моря *Варяжскаго*," которое получило въ сей періодъ главную роль и куда перенеслись въ слѣдъ за симъ народные взоры; дальнѣйшее осмысленіе городомъ *Вереей* см. ниже.—[2]) Направлялись, стремились; козаки, шедшіе въ подобные походы, технически именовались *охотниками*.—[3]) Это совершенно одинаково съ описаніемъ взятой Казани, см. вып. 6-й.—[4]) Поздравляемъ тебя.

2.

(Симбирск. губерніи, с. Станичное).

По морю-морю [1])
Плывутъ-выплываютъ тутъ тридцать кораблей.
На кораблечкахъ распущены тонки па́русы,
Тонки парусы распущены полотняные,
И флаки распущены разноличные,
А подъ парусами матросы земли Пруцкой [2]).

Подступали онѣ подъ славный подъ Азовъ-городъ,
Открывали онѣ окошечки всё боёвые,
Заряжали они пушечки всё ломо́выя [3]),
Пущали они во славный во Азовъ-городъ.

(Отъ А. М. Языкова).

* * *

VII.

Донскія и Азовскія дѣла.—Атаманъ Флоръ Миняевичъ.

1.

(Кирша Даниловъ).

Пріуныли-пріутихли [4])
на Дону Донски да козаки,
А Яицкіе, Донскіе,
Донскіе (Донски), Запорожскіе.
А и по чемъ они [5]) уныли?
Потому они пріуныли,
на Дону Донски да козаки,
Ахъ что взялъ у нихъ
государь-царь городъ [6]),

[1]) Тутъ уже не знали, какъ и назвать море.—[2]) Иностранцы.—[3]) Осадныя, для проломки стѣнъ; тяжолыя.—[4]) Образцы этого же склада см. выше. При расколовшихся двухъ половинахъ стиха, чтобы дополнить вторую, меньшую и прибавочную, повторяется иногда конецъ первой; это отмѣчено было и въ рукописи, и сообразно тому мы печатаемъ.—[5]) *Сахарову* показалось лучше исправить: „А и что казаки.“—[6]) Черкасскій.

Со треми съ тѣми со малыми
съ пригородками,
А и со славною со Кубаньей,
съ крѣпкимъ Лютикомъ.

А во славномъ да во Черкасскомъ
во земляномъ городкѣ
А стоитъ у козаковъ
золотой бунчугъ,
А на бунчугѣ стоитъ
чуденъ-зо́лотъ крестъ,
А передъ крестомъ туто стоитъ
Войсковой ихъ атаманъ,
А по имени ли Флоръ
сынъ Минаевичь.
Ко кресту тутъ собиралися
Донски козаки,
А и Донскіе, Гребенскіе,
Запорожски хохлачи;
Становились молодцы
во единой войской кругъ,
Середи круга стоитъ
войсковой атаманъ,
А по имени ли Флоръ
сынъ Минаевичь.
Атаманъ рѣчи [1]) говорилъ,
будто въ трубу [1]) трубилъ:
«А и вы, братцы, козаки,
вы Яицкіе, Донски,
Донски, Запорожскіе!
«Пособите мнѣ, атаману, вы
думу думати:
«Челобитну ли намъ писати,
государю подавать?

[1]) По складу должно быть: „рѣчь;“ „въ трубушку.“—*Сахар.* для разнообразія поставилъ: „говоритъ; трубитъ.“

«Самому ли мнѣ, атаману,
въ Москву ѣхати?
«Перемирье бы намъ взять
передъ самимъ царемъ [1]):
«Залегли пути-дороги
за сине море гулять,
«Еще отъ вора отъ Васьки
отъ Голицына съ дѣтьми [2]),
«Залегли пути-дороги
за сине море,
«А и не стало намъ добычи
на синемъ морѣ
«И на тихомъ Дону
на Иваныча.»
И поѣхалъ атаманъ
въ каменну Москву.

[1]) Если царь Петръ Алексѣевичь, то все-таки перемирье разумѣется съ Турецкимъ царемъ, ибо послѣ похода Голицынскаго натянуты были отношенія и козаки стѣснены „въ промыслахъ“ военною сторожью Турокъ, особенно отъ Азова, равно какъ присыльными съ Москвы отрядами.—[2]) Почтительный Калайдовичь, при изданіи Кирши, какъ самъ говоритъ, оставивши одинъ *Г.* напечаталъ точками „два слова, означающія извѣстную фамилію, не справедливо поносимую козаками (Сахаровъ потому и вовсе ее выкинулъ).“ Конечно это знаменитый *Голицынъ*: честили же такъ, одинаково и откровенно, всѣхъ посланцевъ, коими были недовольны, начиная съ Карамышева до Долгорукаго, Гагарина и т. д. „Съ дѣтьми“—обычное выраженіе (см. ниже о Гагаринѣ): съ его родичами, сообщниками, преемниками. Послѣдовательная связь такова: 1) присяга Донцовъ Петру; 2) походъ В. В. Голицына, въ которомъ участвовалъ Флоръ, старшій современникъ и потомъ дѣятельный, вѣрный сподвижникъ Петра; по вслѣдствіе похода, при неудачѣ, только запутались отношенія; за тѣмъ 3) сборы на Москву, чтобы явиться къ новому царю и кстати высказать нужды и жалобы (Флоръ ѣздилъ первый разъ 1694 года); туда же, и еще ближе на Воронежъ, приходилось собираться начальникамъ для новаго побѣдоноснаго, похода (см. выше первый пріѣздъ атамана и знакомство съ нимъ,—это конечно былъ Флоръ). Но пѣсня сложена вѣроятно еще позднѣе, когда, по взятіи Азова и за подаркомъ золотаго бунчука (1706), еще строже были взяты въ руки козаки съ ихнимъ Черкасскомъ и настала пора смутъ, разразившаяся вскорѣ открытымъ бунтомъ Булавина и отъѣздомъ Некрасова. „Грозенъ“ царь и весь тонъ Былины, къ великому сожалѣнію потерявшей конецъ, указываютъ уже „грозу“ на Донцовъ, о которой ниже.

Еще будетъ атаманъ
въ каменной Москвѣ,
Поклонился государю
о праву руку,
Сквозь слезы онъ словечко
едва выговорилъ:
«Ахъ ты свѣтъ нашь, надежда,
благовѣрный царь,
«А и грозенъ, сударь [1]),
Петръ Алексѣевичь!
«Прикажи намъ, на Дону,
чѣмъ кормитися?
«Залегли пути-дорожки
за сине море,
«Отъ вора отъ Васьки
отъ Голицына съ дѣтьми,
«Еще тѣ [2]).... дороги увойные [3]).......
«... царствѣ ... крѣп............. [4]).»
—А и гой есть, атаманъ,
и съ Донскими козаки!
—У тебя, у атамана,
вѣдь козачій судъ:
—Если ... непорядочно
живетъ ба............... [5])—......

(Др. Росс. Стихотвор.; Сахар. и друг.).

* *

[1]) *Сахар.* „осударь."—[2]) За симъ означенное точками въ подлинникѣ слиняло.—[3]) Вѣроятно: „Еще тѣ ли путь-дороги, увойные (уводные, воровскіе, краденые) пути."—[4]) Сообразно съ другими того же рода пѣснями можно полагать: „А на царствѣ на Московскомъ крѣпки караулы стоятъ."—[5]) По тѣмъ же признакамъ, можно предполагать отвѣтъ въ родѣ: „Если баба живетъ непорядочно, стерегутъ же ее и наказываютъ." Сахаровъ желалъ пособить, придумавши конецъ (перешедшій и въ новѣйшіе пѣсенники):

„У тебя, у атамана, есть козачій судъ:
„Если не порядочно живетъ (кто?),
„Суди правдой по тому суду,
„По тому суду да правому;
„Живи съ козаками на Дону во миру."

Сенька Маноцковъ.

1.

У насъ, братцы, на Дону,
во Черкасскомъ городу,
Проявилась у насъ, братцы,
приророжóная тума [1]),
Онъ изъ тумъ, братцы, тума,
Сенька Маноцковъ [2]) злодѣй:
Крѣпкой думушки съ [3]) стариками
онъ не думывалъ,
Думывалъ крѣпкую онъ думушку
съ ярыжками [4]).

Перекинулся собака
ко Азовскому пашѣ.
А Азовскій-то паша
сталъ его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, пріятель,
правду истинную:
«Чтó-то думаютъ у васъ,
во Черкасскомъ городу?»
—Да у насъ-то на Дону,
во Черкасскомъ городу,
—Старики-то пьютъ-гуляютъ,
по бесѣдушкамъ [5]) сидятъ,
—По бесѣдушкамъ сидятъ,
про Азовъ вашъ говорятъ:

[1]) Порча, дрянь, глупость; уродъ, выродокъ.—[2]) Иначе *Маныцкой*, но не Сенька въ дѣйствительности, а *Лёвка*; событіе предшествовало Азовской осадѣ; бѣжавшій воротился, но былъ въ Черкасскѣ разстрѣлянъ.—[3]) Должно быть „со."—[4]) Начало то же, какъ въ пѣсняхъ о Стенькѣ Разинѣ: см. вып. 7-й.—[5]) На скамьяхъ во бесѣдѣ.

—««Ой не дай Боже Азовцамъ
ума-разума того,—
—««Не поставили бъ они башенки [1]),
на усть-рѣчки каланчи,
—««Не перекинули бы цѣпи
черезъ славный Тихій Донъ,
—««Не подвели бы они струны
ко звонкимъ колоколамъ,—
—««Ужь нельзя намъ, братцы, будетъ
во сине море пройтить,
—««По синю морю гулять,
зипуновъ-то доставать.»»—

Какъ у насъ было на Дону,
во Черкасскомъ городу,
Войсковой нашь атаманъ
во всю ночушку не спалъ;
Какъ со вечеру соколъ нашь [2])
Роговыя проплывалъ,
Ко бѣлу свѣту соколъ нашь
по синю морю гулялъ [3]),
По синю морю гулялъ,
кораблики разбивалъ.

(Ср. Сахарова, потомъ Савельева и др.; до отысканія другаго подлинника въ устахъ народа или въ рукописи, пѣсню можно еще считать сомнительною).

* *

[1]) Слово лишнее (и по складу пѣсни), ибо *каланчи* и есть тѣ же башенки (глосса, внесенная въ текстъ, интерполяція); Сахаровъ *каланчи* счелъ за имя „рѣчки."—[2]) Атаманъ.—[3]) Испорчено.

Некрасовъ и князь Долгорукій.

1.

Возмутился славный нашъ
Тихій Донъ,
Возмутился *и совершился*
до славнаго до устьица [1]),
[До славнаго до устьица],
до города до Черкасскаго.
Возмутилъ его Донской козакъ,
По имени и по отечеству
Игнатьюшка Иванычь [2]),
[Игнатьюшка Иванычь]
по фамильицѣ Некрасовъ.
Онъ-то ушелъ-увелъ
силы-рати сорокъ тысячь,
Окромѣ стариковъ
староженныхъ [3]),
Опричь малолѣтковъ
малолѣтнихъ,
И отъ тумовъ природженныхъ [4]).

Да со вечера они
собиралися,
А во полуночи они
во походъ пошли,

[1]) Ошибка Сахарова, конечно вмѣсто: „со вершины до славнаго до устьица;“ подобныя несообразности отмѣчены у насъ и ниже курсивомъ. — [2]) Д. б. „Ивановичь.“—[3]) Старожилыхъ, если не „стáрощенныхъ,“ бывшихъ старшинами; можно предполагать, что въ этомъ дѣлѣ старообрядцевъ противуполагаются они извѣстнымъ „новоженамъ.“ — По складу ожидается, и ниже, окончаніе *ыихъ, іихъ*.—[4]) Ублюдковъ: ср. выше.

На бѣлой зарѣ проходили
славной Тихой Донъ,
На славную *Днѣпръ*-рѣку
они становилися,
Во чистомъ полѣ и во зеленыхъ лугахъ
расположилися,
[Расположилися] козáченьки
теплыми *лагерьми.*
Распускали царску *знамечку*
позлащеную,
Собирался къ знамечку
козачій кругъ,
Во кругу стоитъ *хорошенькій*
раздви́жный стулъ,
На стулѣ сидитъ ихъ молодой
атаманушка,
Игнатьюшка Ивановичь сынъ
Некрасовъ [1]),
Передъ нимъ стоятъ его сотники
любимые.
Онъ же пишетъ *на скоро* [2])
граматку,
Не перомъ пишетъ,
не чернилами,
А онъ пишетъ своими
горючьми *слезами* [3]),
[Горючьми слезьми]
къ *графу* [4]) Долгорукому:
«Ты спасибо, нашъ батюшка,
«Поилъ-кормилъ, берёгъ и жаловалъ!
«Ты въ одномъ же на насъ, батюшка,
прогнѣвался:

[1]) Должно быть: „Некрасовъ сынъ.“ —[2]) Д. б. „скорую.“—[3]) „Слезьми.“— [4]) „Какъ и выше—*Днѣпръ* вмѣсто „Дунай.“—Ошибка, обличающая намѣренность Сахарова.—Князь Василій Владиміровичь.

«Захотѣлъ старикамъ
усы-бороды сбрить,
«И молодыхъ дѣтей
во солдаты брать;
«Ты пріѣхалъ къ намъ
на Тихой Донъ,—
«Безъ указу-то насъ
разорять сталъ;
«Ужь мы бросили свое
бытье-богатство [1]),
«Съ того-то мы со Тиха Дона
долой пошли,
«Мы пошли къ Турецкому *хану* [2])
въ подданство,
«Онъ принялъ насъ
со честію, *со славою*,
«И пожаловалъ намъ по коню,
коню хорошему,
«И сѣделечку
Черкасскому.»

(Оттуда же, и то же должно сказать о сомнительномъ происхожденіи пѣсни).

*

2.

(Земля Войска Донскаго).

Кто бы намъ сказалъ, братцы,
про батюшку Тихій Донъ,
Про того козачка
Игнатку измѣньшичка?

[1]) Д. б. „Житьё-бытьё, богатество." — [2]) Опять, вмѣсто „султану," якобы ошибка, но едва ли возможная у Донцовъ.—Поддѣлки на концѣ еще хуже.

Какъ измѣнилъ онъ служить
царю Бѣлому [1]),
Провѣръ [2]) сдѣлалъ нашей
государынѣ [3]):
На вышку взлѣзъ,
взялъ царску знамечку [4]),
Съ этимъ знамечкомъ
за Дунай [5]) бѣжалъ,
Не одинъ бѣжалъ съ Дону,—
козачковъ увелъ,
Не служилыхъ [5]) старыхъ,
а глупыхъ малолѣточковъ.

Переправушку имѣлъ онъ
на быстромъ броду,
Не въ бредкѝ они брели,
все въ плывкѝ плылѝ,
Знамя царское
на рукахъ несли.
Переплывши Дунай,
во кругъ собиралися,
Во кругу поставили
знамя царское,
Приказъ сталъ дѣлать [6])
нашъ измѣньшичекъ:
«Кидайте, козачки, вѣру
христіанскую,
«Понимайте [7]) вѣру
басурманскую!»

[1]) Въ пѣсняхъ почти всюду имя „царя *Бѣлаго*,“ какъ могутъ замѣтить читатели, усвоено по преимуществу Петру 1-му, и по этому признаку, даже безъ личнаго имени, можно легко отгадывать многія пѣсни изъ сего періода.—[2]) Измѣну: „изневѣрился (per-fidia).“—[3]) Вставка позднѣйшаго пѣвца.—[4]) По произношенію (и по соблазнительному примѣру Сахарова) вм. „знамечко,“ какъ ниже.—[5]) См. предыдущій образецъ. —[6]) „Держать? —[7]) Примите: обычное народное выраженіе въ семъ смыслѣ, иначе „поймите, понимайте.“—Сахаровъ непремѣнно исправилъ бы.

Малые малолѣточки
перепужалися,
По темнымъ лѣсамъ
разбѣжалися;
Одинъ у нихъ стоитъ—
не поло́шится [1]):
—Стойте, малые малолѣточки,
не пужайтеся,
—По темнымъ лѣсамъ
не разбѣгайтеся!
—Мы отрубимъ Игнаткѣ
буйную [2]) голову,
—Пойдемъ опять служить
царю Петру Первому!—

(Ср. сборникъ г. Савельева 1866 г.; эта чисто-народная, характерная пѣсня представляетъ одинъ изъ тѣхъ подлинниковъ, которые *обдѣланы* Сахаровымъ въ предыдущемъ образцѣ).

* *

Оплошность Донцовъ подъ Азовомъ и полонъ имъ.

1.

(Губ. Симбирской, село Головино).

Шли казаки съ моря Чорнаго,
Лузями-болотами топилися,
Азова крѣпкаго города таилися.
Не доѣхатчи Чагану становилися,
Становились казаки во единый кругъ,
Они думу думали крѣпкую за единую:
Выбирали атамана походнаго.

[1]) Не пугается, не знаетъ переполоху. — [2]) Д. б. „буйну“ по складу.

Атаманъ у нихъ по́ кругу похаживаетъ,
Онъ камы́шей [1]) своей тросточкой помахиваетъ,
Казакамъ братцамъ работать наказываетъ:
«Ой вы слушайте, ребята, моего слова,
«Моего слова атаманскаго:
«Поѣдете гулять чрезъ большую степь,
«Чрезъ такую чрезъ большую степь Азовскую,—
«Не стреножимши добрыхъ коней не пускайте въ степь,
«Не поставимши караула не ложитесь спать,
«Безъ денно́го часового чтобы не было.»

Казаки его слова не послушали,
Не стреножимши добрыхъ коней попускали въ степь,
Не поставимши караула сами спать легли.
Наѣзжали на нихъ Кайсаки,
Всѣхъ казаковъ въ полонъ по́брали.

(Отъ П. М. Языкова).

*

2.

(Оттуда же).

Шли тутъ казаки съ моря Чорнаго,
Они лугами-болотами топилися,
Азова крѣпкаго города таилися.
Не доѣхатчи Чагану становилися,
Сходилися казаки, братцы, во единый кругъ,
Во единый сходилися кругъ, на зеленый лугъ,
Они думали крѣпку думу за единую.

Атаманушка у нихъ по кругу похаживаетъ,
Онъ камы́шей тросточкой своей помахиваетъ,

[1]) Камышевою.

Казакамъ свои слова приказываетъ:
«Ой вы слушайте, робята, моего слова,—
«Не стреноживши добрыхъ коней не пускайте въ степь,
«И безъ крѣпкаго караула не ложитесь спать.»

Казаки-то его слова не послушали,
Не стреножимши добрыхъ коней попущали въ степь
И безъ крѣпкаго караула спать ложилися.
Наѣзжали на нихъ собаки злы Киргищины,
Всѣхъ ли казаковъ въ полонъ пóбрали.
Одинъ оставался у нихъ добрый молодецъ,
Скорёхонько онъ садился на добра коня
И скорёхонько онъ метался на Тихой Донъ,
На Тихой Донъ къ атаманушкѣ:
—Ой ты гой еси, нашь батюшка, атаманушка!
—И у насъ ли несчастье солучилося:
—И всѣхъ ли насъ, казаковъ, въ полонъ пóбрали.—

(Отъ него же).

*

3.

(Съ Урала).

Изъ подъ Турскаго изъ подъ славнаго Азова изъ подъ города,
Пролегала тутъ широка-больша дороженька.
Какъ по этой по широкой большой дороженькѣ
Туто шли-прошли козáченьки, добры мóлодцы.
Не доѣхавши до урóчества [1]) становилися,
Не стреножимши добрыхъ коней въ степь попускали,
Не выбрамши крѣпкаго сторожа сами спать легли.

[1]) Имя мѣста, по отдаленности, уже затеряно и замѣнено „урочьемъ.“

Нападали на нихъ мóлодцевъ злы Татарища.
Они билися–рубилися троя суточки,
Не пиваючи, добры молодцы, не ѣдаючи,
Со добрыхъ коней, добры молодцы, не слѣзаючи.
На сонныхъ на нихъ, добрыхъ мóлодцевъ, понаѣхали,
Сонныхъ добрыхъ молодцевъ всѣхъ порубили,
Козачьева атаманушка въ полонъ взяли.
Посадили его, добра молодца, въ темну тéмницу:
Морятъ его, разудалаго, на уморъ морятъ,
Не даютъ ему, доброму молодцу, ни пить, ни ѣсть.

(Отъ В. П. Даля).

* *

Подобные случаи повторялись во весь этотъ періодъ, и даже послѣ, отъ Флора до Краснощокова. Но пѣсня получаетъ здѣсь мѣсто особенно потому, что концомъ своимъ переходитъ къ полону Донскаго козака въ Азовѣ и объясняетъ происхожденіе пѣсенъ въ родѣ слѣдующей:

Донской козакъ въ плѣну Азовскомъ.

1.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ [1],
Или участь моя горькая!

Ты звѣзда моя злосчастная!
Высокó звѣзда восходила:
Выше свѣтлаго [2]) младá мѣсяца,
Что затмила [3]) солнце красное.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая:
На родý ли мнѣ написано,
На дѣлý ли [4]) мнѣ досталося,

[1]) Образецъ сей послужилъ подлинниковъ для множества послѣдующихъ пѣсенниковъ, откуда приводимъ *разнорѣчія*; *Сахаровъ*, какъ водится, подправилъ.—*Разн.* „такой.“—[2]) *Разн.* „свѣтла.“—[3]) *Разн.* хуже: „затмило.“ — [4]) *Дѣлъ*, какъ доселѣ у Ю. Славянъ,—доля, участь, судьба: на долю, по жеребью. *Сахар.* „на дѣлѣ (!);“ *разн.* поправляютъ: „на бѣду;“ „по дѣлóмъ.“

Что со младости до старости,
До сѣдо́го бѣла́ во́лоса,
Во весь вѣкъ мнѣ горя [1]) мыкати,
Что до самой гробовой доски [2])!

Во Азовѣ славномъ городѣ,
Во стѣнѣ [3]) бѣлокаменной,
Какъ была [4]) тутъ те́мна те́мница
Безъ дверей и безъ окошечекъ.
Ахъ во той ли те́мной те́мницѣ
Что сидѣлъ [5]) тутъ добрый мо́лодецъ,
Добрый мо́лодецъ, Донской козакъ,
Въ заключеньѣ ровно двадцать лѣтъ,
Ровно двадцать лѣтъ и два́ года.

Лучилось [6]) тутъ мимо ѣхати
Самому царю Турецкому,
Что султанскому величеству.
Что возго́воритъ добрый молодецъ:
«Ахъ ты гой еси, Турецкой царь,
«Ты султанское величество!
«Прикажи меня поить-кормить!
«Не прикажешь ты поить-кормить,—
«Прикажи меня скорѣй казнить;
«Не прикажешь ты меня [7]) скорѣй казнить,—
«Прикажи на волю выпустить;
«Не прикажешь ты вонъ выпустить,—
«Напишу я вскорѣ [8]) грамоту [9]),
«Не перомъ и не чернилами,—

1) *Разн.* „горе.“—2) Все это начало сложено самимъ козакомъ въ неволѣ: но оно переходитъ въ разсказъ о событіи, какъ это обычно въ другихъ образцахъ и какъ именно можно видѣть на знаменитой пѣснѣ Разина, см. вып. 7-й; послѣ это послужило уже „вступленіемъ“ и такъ связалось съ другими однородными, Безъимянными пѣснями.— 3) *Разн.* „Во стѣнѣ ли.“—4) „Какъ стоитъ:“ „Тутъ стояла.“—5) У *Сахар.* разнообразіе: „сидитъ.“—6) *Разн.* „Случилось.“—7) Выпущено, и лучше.—8) Ожидалось бы „скору.“—9) *Разн.* „грамотку.“

«Я своими горючьми слезьми,
«Ко товарищамъ на Тихой Донъ:
«Славной Тихой Донъ взволнуется,
«Весь козачей [1]) кругъ [2]) взбунтуется,
«Разобьютъ силу Турецкую
«И тебя, царя, въ полонъ возьмутъ.»

Ай что взговоритъ Турецкой царь,
Что султанское величество,
Ко своимъ ли ко фельдмаршаламъ [3]):
—Выпускайте добра молодца,
—Добраго молодца, Донскаго козака [4]).
—Во его ли землю Русскую,
—Ко его да царю Бѣлому [5])!—

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій; потомъ дальнѣйшіе и Сахаровъ: всюду образецъ немножко подправленъ книжниками противу народнаго языка).

*

Эта знаменитая пѣсня, которую встрѣтимъ еще ниже, и съ развѣтвленіями, прошла весь длинный періодъ и остановилась на самыхъ любимыхъ народныхъ именахъ, отъ Ермака до Разина (см. вып. 7, стр. 135—137), потомъ до Краснощокова, Чернышова и даже Платова, въ томъ или другомъ видѣ, а съ передвиженіемъ мѣста дѣйствій, въ слѣдъ за обращавшимися взорами,—отъ Азова до Шведскаго стана, Кистрина, Берлина и даже Парижа. На такомъ протяженіи времени и пространства она конечно легко освобождалась отъ историческихъ именъ, переходила въ Безъимянную и, какъ любимая, въ Безъимянныхъ все болѣе и болѣе обобщалась чертами, пока дошла до всякой „темничной,“ „военной,“ всякой почти „любовной.“ Въ приведенномъ образцѣ весь строй и складъ (редакція), по несомнѣннымъ признакамъ, принадлежитъ эпохѣ Петровской; но вотъ кстати нѣсколько и ближайшихъ развѣтвленій:

[1]) „козачій.—[2]) „полкъ.“—[3]) Эта черта времени утвердилась особенно въ пѣсняхъ по перенесеніи поприща событій и военныхъ дѣйствій съ Азовскаго моря къ Варяжскому и Шведамъ: см. ниже.—[4]) *Разн.* весь стихъ: „Козака Донска удалаго.“—[5]) Между прочимъ одинъ изъ признаковъ, что окрѣпшій строй, если не отдаленное происхожденіе пѣсни, принадлежитъ именно эпохѣ Петра I-го.

2.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная!

Высоко̀ звѣзда восходила,
Выше свѣтлаго мѣсяца,
Что затмило(а) красно солнышко.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая:
На роду ли то написано,
Чтобъ во всѣ дни горе мыкати,
Съ молодыхъ ли дней печаль узнать!
Старый вѣкъ мой приближается,
Моя младость сокрушается [1]):
Сокрушила красна дѣвица,
Что ни день, ни ночь покою нѣтъ,
Я не знаю, какъ разстатися;
Довела она добра мо́лодца
До погибели великія;
Разорился я, добрый мо́лодецъ,
Отъ души ли красной дѣвицы.

Какъ у насъ было, на Тихо́мъ Дону,
Что на устьицѣ синя̀ моря,
Какъ поставлена свѣтла свѣ́тлица
И еще тутъ темна те́мница [2]).
Какъ во той ли темной те́мницѣ
Что сидитъ ли добрый мо́лодецъ,

[1]) Сравните за симъ, какой крутой поворотъ отъ исторіи внѣшней ко внутренней.—[2]) Желающіе могутъ на этомъ образцѣ съ любопытствомъ наблюдать, какъ, при выходѣ съ почвы исторической, забытой въ туманѣ прошлаго, на свѣтъ простой и современной дѣйствительности, въ самомъ твор-

Онъ повѣся [1]) буйну голову.
Приходила красна дѣвица,
Вызывала добра молодца.
Выходилъ къ ней добрый молодецъ
Какъ изъ той ли темной те́мницы,
При печали при великой бывъ [1])
Во оковахъ во желѣзныихъ.
Усмотрѣла красна дѣвица
Удало́го добра молодца,
Что въ такой тоскѣ-кручинушкѣ,—
Говорила она добру молодцу:
—Не печалься, добрый молодецъ!
—Всѣ оковы желѣзныя
—Они съ ногъ твоихъ долой пойдутъ [2]).
—Какъ пойдемъ мы въ(во) чисто́ поле,
—Что на устьице синя моря,
—Разгуляемъ мы печаль свою,
—И мы пустимъ во чисто поле,
—По всему ли свѣту бѣлому
—И по устьицу синя моря.—

(Оттуда же).

*

На этой ступени пѣсня постепенно связывается съ Разинскою, объ извѣстной—по преданію—подругѣ Разина (ср. вып. 7-й, стр. 140): но тамъ, въ отличіе всѣхъ Разинскихъ, обычное начало и признакъ—„Вы лѣса ль мои," или „Вы туманы," или „Ты взойди, взойди, солнце красное" и др. (см. ихъ въ своемъ мѣстѣ), между тѣмъ какъ собственное отличіе Азовской-Донской, и притомъ въ Петровскомъ складѣ, составляетъ именно начало „Ахъ таланъ." Въ такомъ видѣ пѣсня важна здѣсь особенно тѣмъ, что представляетъ постепенный переходъ и объясненіе къ Донскому козаку въ темницѣ передъ Петромъ и къ Козацкому Правежу при Петрѣ,—вскорѣ въ слѣдъ за симъ.

Независимо отъ сихъ „исторически-былевыхъ" судебъ, пѣсня имѣетъ и свои особенныя, въ области и пріемахъ творчества:

чествѣ и въ его образахъ совершается борьба—рядомъ—между свѣтомъ и тьмою, свѣтлицею и темницею.—[1]) Книжное.—[2]) Испорчено вм. „спадутъ."

3.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная!

Высоко̀ звѣзда восходила:
Выше свѣтлаго мѣсяца,
Что затмило(а) красно солнышко.

Какъ далече во чисто̀мъ полѣ,
Что стоялъ тута высокъ терёмъ [1]).
Что во томъ ли то во те́ремѣ,
Подъ косящетымъ окошечкомъ,
За стекля́нною оконницей,
Что сидѣла тутъ боярыня,
Передъ ней стоитъ ей ро́дный сынъ.
Говоритъ ли она плачучи:
—Ты дитя ли мое милое,
—Ты дитя мое разумное!
—Съ чего, дитятко, coста́рѣлся?
—Не жена ли тебя, дитятко,
—Не жена ль тебя соста́рила,
—Или малы твои дѣтушки?—
«Государыня ты матушка!
«Не жена меня состарила,
«Что не малые ли дѣтушки,
«А состарила меня, матушка,

[1]) Замѣтьте переходъ отъ темницы.

«Что чужая-дальна [1]) сторонушка,
«Грозна служба государева,
«Что часты-дальные походы всѣ [2]).»

(Оттуда же).

*

Здѣсь уже мѣсто Азовской темницы постепенно занялъ простой теремъ, а воспѣта тягость принудительной, частой и далекой службы: переходъ отъ обязательной службы XVII вѣка къ солдатской и рекрутской, переходъ, совершившійся опять въ эпоху Петра (особо о сихъ пѣсняхъ въ своемъ мѣстѣ). Есть шагъ далѣе:

4.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная!

Высоко́ звѣзда восходила,
Выше свѣтлаго мѣсяца
И затмило(а) красно солнышко.

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Или участь моя горькая:
На роду ли мнѣ написано,
На дѣлу́ ли мнѣ досталося,
Во всю жизнь [3]) несчастье видѣти!
Али въ людяхъ людей не́ было,
Полюбить ли было не́кого?
Но несчастіемъ [4]) то случилося,

[1]) Въ другихъ, и лучше, „чужа-дальная." —[2]) „Что часты-дальны походушки."—[3]) *Разнорѣчіе* въ другихъ позднѣйшихъ: „Чтобъ всю жизнь."—[4]) *Сахар.* поправилъ: „По несчастіямъ."

Что въ мила друга влюбилася [1]).
Онъ казался мнѣ милѣй всего,
Такъ взяла вѣру божбѣ его [2]):
А нынѣче [3]) мой сердечный другъ
Покидаетъ меня бѣдную,
Измѣняетъ мнѣ душа моя [4]).

(Оттуда же).

Того же происхожденія и разряда, какъ „Таланъ," но въ другой обстановкѣ и съ новымъ характеромъ пѣсня:

Донской козакъ въ плѣну Турецкомъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

По тому-то было морю, морю синему,
Тамъ плыли-восплывали пять сотъ кораблей,
А одно-то изъ нихъ суденышко на передъ бѣжитъ.
Хорошо-то это суденышко изукрашено:
У ней [5]) носъ сы кормой по звѣриному [6]).
На этомъ на суденышкѣ стояла палатушка,
Во этой-то палатушкѣ сидѣлъ Турецкій паша,
Передъ нимъ-то стоитъ младъ Донской казакъ,
[Младъ Донской казакъ] невольничекъ.
Стоитъ-то онъ, молодецъ,—какъ свѣча горитъ,

[1]) *Разн.* „Что въ такого я влюбилася, Что прельстилась я измѣнникомъ."— [2]) „Онъ казался мнѣ милѣе всѣхъ, Всѣхъ привѣтливѣй, всѣхъ ласковѣй, Я повѣрила божбѣ его."—[3]) *Сахар.* „А нынѣ ли." —[4]) „А теперь мой миловидный другъ—Измѣняетъ супостатъ злодѣй."—[5]) По причинѣ произношенія— „суденышка," женск. рода. — [6]) Попытка воротиться къ древнимъ богатырскимъ краскамъ: ср. корабль Ильи и Соловья, вып. 1 и 4.

Онъ рѣчи-то говоритъ,—какъ въ трубу трубитъ:
«Какъ ты славный Турецкій паша!
«Отпусти меня на волюшку!»
Отвѣчаетъ ему Турецкій паша:
«Загадаю я тебѣ, Донской казакъ, три загадочки;
«Отгадаешь ты мнѣ три загадочки,
«Тогда-то я отпущу тебя на Тихій Донъ:
«Чего [1]) у насъ на свѣтѣ безъ ногъ рѣзко [2]) бѣжитъ?
«Чего у насъ на свѣтѣ безъ крылъ скоро летитъ?
«Чего у насъ на свѣтѣ безъ огня жарко горитъ?»
Отвѣчаетъ ему Донской казакъ:
—Безъ ногъ у насъ бѣжитъ твое судно легкое,
—А безъ крылъ-то летитъ буйный вѣтеръ,
—Безъ огня-то печетъ на свѣтѣ красное солнышко.—

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866.—Переходъ отъ исторіи къ простымъ пѣснямъ „съ загадками:“ въ сущности древнѣйшаго происхожденія, старѣе всякой нашей исторіи, о дѣвицѣ на морѣ и кораблѣ, предлагающей загадки молодцу, и освобожденіе его отъ сфинкса разгадкою; см. ниже въ своемъ мѣстѣ).

* * *

Послѣ этихъ промежуточныхъ переходовъ, при возвратѣ къ историческимъ именамъ и къ Петровской эпохѣ, слѣдующія Былины, о Донскомъ козакѣ въ темницѣ или на правежѣ передъ Петромъ Первымъ, переносятъ на Донъ черты возстанія и казни Стрѣльцовъ, и также точно какъ тамъ, переходятъ отъ казней къ образу прощающаго царя-освободителя; съ тѣмъ вмѣстѣ Донской козакъ, какъ было и на самомъ дѣлѣ, передвигается постепенно съ Юга на Сѣверъ, отъ Азова и съ Дону къ другимъ станамъ и столицамъ государевымъ.

[1]) Особый видъ народнаго родительнаго „раздѣлительнаго (genitivus distributivus):“ чего много, чего есть и т. п.—[2]) Рѣзво.

VIII.

Гроза на Донцовъ.—Вѣсть о смутахъ.

1.

Ахъ служили мы на границѣ [1]) три годочка:
Намъ ни вѣсточки, ни граматки съ Дону нѣту,
Ни словеснаго челобитьица намъ *не прислано* [2]).
На четвертомъ годочкѣ перепала вѣсточка.
Не полуночная звѣзда съ небесъ упадала,
А скорая *почта* [3]) прибѣгала
Ко походному нашему атаману,
Ко Иванушкѣ *Ивановичу* Фролову [4]):
««Ужь ты здравствуй, походный нашь ата́манъ,
««Ужь ты здравствуй съ походными старшинами,
««Ужь ты здравствуй со служащими казаками!
««Какъ у насъ-то на Тихо̀мъ Дону нездорово:
««Какъ пріѣхали къ намъ на Тихой Донъ все *разсыльщики* [5]),
««Во разсыльщикахъ были два боярина,
««Безъ указа-то они государева насъ разоряютъ.
««И они старыхъ стариковъ всѣхъ ссылаютъ,
««Молодыхъ, *де*, малолѣтокъ берутъ во солдаты.
««Отъ того-то нашь славный-Тихій Донъ возмутился,
««Возмутился славный-Тихій Донъ вплоть до *устьица* [6]),
««Какъ *и* до славнаго до города *Черкасскаго* [7]).»»

(*Сахар.* и за нимъ позднѣйшіе; до открытія другаго подлинника, подробности сомнительны).

* *

[1]) Сѣверозападной, въ первыхъ годахъ XVIII вѣка. — [2]) Курсивомъ означены у насъ сомнительныя выраженія, принадлежащія вѣроятно самому Сахарову. — [3]) Посылка? — [4]) Одинъ изъ сыновей извѣстнаго *Флора*, но ужь ни какъ не *Ивановичь*, ибо всѣ они по отцу и назывались *Фроловыми*: признавши это за фамилію въ родѣ нынѣшней, Сахаровъ конечно придумалъ другое отчество.—[5]) Разъѣзщики?—[6]) До устья (по складу; Сахаровъ всюду любилъ подслащивать).—[7]) Черкасска.

Жалоба Дона.

1.

Какъ[1] ты батюшка, славный-Тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашь Донъ Ивановичь!
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая:
Какъ, бывало, ты всё быстёръ бѣжишь,
Ты быстёръ бѣжишь, всё чистёхонекъ;
А теперь ты, кормилецъ, всё *мутёнъ* течешь,
Помутился *ты*, Донъ, сверху дó низу.
Рѣчь возгóворитъ славный-Тихій Донъ:
«*Ужь какъ-то*[2] мнѣ *всё*[2] мутну не быть,—
«Распустилъ я своихъ ясныхъ сóколовъ,
«Ясныхъ сóколовъ, Донскихъ кáзаковъ,
«Размываются безъ нихъ *мои* круты бережки,
«Высыпаются *безъ нихъ* кóсы желты́мъ пескомъ.»

(Оттуда же и то же должно замѣтить).

* *

Челобитная Донцовъ.

1.

«Ахъ ты батюшка, *воеводушка*[3]!
«Ты за что на насъ прогнѣвался?
«Или сдѣлали тебѣ *измѣнушку*,
«*Измѣнушку*, *перемѣнушку*?

[1] Ахъ?—[2] Любимое у Сахарова „уснащиванье“ рѣчи.—[3] И въ слѣдующихъ образцахъ, „изъ приличія,“ Сахаровъ сдѣлалъ „воеводушку“ вмѣсто „православный царь.“

«Ты за чѣмъ у насъ коней обралъ,
«Ты коней обралъ, по полкамъ роздалъ,
«Ты по тѣмъ полкамъ по *гусарскимъ* [1])?
«Ты полковничка у насъ разжаловалъ,
«*Есаулушковъ* на часы ставилъ:
«Аль мы въ чемъ тебѣ прослужилися?»
—Я за тѣмъ у васъ коней обралъ,
—Я коней обралъ, по полкамъ роздалъ,—
—А [2]) на всѣхъ полкахъ кони выпали,
—*Генералушки* всѣ пріопѣшали,
—*Канонерушки* пѣшкомъ идутъ,
—Они лямочки на плечахъ несутъ,
—А орудія на себѣ везутъ.—

(Оттуда же и то же).

* *
*

Скорлыгинъ-Карыгинъ.

1.

(Губ. Симбирской, с. Головино).

На зорѣ было на зорюшкѣ [3]),
На восходѣ краснаго солнышка,
Государь-царь по дворцу гулялъ,
Онъ гулялъ-гулялъ, самъ разгуливалъ,
Въ одной тоненькой сорочкѣ и безъ пояса,
Въ однѣхъ чулкахъ [4]) и безъ чоботовъ;
Не одинъ гулялъ,—съ боярами,
Со Московскими офицерами;

[1]) Если это не прибавочное „объясненіе," то во всякомъ случаѣ ожидается по крайности „гусарскіимъ."—[2]) Что?—[3]) Разнорѣчіе: „на зоринькѣ." Начало сходное съ плачемъ по Разинѣ, вып. 7, стр. 41.—[4]) „чулочкахъ."

Во рукахъ держитъ грозно́й указъ.
Онъ и сталъ указъ прочитывать,
Казакъ [1]) братцевъ перекликивать;
Всѣ казаки сходилися:
Одного казака нѣтъ нелучшева [2]),
[Не лучшева], атаманушки,
А по прозваньицу Скорлыгина [3]).

У Иванушки [4]) была жена умная
Жена умная, разумная;
Выходила она на красёнъ крылецъ,
Воскричала она громкимъ голосомъ:
«Гой еси, слуги вѣрные!
«Запрягайте вы вороныхъ коней,
«[Вороныхъ коней] что не лутчихъ [2]):
«Вы поѣдете гулять въ каменну́ Москву,
«Во проѣзжую славную улицу,—
«Не увидите ль мого̀ друга милаго,
«Горьку пьяницу Иванушку Скорлыгина,—
«Привезите его въ государевъ дворецъ!»....

(Отъ Языкова).

*

2.

На зорѣ-то *бывало*—на зоренькѣ,
На зорѣ утренней [5]),
На восходѣ солнца краснаго,
Воевода большой [6]) *по садику* [7]) гулялъ,

1) Козаковъ.—2) Наилучшаго: что ни лучшаго.—3) Объ этомъ „голомъ и пьяномъ" см. ниже „Замѣтку."—4) Вѣроятно изъ него-то сдѣлалъ въ предыдущемъ образцѣ Сахаровъ „*Иванушку* Флорова," вмѣсто Василья или Максима.—5) „На зорѣ было на зоренькѣ, На зорѣ было на утренней." Мы принуждены повсюду отмѣчать курсивомъ наивныя увлеченія Сахарова.—6) „Государь-царь" или „православный царь:" изъ любезной деликатности, какъ и выше, и далѣе, Сахаровъ сдѣлалъ „воеводу большаго" или „воеводушку," вопреки даже явному складу пѣсни.—7) Вмѣсто: „по дворцу."

Онъ гулялъ-погуливалъ,
Въ однихъ чулкахъ безъ чóботовъ [1]),
Азямчекъ [2]) на распашечку.

Дотолѣва зелёный садъ зелёнъ стоялъ,
А нынѣ зеленый садъ присохъ-приблёкъ
И прiуныли въ саду пташечки.
Дотолѣва-то *воевода большой* казаковъ любилъ,
Онъ любилъ [3]) и много жаловалъ,
А нынче *воевода* на казаковъ прогнѣвался,
На казаковъ прогнѣвался, разсéрдился,
И сталъ казаковъ казнить-вѣшати,
И сажать по темны́мъ тюрьма́мъ.

Выходилъ нашъ *большой воевода* на широкiй дворъ,
Во рукахъ держалъ *бумаженьку*,
Имянной указъ, повелѣньице [4]),
Ужь онъ всѣхъ казаковъ пересматривалъ,
Поимянно ихъ перекликивалъ:
Одного-*то* изъ нихъ не досчитывался,
Что ни лучшаго въ полку *боярина* [5]),
Козачьяго ихъ атаманушку,
Иванушку Ивановича,
По прозваньицу сына Карыгина.
Какъ у казачьяго атаманушки
Была жена умная-разумная,
Узнала она о несчастьицѣ,
Выходила она на красёнъ крылецъ,
Закричала громкимъ голосомъ:
«Ужь вы гой еси, слуги вѣрные
«*И казаки ординарные!*
«Вы кидайтесь и бросайтесь на конюшенъ дворъ,

[1]) У Сахарова „безъ чоботокъ.“ — [2]) См. выше, въ казняхъ и правежѣ Стрѣльцовъ, съ чѣмъ очень близко сродна пѣсня по самымъ даже выраженiямъ. — [3]) „Козаковъ любилъ.“ — [4]) Такъ изворачивался Сахаровъ, минуя простой „грозной указъ.“ — [5]) Это уже черезъ чуръ затѣйливо.

«*Вы* запрегайте-ка [1]) коней вороныхъ *во каретушку золотую*:
«Я поѣду по Москвѣ гулять,
«По Московской большой улицѣ
«И по мелкимъ переулочкамъ,—
«Буду искать своего друга милаго,
«Иванушку сына Ивановича.»
Какъ на встрѣчу ей идетъ пьяница,
Горькій пьяница-пропóица.
«Я спрошу, спрошу горьку пьяницу:
««Ужь ты гой еси, горькій пьяница,
««*Разудаленькій добрый молодецъ!*
««Не видалъ ли ты друга *моего* милаго,
««Иванушку *Иваныча*,
««*По прозваньицу сына Карыгина* [2])?»»
—*Твой-то* милый другъ, *казацкой атаманушка*,
—Въ кабакѣ сидитъ за *кружальцомъ* [3]) государевымъ,
—Онъ пьетъ вино *всё* безденежно [4]).—

Подъѣзжала она ко цареву кабаку,
Подъѣхавши она *восплакала*:
«Ужь ты гой еси, милый другъ,
«Иванушка Ивановичь,
«*По прозваньицу сынъ Карышинъ*!
«*Несчастьице надъ нами случилося*:
«На насъ *воевода большой* осердился и прогнѣвался,
«Всѣ твои друзья-братья порублены,
«[Порублены] и всѣ повѣшены.»

[1]) Подобными „вульгарными" рѣчами и quasi-обмолвками полагалъ Сахаровъ выставить подлинную народность и *скрыть* свои поддѣлки.—[2]) Такъ, вмѣсто простыхъ поисковъ мужа пьяницы и гола о (см. „Замѣтку"), сдѣлалъ Сахаровъ прогулку по Москвѣ „въ золотой каретѣ," особеннаго встрѣчнаго пьяницу и указаніе на мужа, котораго не хотѣлъ признать пьяницей, поелику возвелъ въ мелодраматическаго героя.—[3]) Не довольно было одного „несчастьица:" изъ кружала сдѣлано „кружальцо," ради народной сладости.—[4]) Слѣдующее за симъ переходитъ рѣшительно въ область вымысловъ и, не въ со-

Онъ взялъ съ собою *топоръ и плаху*,
Пошелъ *къ восводѣ* съ повинною;
—Ужь ты батюшка, *воевода большой*!
—Я пришелъ къ тебѣ съ повинною,
—*Принесъ съ собой топоръ и плаху* [1]).
—Мои друзья и братья всѣ порублены,
—[Всѣ порублены] и всѣ повѣшены:
—Прикажи и мнѣ отрубить буйну *мою* голову!—

Эта прекрасная пѣсня, къ сожалѣнію слишкомъ воздѣланная Сахаровымъ, представляетъ потому лишь немного достовѣрныхъ пополненій къ предыдущей и въ остальномъ, особенно въ концѣ, за неимѣніемъ другаго подлинника, остается пока сомнительною.

* *

Ефремовъ.

1.

(Земля Войска Донскаго).

По напрасну моя буйная головушка пропадаетъ,
Безъ вины-то мое сердце отвѣчаетъ [2])!

Нанесли на сына Ефремова [3]) славушку несносную:... [4])
«И за то на меня государь прогнѣвался... [4])
«Посадили меня, молодца, въ темную темницу,
«[Въ темну темницу], въ тюрьму заключевницу.

стояніи будучи отличить какую ни будь правду, мы отмѣчаемъ курсивомъ только „слишкомъ“ затѣйливыя выдумки.—[1]) Безъ этихъ словъ было не видно.—[2]) Вѣроятно это начало имѣло извѣстный намъ запѣвъ: „Ахъ таланъ ли мой“ или „Голова ль моя, головушка (см. выше)!“—[3]) Одного изъ сыновей атамана Ефрема Петрова, дѣятеля той эпохи послѣ Флора.—[4]) Къ сожалѣнію первый издатель, вѣроятно соблазненный той же Сахаровской сахарностью, выпустилъ крайне интересныя намъ строки.

«Только я не годъ въ тюрьмѣ сидѣлъ,
«[Не годъ сидѣлъ] и не два года,
«Сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ:
«Побѣлѣла моя буйная головушка,
«Изныло мое ретивое сердечушко.
«При счастіи при бесѣдушкѣ [1])
«Друзьёвъ-братьёвъ много,
«При горѣ при кручинѣ
«Друзьёвъ-братьёвъ нѣту [2]):
«Всѣ-то отъ меня, Степана Ефремова, отступилися,
«Всѣ думчіи старшинушки въ совѣтъ [3]) не йдутъ [4]).»

Только одна молодая жена,
Меланья Карповна не отступилася:
Пишетъ она бѣлую грамотку
Своею горючей слезой,
Припечатываетъ ее
Своимъ крѣпкимъ разумомъ...

(Ср. сборникъ г. Савельева, 1866.—Къ сожалѣнію не кончено: по сравненію знаемъ, что эта грамотка—къ мужу съ убѣжденіемъ повиниться и къ царю о милости).

* *

Подлинное мѣсто этой были при устьѣ Дона и въ Черкасскѣ, гдѣ мы и находимъ:

[1]) При весельѣ, при пиру при бесѣдушкѣ. - [2]) Это сходится и съ пѣснями козака Кирши Данилова, и Краснощокова, о чемъ см. въ слѣдующемъ выпускѣ.—[3]) На совѣтъ ко мнѣ, придумать-пригадать въ бѣдѣ.—[4]) Переходъ отъ самого себя и отъ пѣсни заключеннаго къ разсказу событія указанъ нами выше и разъясненъ при пѣсняхъ Разинскихъ, вып. 7, стр. 153—160.

Донской козакъ передъ царемъ.

Тюрьма, допросъ, правежъ и милость.

1.

(Оттуда же).

Да по край моря синяго,
на усть батюшки Дона Тихаго [1]),
Тамъ стояла избушечка [2]),
малы́мъ-ма́ла, таволжа́ная [3]).
Да покрыта эта избушечка
рытымъ бархатомъ,
Всѣ стѣночки у ней у́стланы
погребцо́вскими су́кнами [4]),
Позлащёными гвоздичками
они позапри́биты,
Да и столики стоятъ—
дубовыя но́женьки,
Всѣ проно́жечки [5])—
изъ слоновы́хъ костей.

Да никто къ этой избушечкѣ
съ роду не захаживалъ,
[Съ роду не захаживалъ],
съ роду не заѣзживалъ:

[1]) Ср. точь въ точь начало пѣсни объ Ермакѣ, вып. 7, стр. 135. — *Усть* соединяется несклоняемо: „Усть-Дону, на усть-Волги, Усть-Сысольскъ“ и т. п.— [2]) Изъ нея творчествомъ создана то палата судная, то дворецъ государя, то тюрьма, и обратно.—[3]) Изъ кустарника таволги, плетеная, мазанка; сдѣлавши *та* членомъ, пѣсни часто называютъ избушку „*валженою*,“ сырою, мазаною, и на оборотъ.—[4]) Такъ разставляемъ, по складу, вмѣсто „погребц. сукн. устланы;“ осмыслено вмѣсто „багрецовыми,“ багряными.—[5]) Связи ножекъ.

Случилось ѣхать самому-то царю,
Петру Первому,
Со любимыми-то казаками своими [1]),
со гвардейскими.
Захватили въ этой избушечкѣ
добра мо́лодца,
Его разобутаго, его раздѣтаго,
въ одной его во черкесочкѣ [2]),
У черкесочки рукавчики
позасу́чены,
Басурманскою кровью
позабрызганы [3]).
Стали добраго мо́лодца
распрашивать:
««Ты скажи, добрый мо́лодецъ,
чѣмъ царю служилъ?»»
—Я не сотничкомъ, не полковничкомъ,
—А на синемъ морѣ былъ охотничкомъ [4]).—

(Ср. тамъ же).

*

Эта главная и срединная пѣсня, изъ всѣхъ ближайшихъ и подобныхъ, соединяетъ собою и самую древнюю объ Ермакѣ—выпускъ 7. стр. 135, и всѣ дальнѣйшія Петровскія, сколько ни будь историческія, и выше помянутыя стрѣлецкія.—Любопытно видѣть за ней передѣлку Сахарова:

[1]) Вѣроятно: „Со любимыми со козаками“ или „Со любимы-то козаки“ и т. п. — [2]) Извѣстная Черкесская и Черкасская куртка. — [3]) Такъ изъ „голаго“ пѣсни дѣлаютъ „раздѣтаго на правежѣ,“ изъ крови басурманской—кровь пытки, и на оборотъ (см. „Замѣтку“); отсюда же вѣроятно возникъ и образъ раздѣтаго, въ рубашкѣ, самого царя.—[4]) См. выше: изъ козачьей „вольницы,“ въ родѣ Новгородскихъ повольниковъ.

2.

На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ было солнца краснаго,
Середи торгу-базару, красной площади [1]),
Собиралиси каза́ченьки во единый кругъ.
Во кругу-то стоитъ добрый мо́лодецъ,
Онъ стоитъ-стоитъ, са́мъ не тря́хнется
И русы-*то* его *кудрюшки* [2]) не воро́хнутся.
Передъ нимъ-*то* стоитъ *воеводушка* [3]),
Онъ не бьетъ его, не пытаетъ,—
крѣпко спрашиваетъ:
«Ты скажи, скажи, добрый мо́лодецъ,
«Скажи ты правду истинну,—
«Не ата́манъ ли ты, *разуда́ленькiй*,
или атаманскiй сынъ,
«Не воевода ли ты, *разудаленькiй*,
воеводскiй сынъ,
«Не съ иной ли земли ты, *разудаленькiй*,
грозенъ посолъ [4])?»
Отвѣтъ держалъ добрый мо́лодецъ
воеводѣ:
—Не тебѣ, собакѣ, меня, молодца, спрашивать,
—А не мнѣ-то было тебѣ отвѣтъ держать!
—Распросилъ бы меня батюшка
православный царь,
—Я сказалъ бы ему, батюшкѣ,
правду истинну:
—Разорилъ ты [5]) *прежде* войско Донское,
—*А другое войско Оренбургское*,

[1]) Подобныя выраженiя и привели пѣсню въ Москву, на Красную Площадь и къ Красному Крыльцу.—[2]) Отмѣчаются опять лиценцiи Сахарова.—[3]) Такъ снова обойденъ „православный царь.“—[4]) Ср. въ 7-мъ вып. допросы Разину и его сыну.—[5]) По складу пѣсни, не смотря на уклончивость Сахарова, слова эти пришлись все-таки къ лицу „батюшки,“ а слѣдующiя за тѣмъ „разоренiя“ въ рукахъ Сахарова разорили подлинность и достовѣрность Былины.

—Пріѣхалъ ты къ намъ разорять въ городъ,
—Потревожилъ нашихъ стариковъ старыхъ.—

(*Сахар.* и позднѣйшіе).

* *

От Азова, отъ Черкасска и съ Дону пѣсня постепенно передвигается къ Сѣверу въ столицы. Переходомъ служатъ Безъимянныя, приведенныя выше, „Таланъ,“ „На зарѣ,“ „Ты звѣзда моя,“ „Высоко звѣзда восходила“ и т. п. (см. ихъ еще послѣ). Помянутый выше обмѣнъ „Азовской темницы“ на тяжесть „службы государевой,“ обращаясь къ пѣснямъ солдатскимъ и рекрутскимъ, имѣетъ между прочимъ особое спеціальное начало „Сторона ль моя, сторонушка (чужа-дальная, походная)“ и связывается съ пѣснями другаго начала—„Ты змѣя ль“ или „Ты змѣйка,“—съ пѣснями, которыя описываютъ гибель молодца и его службу „отъ дѣвицы“ или „отъ жены,“ а въ свою очередь сливаются съ пѣснями Стрѣлецкими (ср. ихъ выше). Есть однако пѣсни, съ тѣми же нѣсколькими началами, но о „козакѣ Донскомъ“ и „въ темницѣ Московской,“ на примѣръ:

3.

(Губ. Саратовской).

Сторона ль моя, сторонушка,
Сторона ль моя незнамая,
Незнамая, незнакомая!
На сторонушкѣ слободушка,
На слободушкѣ квартерушка [1],
На квартерушкѣ зазнобушка,
Зазнобушка—*красна дѣвица,*
Бѣлолицая, круглолицая,
Чернобровая, черноглазая:
Ужь не ты ль меня высушила,
Безъ морозу сердце вызнобила,
Безъ морозу безъ студенаго?

[1]) Это черты пѣсенъ рекрутскихъ, солдатскихъ, походныхъ.

Высоко звѣзда восходила,
Выше лѣсу, выше темнаго,
Выше садику зеленаго [1].

Пролегала тутъ *дороженька,*
Шириною она не широкая,
А долиною конца-краю нѣтъ [2].

На дорожкѣ *нова улица,*
Нова улица—*Московская,*
Московская, посадская;
Какъ построена тутъ *тюрьма* темная,
Въ ней дубовая дверь тяжолая,
Запертая замкомъ крѣпкіимъ,
Замкомъ крѣпкіимъ, Нѣмецкіимъ.
Въ [3]) тюрьмѣ сидитъ *невольничекъ,*
Невольничекъ, добрый мо́лодецъ,
Добрый молодецъ—*Донской козакъ.*
Во желѣзахъ ноги скованы,
Въ кандалахъ руки заклёпаны.
Сидитъ молодецъ задумавшись,
Задумавшись, пригорюнившись;
Ужь какъ тужитъ онъ о своей сторонушкѣ,
О своей сторонѣ, *молодой женѣ* [4])...

(Ср. сборн. *Костомар.* и *Мордовц.*).

* *

Такими-то постепенными переходами снова возстаютъ *историческія черты* и являются уже Былины *въ столицѣ, передъ Петромъ:*

[1]) Начало второе: ср. выше.—[2]) *Дороженька* отводитъ къ *улицѣ* и т. д.: постепенность такая означена у насъ *курсивомъ* въ печати.—[3]) Д. б. „во."—[4]) Послѣдняя черта, *жена*, связующая снова съ историческимъ лицомъ: ср. выше.

4.

(Съ Урала).

Подъ стѣной-стѣной было каменной,
Подъ другой стѣной было дёрновой [1]),
Стояла тутъ темна́ тюрьма,
Безъ дверей тюрьма, безъ окошекъ,
Съ одной дымовой трубой.
Во той тюрьмѣ сидѣлъ тюремщикъ,
Со Тиха Дона молодой козакъ,
[Молодой козакъ] лѣтъ пятнадцати [2]).
Онъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ,
[Ровно тридцать лѣтъ], еще три́ года:
Посѣдѣла его бородушка
Со буйной его головушкой [3]);
Отростилъ онъ русы кудри
По могучи̑ плеча̀;
Не слыхалъ онъ звону колокольнаго,
Читья-пѣтья церковнаго.

Случилось царю по тюрьмамъ ѣхать,
Возвѣстили молодцу караульщички;
Доѣзжалъ царь до его тюрьмы
И сталъ царь его спрашивать:
«Гой ты, гой еси, тюремщичекъ,
«Донско́го войска молодой козакъ!
«Ты за што про што во тюрьмѣ сидишь,
«За какія бѣды безголовныя [4])?»

[1]) Изъ дёрну,—земляная тюрьма: по вѣроятнѣе здѣсь обмолвка или ослышка. И вмѣсто „было каменной" скорѣе „бѣлокаменной." Такъ, потерявъ историческія имена, по отдаленности мѣста, пѣсня старается наверстать общими чертами изображеніе поприща дѣйствія.—[2]) Ср. выше борьбу съ драгуномъ.— [3]) Не совсѣмъ народно и противорѣчитъ „русымъ" кудрямъ; съ ними вѣроятно и было связано, въ родѣ: „Отростилъ онъ русы кудри со буйной его головушки;" ср. ниже.—[4]) То же, что „уголовныя," лишающія головы, падающія па голову: безголовье—напасть, бѣда уголовная.

—За первую я за бѣду сижу:
—Зарѣзалъ я своего отца рóднаго;
—За другую я вину сижу:
—Зарѣзалъ я молоду̀ жену;
—За третью за бѣду сижу:
—Зарѣзалъ я своего братца рóднаго,
—Изъ за одного коня винохóднаго [1],
—Изъ [2]) ружейца винтовочки.—
Тутъ возгóворитъ православный царь:
«Ой ты гой еси, тюремщикъ [3])!
«По винамъ твоимъ тебя казнить-вѣшать:
«Я припасъ тебѣ два столба дубовы́,
«Третью кладочку соснову,
«Четверту петлю шелкову.»
Тутъ добрый молодецъ испугáлся [4]),
Испустилъ слезы изъ ясны́хъ очей,
Сталъ просить царя Бѣлаго [5]):
«Гой ты, гой еси, батюшка,
«Православный царь!
«Выпусти меня изъ тошнóй тюрьмы,
«Заслужу я тебѣ свою вину,
«Я сослужу тебѣ службу царску:
«Возьму я тебѣ славный Азовъ-городъ,
«Возьму я тебѣ его своей бѣлой грудью,
«И возьму его безъ свинца, безъ пороху [6])»

Выводили молодца изъ тошнóй тюрьмы,
Подводили его къ рѣлушкамъ [7]),

[1]) Иноходца: „въ ино-ходь,“ въ иную, особую поступь, или „въ единую ступню,“ въ одинъ слѣдъ (такъ „единорогъ—инорогъ,“ „инокъ—единокъ“ и т. п.).—[2]) Изъ-за, ради.—[3]) Согласно предыдущему, слѣдуетъ, какъ и выше: „тюремщичекъ;“ „безъ окошечекъ;“ и ниже: „казнить-вѣшати, дубовые, сосновую, шелкóвую, царскую, грудью бѣлою.“—[4]) Этимъ усильно поддержанъ складъ пѣсни, уже разрушавшійся въ устахъ.—[5]) Петра, по извѣстному намъ признаку.—[6]) Ср. выше слова стрѣльцовъ при опалѣ.—[7]) Перекладинамъ висѣлицы; все, что „рѣетъ“ въ вышинѣ, виситъ или качается.

Надѣвали ему на бѣлу̀ шею
Петлю шелко́вую,
Подымали его высокохонько.
Тутъ счастьицо съ молодцомъ случилося:
Отрывалась петля шелко́вая,
Упада́илъ [1]) молодецъ на сыру̀ землю.
Подходила къ нему государыня [2]),
Подѣымала его за бѣлы̀ руки
И просила царя Бѣлаго:
««Ой гой еси, православный царь!
««Ты не дѣлай молодцу второй казни!»»
Тутъ осмѣливался добрый молодецъ,
Подходилъ къ царю близёхонько
И кланялся низёхонько:
—Ой ты гой еси, батюшко,
—Православный царь!
—Дай мнѣ волю
—По царёвымъ кабакамъ гулять,
—Безденежно вино пить [3]).—
Возговорилъ православной царь:
«Ой ты гой еси, добрый мо́лодецъ!
«Я вижу въ тебѣ сердце доброе:
«На што ты зарѣзалъ сво̀го отца ро́днаго?
«Молись Богу за государыню:
«Она просила тебя у Бога и у меня царя;
«Богъ проститъ тебя, мо́лодецъ,
«И я прощаю, православный царь,
«Во всѣхъ винахъ!»

(Отъ В. И. Даля).

*

[1]) Опять то же усиліе возстановить складъ.—[2]) Такъ изъ жены виновнаго (см. выше) сдѣлана жена государева.—[3]) Этотъ, по видимому не кстати и неожиданный оборотъ получилъ мѣсто по памяти о виновномъ „пьяницѣ;" этимъ же связывается пѣсня съ приведеннымъ выше Правежомъ.

5.

(Оттуда же).

Какъ во славномъ во городѣ во Питерѣ,
Во крѣпости Петропавловской,
У воротъ было Канверскіихъ [1],
Тутъ стояла нова темница
Безъ дверей и безъ окошечекъ,
Безъ щелочекъ, безъ протёсочекъ.
Тутъ сидѣлъ въ ней добрый молодецъ,
Добрый молодецъ Донской козакъ.
Онъ сидѣлъ въ ней ровно тридцать лѣтъ:
Отростилъ свою бородушку
Онъ по самый по шелковъ поясъ;
Отростилъ свои русы кудри
Онъ по самы могучи плеча.
Тутъ случилось царю ѣхати
Мимо славной темной темницы;
Закричалъ въ ней добрый молодецъ:
«Эхъ, батюшка, православный царь!
«Прикажи меня поить-кормить;
«Не прикажешь ты поить-кормить,—
«Прикажи на волю выпустить [2]»....

(Отъ него же).

*

[1]) Кавалерскихъ?—[2]) Ср. основную Былину о Донскомъ козакѣ передъ султаномъ.

6.

(Симбирск. губ., с. Головино).

Ты злодѣй–злодѣй, земляна́ тюрьма!
Не для меня, добраго мо́лодца, крѣпко строена:
А нонече мнѣ, доброму молодцу, пригодилася;
А дотолѣва ты, тюрьма, людьми́–людна́:
А·нонече ты, земляна́ тюрьма, пусты́нь пуста́,
А ноньче мнѣ, доброму молодцу, пригодилася [1],—
Одинъ–то я, добрый мо́лодецъ, во тебѣ сижу,
Ровно тридцать лѣтъ и три́ года [2])!

Появилась во русы́хъ кудряхъ сѣди́нушка,
А бородушка у молодца́—ровно бѣлый ленъ.

По двору–то дворочку государеву
И ходитъ–гуляетъ тутъ православный царь,
[Православный царь] Петръ Алексѣевичь.
Онъ увидѣлъ невольничка во неволюшкѣ:
«О гой еси вы, мои затюремные,
«[Затюремные] главные сторожи!
«Что́ это гуляетъ за невольничекъ?»
И возго́воритъ удалый–добрый мо́ло́децъ:
—Я сижу во неволюшкѣ
—И тридцать лѣтъ и три́ года,
—И появилась въ моихъ во русы́хъ кудряхъ сѣдинушка,
—Бородушка—ровно бѣлый ленъ.—

[1]) „Пустымъ пуста?"—А нынче, какъ ты мнѣ досталась, сижу только я одинъ...—[2]) Это, мы знаемъ по предъидущимъ образцамъ, пѣсня самого невольника и отъ перваго лица его постепенно переходитъ къ разсказу въ лицѣ третьемъ.

И возго́воритъ православный царь Петръ Алексѣевичь:
«И Богъ тебя прощаетъ, и сударь [1]) жалуетъ:
«Выпусти [2]) добраго молодца изъ неволюшки!»

(Отъ П. М. Языкова).

* *

Вмѣстѣ съ событіями и Былинами другаго рода, эта пѣсня также движется въ Малую Русь, связуясь съ судьбою Палѣя (см. ниже): то промежуточныя звѣнья творчества между Азовомъ-Доломъ съ одной, Сѣверомъ или Новою Русью съ другой стороны.

Но пѣсня въ образцѣ, сей часъ приведенномъ, имѣетъ и свои присныя судьбы въ области Безъимянныхъ, съ тѣмъ же началомъ, „Ты злодѣй-злодѣй, землянча тюрьма," или „Сторона-ль моя сторонушка (другая вѣтвь)" и т. п.; это уже простыя „Темничныя," и вотъ одинъ изъ отпрысковъ, пока до будущаго:

7.

(Губ. той же, с. Станичное).

Не для ради меня, молодца, тюрьма строена,
Одному же мнѣ, доброму молодцу, пригодилася.
Сижу-то я въ ней, добрый молодецъ, тридцать лѣтъ,
И тридцать лѣтъ и три́ года.
Появилась сѣдинушка во русы́хъ кудряхъ,
А бородушка у молодца какъ бѣлый лёнъ;
На рѣзвыхъ-то ногахъ желѣзушки перержавили,
Всѣ дверюшки-вереюшки развалилися.
Пошелъ то я, добрый молодецъ, изъ тюрьмы-то вонъ:
«Ты прости, прости, воръ-злодѣюшка,
«Воръ-злодѣюшка, землянà тюрьма,
«И ты ли меня, молодца, воста́рила!»

(Отъ А. М. Языкова).

* * *

[1]) Государь.—[2]) Безлично: выпустить! Подобно: „пускай, давай, бери!" и т. д.—Отъ того-то, обратно, въ нашемъ Западномъ и Южномъ нарѣчіи, со Слова о п. И. доселѣ, неокончательное слилось съ повелительнымъ 2-го лица („вонзить" вм. „вонзите," и т. п. ср. ниже).

IX.

Царица Евдокія Ѳедоровна Лопухина.

Пѣсня Царицы.

1.

(Москва).

Возлѣ рѣченьки хожу млада,—
Меня рѣченька стопить хочетъ;
Возлѣ óгничка стою млада,—
Меня óгничекъ [1]) спалить хочетъ;
Возлѣ милаго сижу млада,—
Меня милый другъ журитъ-бранитъ,
Онъ-то журитъ-бранитъ,
Въ монастырь итти велитъ:
«Постригись, моя немилая,
«Посхимися, постылая!
«На постриженье выдамъ сто рублей,
«На посхименье тебѣ тысячу,
«Я поставлю нову келейку,
«Въ зеленомъ саду подъ яблоней,
«Прорублю я три окошечка,—
«Первое ко Божьей церкви,
«Другое-то во зеленый садъ,
«Третье-то во чисто поле:
«Въ Божьей церкви ты намолишься,
«Въ зеленомъ саду нагуляешься,
«Во чисто поле насмотришься [2]).»

[1]) Ошибкой было напечатано: „óгньчика, óгньчикъ."—[2]) Отсюда, по извѣстному намъ способу творчества, пѣсня заключенной переходитъ въ разсказъ Былины.

Случилось ѣхать князьямъ-боя́рамъ.
Они спрашиваютъ: ««Что̀ за ке́лейка,
««Что̀ за ке́лейка, что̀ за но́венька,
««Что̀ въ ней за монашенка за моло́денька?
««Еще кѣмъ она пострижена?»»
Отвѣчала имъ монахиня:
—Я пострижена самимъ царёмъ,
—Я посхи́млена Петромъ Первымъ,
—Черезъ его змѣю лютую.—

(Записана кн. В. Ѳ. Одоевскимъ въ половинѣ 1862 года съ голоса 80-тилѣтней дамы, а та въ дѣтствѣ переняла отъ няни, слѣдственно съ пѣнія 1790-хъ годовъ; издана княземъ съ напѣвомъ въ 1863 г., во 2-мъ № „Р. Архива."—Ср. въ 6-мъ вып. Былину и Плачь сосланной Грознымъ Царицы, а въ 7-мъ Пѣсню и Плачь Ксеніи).

*

Въ слѣдъ за симъ имя теряется:

2.

(Москва).

Возлѣ рѣ́ченьки стою млада,—
Меня рѣченька потопить хочетъ;
Возлѣ огонька̀ хожу млада,—
Меня ого́ньчикъ спалить хочетъ:
Возлѣ милаго сижу млада,—
Меня милый журитъ-бранитъ;
Ужь онъ журитъ-то—бранитъ,
Постричься велитъ:
«Постригись ты, моя немилая,
«Посхимься, разпостылая!
«На постри́женье дамъ тебѣ сто рублей,
«А на посхи́менье тысячу;
«Я построю тебѣ нову ке́лейку,
«При пути при дороженькѣ,
«Во зелёномъ саду подъ яблоней;
«Прорублю три окошечка,—

«Первое окно ко Божіей церкви,
«А второе окно во чисто́ поле,
«А третіе во зелёный садъ:
«Въ Божьей церкви помолишься,
«Во зелёномъ саду разгуляешься,
«А въ чисто́мъ полѣ со мной увидишься [1]).»

(Записано и намъ сообщено В. И. Далемъ въ 1861 году: „прилагаю недавно записанную пѣсню, какъ народъ увѣряетъ, на первую супругу Петра I.“).

*

3.

(Самарскій край).

Я по бе́режку хожу-хожу,
Я на быструю гляжу-гляжу:
Меня рѣченька топить хочетъ;....[2]).
Немилый мужь журитъ-бранитъ,
Журитъ-бранитъ, постричься велитъ:
«Постригись, моя немилая,
«Ты посхимься, разпостылая!
«За [3]) постри́женье дамъ сто рублей,
«За посхи́мленье дамъ тысячу;
«Я поставлю тебѣ ке́лейку,
«Что новёхоньку, малёхоньку,
«Во оградушку [4]) окошками,
«Во зелёный садъ красны́мъ крыльцомъ,
«И накрою чернымъ бархатомъ,
«Разувѣшу [5]) цвѣтами алыми.»

Мимо ке́лейки Старцы ѣхали,
Старцы ѣхали Перехожіе [6]),

[1]) По смерти, въ могилѣ. — [2]) За симъ пропускъ.—[3]) На.—[4]) Монастырскую: передѣлано изъ „огорода“—сада.—[5]) Вѣроятно „разцвѣчу.“—[6]) Калѣки Перехожіе, пѣвцы, что разносили по свѣту вѣсти, подслушивали пѣсни, слагали Былины.

Перехожіе, переѣзжіе;
Моей келейкѣ дивовалися:
««Ужь и что̀ это за келейка,
««Чтó во келейкѣ за-ста́ричка [1]),
««За молóденька монашенка?
««Что во кельѣ за монашенка,—
««Молодёхонька пострижена,
««Что пострижена-посхимлена,
««За какой грѣхъ Богу молится,
««За великій, знать, спасается?»»
—Ахъ вы, Старцы Перехожіе,
—Перехожіе, переѣзжіе,
—Неразумные, недогадливы!
—Вы спросите, разузнайте-ка [2])?—

Да ужь Богъ съ тобой, немилый мужь!
На роду мнѣ такъ написано!

(Ср. сборникъ г. Варенцова 1862 г., гдѣ собиратель замѣчаетъ, что „такое невольное постриженіе было дѣломъ обыкновеннымъ въ Русской семьѣ *до XVIII ст.*“).

*

4.

(Саратовской губерніи).

Возлѣ рѣченьки я хожу, молода,—
Меня вóдоньки потопить хотятъ;
А немилый мужь всё журитъ-бранитъ,
Всё журитъ-бранитъ, постричься велитъ:
«Постригися, моя жена немилая,
«Постригися, моя жена постылая!

[1]) Монашенка, старица.—[2]) Здѣсь такъ замѣтенъ покровъ тайны; народъ доселѣ подобныя пѣсни, какъ на примѣръ о князѣ Волконскомъ и клюшничкѣ, неохотно поётъ, ссылаясь на запрещеніе.

«За [1]) постри́женье тебѣ дамъ сто рублей,
«За посхи́менья дамъ тебѣ тысячу;
«Я построю тебѣ нову келейку,
«Обобью ее чернымъ бархатомъ;
«Ты въ ней будешь жить да спасатися,
«Что спасатися—Богу молитися.»

Какъ и ѣхали тутъ купцы богатые,
Какъ увидѣли они нову келейку,
Дивовалися новой келейкѣ:
««Ахъ и что̀ это, братцы, за келейка?
««Хорошо келья постро́ена,
««И малёхонька, и новёхонька:
««Ужь и кто же въ ней спасается,
««Или вдовушка, или дѣвушка?»»
Выходила къ нимъ млада̀ ста́рочка,
Хорошохонька, малодёхонька,
Поклонилася имъ низёхонько,
Поклонимшися слово молвила:
—Тутъ спасается не дѣвушка,
—Не дѣвушка и не вдовушка,
—А спасается тутъ жена мужняя,—
—Не въ любви жила—не въ согласіи [2]).—

Какъ и взмолится тутъ немилый мужъ:
«Разстригися ты, жена моя милая!
«За разстри́женье дамъ тебѣ тысячу,
«За разсхи́менье—все имѣньице:
«Я построю тебѣ новъ-высокъ теремъ,
«А со красными со оконцами,
«Со хрустальными со стекольцами:
«Будешь жить въ немъ—прохлаждатися,

[1]) На.—[2]) Слѣдующій оборотъ представляется послѣ того, какъ вѣсть о постриженной разнеслась и мужъ устыдился.

«Во цвѣтно платье наряжатися.»
Какъ возговоритъ молода старочка:
—Что не надо мнѣ твоей тысячи,
—Ни всего твого имѣньица,
—Мнѣ не надобенъ новъ-высокъ теремъ:
—Я останусь въ этой келейкѣ,
—Ужь я стану жить-спасатися,
—За тебя Богу молитися.—

(Запис. гг. Костомаровымъ и Мордовцевой, ср. „Лѣтоп. Р. литер.“ т. IV).

*

Былина, съ запрещеннымъ именемъ, постепенно его теряла и скоро уже перешла отрывкомъ въ простыя пѣсни бесѣдныя:

5.

Возлѣ садику млада хожу,
Возлѣ зелена млада гуляю,
Соловьёвыхъ [1]) пѣсенъ слушаю:
Хорошо въ саду соловей поетъ,
Онъ поетъ-поетъ припѣваючи,
Къ моему горю примѣняючи,
Къ моему житью ко безсчастному.

Не пѣняю я, молодёшенька,
Ни на батюшку, ни на матушку,
Ни на братца—на яснаго сокола,
Ни на сестрицу—лебедь бѣлую;
Что пѣняю я, младёшенька,
На свою ли участь горькую,
На свои ли очи ясныя:
Ахъ вы очи-очи ясныя!

[1]) Разнорѣчіе позднѣе: „Соловьиныхъ.“

Вы глядѣли да оглядѣлися,
Вы смотрѣли да осмотрѣлися [1]):
Не по мысли вы друга вы́брали,
Не по мо́ему по обычаю!

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, слѣдовательно записано въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, а пѣлось передъ тѣмъ; за ними другіе позднѣйшіе).

*

Вотъ еще ступень дальнѣйшей передѣлки, а можетъ быть первообразъ, къ которому примѣнила свою пѣсню царица:

6

Какъ прошла ли про дѣвицу небылица,
Будто бы я батюшку обезсу́дила [2]),
Родную матушку обесчестила,
Что сама-то я ко милу другу приходила.
Ахъ за то на меня батюшко [3]) осердился,
Родимая матушка распрогнѣви́лася.
Что построилъ мнѣ сударь-батюшка темницу,
Безъ дверей-то онъ построилъ, безъ окошекъ,
Что одна только у те́мницы трубица.
И я стану своего батюшку просити:
«Проруби ты мнѣ, сударь-батюшко, три окошка,—
«Ужь какъ первое окошко—въ чи́сто поле,

[1]) Сахаровъ со свойственнымъ остроуміемъ исправилъ: „заглядѣлися, засмотрѣлися.“—[2]) Обезславила.—„Обезсудить“—лишить суда, т. е. по старому представленію—жеребья и счастья, доли (откуда *со-судъ*, вмѣстилище жеребья).— Понятіе же „безславія“ привилось къ этому слову такимъ путемъ: лишить кого возможности—стать передъ судомъ „съ лицомъ свѣтлымъ.“ Это подтверждается народнымъ творчествомъ Сербовъ, по которому главное счастье—свѣтлый образъ передъ судомъ („на дивану“), а главная бѣда человѣку—образъ черный, „црн образ,“ лицо обесчещенное.—[3]) Переходъ звательнаго на *о* въ именительный, какъ у Южныхъ Славянъ (и Итальянцевъ).

«А другое-то окошко—въ садъ зелёный,
«Ахъ какъ третье-то окошко—на сине море.
«Какъ по у́тру я, красна̀ дѣвица, рано встану,
«Погляжу-то я, красна̀ дѣвица, въ чисто поле:
«Ничего-то я, красна̀ дѣвица, не видала;
«Погляжу-то я, красна̀ дѣвица, въ садъ зелёный:
«Жалобнёхонько въ саду пташки распѣвали;
«Погляжу-то я, красна̀ дѣвица, на сине море:
«Какъ плыветъ тутъ—выплываетъ новъ корабликъ,
«Какъ на томъ корабликѣ мой дружечикъ.

«Я въ окошечко милу̀ другу кричала,
«Я платкомъ милу другу махала:
«Какъ не слышитъ мой сердечный другъ, не видитъ.
«Такъ я ру́чушкой милу другу махнула,
«Въ окошечко милу другу поклонилась:
««Ты прости, моя надёжа, милъ-сердечный другъ [1]),
««Ужь какъ знать, что [2]) мнѣ съ тобою не видаться!»»

(Оттуда же).

* * *

Здѣсь кончается *первая* половина Былевыхъ пѣсенъ изъ времёнъ Петровскихъ и начинается за симъ *вторая*, нѣсколько отличнаго характера, о чемъ см. „Замѣтку.“

[1]) Должно быть: „другъ сердечный.“—[2]) Вѣроятно: „Ужь какъ знать-то.“

Война Сѣверная. Походы Шведскіе.

X.

1.

Русскій сонъ.

«Вечо́ръ-то мнѣ, матушка,
малы́мъ-мало спалося,
«Что малымъ-мало спалося,
много видѣлося:
«Какъ привидѣлась мнѣ, матушка,
крута гора во снѣ;
«Что на кру́той на горѣ
бѣлъ-горючь камень лежитъ;
«А на камнѣ выросталъ
частъ-ракитовый кустъ;
«Какъ на кустикѣ сидитъ птица
младъ-сизо́й орелъ,
«Во когтяхъ своихъ онъ держитъ
черна ворона [1].»

Что возго́воритъ родная ее
матушка:
—Ты дитя мое, дитя милое!

[1]) Въ нашей древней словесности видитъ обыкновенно такой сонъ „дѣвица," или въ ея образѣ „земля:" здѣсь—дѣвица, а мать ея—земля Русская, сыра мать земля.

—Я тебѣ, дитя, сонъ этотъ разсужу:
—Что крута̀ гора,—
то каменна̀ Москва;
—Бѣлъ-горючь камень,—
то нашъ Кремль-городъ;
—А ракитовъ кустъ,—
то Кремлевскій дворецъ;
—Сизо̀й орёлъ,—то нашъ батюшка,
православный царь;
—А черно̀й воронъ,—
то Шведской король.
—Побѣдитъ нашъ государь
землю Шведскую
—И самого̀ короля
во полонъ возьметъ.—

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними позднѣйшіе и Сахаровъ).

* *

2.

Видѣнье королю Шведскому.

(Губ. Орловской, у. Малоархангельскаго).

Ты дорожка ли моя, дорожка,
торна-широка̀я!
Долиною ты, дорожка,
конца-краю нѣту;
Што нихто ли, вить, по этой
дорожкѣ не ѣздить,
Только ѣздить-проѣзжаить
одинъ король Шведскій.
Закричалъ ли король Шведскій
громкимъ голосочкомъ:

«Поглядите вы, ребята,
на свою сторонку,—
«Вотъ на нашей на сторонкѣ
всё темно̀ и чо̀рно:
«У насъ только, братцы, чо̀рно,—
жить младца̀мъ невольно
«Поглядите жь вы, ребята,
въ Русскую сторонку,—
«У, какъ тамъ ли, во Россіи,
ясно всё и кра̀сно:
«Ясно всё и красно,
жить младца̀мъ прекрасно [1].»

(Записано кн. Костровымъ).

* *

3.

Сборы Шведскіе.

(Съ Урала).

Во матушкѣ каменно̀й Москвѣ,
Тутъ бѣжитъ рѣчка быстрая;
По правой сторонкѣ войско царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго, Петра Перваго;
По лѣвую сторонку всё [Французское] [2].
Среди силушки [3]) генералъ стоитъ,

[1]) Въ сихъ образцахъ Сонъ и Видѣніе составляютъ такое же точно вступленіе къ великой творческой были, какъ въ Словѣ о Полку Игоревѣ и въ Сказаніи о Мамаевомъ побоищѣ.—[2]) „Войско Шведское." Во Французовъ все передѣлано по отдаленности мѣста (ср. и выше подобные случаи въ пѣсняхъ съ Урала).—[3]) Шведской.

Генералъ стоитъ [молодой Французъ] [1];
Въ рукахъ держитъ золоту̀ трубу,
Золоту трубу подзорную;
Онъ глядитъ–смотритъ во чисто̀ поле,
Во чисто поле, во синё море.
Не пыль–то въ полѣ запылилася:
Запылилася сила–армія [Французская] [2].
Побьютъ–то, побьютъ силу–армію
Царя Бѣлаго, Петра Перваго!
«Сударыня, барыня [3])!
«Откажи намъ всѣ Низо́вы города,
«Всѣ Низовы города, всѣ широ́ки острова,
«Всѣ широки острова, всѣ глубо́ки озера̀,
«Всѣ глубоки озера, всѣ и чистыя поля,
«Всѣ и чистыя поля, всѣ и тёмные лѣса̀!»

(Отъ В. И. Даля.—Ср. выше Князя Стрѣлковскаго и ниже Графа Шереметева).

* *

4.

Сборы Русскіе.

(Нерчинскъ).

На канунѣ было Петрова̀ дни, царскаго ангела,
Какъ не золотая трубынька вострубила,
Не серебренна сипо́вочка возыграла [4]),
Какъ возго́воритъ нашь батюшка православный царь,

[1]) Сравнительно съ другими образцами вѣроятно пѣлось въ подлинной пѣснѣ: „самъ король стоитъ, Самъ король стоитъ земли Шведскія."—[2]) „Земли Шведскія" или „Войско Шведское."—[3]) Это письмо короля Шведскаго и вѣроятно „Ужь ты гой еси, матушка, православная государыня" и т. п., а это отъ того, что всѣ подобныя пѣсни дальнѣйшей эпохи (см. вып. 9) начинаются такимъ обращеніемъ Шведовъ, Прусаковъ и Турокъ къ государынямъ.—[4]) Ср. выше сборы подъ Азовъ.

Всей ли же Россіи Петръ Алексѣевичь:
«Охъ вы гой еси, князья со боярами!
«Пьете вы—ѣдите всё готовое,
«Цвѣтное платьице носите припасёное,—
«Ничего-то вы не знаете, не вѣдаете:
«Еще пишетъ король Шведскій ко мнѣ грамотку,
«Онъ будетъ, король Шведскій, ко мнѣ кушати.
«Ужь мы столики разставимъ,—Преображенскій полкъ,
«Скатерти разстелемъ,—полкъ Семеновскій,
«Мы вилки да тарелки,—полкъ Измайловскій,
«Мы пóильце [1]) медяное,—полкъ драгунушекъ,
«Мы кушанья сахáрны,—полкъ гусарушекъ,
«Потчивать заставимъ,—полкъ пѣхотушекъ.»

(Записано Юрьенскимъ. дост. М. П. Погодинымъ).

* *

5.

Выступъ войска.

По конецъ было славна города,
Славна города коменнóй Москвы,
Что на самомъ ли на выѣздѣ,
На рóзстаняхъ ко Всесвятскому [2]),
Не туманъ, братцы, затуманился,
Не роса пала на травушку,
Что катилися горючи́ слезы,
Горючи слезы солдатскія,
Идучи́, братцы, въ землю Шведскую.

[1]) Поилице, поило, питье.—[2]) Извѣстное подмосковное село, по дорогѣ на Тверь и Новгородъ.

Всѣ солдаты во слезахъ идутъ,
Во слезахъ идутъ возрыдаючи:
Что прощаются ль солдатушки
Какъ съ отцами и со матерьми,
Что съ женами и со дѣтками,
Съ родомъ-племенемъ, съ пріятельми.
Лишь одинъ изъ нихъ весёлъ идетъ,
Что весёлъ идетъ, не кручинится:
Оставляетъ онъ отца и мать,
Оставляетъ молоду жену,
Оставляетъ малыхъ дѣтушекъ,
Оставляетъ весь и родъ-племя [1]).

[Но имѣетъ весьма храбрый духъ,
Исполняетъ волю царскую,
Вооружается за вѣру онъ,
Идетъ ратью за отечество].

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе).

* * *

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

XI.

Сборы и выѣздъ Шереметева. Пѣсня его.

1.

(Губ. Арханг., Шенкурскъ).

По дороженькѣ по Московской
Шли-прошли три полка солдатъ,
Три полка солдатъ, молодыхъ ребятъ.

[1]) Слѣдующее за симъ явно сочинено книжникомъ.

Впереди-то идутъ,—въ барабаны бьютъ,
За има́-то [1]) идутъ со знаменьемъ,
А во всемъ полку артикулъ мечутъ,
Замкѝ крѣпко бьютъ, ружьица свѝтлѣютъ [2])
Замкѝ взбря́кали, солдаты всплакали:
««Гдѣ намъ день дневать, ночь ко́ротать?
««Намъ денёкъ дневать—во чисто́мъ полѣ,
««Во чистомъ полѣ, подъ ясны́мъ небомъ:
««Ночь коротати,—во темно́мъ лѣсу,
««Во темно́мъ лѣсу, во сыромъ бо́ру;
««Намъ постелечка—мать сыра земля,
««Намъ зголовьицо—зло коре́ньицо,
««Умываньицо—частый-мелкій дождь,
««Утираньицо—шелкова́ тра́ва!»»

Позади полка́ идутъ—коня ведутъ,
Лошадь добрую, сивогривую:
На конѣ сидитъ самъ полковничёкъ [3]),
Самъ полковничёкъ—Шереметевъ графъ.
Во рукахъ держитъ саблю острую,
Во устахъ держитъ рѣчь хорошую [4]):
«Сряжается [5]) мой батюшка [6]) изъ Москвы въ походъ,
«Какъ во ту ли землю Шведскую, за границу государеву;
«Меня, добра молодца, съ собой берётъ:
«Не хотѣлось мнѣ, добру молодцу, изъ Москвы итти,
«Хотѣлось мнѣ, добру молодцу, при Москвѣ пожить,
«При Москвѣ пожить, во дворцѣ служить,
«Московскимъ чудотворцамъ молитися.

[1]) За ними-то.—[2]) Свѣтлѣютъ.—[3]) См. выше Князя Стрѣлковскаго и короля Шведскаго.—[4]) За симъ, замѣчаетъ записавшій, „напѣвъ перемѣняется, и, голосомъ прежнихъ нашихъ рапсодистовъ, которые нѣкогда пѣвали о „убогомъ Лазарѣ“ и объ „Алексѣѣ, человѣкѣ Божіемъ,“ продолжается монотонно эта пѣсня.“ Очень естественно, ибо за симъ, внѣ были или, лучше, внутри ея вставлена пѣсня—Плачь самого Шереметева (ср. подобные пріемы творчества выше). [5]) Въ другомъ спискѣ: „Снаряжался.“—[6]) Государь.

«Остался [1]) у добраго молодца сиръ зелёный садъ.
«Во садикѣ оставалося три деревца:
«Первое деревцо—кипарисовое,
«Другое деревцо—яблонь кудрявая,
«Третьёе деревцо остается—груша зелёная.
«Кипарисъ ростетъ—родной батюшка,
«Яблонь кудрявая—Богоданная матушка,
«Груша зеленая остаётся—молода жена.
«Отъ того мнѣ-ка не хотѣлось изъ Москвы итти,
«А хотѣлось мнѣ при Москвѣ пожить,
«При Москвѣ побыть, при дворцѣ служить,
«Чудотворцамъ Московскимъ покла́нятися,
«Отца ро́днаго на старости печаловать [2]),
«За матерью въ немогутѣ [3]) ухаживать,
«Молодой женой любоватися!»

(Записано г. Борисовымъ и доставлено черезъ М. П. Погодина).

*

Подобная пѣсня, какъ и предъидущія такія же, легко теряла имя и безъ обстановки разсказа дѣлалась одною жалобой на службу. Вотъ постепенность:

2.

Какъ никто-то про то не знаетъ, не вѣдаетъ,
Что куда нашъ государь-царь снаряжается:
Снаряжается государь-царь въ землю Шведскую;
Онъ меня ли, добра молодца, съ собой беретъ.
Ужь какъ мнѣ ли, добру молодцу, не хотѣлося:
Мнѣ хотѣлось, добру молодцу, при Москвѣ пожить,
При Москвѣ пожить, при дворцѣ служить,
При дворцѣ служить при государевомъ.

[1]) „Остается."—[2]) Заботиться, печься.—[3]) Въ немочи, въ болѣзни.

Какъ не жаль-то мнѣ, молодцу, золотой казны,
Только жаль-то мнѣ, молодцу, зелена сада;
Что во зеленомъ во садикѣ три деревца:
Ужь какъ первое въ саду деревцо—кедровое,
А другое въ саду дерево—кипарисное,
А третье въ саду древо—сладка яблонька.
Что кедрово древо въ саду—родной батюшко,
Кипарисъ древо въ саду—родна матушка,
Сладка яблоня въ саду—молода жена,
Отросточки у яблонки—малы дѣтушки.

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе).

*

3.

(Губ. Калужской, у. Боровскаго, с. Слобода).

Какъ куды же нашъ православный царь собирается?
Собирается православный царь во ины земли,
Во ины земли во Шведскія,
Изъ за Шведскихъ-то въ Турецкія.
Какъ меня, добраго молодца, за собой беретъ:
Ужь и мнѣ-то, доброму молодцу, не хотѣлося,
Ужь хотѣлось мнѣ, доброму молодцу, при Москвѣ пожить,
Въ славной улицѣ въ Воскресенской [1]).

(Запис. П. В. Кир.).

*

[1]) „Въ Воскресенскія.“

4.

(Съ Урала).

Ни въ умѣ-то было, ни въ разумѣ,
Въ помышленьицѣ моемъ не было,
Куды-то нашь батюшка,
Православный царь, собирается.
Собирается-соряжается въ дальнюю сторону,
Въ Низово́й [корпусъ] [1]),
Меня, добраго мо́лодца, съ собой беретъ.
Не хотѣлось доброму мо́лодцу въ походъ итти,
Хотѣлось мнѣ, доброму мо́лодцу, во Москвѣ пожить,
Во Москвѣ пожить, при дворцѣ служить.
Не жаль-то мнѣ, доброму молодцу, свою сторону,
Не жаль мнѣ, доброму молодцу, зелёный садъ,
Только жаль мнѣ, доброму молодцу,
Во саду три де́ревца:
Первое де́ревце—кипарисное,
Другое деревце—сладкая яблонь,
Третье деревце—зелена̀ груша,
Подъ грушицей подъ зеленой есть отросточки.
Кипарисъ древо—родной батюшка,
Сладкая яблонь—родная матушка,
Зелена груша—молода жена,
А отросточки—малы дѣтушки.

(Отъ В. И. Даля).

*

5.

(Оттуда же).

Эхъ, куды ты, православный царь, собираешься?
Собирается православный царь во Низовы городы,

[1]) Старше конечно: „Въ Низовой-то полкъ“ или „Въ Низовы полки.“

Меня ли, добраго молодца, съ собой беретъ.
Не жаль-то мнѣ, доброму молодцу, ни житья-бытья,
Только жаль мнѣ, доброму молодцу, зелена́ сада,
Въ зелены́мъ саду жаль мнѣ трехъ яблонокъ,
А больше жаль мнѣ сладкой грушицы,
А еще больше жаль мнѣ разстаться съ родными до́черьми!

(Отъ него же).

*

6.

(Губ. Симбирской, с. Станичное).

Никто про то не знаетъ, не вѣдаетъ,
Что куды-то нашъ православный царь собирается,
На Казань городъ сбирается, или въ Астрахань.
Меня, добраго молодца, за собой беретъ,
Ивана Леонтьевича Севрюгина [1]).
А мнѣ было, доброму молодцу, не хотѣлося:
Мнѣ хотѣлося, доброму молодцу, во Москвѣ пожить,
Во Москвѣ пожить, при дворцѣ служить.

(Отъ А. М. Языкова).

7.

Не черно́й воронъ высоко́ леталъ,
Высоко леталъ, жалобно́ кричалъ,—
Добрый молодецъ по Москвѣ гулялъ,
По Москвѣ гулялъ, тяжело вздыхалъ:
«Мнѣ не жаль-то, не жаль самому себя,
«Только жаль-то мнѣ, жаль зелена́ сада!

[1]) Сообразно Низовымъ городамъ, появляются снова и прежніе герои: ср. выше Ивана Скорлыгина.

«Въ зеленóмъ саду есть три дéревца
«Перво деревцо—кипарисное,
«Друго деревцо—сладка яблонка,
«Третье деревцо—зеленá груша.
«Кипарисъ древо—родной батюшко,
«Сладка яблонка—родна матушка,
«Зелена груша—молода жена.
«Родной батюшка плачетъ,—какъ рѣка льется,
«Родна матушка плачетъ,—какъ ключи шумятъ,
«Молода жена плачетъ,—роса утрення:
«Какъ солнце взойдетъ, росу высушитъ.»

(Запис. П. В. Кир.).

Пѣсня эта своимъ началомъ, а особенно концомъ, переходитъ уже въ совершенно особый разрядъ многочисленныхъ Молодецкихъ Безъимянныхъ пѣсенъ.

* * *

XII.

Шереметевъ и Шлиппенбахъ.

Маіоръ земли Шведской.

1.

(Земля Войска Донскаго).

Какъ во тысяча во семьсотъ во первомъ гóду,
Да и шестаго мѣсяца Іюня [1]),
Какъ шестаго нá десять во числахъ [2]),
Какъ во томъ было во чистомъ полѣ,
Пролегала тамъ дороженька широкáя,
Долиною, пробойная,—краю нѣту [3]).

[1]) По другимъ „Іюля."—[2]) Въ числахъ, по числу—Іюня 16-го.—[3]) Дороженька пробойная, долиною—краю нѣту.

Какъ по той по широ́кой по дорожкѣ,
Тамъ шелъ–прошелъ царскій Большой Бояринъ,
Кавалеръ Борисъ Петровичь Шереметевъ,
Со своимъ онъ со коннымъ эскадрономъ,
Со своимъ онъ пѣшеходнымъ батальономъ,
Со своими козацкими полками,
Со своими Донскими козака́ми.

Приходили они на Шведскую границу,
Вокругъ Краснаго Мыса [1]) становились,
Козаковъ посылали грабить городъ Илтаво́ры [2]):
Они Красный Мысъ разорили,
Въ полонъ Шведскаго маіора посадили...

(Не кончено; ср. сборникъ Савельева, 1866 г.).

Пѣсня важна тѣмъ, что, кромѣ чиселъ, соединяетъ сей отдѣлъ съ предъидущимъ описаніемъ „дороженьки широкой."

*

2.

(Губ. Калужской, у. Лихвинскаго, с. Андроновское).

Собирался-то Большой Баринъ,
Онъ со тѣмъ ли войскомъ со Россейскимъ,
Что на Шведску-то границу.

Не дошедши онъ границы, становился,
Становился въ чистомъ полѣ при долинѣ,
Россейскимъ войскомъ поле изуставилъ,
Россейскими знаменами поле изукрасилъ.

[1]) Красной Мызы.—[2]) Ерестферы (Елтафоры—Илтаворы).

Какъ увидѣлъ король Шведскій:
«Чтó-й-то въ полѣ всё за люди?
«Ни́ [1]) торгомъ пріѣхали они торговати,
«Или нашего городу глядѣти?»

Что приходили только й си́лы [2]),
Что ни люты звѣрки́ проревѣли,—
Что чугунныя ядры проревѣли;
Сходилися ту́то й двóи си́лы,
Что шибкіе громы гремѣли,
Что ни люты звѣри проревѣли,—
Прогремѣли чугунныя ядры;
Что между ихъ протекали рѣки,—
Протекали рѣки, рѣки кровавы́я [3]);
Что и силы полягло́,—что и смѣты нѣту.

(Запис. П. И. Якушкинымъ).

*

3.

(Сызрань, Симбирск. губ.).

При край было синяго моря,
При усть [4]) было Тихаго Дунаю [5]).
Тутъ роспа́хана была пашня:
Не плугами и не сохами,—
Добрыихъ коней копыта́ми;

[1]) Нись, нѣсть ли?—[2]) Какъ только приходили силы.—[3]) Начало сравненія, разыгравшагося далеко въ слѣдующихъ образцахъ.—[4]) См. выше объ этой формѣ.—[5]) Тихаго Дону: участіе Донскихъ козаковъ разсѣяло ихъ черты по всѣмъ пѣснямъ этой эпохи, ср. выше. Но любимый Дунай явился еще потому, что все это начало восходитъ къ глубокой древности образовъ.

Посѣяна была пашня
Еще тѣми же драгунскими тѣлами;
Взборонована была пашня
Еще тѣми же Мурзавецкими [1]) копьями;
Полйвана была пашня
Тою ли хрістіянской кровью. [2]).

Собирался Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ князь
Подъ тотъ ли подъ городъ подъ Мызу.
Онъ исправилъ провіянты не большіе,
Въ походъ пошелъ,—онъ и шелъ всё топями,
Всё топями, всё грязями,
Всё темными лѣсами.
Не дошедши онъ Мызы, становился,
Не дошедши онъ Мызы за пятнадсать верстъ:
Онъ разъѣзжихъ козаковъ разсылаетъ,
Разъѣзжіе козаки разъѣзжаютъ,
Шведскіе караулы разбиваютъ,
И Шведскаго маіора поймали,
Къ Борису Петровичу приводили.
То Борисъ сударь Петровичь сталъ его пытати,
Крѣпкими допросами допрашати:
«Охъ ты гой еси, маіоръ Шведскій!
«Скажи—не утай всеё правду:
«Много ли у васъ силы?»
Возговоритъ маіоръ Шведскій:
—Охъ ты гой еси, Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ князь!
—У насъ силы много:
—Со мною со маіоромъ сорокъ тысячь,
—А съ самимъ съ королемъ много—смѣты нѣту.—
Какъ возговоритъ Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ князь:

[1]) Мурзинскими, ср. Былины Богатырскія.—[2]) Образы и краски Слова о П. Игоревѣ.

«Охъ ты врёшь-плутуешь, говоришь не дѣло!
«Я этого не боюся,
«Я съ конницей съ драгунами не ворочуся:
«Собью я Мызу всю съ корня,
«До самой до пóштвы [1])!»

(Запис. Языковъ).

*

Слѣдующій образецъ отлично развитъ и сохранился:

4.

Не грозная туча возставала [2]),
Не частъ-крупенъ дождикъ выпадаетъ:
Изъ славнаго изъ города изъ Пскова [3])
Подымался царёвъ Большой Бояринъ,
Графъ Борисъ сударь [4]) Петровичь Шереметевъ,
Онъ съ конницею и со драгуны [5]),
Со всею Московскою пѣхотой.

Не дошедъ онъ Красной Мызы становился [6]),
Хорошо-добрѣ [7]) полками приполчи́лся [8]),
Онъ и пушки, и мортиры всѣ уставилъ [9]).
Не ясёнъ соколъ по поднебесью летаетъ,
То Бояринъ по полкамъ нашимъ гуляетъ;
Что не золотая трубушка вструбила [10]).

[1]) До почвы.—[2]) *И. И. Дмитріевъ*, въ своемъ „пѣсенникѣ," *исправилъ* эту Былину (какъ и многія другія пѣсни); отмѣтимъ эти „исправленія" въ разнорѣчіяхъ. — „собиралася".—[3]) „Изъ славнаго города изо Пскова."—[4]) Опущено.—[5]) „Со конницею, со драгунами."—[6]) „становится."—[7]) Больно хорошо.—[8]) „ополчается."—[9]) „Ужь и пушки, и мортиры,—все уставлено."—[10]) „вострубила."

То возго́воритъ царёвъ Бoльшой Бояринъ,
Графъ Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ:
«Ой вы дѣтушки, драгуны и солдаты!
«Мнѣ льзя ли на васъ надежду положити,—
«Супротивъ непріятеля постояти?»
Тутъ возго́ворятъ драгуны и солдаты:
««И мы рады [1]) государю послужити,
««И одинъ за одного [2]) умерети!»»

Тутъ скоро Бояринъ подымался
Со конницею и со пѣхотой.
Нашли они на Шведски караулы:
Они Шведски караулы сами скрали [3])
И маіора во полонъ къ себѣ взяли [4]).
Привели они маіора къ генералу;
Приказалъ его генералъ допросити:
«Скажи ты, маіоръ земли Шведской [5]),
«Скажи намъ всю истинную правду,
«Не моги ты у царя [6]) утаити:
«Далече ли стоитъ ваша сила,
«И много ли силы съ генераломъ,
«Съ самимъ генераломъ Шлиппенбахомъ [7])?»
Что возго́воритъ маіоръ земли Шведской:
—Ахъ ты гой еси, царёвъ Большой Бояринъ,
—Графъ Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ [8])!
—Не могу я у царя утаити,
—Скажу я всю истинную правду:
—Стоитъ наша сила въ чистомъ полѣ,
—За тѣми за мхами—за болоты,

1) „Мы ради."—2) Вполнѣ народно; *Дмитр.* „за другова."—3) Техническое выраженіе того времени: сняли пикеты.—4) „Нашли они на караулы Шведскія, Они скрали ихъ и съ маіромъ самимъ."—Удивительно, какъ Дмитріевъ, въ другихъ случаяхъ необычайно тонкій чутьемъ, глухъ былъ здѣсь къ народному, слишкомъ замѣтному складу.—5) „Шведскія."—6) Петра.—7) Въ другихъ: „Шлипембахомъ."—8) Соображая, что маіоръ могъ не знать имени, Дмитріевъ его опустилъ.

—За тою за великой переправой [1]),
—По-край-близъ [2]) Варяжскаго моря;
—А силы съ генераломъ сорокъ тысячь,
—Съ любимымъ [3]) генераломъ Шлиппенбахомъ.—
Бояринъ тѣхъ словъ не испугался,
Онъ скоро съ полками подымался.

Не двѣ грозныя тучи на́ небѣ всходили [4]):
Сражалися два войска тутъ большія,
Что Московское войско со Шведскимъ [5]).
Запалила [6]) Шереметева пѣхота
Изъ мелкаго ружья и изъ пушекъ [7]).
Тутъ не страшный громъ изъ тучи грянулъ,
Не звонкая пушка разродилась:
У Боярина тутъ сердце разъярилось.
Не сыра́я мать-земля разступилась,
Не синее море всколебалось [8]):
Примыкали штыки тутъ на мушкеты,
Бросали всѣ ружья на погоны,
Вынимали тута [9]) вострыя сабли,
Приклоняли тутъ булатныя ко́пья,

[1]) „За тѣми ли за мхами и болотами, За тою великою переправою.“—[2]) Какъ одно нарѣчіе: близко возлѣ краю.—[3]) У короля и Шведовъ: вполнѣ народно; Дмитріевъ выпустилъ какъ неловкость.—[4]) „тучи собиралися.“—[5]) „Два тутъ сильныя войска сразилися, Московское войско и Шведское.“—[6]) „тутъ.“—[7]) „Изъ пушекъ, мортиръ, ружья мелкаго.“ Вслѣдствіе этой поправки, по народному складу вышло бы, что мортиры—мелкое оружіе.—[8]) Нѣсколько перебито, и это скорѣй слѣдовало бы поправить Дмитріеву; въ подлинномъ образцѣ вѣроятно было:

Тутъ не страшный громъ изъ тучи грянулъ:
Ино звонкая пушка разродилась;
Не сыра́я мать-земля разступилась,
Не синее море всколебалось:
У Боярина тутъ сердце разъярилось;
Примыкали штыки... и т. д.

[9]) У Дмитр. опущено.

Гналися за Шведскимъ генераломъ
До самаго до города до Дерпта [1]).

Какъ расплачутся тутъ Шведскіе солдаты,
Во слезахъ они чуть слово промолвятъ:
««Лихая, де, Московская пѣхота!
««На вылазку часто выступаетъ
««И тѣмъ насъ жестоко побѣждаетъ [2])!»»;

Тутъ много мы [3]) Шведовъ порубили,
А въ трое того въ полонъ ихъ взяли:
Тѣмъ прибыль государю учинили [4]).

(Пѣсенники, послѣ Новиковскаго, съ конца прошлаго столѣтія до 20-хъ годовъ нынѣшняго; Дмитріева 1796 года).

*

Въ слѣдующихъ образцахъ складъ уже понизился или ослабѣлъ:

5.

Изъ славнаго изъ [5]) города изъ Пскова
Подымался царёвъ Большой Бояринъ,
Графъ Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ,
Онъ со конницею и со драгуны,
Со пѣхотными солдатскими полками.

Не дошедши Красной Мызы, становился,
Хорошо-добрѣ полками приполчился.

[1]) „Преклоняли копья меткія И гнались за Шведскимъ воинствомъ До самаго Дерпта города:" сладость Карамзинской эпохи.—[2]) Дмитр. вмѣсто всего этого: „Какъ расплачутся солдаты Шведскіе: Лихая, де, пѣхота Московская!"—[3]) Эти, и многія другія, черты убѣждаютъ, что Былина сложена тотчасъ за былью; слышенъ строй военнаго марша и весь складъ рѣчи современной эпохи.—[4]) Этотъ стихъ, опять выпущенный Дмитріевымъ, совершенно отзывается рѣчью тогдашнихъ реляцій.—[5]) *У Сахарова* опущено, какъ „лишнее" повтореніе.

Не ясёнъ соколъ по поднебесью летаетъ,
То Бояринъ по полкамъ нашимъ гуляетъ;
Что не золотая трубушка вострубила,
Да что взговоритъ царёвъ Большой Бояринъ,
Графъ Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ:
«Ой вы дѣтушки, драгуны и солдаты!
«Можно ли мнѣ на васъ понадѣяться [1]),—
«Супротивъ непріятеля постояти?»
Да что взговорятъ драгуны и солдаты:
««Мы ради государю послужити,
««Единъ за единаго умерети!»»

Тутъ скоро Бояринъ подымался
Со конницей и со пѣхотой.
Нашли они на Шведскіе караулы:
Они Шведскіе караулы сами скрали,
Маіора въ полонъ къ себѣ взяли.
Привели они маіора къ генералу,
Къ полевому кавалеру [2]);
Приказалъ его генералъ допросити:
«Скажи ты, маіоръ земли Шведской,
«Скажи намъ всю истинную правду,
«Не моги ты у царя утаити:
«Далече ли стоитъ ваша сила,
«И много ли силы съ генераломъ,
«Съ самимъ генераломъ Шлипенбахомъ?»
Что возговоритъ маіоръ земли Шведской:
—Ахъ ты гой еси, царёвъ Большой Бояринъ,
—Графъ Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ!
—Не могу я у царя утаити,
—Скажу я всю истинную правду:
—Стоитъ наша сила въ чистомъ полѣ,

[1]) Какъ это слабо и невѣрно складу сравнительно съ предыдущимъ образцомъ!—[2]) Опять хуже.

—За тѣми за мхами—за болоты,
—За той превеликой переправой,
—По-край-близъ Варяжскаго моря;
—А силы съ генераломъ сорокъ тысячь,
—Съ любимымъ генераломъ Шлипенбахомъ.—
И тутъ [1]) Бояринъ не устрашился,
Онъ скоро съ полками подымался.

Не двѣ грозныя тучи на небѣ всходили:
Сражались два войска большія,
Московское войско со Шведскимъ;
Запалила тутъ Шереметева пѣхота
Изъ мелкаго ружья и изъ мортировъ.
Какъ не громъ предъ тучею [2]) грянулъ,
Троилъ-пушка разродилась,
У Боярина сердце разъярилось.
Не сыра́ мать-земля разступилась,
Не синее море всколебалось:
Примыкали штыки на мушкеты,
Бросали ружья на погоны,
Вынимали вострыя сабли,
Приклоняли булатныя копья [3]),
Гнались за Шведскимъ генераломъ
До самаго города до Дерпта.

Какъ расплачутся Шведскіе солдаты,
Во слезахъ они едва сіе [4]) промолвятъ:
««Лихая, де, Московская пѣхота!
««Что часто на вылазку выступаетъ
««И тѣмъ [5]) насъ жестоко побѣждаетъ!»»

[1]) *Сахар.* „И того.“ —[2]) Опять хуже.—[3]) *Сахар.* оразнообразилъ: „копья булатныя.“—[4]) Сахаровъ догадался: „слово.“—[5]) Исправилъ: „безъ бою.“ Хороши Шведы послѣ горячей битвы и „лиха“ пѣхота „безъ бою!“

Тутъ много мы Шведовъ порубили,
А въ трое и больше въ полонъ взяли:
Государю тѣмъ прибыль учинили.

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій, а за ними другіе и Сахаровъ).

*

Тѣ же и Левенгауптъ.

6.

(Губ. Архангельской, у. Шенкурскій).

Серéдь было краснаго лѣта,
Въ первыхъ числáхъ въ Іюлѣ,
Что изъ славнаго города Петербурга
Подымался царёвъ Большой Бояринъ,
Генералъ, и кавалеръ, и фельдмаршалъ,
Графъ Борисъ Петровичь Шереметьевъ,
Подымался подъ Шведскую Красную Мызу.

Не дошедъ до Красной Мызы, становился,
Онъ крѣпкія батареи на Шведа наладилъ,
Онъ пушки-мортиры разостáвилъ.

Не двѣ тучи на небѣ сходились:
Сходили́сь два войска въ чистомъ полѣ,
Русское войско со Шведскимъ;
Что не молнія на небѣ проблеснула:
Голубецъ, наша пушка, разряжалась;
Не громкій громъ нá небѣ взгрянулъ:
Запалила Шереметьева пѣхота.
Ни дéнно, ни нóчно нѣтъ покою,
Ни много, ни мало не отступятъ.
Они крѣпко къ Шведу приступаютъ,
Шведскую силу побиваютъ [1])

[1]) Очевидно переставлены части Былины.

Полонили маіора земли Шведской,
Повели они маіора звать-пытати:
«Ты скажи, скажи, маіоръ, всю сущу правду,
«Что по этому крестному цѣлованью:
«Много ли стоитъ силы въ Красной Мызѣ?
«Много ли силы-войска съ Левенóптомъ?»
—Ахъ ты батюшка, царёвъ Большой Бояринъ!
—Ты дай сроку, сударь, на единый часъ,
—Разскажу я тебѣ, сударь, сущу правду,
—Порýкою крестное цѣлованье:
—Стоитъ силы въ Красной Мызѣ тридцать тысячь,
—Съ генераломъ съ Левенóптомъ сорокъ тысячь.—
Отвѣчаетъ царёвъ Большой Бояринъ,
Генералъ, и кавалеръ, и фельдмаршалъ,
Графъ Борисъ Петровичь Шереметьевъ:
«У меня, генерала, двадцать тысячь,
«А и тутъ, вѣдь, я Шведа не боюся,
«А подъ Красную Мызу становлюся!»

Генералъ Шильпебахтъ испугался,
Изъ подъ Красной Мызы убирался.

(Записано адмираломъ Кузьмищевымъ и доставлено М. П. Погодинымъ).

* * *

Ср. подобныя части творческаго разсказа нѣсколько разъ ниже.

Случай съ маіоромъ переходитъ обратно на Краснощокова и этотъ знаменитый герой выступаетъ здѣсь въ первые:

XIII.

Левенгауптъ и Краснощоковъ.

Пріуныло-пріумолкло *войское Донское*,
Пріужаснулась армеюшка царя Бѣлаго,
Безъ вѣрнаго служителя государева,
Безъ Ивана Матвѣича Краснощокова.
Взяли Краснощокова въ полонъ Шведы,
Повели добраго молодца къ Левенгаупту.
Какъ и сталъ его Левенгауптъ спрашивать:
«Ты скажи, скажи, добрый молодецъ, *не утай ничего*:
«Ты чѣмъ служилъ царю Бѣлому, какъ ты жалованъ,—
«Сотникомъ, полковникомъ иль бригадирушкой [1]?»
Рѣчь возговорилъ Краснощоковъ Левенгаупту:
—Я служилъ царю Бѣлому ровно тридцать лѣтъ,
—И не сотникомъ-полковникомъ-бригадирушкой,
—Я служилъ царю Бѣлому—рядовой козакъ.—
«Нѣтъ, не правду, *разудалый*, *открываешь мнѣ*:
«На тебѣ, младецъ, управушка не козачая,
«На тебѣ-то управушка командирская.
«Я хочу тебя, младца, *просить просьбою*:
«Ты служилъ царю Бѣлому ровно тридцать лѣтъ,—
«Послужи ты *царю* Шведскому хоть три года?»
Какъ воскрикнулъ Краснощоковъ Левенгаупту:
—*Ахъ если бы была* при мнѣ сабля острая,
—Послужилъ бы я надъ твоей буйной головушкой!—

(„Русская Старина“ Корниловича, Сахаровъ и г. Савельевъ: перепечатывали другъ отъ друга; въ старшихъ и лучшихъ изданіяхъ нѣтъ. Кромѣ выраженій, отпечатанныхъ курсивомъ и противныхъ складу народному, замѣтна вообще искусственность, а если и была подлинная основа, то вѣроятно и тамъ по смѣшенію Левенгаупта съ Ласси, Шведскаго плѣна съ Турецкимъ, въ которомъ точно увидимъ героя ниже, при подробностяхъ о немъ въ творчествѣ послѣдующей эпохи. Ср. „Замѣтку“).

* * *

Слѣдующій отдѣлъ связывается съ предыдущими—образцомъ тѣхъ же пріемовъ, съ маіоромъ:

[1]) Въ отличіе отъ другихъ старшинъ, полковниковъ, Краснощоковъ именовался „бригадиромъ.“

XIV.

Орѣхъ—Орѣшекъ, Нотебургъ—Нюссбургъ, Шлюссельбургъ—Шлюшенъ.

1.

(Кирша Даниловъ).

Во славномъ городѣ въ Орѣшкѣ,
По нынѣшнему званію [1]) Шлюшенбургѣ,
Пролегла туто широкая дорожка.
По той по широкой дорожкѣ
Идетъ тутъ царевъ Большой Бояринъ,
Князь [2]) Борисъ сынъ Петровичь Шереметевъ,
Со тѣми онъ со пѣхотными полками,
Со конницей и со драгунами,
Со удалами [3]) Донскими козаками.

Вошли они во Красную Мызу,
Промежу тѣми высокими горами,
Промежу тѣми широкими долами,
А всѣ полки становилися.
А втапоры Борисъ сынъ Петровичь
Въ объѣздъ онъ Донскихъ козаковъ посылаетъ,
Донскихъ, Гребенскихъ да Яицкіихъ:
Какъ скрали [4]) они Шведскіе караулы,
Маіора себѣ во полонъ полонили,
Привезли его въ лагери царскіе.

1) Признакъ сложенія Былины вскорѣ по взятіи и переименовкѣ города.— 2) Сборникъ *Костом.* и *Мордовц.*, перепечатавши эту Былину, исправилъ „графъ," а „князь" поставилъ *въ варіантахъ*.—3) Вѣроятно опечатка вм. „удалыми." Такъ и исправилъ *Кост.*—4) *Кост.* „сняли."

Злата [1]) труба въ полѣ протрубила,
Прогласилъ государь, слово молвилъ,
Государь Московскій, первый императоръ:
«А и гой еси, Борисъ сынъ Петровичь!
«Изволь ты маіора допросити
«Тихонько, помалешеньку [2]):
«А сколько, де, силы въ Орѣшкѣ
«У вашего короля Шведскаго?»
Говоритъ тутъ маіоръ не съ упадкою [3]),
А сталъ онъ силу разсказывать:
—Съ генераломъ въ полѣ нашимъ [4]) сорокъ тысячей,
—Съ королемъ въ полѣ смѣты нѣтъ.—
А втапоры царевъ Большой Бояринъ,
Князь Борисъ сынъ Петровичь Шереметевъ,
А самъ онъ царю рапортуетъ:
««Что много, де, силы въ полѣ той Шведской,
««Съ генераломъ стоитъ силы сорокъ тысячей,
««Съ королемъ въ полѣ силы смѣты нѣтъ.»»
Злата труба въ полѣ—въ лагерѣ протрубила,
Прогласилъ первый императоръ:
«А и гой еси, Борисъ Петровичь!
«Не устрашися маіора допросити,—
«Не корми маіора цѣлы сутки;
«Еще вы его повторите [5]),—
«Другіе вы сутки не кормите:
«И сладко [6]) онъ разскажетъ,
«Сколько у нихъ силы Шведскія.»
А втапоры Борисъ Петровичь Шереметевъ
На то-то больно догадливъ:
А двое, де, сутки маіора не кормили,
Во третьи винца ему подносили;

[1]) *Кост.* „не злата,“ а „злата“ поставлено *въ варіантахъ.*—[2]) „Допросити помалёшеньку, тихонько.“—[3]) *Кост.* „не съ утайкою“, а „не съ упадкою“ *въ варіантахъ.*—[4]) „нашихъ,“ для разнообразія.—[5]) *Кост.* „допросите.“—[6]) *Кост.* „тогда.“

А втапоры маіоръ разсказалъ,
Правду истинну разсказалъ [1]):
—Всѣхъ съ королемъ нашимъ и генераломъ
—Силы семь тысячей, а болѣе того нѣту.—
И туть государь взвеселился:
Велѣлъ ему, маіору, голову отляпать [2]).

(„Др. Росс. Стихотвор.“).

* *

Пѣсни подлинно и собственно объ Орѣшкѣ слѣдуютъ за симъ:

2.

Ты злодѣй-злодѣй, ретиво̀ сердце,
Ретиво̀ сердце молодецкое!
Къ чему ты ныло-заныввало?
Ты бѣду мнѣ, молодцу, предвѣщало,
Предвѣщало ты, а не сказало:
Что быть ли мнѣ, молодцу, въ рекру̀тахъ,
Что въ рекрутахъ быть мнѣ [3]) и въ солдатахъ,
А въ солдатахъ быть мнѣ [3]) и въ походѣ
Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ,
По нынѣшнему званію Шлиссельбургомъ [4]).

Весьма скоро Шведы догадались:
Они ударили тотчасъ въ барабаны.
Да что взго̀воритъ нашъ батюшка императоръ:
«Ахъ вы любимые мои генералы!

[1]) При другихъ признакахъ порчи въ текстѣ, это уже самый наглядный.— [2]) *Кост.* предлагаетъ „замѣчательный“ *варіантъ*: „оттяпать.“ Болѣе деликатный *Сахаровъ* совсѣмъ выбросилъ послѣдній стихъ.—[3]) Въ иныхъ нѣтъ „мнѣ.“—[4]) Признакъ, что пѣсня сложена современно, немедленно за событіемъ: имя *старое* и прибавка *новаго, нынѣшняго*.

«Вы придумайте мнѣ думу, пригадайте:
«Еще брать ли мнѣ городъ Орѣшекъ,
«Иль не лучше ль отъ него намъ отступити?»
Что возгóворятъ всѣ генералы:
««Ахъ ты нашъ батюшка, государь-царь!
««Еще сила намъ будетъ нада [1]):
««Что не лучше ли намъ отсюда отступити?»»
Что возговоритъ надёжа государь-царь:
«Ахъ вы дѣтушки мои, солдаты!
«Вы придумайме мнѣ думушку, пригадайте:
«Еще брать ли намъ городъ Орѣшекъ?»
Что не ярыя тутъ пчелы зашумѣли,
Что возгóворятъ Россійскіе солдаты:
—Ахъ ты нашъ батюшка, государь-царь!
—Намъ водою къ нему плыти,—не доплыти,
—Намъ сухимъ путёмъ итти,—не досягнути:
—А что брать или не брать ли,—бѣлой грудью [2])!—

Тронулося войско ко стѣнѣ,
Полетѣли башни на берегъ,
Отворились вороты непродѣльны,
А проломаны изъ пушекъ ядрами.
Побѣдили силу Шведскую,
Полонили городъ надобной.

(Пѣсенники съ 1818 года, Театральный, Глазуновскій, П. Ш., Гурьянова и друг.).

Складъ пѣсни, постепенно возобладавшій въ ту эпоху.

✲

[1]) Женскій родъ отъ мужескаго *надъ* (ср. *на-дѣ-ть, на-дежд-а,* серб. *на-да-ци-се* и т. п.): основа для дальнѣйшаго развитія *надоба, надобенъ, надобна* (ср. *радъ—Радованъ, милъ—Милованъ*).—[2]) Ср. выше думу о походѣ Азовскомъ. Отселѣ складъ пѣсни измѣняется и, если выше попадаются выраженія книжныя, письменныя, то конецъ почти несомнѣнно придѣланъ послѣдующимъ книжникомъ.

3.

Ты злодѣй-злодѣй, ретиво́ сердце,
Ретиво́ сердце молодецкое!
Къ чему ты ныло-занывало?
Ты бѣду мнѣ, молодцу, предвѣщало,
Предвѣщало, а не сказало:
Что быть ли мнѣ, молодцу, въ рекрутахъ,
Что въ рекрутахъ быть мнѣ и въ солдатахъ,
А въ солдатахъ быть и въ походѣ
Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ,
По нынѣшнему званію Слиссельбургомъ.

Весьма скоро Шведы догадались:
Они ударили тотчасъ въ барабаны.
Да что взговоритъ нашъ батюшка императоръ:
«Ахъ вы любимые мои братцы, генералы!
«Вы придумайте мнѣ думу, пригадайте:
«Еще брать ли намъ Орѣшекъ,
«Иль не лучше ль отъ него отступити?»
Что возговорятъ всѣ генералы:
««Ахъ ты нашъ батюшка, государь-царь!
««Еще сила намъ будетъ на́да:
««Что не лучше ль намъ отступити?»»
Что возговоритъ надёжа государь-царь:
«Ахъ вы дѣтушки мои, солдаты!
«Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте:
«Еще брать ли намъ городъ Орѣшекъ?»
Что не ярыя тутъ пчолы зашумѣли,
Что возговорятъ Россійскіе солдаты:
—Ахъ ты нашъ батюшка, государь-царь!
—Намъ водою къ нему плыти,—не доплыти,
—Намъ сухимъ путемъ итти,—не досягнути:
—А что брать ли иль не брать ли,—бѣлой грудью!—

Тронулося войско ко стѣнѣ,
Полетѣли башни на берегъ,
Отворилися ворóта не продѣланны,
А проломаны изъ пушекъ ядрами.
Побѣдили силу Шведскую,
Полонили городъ надобной.

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними послѣ нѣкоторые другіе: хуже предъидущаго разпорѣчія, именно словомъ „непродѣланны," хотя и старше временемъ напечатанія. Замѣтно, что всѣмъ служилъ образцомъ подлинникъ третій и старшій, къ которому послѣдовали придѣлки; *рукопись кн. Церетелева* подтверждаетъ еще то же самое):

*

4.

Злодѣй-злодѣй, ретивó сердце!
Чтó ты ныло, рéтивое, заныва́ло,
Ничего ты мнѣ, сердечко, не сказало?
Да что быть мнѣ, молодцу, въ рекрутахъ,
Во солдатахъ быть мнѣ и въ походѣ
Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ,
А по нынѣшнему званію Шлиссербургомъ.

Что заслышавъ воры-Шведы догадались,
Что ударили они въ барабаны,
Наши Русскіе солдатушки въ литавры.
Да что взговоритъ нашъ государь-царь:
«Ахъ вы гой еси, братцы, генералы!
«Вы придумайтѣ мнѣ, братцы, пригадайте;
«Еще какъ намъ будетъ взять Орѣшекъ?»
««Ахъ ты гой еси, нашъ батюшка, государь-царь!
««Что не лучше ль намъ отъ города отступити?»»
Что возговоритъ государь-царь ко солдатамъ:
«Ахъ вы гой еси, мои дѣтушки солдаты!
«Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте;

«Еще брать ли намъ иль нѣтъ Орѣхъ-городъ?»
Что не ярыя пчолушки во ульѣ зашумѣли,
Да что взговорятъ Россійскіе солдаты:
—Ахъ ты гой еси, нашь батюшка, государь-царь!
—Намъ водою къ нему плыти,—не доплыти,
—Намъ сухимъ путёмъ итти,—не досягнути:
—Мы не будемъ ли отъ города отступати,
—А будемъ мы его бѣлою грудью брати,
—А что брать ли иль не брать ли,—бѣлой грудью!—

Тронулося войско ко стѣнѣ,
Полетѣли башни на берегъ,
Отворилися ворота не продѣланы,
А проломаны изъ пушекъ ядрами.
Побѣдили силу Шведскую,
Покорили городъ надобный.

(Рукоп. *кн. Церетелева*: изъ какого-то пѣсенника, откуда повторилъ и г. *Костомаровъ* съ г. *Мордовц*.).

* *

Ср. выше, думы о походѣ и походы подъ Смоленскъ и Азовъ, вып. 7-й и настоящій 8-й.

Весьма уже рано Былина эта перешла въ пѣсню Безъимянную и Молодецкую, даже Женскую, благодаря особенно лирическому ея началу, подобно какъ выше „Таланъ“ или „Змѣйка скоропейка:“

5.

Ты злодѣй-злодѣй, чужая-дальна [1]) сторона!
Ужь сколько мнѣ ни жити,—всё тужити,
Мнѣ родимыя сторонки не забыти.
Ты злодѣй-злодѣй, ретивое мое сердце!

[1]) Д. б. „чужа-дальна“ или „чужедальна.“

Къ чему ты, сердце мое, ноешь-унываешь?
Не скажешь ты ни радости, ни кручины:
Не можешь ты мила друга забыти,
Ни денною порою, ни ночною,
Ни утренней зарею, ни вечерней.

Со той ли тоски великія, злой кручины,
Пойду-пойду, младёшенька, погуляю,
Я найду-найду два камышка алмазны,
Я камышекъ о камышекъ ударю [1]).
Не во всякомъ драгомъ камнѣ огонь-искра:
Не во всякомъ добромъ мо́лодцѣ любовь-правда.
Любилъ меня милъ-сердечной, да покинулъ.
Я на шуточки милу другу отказала [2]):
«Тебѣ полно, милъ-сердечной другъ, гуляти!
«Ужь пора ли, милъ-сердечной другъ, жениться
«Что на душечкѣ на красной на дѣвицѣ.»

Что у душечки у красной у дѣвицы
Не дожжичкомъ бѣлое лицо смочило,
Не морозомъ бѣлое личико ознобило:
Смочило бѣлое лицо слезами,
Ознобило ретиво̀ сердце кручиной.
Тужитъ-плачетъ по миленькомъ дружечкѣ,
По ласковомъ-привѣтливомъ по словечкѣ:
Хорошь-пригожь мой миленькой уродился,
Онъ не долго со мною, съ дѣвицей, поводился,—
Какъ сказана милу другу царская служба;
Показана широкая путь-дорожка
Ко славному ко городу Петербургу [3]).

[1]) Народный обычай искать каменьевъ съ алмазами подъ корой и на опытъ бить такіе камни другъ о друга.—[2]) Отвѣчала.—[3]) Такъ легко было передѣлать изъ Шлиссельбурга.

Со всѣми милъ-сердечной другъ простился,
Со мной съ одной, красной дѣвицей, не простился,
Съ половины пути-дороженьки воротился,
Подъ косящетымъ окошечкомъ колотился [1]:
—Ты прости, прости, душа моя дѣвица,
—Наживай ты себѣ друга милаго [2];
—Если лучше наживешь, меня забудешь,
—Если-жь хуже наживешь, меня вспомя́нешь,
—Вспомянёшь, — сама, красная дѣвица, слезно запла-
чешь [3].—

(Изъ 2-й части Пѣсенника Шноровскаго, изд. 2-е въ С.-П.-Б. 1791 г.; по другимъ образцамъ пѣсня пошла еще дальше въ область бытовую и личныхъ чувствъ; примѣры ниже, въ своемъ мѣстѣ).

* *

То же.

1.

Какъ по славной матушкѣ Невѣ рѣкѣ,
Подлѣ устьица ея широкаго,
Что при самомъ ли истокѣ быстроемъ [4],
Какъ плавали-гуляли три легкіе стружка:
На первомъ стружкѣ Шереметевъ былъ,
На другомъ стружкѣ офицеры сидятъ,
А на третьемъ стружкѣ всё солдатушки,
Преображенскіе и Семеновскіе.
По рѣкѣ они бѣжали къ круту-красну бережку,
Къ круту-красну бережку, ко Слюссельбургскому [5].

[1]) Стучался.—[2]) „Наживай ты себѣ мила друга иного."—[3]) „Вспомянёшь,— сама, красна дѣвица, слезно всплачешь."—[4]) Въ другихъ „быстромъ."—[5]) Въ другихъ: „Шлюссельбургскому."

Подбирали они парусы полотняные,
Что того ли полотна все Олонецкаго;
Они якори метали все булатные,
Что того ли булата Сибирскаго [1]),
Приставали къ круту-красну бережку;
Они лѣсенки метали все дубовыя,
Выходили на желты пески—сыпучіе,
Начинали рыть подкопы глубокіе,
Накатили бочки съ лютымъ зеліемъ,
Съ лютымъ зеліемъ—съ чернымъ порохомъ;
Становили свѣчи воску яраго [2]);
Зажигали тѣ подкопы глубокіе:
Отъ того ли красной берегъ взо́рвало,
Развалило стѣну бѣлу-каменну,
Потрясло всю крѣпость Шведскую,
Устрашило храбрыхъ непріятелей.

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе, между прочимъ гг. *Костомар.* съ *Мордовц.*—Есть еще пріемы старые, но и прибавки новѣйшія книжныя, напр. послѣдній стихъ, по поводу котораго г. *Костомар.* съ *Мордовц.* основательно замѣтили, что въ ихнемъ „варіантѣ послѣднихъ двухъ строкъ нѣтъ").

* *

То же. Убитъ полковникъ.

1.

Что подъ славнымъ было городомъ подъ Шлюшеномъ,
Ахъ не люта змѣя, братцы, извивалася:
Возвилася тутъ пулечка свинцовая;
Она падала не на́ воду, не на́ землю:

[1]) Попытки подняться къ пріемамъ древнихъ богатырскихъ Былинъ.—
[2]) Ср. выше осаду Азова и еще выше—Казани, вып. 6-й.

Она падала во армію Россійскую,
Молодаго Полковника на бѣлую грудь;
Она взрыла-разметала грудь всю бѣлую,
Она вынула румянецъ изъ бѣла лица.

Что возговоритъ Полковникъ *таковы слова*:
«Ахъ вы здѣсь ли, гранодеры моего полку!
«Не попомните вы, други, моей грубости,
«Вы возьмите мое тѣло на свои руки,
«Отнесите мое тѣло во бѣлой шатеръ,
«Вы обмойте мое тѣло горючой слезой,
«Положите мое тѣло въ гробовы доски,
«*И предайте* мое тѣло мать-сырой-землѣ.
«Отпишите потомъ, братцы, въ домъ мой грамотку,
«*Чтобы знали, что я умерз за отечество.*»

(Пѣсня эта начинается съ пѣсенника И. И. *Дмитріева* 1796 года и, судя по выраженіямъ, изъ коихъ наиболѣе чуждыя народу отмѣчены у насъ курсивомъ, переправлена съ подлинника,—но какого, доселѣ не знаемъ. По нѣкоторымъ чертамъ, уцѣлѣвшимъ народнымъ оборотамъ и по самой мѣстности, сюда всего ближе стоятъ пѣсни *о Рычковѣ*, которыя и помѣщаются въ слѣдъ за симъ, хотя конечно по инымъ образцамъ принадлежатъ иной, во всякомъ случаѣ ближайшей, эпохѣ).

*

Рычковъ на морѣ Варяжскомъ.

1.

(Губ. Симбирской).

По морю-морю Верейскому [1]),
Плывутъ-выплываютъ тридцать кораблей:
Одина-тъ корабличекъ на передъ бѣжитъ,
На томъ на корабличкѣ Рычковъ атаманъ.

[1]) Такъ въ Былинахъ постоянно зовется море Варяжское, Балтійское, и почти исключительно со временъ Петра, когда перешло въ ту сторону поприще дѣйствій и устремилось вниманіе.

Что возговорилъ молодецъ атаманъ Рычковъ:
«Гребите вы, молодцы, не робѣйте,
«Своихъ бѣлыхъ ручушекъ не жалѣйте,
«Трехъ-гранныхъ веселичекъ не сушите!»
Подъ бережкомъ-бережкомъ подъ крутъ́ имъ,
Стояла тутъ силушка западна́я,
Западна́я силушка—воровская.
Что возговорилъ молодецъ Рычковъ атаманъ:
«Охъ вы гой еси молодцы, Донски казаки,
«Донскіе, Гребенскіе, всѣ Яицкіе!
«Заряжайте, молодцы, въ три заряда,
«Первый зарядичекъ чистымъ се́ребромъ,
«А другое-тъ зарядичекъ крупнымъ жемчугомъ,
«А третіе-тъ зарядичекъ свинцомъ-порохомъ,—
«Палите вы въ силушку западну́ю!»

Не люта змѣя въ полѣ зашипѣла,
Просвистѣла пулечка свинцовая,
Убила у ярыжныихъ [1]) атамана,
Его въ молодецкую во бѣлу грудь,
Въ его ретивое злое сердце.

(Отъ Языкова).

*

2.

(Оттуда же).

По́ морю-мо́рю по Верейскому
Плыли-выплывали тридцать кораблей:
На первомъ карабликѣ Рычковъ атаманъ.

[1]) Подначальныхъ, рабочихъ слугъ на службѣ (совсѣмъ не то, что позднѣе—безпутный, мотъ и плутъ).

По кораблику Рычковъ атаманъ похаживаетъ,
Онъ своимъ бурла́ченькамъ приказываетъ:
«Гребите вы, мо́лодцы, не́ робѣйте,
«Своихъ бѣлыхъ ручушекъ не жалѣйте!
«Гонятся за мо́лодцемъ три погони:
«Первая погоня всё солдаты,
«Вторая погоня всё гусары,
«Третья-то погоня Донски коза́ки,
«Донски, Гребенскіе, Запорожскіе [1].»

Не успѣлъ добрый мо́лодецъ слово молвити,
Вѣстова́я пушечка выпа́ливала,
Свинцо́вая пу́лечка просвистывала;
Никого на корабликѣ не убивала,
Вышибала на кораблѣ карабельну доску,
Ушибала доскою Есаула,
Ушибала Есаула не до сме́рти.
Возговоритъ молодецъ:
«Берите вы мо́лодца за бѣлы руки,
«За бѣлы руки, за рѣзвы ноги,
«Кидайте вы мо́лодца въ сине море [2].»
Возговоритъ мо́лодецъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Заряжайте въ мо́лодца три заряда:
«Первый зарядецъ чисто се́ребро,
«Другой-то зарядецъ чистымъ золотомъ,
«А третій зарядецъ чистымъ жемчугомъ,
«Придайте мнѣ, молодцу, вы скорую смерть!»

(Отъ него же).

*

[1]) Гдѣ козаки „Донскіе," тамъ по привычному выраженію обыкновенно являются, по требованію самого склада въ стихѣ, „Гребенскіе, Запорожскіе, Яицкіе" и т. п.—[2]) Здѣсь уже пѣсня начинаетъ отличать *есаула* и *молодца* отъ самого атамана Рычкова.

3.

(Г. Новгородской, Валдайскаго уѣзда, дер. Со́сница).

Охъ по́ морю-морюшку, по морю по Верейскому,
Плыли-всплывали тридцать кораблёвъ:
Нашъ первый корабличекъ на передъ бѣжи',
На передъ бѣжи', какъ соколъ лети'.

Въ эвтомъ во корабличкѣ Ры́чковъ генералъ,
Рычковъ генералъ рѣчь гово́рилъ съ намъ:
«Гребите, ребятушки, не робѣйте,
«Своихъ бѣлыхъ ручушекъ не жалѣйте,
«Поѣдемте, ребятушки, ко всей страсти-ужасти,
«Ко всей страсти-ужасти, къ бережо́чку,
«Ко желтому ко сыпучему ко песочку!»

Тутъ стояла силушка западна́я,
Выпаляла пушечка ломова́я [1]),
Никого въ корабличкѣ не ушибло,
Толькя вышибло одну верьхнюю доску [2]).
Вси наши солдатушки испужались,
По мелкимъ шлюпочкамъ разбѣжались,
Опослѣ страсти-ужасти на корабличекъ собирались;
Опослѣ того Рычковъ генералъ
Бладаренье отдавалъ
И по рюмкѣ водки наливалъ.

(Записано П. В. Кирѣевскимъ въ Новгородѣ отъ трубочиста Савелья, 1834 года, 6 Сентября).

*

Слѣдующій образецъ переноситъ событіе съ Варяжскаго моря, также Синяго (см. предыдущіе выпуски), на Синее море Хвалынское, Каспійское:

[1]) См. выше.—[2]) Эта черта дала возможность спасти отъ смерти Рычкова, подобно какъ другіе образцы отдѣлили его отъ убитаго есаула. Потому же въ концѣ прибавлены несообразные стихи, отпечатанные у насъ курсивомъ.

4.

По́ морю, по мо́рю, морю синему,
По синему морю по Хвалынскому,
Плыли-выплывали тридцать кораблей:
Какъ одинъ корабличекъ по передъ бѣжитъ,
По передъ бѣжитъ, какъ соколъ летитъ;
На томъ на кораблечкѣ Рыжковъ атаманъ.

Какъ возговоритъ Рыжковъ громкимъ голосомъ:
«Вы гребите, ребятушки, удалѣе!
«За нами, ребятушки, три погони,—
«Первая погоня всё солдаты,
«Вторая погоня всё гусары,
«А третья погоня Донски ко́заки,
«Донски, Гребенскіе, Запорожскіе.»

(Изъ рукописи *кн. Церетелева*, запис. П. А. Полевымъ).

*

Наконецъ, переходя въ Безъимянную, пѣсня вмѣстѣ съ тѣмъ сближается тѣснѣе и съ передѣлкой (или лучше подлинникомъ) Дмитріева, но утверждаетъ событіе именно *за Донцомъ*:

5.

(Земля Войска Донскаго).

На зорѣ-то было на зорюшкѣ,
На зорѣ-то было на утренней,
На восходѣ было солнца краснаго [1]),
Не буйные вѣтры подымалися,

[1]) Вотъ какими образами пользуется пѣсня, замѣняя время и мѣсто Шлюссельбурга или моря Верейскаго.—Ср. подобное начало Петровскихъ пѣсенъ выше.

Не синее море всколыхалося,
Не фузеюшка [1]) въ полѣ прогрянула,
Не лютая змѣя въ полѣ просвиснула,
Просвиснула пулечка свинчатая:
Она падала, пулька, не нá землю,
Не нá землю, пуля, и не нá воду,
Она падала, пуля, въ козачій кругъ,
На урочную-то [2]) на головушку,
Что да на перваго есаулушку;
Попадала пулечка промежъ бровей,
Что промежъ бровей, промежъ ясныхъ очей.

Упалъ молодецъ коню на черну гриву:
«Охъ вы братцы мои, товарищи!
«Поднимите меня на ворона̀ коня,
«Повезите меня во бѣлъ шатеръ,
«Положите меня на кбечку.
«Кому изъ васъ судитъ Богъ на Тихій Донъ [3]),
«Поклонитесь всему Дону Тихому,
«Отцу-матери, молодой женѣ,—
«Пущай она въ тоску не убивается,
«Въ свое-то платье убирается,—
«Не покидайте родителей [4]) моихъ!»

(Ср. Сборникъ г. Савельева, 1866).

* * *

Къ симъ же отдѣламъ примыкаетъ, какъ прибавка, слѣдующая пѣсня по своему началу:

[1]) Извѣстное военное ружье. Здѣсь, кажется, *не* произошло изъ *ино*, *инъ*,—„Инъ фузеюшка въ полѣ прогрянула,“ и этимъ кончается одно сравненіе, за которымъ слѣдуетъ уже другое—змѣя и пуля.—[2]) Обреченную рокомъ.—[3]) Воротиться.—[4]) Отца-мать, но скорѣе всѣхъ вообще „родныхъ (какъ и доселѣ употребляется это слово).“

Донцы на морѣ Верейскомъ, передъ самимъ королемъ Шведскимъ.

1.

По морю-морю по Верейскому,
По тому морю—по морю *Турецкому* [1]),
Плывутъ-выплываютъ три кораблика:
Одинъ корабль на передъ плыветъ,
Какъ соколъ летитъ;
У него носъ корма по звѣриному [2]),
Водяные [3]) бока по змѣиному.

Въ томъ кораблѣ раскрашенъ чердакъ,
Въ томъ чердакѣ столики стоятъ, *черны дубовые* [4]),
На столахъ разостланы скатерти бѣлы-браныя,
На скатертяхъ стоятъ яства сахарныя
И пойлицы медовыя,
За столомъ сидитъ Шведскій король,
А предъ нимъ стоятъ два невольничка,
Со Тиха Дона два полковничка.
Одинъ держитъ царское знамечко позлаченое,
А второй держитъ золотой подносъ,
На подносѣ стоятъ *двѣ рюмочки* серебряныя,
Въ рюмочкахъ пойлицы медовыя.
««Ты *ужь* гой еси, Шведской король!
««Изволь принять, изволь выкушать!
««Да не намъ бы предъ тобою-*то* стояти
««И не намъ бы тебѣ подносити [5])!»»

1) Народная пѣсня этого не смѣшала бы; Сахаровъ или не зналъ различія, или, какъ это бываетъ у него не рѣдко, наивной нелѣпостью хотѣлъ доказать подлинность пѣсни. Выдающіяся странности отмѣчены у насъ курсивомъ.— 2) Взяты на прокатъ образы изъ старшихъ Былинъ.—3) Вмѣсто „сведены,“ отъ „сводить:“ вотъ до чего доходило „исправленіе!“—4) У народа „бѣлы дубовые“ или „бѣлодубовы:“ но сочинителю помѣшали послѣдующія *бѣлы* скатерти и онъ „избѣгъ“ повторенія.—5) Къ какой стати эта грубость, неизвѣстно.

Да возговорилъ Шведскій король:
«Мнѣ пить-ѣсть не хочется,
«*Гульба-прохлада* на умъ не йдетъ.
«*Нонѣсь вечеръ* [1]) мало спалось
«*И* во снѣ много видѣлось,
«Привидился мнѣ *некорыстный* сонъ:
«Во снѣ привидѣлась мнѣ крутая гора,
«На той на горѣ частъ-ракитовъ кустъ *стоитъ*,
«На томъ кустѣ тепло гнѣздышко,
«Тепло гнѣздышко соколиное.»
Да возговоритъ *душечка* Шведской король:
«Ужь вы гой еси, мои невольнички,
«Со Тиха Дона полковнички!
«Кто сонъ мой отгадаетъ,
«Того я выпущу *на волюшку*.»
Да возговорили *раздушечки* два полковничка,
Со Тиха Дона два невольничка:
««Устоишь ли въ своемъ словѣ королевскомъ?
««Выпустишь ли насъ невольничковъ *на волюшку?*
««*Ужь* мы сонъ твой отгадаемъ:
««Крута гора—наша *Россіюшка*,
««А *кустикъ* ракитовъ—наша каменна Москва,
««А гнѣздышко соколиное—Россійская *арміюшка*.»»

(Эта, больше чѣмъ сомнительная, пѣсня, приведенная *Сахаровымъ*, явно составлена изъ двухъ—плаванія Донцовъ по Верейскому морю и выше помѣщеннаго Сна, видѣнія передъ войной Шведской, отчасти съ прибавкою Былины о Краснощоковѣ. Не говоря уже о нелѣпости выраженій,—самый складъ никуда не годится, какъ во всѣхъ сочиненіяхъ Сахарова. Мы не выбрасываемъ потому лишь, что найдется, можетъ быть, подлинникъ старшій или болѣе порядочный).

* * *

Съ этимъ отдѣломъ связаны два послѣдующихъ, о плаваніи государя по Невѣ и морю Варяжскому:

[1]) Противорѣчіе въ двухъ словахъ.

XV.

Царь на пути къ Шлюссельбургу. Козаки не узнали его.

1.

Какъ по крутому по красному бережку,
Какъ по желтому-сыпучему песочку,
Тутъ ходилъ-гулялъ батюшко православный царь.
Онъ садился, государь-царь, на легокъ стружокъ,
Размахнули-разгребнули въ верхъ Невы рѣки,
Что ко славному ко городу ко Шлюшину.

Какъ на встрѣчу государю Донскіе козаки,
Что Донскіе, Гребенскіе, Запорожскіе.
Что козаки государя не опóзнали:
Имъ подумалось—король земли Шведскія [1]).
Заряжали свои ружья огнёвыя,
Приготовились стрѣлять по своемъ царѣ.

[1]) Доказательство ранняго, тогдашняго сложенія пѣсни: на Невѣ и взморьѣ можно еще было встрѣтить Шведскаго короля.

Какъ не золотая трубушка
вострýбила,
Что промолвилъ ли нашь батюшко
православный царь.
Козаки голосъ услышали,
Что кидались-бросались
на легóкъ стружокъ,
Приклонили свои буйны головы:
««Ты прости, прости, нашь батюшко,
православный царь!
««Еще мы тебя, государь-царь,
не опóзнали,
««Намъ подумалось—король
земли Шведскія.»»
Что взговоритъ нашь батюшко
православный царь:
«Вамъ спасибо ли, робята,
козаки Донски,
«Что Донскіе, Гребенскіе,
Запорожскіе!
«Съ осторожностью [1]) вы по рѣкѣ-Невѣ
гуляете,
«Своего царя вы
защищаете.»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними *Костомар.* съ *Мордовц.* и другіе).

*

[1]) Переходъ уже къ языку письменному.

2.

(Г. Саратовской, у. Петровскаго, село Даниловка).

Да никто-то про то не знаетъ ни вѣдаетъ,
Куда нашь царь православный снаряжается [1]):
Соряжается-собирается на Неву рѣку.
Корабельное построеньецо переглядыватъ:
Полюбился-показался царю легкой корабль,
Со любимыми полками Преображенскими [2]),
Съ генералами съ Московскими.
И гребнули они—плеснули [3]) по Невѣ рѣкѣ,
До амбаровъ до государевыхъ.

Не признали козаки самого царя,
Заряжали пушечки ломóвыя [4]),
И ломовыя-боёвыя.
И воскликнулъ батюшка православный царь:
«Вы гой еси, люди знамые,
«Вы, де, знамые, братцы, знакомые!
«Поднимайте-ка знамёны государевы!»
Донскіе козаки испужалися,
На колѣнки становилися:
««Ой ты гой еси, нашь батюшка,
««Нашь батюшка, православный царь!
««Мы, де, не признали самогó царя,
««Заряжали пушечки ломовыя
««И ломовыя, и боёвыя.»»

(Записано, на его родинѣ, Ст. П. Шевыревымъ).

*

Изъ этой-то Былины передѣлалъ И. И. Дмитріевъ, съ большимъ впрочемъ умѣньемъ и съ замѣчательнымъ, подобно какъ выше, чутьемъ къ складу стиха:

[1]) Начало, сходное со сборами на Шведскую войну вообще: см. выше.— [2]) Т. е. садился на корабль.— [3]) Вѣроятно: „И гребнули—восплеснули," или въ этомъ родѣ.— [4]) См. выше.

3.

По желтымъ пескамъ сыпучимъ,
на крутомъ берегу,
Ходилъ-гулялъ православный
царь нашъ батюшка;
Онъ съ боярами садился
на легóкъ стружокъ:
Размахнули-разребнули
вверхъ Невы рѣки.
Противъ крѣпкія защиты [1]),
противъ Шлюшена,
Тутъ на встрѣчу государю
Донски козаки.
Имъ помнилось, что король то
земли Шведскія:
Заряжали свои ружья,
ружья меткія,
Приготовились стрѣляти
по своемъ царѣ.
Не трубушка золотая
вострубила *имъ*,
Голосъ батюшки раздался
и дошелъ до нихъ [2]).
Закидались-заметались
на легóкъ стружокъ,
Преклонили всѣ козáки
буйны гóловы:

[1]) Крѣпости, твердыни.—[2]) Это уже изъ числа неловкостей.

««Ты прости насъ, милосердый
православный царь!
««Мы готовились стрѣляти
въ царя [2]) Шведскаго.»»
«Похваляю васъ, ребята,
Донски козаки,
«Что гуляли осторожно
по Невѣ рѣкѣ,
«Что *къ защитѣ вы готовы
своего царя* [2]).»
Такъ возговорилъ къ козакамъ
православный царь.

(Пѣсенникъ П. И. Дмитріева 1796 г.).

* * *

Съ этой поѣздкой связана другая, и она-то, своими новыми образами, объясняетъ, почему творчество допустило козаковъ *не узнать* Петра (ср. въ концѣ „Замѣтку“):

XVI.

Поѣздка царя въ Стокгольмъ и обратно.

1.

Ахъ по морю-морю Синему,
По синему морю по Хвалынскому [1]),
Что плывутъ тутъ—выплываютъ тридцать кораблей:
Что одинъ изъ нихъ корабль, братцы, на передъ бѣжитъ,

[1]) Это смѣшеніе Варяжскаго моря съ Хвалынскимъ-Каспійскимъ, замѣченное и выше, по перенесеніи самого поприща дѣйствій съ Юго-Востока на Сѣверо-Западъ, утвердилось въ творчествѣ тѣмъ легче, что Балтійское-Варяжское, подобно Хвалынскому, по преимуществу море *Синее.*—*Черное* у Славянъ и у Русскихъ—одно; *Синее*—Хвалынское и Адріатическое, потомъ вторично—на Сѣверо-Западѣ; *Бѣлое*—Мраморное и Средиземное, потомъ вторично опять на Сѣверѣ, по мѣрѣ шаговъ творчества въ ту сторону (см. о томъ Замѣтки прежнихъ выпусковъ).

Впереди бѣжитъ корабль, какъ соколъ летитъ;
Хорошо-больно корабликъ изукрашенъ былъ:
Парусы на кораблѣ были тафтяные,
А тетивочки у корабля Шемаханскаго шелку,
А подзоры [1]) у кораблика рытова бархату [2]).
На рулю сидѣлъ нашъ батюшка православный царь.

Что не золотая трубушка вострубила,
Да что взговоритъ нашъ батюшка православный царь:
«Ахъ вы гой еси, матросы, люди легкіе [3])!
«Вы мечитеся на мачты корабельныя,
«Вы смотрите во трубочки подзорныя:
«Что далеко ли до Стекольнова [4])?»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними прочіе).

*

2.

(Губ. Вологодской).

По морюшку-морюшку Верейскому,
по Верейскому,
Много кораблей плыло, плыло-выплывало,
Выплывало же тридцать три кораблича,
три кораблича:
Одинъ корабль напередъ идетъ,

[1]) Свѣсы, навѣсы (кайма, опушка) — подернуты бархатомъ. — [2]) Все это начало то же, что въ предыдущемъ отдѣлѣ.—[3]) Это прекрасное выраженіе, утлый обломокъ старины, исправлено однако и *упрощено Сахаровымъ*, послѣ гг. *Костомаровымъ* и *Мордовц*.: „матросы легкіе."—[4]) Стокгольма, въ извѣстной, давней Русской передѣлкѣ („обрусѣніе" въ ту сторону двинулось уже давно).

Корабль какъ соколъ летитъ,
какъ соколъ летитъ;
Парусы натянуты, корабль изукрашенъ весь,
изукрашенъ весь,
Бока просмолёныя, вёсла дорожоныя [1]).
Что во этомъ во корабликѣ
Сидитъ благовѣрный царь,
[Александро Павловичь] [2]),
Со своей слугой со вѣрною, слугой безотмѣнною.
безотмѣнною:
«Посмотри, Ильюшенька [3]), въ трубочку подзорную,
въ трубу золочóную,—
«Много ли верстъ отъѣхали?....»

(Записано Ѳ. Студитскимъ, ср. сборникъ 1841 г. СПб.).

*

Слѣдующій за симъ любопытный образецъ изложенъ гг. *Костомаровымъ и Мордовцевой* на основаніи приведеннаго у насъ перваго и при этомъ замѣчено, что въ бывшемъ у нихъ *варіантѣ* „вступленія нѣтъ, прочее почти то же, исключая нѣкоторыхъ словъ и безъ окончательныхъ двухъ строкъ, равно царь не зовется по имени.“ Другими словами, къ подлиннику Чулковскому и Новиковскому прибавлены: вступленіе, перемѣна нѣкоторыхъ словъ, окончательныя двѣ строки, равно какъ царь названъ по имени. Такимъ способомъ произошла пѣсня, „собранная въ Саратовской губерніи:“

3.

(Собрано въ Саратовской губерніи).

Не пыль въ полѣ запылилася [4]),
Не туманъ съ моря подымается:

[1]) Дорогами, узорами, травчатыя, расписныя; рѣзныя.—[2]) Перемѣна въ устахъ позднѣйшаго пѣвца.—[3]) Вѣроятно имя извѣстнаго царскаго кучера.—[4]) При изображеніи морскаго дѣла, въ виду моря и кораблей, народъ никакъ не запылился бы сравненіемъ взятымъ *съ поля и пыльной дороги.*—Подобныя выраженія, какъ всегда, отмѣчаются у насъ курсивомъ.

Подымалися съ моря гуси-лебеди,
Гуси-лебеди, утки сѣрыя;
Гуси-лебеди летятъ со гусятами,
Сѣры *у́тушки* плывутъ со утятами;
Гуси-лебеди съ моря подымалися,
Всё синё море всколыхалося:
Бѣла рыбица вся на ни́зъ ушла,
Вся на ни́зъ ушла, *въ ти́хи за́води,*
Въ тихи за́води, въ омута глубокіе [1]),
Въ омута глубокіе, *во мѣста удобныя* [2]).

А и по́ морю-то морю синему,
По синему морю по Хвалынскому [3]),
Тутъ плывутъ-то восплываютъ *ровно* тридцать кораблей:
Какъ одинъ-то корабликъ напередъ бѣжитъ,
Напередъ бѣжитъ корабликъ, что соко́лъ летитъ.
Хорошо-больно корабликъ изукрашенъ былъ:
На корабликѣ-то па́русы всё тафтяные,
Тетивочки у кораблика *всё шелковыя,*
А по́дзоры у кораблика рытаго бархата.
Какъ на этомъ на корабликѣ православный царь сидитъ,
Со своими онъ со славными генералами,
Со своими храбрыми офицерами.

Какъ возговоритъ нашъ батюшка православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичь:

[1]) Тихія заводи совсѣмъ не то, что омута глубокіе: „на низъ“ нельзя ходить „въ тихія заводи“ и бѣлая рыбица туда не ходитъ; летаютъ на заводи гуси-лебеди-утицы, но онѣ не опускаются въ омута глубокіе; здѣсь смѣшаны краски отъ двухъ розныхъ картинъ.—[2]) Это прекрасное вступленіе занято изъ нѣсколькихъ пѣсней, по нѣскольку выраженій изъ каждой: такъ составлялъ Храповицкій народные хоры къ Екатерининскимъ драмамъ.—[3]) Собиратели замѣчаютъ, что „вмѣсто *по Хвалынскому* однажды пѣли *по Балтійскому*:“ пѣвецъ очевидно занимался Русскою исторіей; другіе, какъ мы видѣли выше, даже дважды и трижды, поютъ *по Верейскому.*

«Ой вы гой еси, *матросы мои легкіе* [1])!
«Вы мечитеся на мачты корабельныя,
«Вы *глядите-ка* во трубочки подзорныя:
«Далеко ли *до города* до Стекольнова?...
«*Мы въ Стекольновъ городочекъ къ вечеру́ придемъ,*
«*Мы Стекольновъ городочекъ по утру́ возьмемъ* [2])!»

(Пѣсни, собранныя въ Саратовской губ. гг. *Костомаровымъ и Мордовцевой*, ср. „Лѣтоп. Р. Литер. и др.“ т. IV).

*

Все это лишь начало пѣсни, которая является цѣликомъ въ слѣдующемъ образцѣ:

4.

(Починки, губ. Нижегородской).

Какъ никто-то про то не знаетъ не вѣдаетъ,
Что куда-то нашъ государь-царь собирается [3]):
Чистымъ се́ребромъ кораблики изнаполнилъ,
Краснымъ золотомъ судёнышки изукрасилъ.
Онъ беретъ-то съ собой силушки очень мало,
Что одниxъ только Преображенскіихъ гренадеровъ.
Какъ приказъ-то даетъ нашъ батюшка царь Бѣлый:
«Ой вы слушайте, офицерушки и солдаты!
«Не зовите вы меня ни царемъ своимъ, ни государемъ,
«А зовите вы меня заморскіимъ купчиной [4]).»

[1]) Объ этомъ искаженіи см. выше.—[2]) Собиратели объясняютъ касательно сихъ двухъ стиховъ, что „нѣкоторые прибавляютъ еще 2 строки:“ эти „нѣкоторые“ занимались эпохой Разина и монографіей Самозванцевъ, ибо стихи оттуда, ср. у насъ вып. 7-й и 6-й.—[3]) Обыкновенное начало пѣсенъ про войну Шведскую: ср. выше.—[4]) Отсюда, вѣроятно, въ подобномъ положеніи при взятіи Азова—Иванъ *Заморянинъ*.

Ужь и грянулъ [1]) государь-царь по морю гуляти.
Какъ носило-то царя по морю недѣлю,
Что носило царя Бѣлаго другую:
Принесло-то его ко Стекольному государству,
Что къ тому ли Шведскому королевству.

Не купчинушка по городу гуляетъ,
Что никто-то купчину не узна́етъ;
Узнавалъ то́лько его гетманъ земли Шведской,
Поскорёхонько онъ къ королевнушкѣ [2]) метался:
—Ахъ ты гой еси, наша матушка королевна [2])!
—Не купчинушка по городу гуляетъ,
—Что гуляетъ-то по городу царь Бѣлый!—

Какъ на красное крылечко королевна выходила,
Она семи земель царей портреты выносила:
По портрету царя Бѣлаго узнавала;
Закричала королевна громкимъ голосомъ:
—«Ой вы гой еси, мои Шведскіе генералы!
—«Запирайте вы воро́тички покрѣпче,
—«Вы ловите царя Бѣлаго скорѣе!»—

Ужь и тутъ-то нашъ батюшка не пугался,
Обо всѣхъ онъ Шведскихъ замыслахъ догадался,
Ко крестьянину онъ на дворъ скоро бросался:
«Ты бери-ко, бери, крестьянинъ, денегъ вдоволь,
«Ты вези меня на край синя моря [3])!»

Скоро вывезъ его крестьянинъ на край синя моря,
А скорѣй того въ корабликъ государь-царь садился,

[1]) Пустился: gradior, гряду; техническое выраженіе объ ударахъ веслами: *грянуть*—одинакая форма съ *гребнуть*; кромѣ того при выправахъ обычно на суднѣ „грянутъ" пѣсню.—[2]) Въ народномъ языкѣ часто смѣшивается *королева* и *королевна*: ср. вып. 5-й и примѣчанія къ Рыбникову.—[3]) Это обращеніе ко крестьянину съ приказаніемъ везти и спасать сходится съ преданіемъ, которое помѣщено нами во II-мъ т. собранія Рыбниковскаго; ср. ниже „Сказку" и „Замѣтку."

Закричалъ онъ своимъ матросамъ и солдатамъ:
«Ой вы гряньте-ко, ребятушки, дружнѣе,
«Вы гребите и плывите поскорѣе!»

Какъ и первая погоня царя Бѣлаго догоняетъ,
А другая-то погонюшка настигаетъ [1]);
Какъ возговоритъ погоня къ царю-государю:
««Ты возми-ко, возми, царь Бѣлый, насъ съ собою;
««А не возьмешь ты насъ, батюшка, съ собою,
««Ужь не быть-то намъ, горькимъ, живыми на свѣтѣ!»»

И тутъ же вся погоня въ сине море побросалась,
А нашъ царь-государь во святую Русь возвратился.

(Рукописный сборникъ, доставленный намъ *С. М. Любецкимъ*; замѣчательная эта пѣсня записана 1791 года, августа 15: весьма рано, когда еще были живы люди Петровскаго времени и въ одну эпоху съ первыми нашими печатными Пѣсенниками.—Она же была доставлена въ Археологическое Общество, оттуда покойнымъ П. Ст. Савельевымъ Г. Пыпину, а имъ напечатана въ Отеч. Зап. 1858, № 1, съ замѣткою: „Она пѣлась въ гор. Починкахъ, Нижегор. губ., въ 1791 г. и списана г. Максютинымъ со словъ его родственниковъ.“—Творческіе образы о передѣваньѣ неизмѣнно повторяются отъ Скопина, при взятіи Астрахани и Азова, ср. вып. 7-й и здѣсь выше; о чертахъ *историческихъ* см. ниже въ „Сказкѣ“ и въ „Замѣткѣ;“ Шведскую королеву ср. ниже въ *Колывани*).

*

Слѣдующій образецъ представляетъ собою конецъ Былины—возвратъ, какъ первые образцы—начало:

5.

(Село Павлово, губ. Нижегородской).

А у насъ было на синёмъ морѣ,
На синёмъ морѣ на Балтійскіимъ [2]),

[1]) Здѣсь находимъ поясненіе вставленнымъ выше спутаннымъ стихамъ „о погонѣ“ за Рычковымъ.—[2]) Рѣдкое употребленіе слова у народа (вмѣсто Верейскаго — Варяжскаго) объясняется позднею и испорченною редакціей пѣсни, какъ ниже *пасажирушки*.

Выплывалъ-выбѣгалъ Муравей-корабь [1]):
Хорошо корабь изукрашеной,
Мелкимъ жемчугомъ изунизаной,
На корабликѣ всѣ снасточки шелковыя,
На немъ мазурушки [2]) всё полковнички,
А пасажирушки всё енералушки.
На носу сидитъ православной царь,
Православной царь Петръ Алексѣевичь;
На кормѣ сидитъ молодой Нѣмецъ.
Онъ бѣжитъ, корабь, изъ иной земли,
Изъ иной земли, земли Шведскія,
Во нашу мать во Россеюшку.

(Запис. свящ. Ѳаворскимъ; ср. Изв. А. Н. т. I).

* * *

XVII.

Осада Выборга.

1.

Ахъ ты ноченька [3]), ты ноченька осенняя,
Надоѣла ты мнѣ, молодцу,—наскучила,
Стоючи, братцы, на караулѣ государевомъ,
Что подъ славнымъ ли подъ городомъ подъ Выбургомъ,

1) Могло произойти изъ „муравленый (эпитетъ обычный),“ — расписной и рѣзной.—2) Мелкіе торговцы (аѳени) и чернорабочіе на суднѣ, то же что выше „ярыжные,“ и также получило послѣ дурной смыслъ.—Назывались такъ и „воры-разбойники,“ помельче, на судахъ, откуда всего ближе было слову перейти къ смыслу плута, мошенника.—Еще старше это ходебщики Мазуры изъ Мазовши, по Западной Руси: подобнымъ образомъ *Ярыги* по Русскому словопроизводству и осмысленію сродны съ названіемъ *Варяговъ.—Аѳени* и *Мазуры* больше сухопутные, *Ярыги*—водяные.—Въ Московской, государственной, Руси *ярыжки*—мелкіе писцы, также плуты, по мелкимъ дѣламъ и посылкамъ при тяжбахъ, на площади. — Нынче *мазурикъ* — ярыга, ёрникъ.—
3) У гг. *Костомар.* и *Мордовц.* нѣсколько измѣнено: „Ахъ ты ночь ли.“

Что подъ той ли подъ стѣною бѣлокаменной,
Что подъ высокой подъ башней подъ проѣжжею!

Не звѣринушка изъ башенки возрыкнула,
Что возрыкнула тутъ пушечка боевая,
Боевая–полковая, Шведская.
Никого она въ полку, братцы, не ранила,
Что убила ли Полковника, какъ пить дала.

Какъ растужутся–расплачутся солдатушки:
««Ахъ [1]) ты свѣтъ нашъ батюшка Полковничекъ!
««Что кому насъ сиротъ будетъ поить–кормить,
««Кому насъ солдатъ содержать будетъ?»»
Ахъ что взговорятъ маіоры съ подполковникомъ:
—И вы глупые солдаты, неразумные!
—Какъ поить будетъ—кормить православный царь,
—Содержать будемъ мы маіоры съ подполковникомъ.—

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе и гг. Костомаровъ съ Мордовцевой).

Ср. выше смерть Полковника подъ Шлюссельбургомъ.

* * *

XVIII.

Сборы подъ Полтаву. Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

1.

Еще что у насъ въ Москвѣ, братцы, за кручина?
На канунѣ было Свѣтлаго [2]) Воскресенья,
Заунывно въ царь–колоколъ звонили.
Съѣзжалися князья и всѣ бояре

[1]) *Кост.* „Охъ."—[2]) У *Кост.* не много измѣнено: „Свѣтла."

Во Успенской во соборъ Богу молиться:
Молились они Господу со слезами.

Что одинъ изъ нихъ бояринъ не молился,—
Генералъ Борисъ Петровичь Шереметевъ.
По частёшиньку [1]) вонъ изъ церкви выступаетъ,
Ко бѣлой-каменной оградѣ припадаетъ,
Горючьми́ слезами обливался,
Митка́линнымъ [2]) онъ платочкомъ утирался:
«Ужь тошно мнѣ, боярину, тошненько,
«Никогда-то мнѣ таково́ тошно не бывало!
«Что болитъ-болитъ у барина [3]) головка,
«Щемитъ-щемитъ ретивое сердечко:
«Что сказана боярину царска служба,
«Указанъ путь—широкая дорожка
«Подъ славной подъ городъ подъ Полтаву:
«Какъ быть-то мнѣ боярину убиту
«Подъ славнымъ подъ городомъ подъ Полтавой
«На чистомъ на полѣ Лебединомъ [4])!»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними перепечатывали другіе, и Сахаровъ, и гг. Костомар. съ Мордовц.).

*

2.

(Село Павлово, губ. Нижегородской).

На царскій праздникъ, на Вели́къ-день [5]),
На Свѣтло Христово Воскресенье,
Заунывно во царь-колоколъ заблаговѣсти́ли.
Всѣ князи-бояря пріуныли,

[1]) „Почастёхоньку."—[2]) Также счелъ нужнымъ кое-что поправить и *Сахаровъ*: „миткалевымъ."—[3]) *Кост.* и *Сахар.* „у боярина."—[4]) Подъ городомъ Лебединомъ, гдѣ былъ сборъ войска и съѣздъ начальниковъ: см. ниже.— [5]) Древнее, общеславянское имя Свѣтлаго Воскресенья.

Собиралися въ Успенскій соборъ Богу молиться:
Всѣ князи-бояре Богу молились,
Заздравно [1]) молебны служили.

Одинъ изъ нихъ бояринъ Богу молился,—
Заздравна молебна не служитъ:
Частёхонько изъ собору вонъ выходитъ,
Къ бѣлокаменной оградѣ припадаетъ,
Бѣлъ-горючь камень слезами заливаетъ,—
Графъ Борисъ Петровичь Шереметевъ.
Возговоритъ бояринъ: «Господа бояря!
«Нѣшта [2]) мнѣ больно-тошно,
«Грустнымъ-то мнѣ, боярину, грустнёнько:
«Сказана мнѣ, боярину, служба царска,
«Указана мнѣ, боярину, въ поле дорожка,—
«Подъ славный городъ подъ Полтаву,
«Ѣхать мнѣ, боярину, на поединокъ [3])!»

(Записано свящ. Ѳаворскимъ; ср. Изв. А. Н. т. I.—Въ родовомъ имѣньѣ Шереметевыхъ сохранилось особенно много пѣсенъ про Бориса Петровича и все Петровское время, ср. выше).

Ср. выше грусть Шереметева передъ первымъ походомъ и общія опасенія при всѣхъ сборахъ на Шведскую войну.

* *

Слѣдующая Былина, переходя къ самой Полтавѣ, начинаетъ еще издалека, перечисляетъ предшествующія событія (см. выше, отдѣлъ XI) и началомъ своимъ тѣсно связывается съ Былинами о первомъ походѣ Шереметева, первыхъ дѣлахъ войны Шведской:

Полтавское дѣло.

1.

(Шенкурскъ, губ. Архангельской).

Въ тысяча семьсотъ первомъ годѣ,
Во мѣсяцѣ было во Іюлѣ [4]),
Стояли солдаты на границѣ.
А ни вѣстки, ни грамотки съ Руси нѣту.

[1]) Заздравны.—[2]) Что-то.—[3]) Не дуель, а вообще ратоборство.—[4]) Ср. выше начало Былинъ о первыхъ дѣлахъ со Шведами.

Въ три годочка перепала скора вѣстка:
Что отцовъ и матерей въ живѣ нѣту,
Молодыя жены за мужь вышли,
Малы дѣточкй ходятъ-сиротаютъ.
««Еще ли намъ, ребятушки, не тошно?»»

Какъ подъ славнымъ городомъ подъ Полтавой,
Тутъ стоялъ-постоялъ король Шведскій.
Къ королю кавалеры приходили,
На рѣчахъ кавалеры доносили:
—«Ахъ ты батюшка, король земли Шведской!
—«Колько подъ городомъ ни стояти,
—«Намъ Полтавы города не взяти:
—«Во Полтавѣ есть Московская пѣхота,
—«Самъ царь-государь поспѣшаетъ,
—«Онъ со конницей, со драгунами,
—«Съ регулярной силой, со пѣхотой [1]).»—

Онъ походъ держитъ въ землю Шведску,
Походъ держитъ подъ праву руку,—
Подъ ту ли подъ Красну Мызу.
Не дошедъ Красной Мызы становился,
Всѣхъ солдатъ своихъ испостроилъ,
Пушки-мортирушки изоставилъ.
«Ахъ вы гой еси, мои генералы,
«Храбрые мои кавалеры!
«На службѣ кавалеры не бывали,
«Пушечнаго грома не слыхали?»
««Мы еще донесемъ тебѣ челобитье:
««Что изъ славнаго города изъ Обска [2]),
««Подымается царевъ Большой Бояринъ
««Князь Борисъ Петровичь Шереметевъ,
««Походъ держитъ во Шведскую землю [3]).»»

[1]) Отселѣ слова лицъ переходятъ въ разсказъ самой Былины, какъ встрѣчались тому примѣры выше.—[2]) Изо Пскова.—[3]) Опять Русскіе, въ отвѣтъ го-

Не дошедъ Красной Мызы становился,
Напередъ казаковъ разсылаетъ.
Напередъ казаки разъѣзжаютъ,
Наѣзжаютъ на Шведскіе караулы:
Шведскіе караулы съ поля сбили,
Много Шведовъ въ полѣ прирубили,
Увезли въ полонъ большаго Маіора.
Шереметевъ взялъ Маіорушка въ допросы:
—Ты скажи-ко, Маіоръ, Божью правду,
—По крестному Божьему цалованью:
—Гдѣ стоитъ генералъ вашъ?
—Гдѣ стоитъ благодёръ [1]) вашъ?
—Гдѣ стоитъ самъ король вашъ?
—Много ли у васъ силы у генерала?
—Много ли у васъ силы у благодёра?
—Много ли силы съ самимъ королемъ?—
—«У генерала у насъ силы тридцать тысячь,
—«У благодёра силы сорокъ тысячь,
—«А съ самимъ королемъ смѣты нѣту.»—
—Врешь, Маіоръ, врешь-плутуешь:
—Я этова не боюся,
—Въ Обскъ назадъ не вернуся.—
Приказалъ въ барабаны скоро бити,
Скорѣй того въ походъ выступати
Ко этой рѣкѣ ко Можжѣ,
Чтобъ король не догадался,
За Можжу рѣку не перебрался.
А король догадался,
За Можжу рѣку перебрался.
Шереметевъ за нимъ погонился:
Состигалъ короля середь поля,
Подъ славнымъ городомъ подъ Полтавой [2]).

сударю, начали было разсказывать про походъ Шереметева, предшествовавшій Полтавѣ: но Былина снова перерываетъ и беретъ разсказъ на себя. Слѣдуетъ повтореніе извѣстнаго обстоятельства про Шереметева и Маіора.—[1]) Бригадиръ.—[2]) Только лишь послѣ этого начинается собственно Полтавское дѣло.

Подымалась Полтавска баталья.
Запалитъ Шведская сила
Изъ большаго снаряда—изъ пушки;
Запалитъ Московская сила
Изъ мелкаго ружья—изъ мушкета.
Не крупенъ чеснóкъ разсыпáлся:
Смѣшалася Шведская сила.
Распáхана Шведская пашня,
Распáхана солдатской бѣлой грудью;
Орана Шведская пашня
Солдатскими ногами;
Боронёна Шведская пашня
Солдатскими руками;
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами;
Полúвана новая пашня
Горячей солдатской кровью [1]).

(Записано Н. Борисовымъ въ Декабрѣ 1845 года).

* *

Слѣдующій образецъ представляетъ уже книжную работу, Западно-русскую, хотя и съ народнымъ складомъ (ср. „Замѣтку“):

Полтава, Король Шведскій и Мазепа.

1.

Кто не слыхивалъ у насъ таковыя славы?
Подымался Король Шведской даже до Полтавы.
Призываетъ онъ Мазепу къ себѣ на подпору:
Какъ бы вырыть подъ [2]) царемъ на погибель нору;

[1]) Опять пріемы Слова о Полку Игоревѣ, подобно начальнымъ пѣснямъ о войнѣ Шведской.—[2]) *Дмитр.* „надъ.“

Веселятся и ликуютъ, чаютъ—побѣдили,
И не справившись съ удачей все распорядили.
Король Шведскій говоритъ: «Какъ я буду паномъ,
«То устрою я Мазепу Короннымъ Гетма́номъ.»
А Мазепа возносился выше [1]) своей мѣры,
Былъ [2]) предатель государевъ, былъ [2]) предатель вѣры.
Но что вышло изъ ихъ чванства? Не попали и въ отчизну [3]),
Потерявши [4]) цѣло войско утекли въ Нѣмчизну.

Виватъ Бѣлый царь и воинъ, разумомъ богатый!
Виватъ храбры генералы! Виватъ и солда́ты!

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними Дмитріева, Глазунова П. Ш. 1819 г. и другіе.—Въ свое время самая распространенная пѣсня).

* *

Плата Запорожцамъ за Полтаву.

1.

(Губ. Саратовской).

Похвалились славны Запорожцы
Платавъ-городъ взяти.
Эхъ-хе [5])!

[1]) *Дмитр.* и *Глаз.* „паче.“ — [2]) Тамъ же: „бывъ.“ — [3]) *Дмитр.* „Но что жь вышло? Не попали и въ свою Турчизну.“—[4]) *Дмитр.* и *Глаз.* „А утративъ;“ *Дмитр.* „свое“ вмѣсто „цѣло.“—[5]) Въ этой передѣлкѣ на Великорусскій ладъ только и есть новаго, искусно вымышленнаго, что припѣвъ.

По утру они рано вставали,
Добрыхъ коней своихъ сѣдлали.
А къ вечеру славны Запорожцы
Всѣ въ полонъ попали.
Славны, славны вы Запорожцы,
А гдѣ ваши метки ружья?
««Наши ружья заряжоны,
««А мы въ острогъ посажоны.»»
Славны, славны вы Запорожцы,
А гдѣ ваши добрые кони?
««Наши кони на пригонѣ,
««А мы, казаченьки, во неволѣ.»»
Славны, славны вы Запорожцы,
А гдѣ ваши острыя копья?
««Наши копья отобрали,
««Во Дунай-рѣку побросали.»»

(Только лишь у *Костомар.* и *Мордовц.*; нѣтъ никакого складу, не довольно и смыслу; до открытія другаго подлинника, пѣсня сомнительнаго происхожденія и пока есть ничто иное, какъ плохая передѣлка знаменитой Малорусской „Галки,“ которая относится не къ Полтавѣ, а къ гибели Запорожской Сѣчи въ 1775. См. ниже на своемъ мѣстѣ).

* * *

Эти двѣ пѣсни служатъ переходомъ къ остальнымъ Малорусскимъ Думамъ и подобнаго рода произведеніямъ, связаннымъ съ Полтавой, кои помѣщаются въ слѣдъ за симъ для сравненія. Ближайшая къ „Саратовской“ такова:

XIX.

Малорусскія [1]).

1.

Поплатились Запорожцы за Полтаву.
Гордѣенко.—Царь Восточный и Голицынъ.

Запорожци небожата!
Пшениця не жата:
Ой пiйдите, оглядите,
Пшеницю зажните!
5. ««Ой, хочъ пiйдемъ оглядати,
««Не будемо жати!»»
Хвалилися Запорожци
Полтавы достати [2]):

1.

Бѣдняжки вы Запорожцы!
Пшеница не жата:
Ой, пойдите, огляните,
Пшеницу зажните!
5. „„Хоть пойдёмъ мы и оглянемъ,
„„Ой, не будемъ жати.""
Хвалилися Запорожцы,
Добудемъ Полтаву:

[1]) Шрифтъ не предназначался для пѣсенъ Малорусскихъ и потому въ немъ недостаетъ потребныхъ знаковъ для указанія всѣхъ оттѣнковъ произношенія по Малорусскому нарѣчію.—[2]) Вотъ откуда взято начало для предыдущаго образца (а продолженіе его изъ пѣсни позднѣйшей).—Разумѣется неудачная осада Полтавы, веденная Запорожцами въ 1709 году въ пособіе Шведу и Мазепѣ, за что поплатились они временнымъ разореніемъ Сѣчи.

Ще Полтавы не достали,
А вже Шведъ издався;
На бидную головоньку
Кошовый [1]) зостався.
Ой умерла въ кошового
Старенькая мати:
Тай ни́кому кошовому
Порадоньки дати [2]).

Восточный царь на Вкраини
Не діймае виры;
Посылае Голицына [3]),
Щобъ не було змины:

Еще не взяли Полтавы,
А Шведъ уже сдался;
На бѣду своей головкѣ
Кошевой остался.
Умерла у кошеваго
Мать его старушка:
Никого нѣтъ, кто бы подалъ
Совѣтъ кошевому.

Восточный царь Украи́нѣ
Вѣры ужь не емлетъ;
Посылаетъ Голицына,
Чтобъ не быть измѣнѣ:

[1]) Кошевой атаманъ Запорожскій Гордѣенко, сотоварищъ Мазепы, вѣрный ему и послѣ Полтавы, спутникъ его въ Бендеры, скоро потомъ погибшій въ одной изъ отчаянныхъ битвъ. — [2]) У Срезневскаго переводъ не вѣренъ: „и некому кошеваго *утѣшить*.“—[3]) „Столь же неправильно, говоритъ Срезневскій, изображено отношеніе Петра I и Голицына къ Украинѣ; наконецъ за чѣмъ вязать Полтавскую битву и Гордіенко съ Голицынымъ? Какою дорогою могъ итти Голицынъ и какимъ слѣдомъ Петръ I за нимъ!“ Это совершенная ошибка: здѣсь разумѣется не фельдмаршалъ Михайло Михайловичь и не сынъ его Димитрій, а соименникъ послѣдняго, Дмитрій Михайловичь старшій, который именно выражалъ недовѣріе государя къ Украйнѣ и Мазепѣ, слѣдилъ за

«Ой иди жъ ты, Голицыну,
«Иди жъ ты горою,
«А я пійду зъ Москалями
«У слидъ за тобою.»

(Максимовичь 1834, потомъ Срезневскій въ „Запорожской старинѣ“ 1834—38 и другіе; начало пѣсни ср. съ образцемъ предъидущимъ; вопреки мнѣнію Срезневскаго—совершенно народна. Складъ опредѣлившійся и краткій представляетъ переходъ отъ Думы къ Былевой Пѣснѣ, подобно какъ у насъ отъ Былинъ и Побывальщинъ къ Старинамъ).

* *

Это одинъ изъ эпизодовъ „Полтавскаго“ круга въ Малорусскомъ творчествѣ, помѣщавшійся вѣроятно, въ цѣлой связи, *началомъ* своимъ—на концѣ какой либо длинной и обстоятельной Думы, каковы на примѣръ слѣдующія, *концемъ же*—въ началѣ ихъ.

2.

а)

Замыслы Мазепы, Искра, Кочубей, Палій.

Ой, ты гадаешь, Мазепо,
Ты гадаешь изминяти:
Хочешь царя одступати [1]),
Въ пень Москву рубати;

„Ой иди-ко ты, Голицынъ,
„Иди ты горою,
„А я пойду съ Москвичами
„Слѣдомъ за тобою.“

* *

2.

а)

Ой, гадаешь ты, Мазепа,
Ты гадаешь измѣняти:
Хочешь царя отступиться,
Москву рубить въ корень;

Мазепою, сдерживалъ въ повиновеніи Кіевъ, велъ переговоры о сдачѣ Батурина и т. д. За нимъ-то и Менщиковымъ именно и двинулся Петръ къ Полтавѣ.—Вся пѣсня изъ двухъ отрывковъ: послѣдній есть вступленіе къ Полтавскому дѣлу, первый же — о Гордіенкѣ—эпизодъ, въ сторону и къ концу дѣла Полтавскаго.—Критика, воспитанная *на рукописяхъ*, не примѣнима къ *творчеству народному*.—[1]) Читая „оступати (то же самое),“ Срезневскій понялъ это—обступать и переводитъ „напасть на царя.“

Та не тилько що царя одступати,
Въ пень Москву рубати:
Ще й самъ хочешь на столици
Царемъ царствувати.

Ой, у городи у Полтави
Мазепа гуляе;
Сидить зъ Искрою, зъ Кочубіемъ [1]),
Все плаче й рыдае [2]):
«Та велю жъ я королю Шведському
«Та Москаля бити!
«Гей, велю жъ я Запорожцямъ
«Москву въ пень рубити!»

Тай уже жъ песъ проклятый Мазепа
У поли наметомъ ставъ:
Зеленымъ виномъ та медомъ
Солодкимъ почтувавъ.

Не царя лишь отступиться,
Москву рубить въ корень:
Хочешь самъ ты на престолѣ
Царемъ царевати.

Ой въ городѣ во Полтавѣ
Мазепа гуляетъ;
Сидитъ съ Искрой, съ Кочубеемъ,
Все плачетъ-рыдаетъ:
„Да велю королю Шведовъ,
„Велю Москаля бить!
„Эй, велю-ко Запорожцамъ,
„Москву рубить въ корень!"

Вотъ Мазепа, песъ проклятый,
Въ полѣ сталъ шатрами:
Потчивалъ виномъ зеленымъ,
Сладкими медами.

[1]) Знаменитыя лица, жертва своей ранней догадки и приверженности къ Петру. Дѣло происходило въ Бердичевѣ, 1704 года. — [2]) Тонкій намекъ на обычное его притворство, страхи, ссылки на болѣзнь и т. п.

Ой що взмовить гетьманъ Мазепа
Палію Семену:
«Ой ты, Палію Семене [1]),
«Чи не зрадишь ты мене?»
—Якъ же я маю, гетьмане Мазепо,
—Тебе изражати,
—Коли ты будешь, Мазепо,
—Добре починати?—
«Я думаю, Палію Семене,
«Москву въ пень рубати,
«А самъ хочу на столици
«Царемъ царствувати?»
—Впередъ будешь, гетьмане Мазепо,
—У стовба [2]) стояти,
—Ани жъ будешь на столици
—Царемъ царствувати.—

Взговоритъ Мазепа гетманъ
Палію Семену:
„А что́ ты, Палій Семенъ,
„Меня ты не выдашь?"
—Какъ же мнѣ, Мазепа гетманъ,
—Тебя выдавати,
—Коли будешь ты, Мазепа,
—Добромъ починати?—
„Я думаю, Палій Семенъ,
„Москву рубить въ корень,
„А самъ хочу на престолѣ
„Царемъ царевати?"
—Прежде гетману Мазепѣ
—У столба стояти,
—Чѣмъ придется на престолѣ
—Царемъ царевати.—

[1]) Извѣстный, чисто-народный герой: образъ его очерченъ самыми прихотливыми красками—богатыря, чародѣя, пѣвца и т. п. См. ниже.—[2]) У позорнаго столба преступниковъ.

Ой не знавъ, не знавъ проклятый Мазепа,
Якъ Палія зазвати;
Ой ставъ же, ставъ проклятый Мазепа
На бенкетъ [1]) запрошати:
«Ой пріидь, пріидь, Палію Семене,
«Да на бенкетъ до мене!»

Ой скоро [2]) Паліенко Семенъ
Зъ своимъ військомъ пріизжае,
Ой такъ скоро [2]) проклятый Мазепа
Чашу меду высылае:
«Ой, прошу тебе, Палію Семене,
«По чаши вина пити?»
—Брешешь, брешешь, проклятый Мазепо:
—Хочешь мене згубити!—

Ой не зналъ проклятъ Мазепа,
Какъ зазвать Палія;
Ой сталъ же проклятъ Мазепа
На пиръ зазывати:
„Семенъ Палій, пріѣзжай-ка
„Ко мнѣ на пирушку!"

Ой скоро же Палій Семенъ
Съ своимъ войскомъ пріѣзжаетъ,
Проклятой Мазепа тотчасъ
Чашу меду высылаетъ:
„Пожалуй-ка, Семенъ Палій,
„Выпей вина чару?"
—Брешешь, проклятой Мазепа:
—Сгубить меня хочешь!—

[1]) Банкетъ: пирушка. — [2]) Какъ скоро, то; или, по нашему, „Скоро—скорѣй того."

А той Максимъ Искра сидить,
Про Мазепу добро знае,
Паліеви Семенови
Отъ такъ привичае:
—«Ой и годи, Семене Палію,
—«Въ Мазепы вина пити:
—«Ой, хоче Мазепа проклятый
—«Тебе зъ карабина вбити!»—

Ой и пье Семенъ, ой и пье Палій,
Та головоньку клонить:
А Мазепинъ чура [1]) ёму
Кайданы [2]) готовить.
Ой и пье Семенъ, ой и пье Палій,
Изъ нигъ извалився:

А сидитъ тотъ Максимъ Искра,
Онъ Мазепу на сквозь знаетъ,
Онъ Семену онъ Палію
Приговариваетъ:
—„Эй, Семенъ Палій, постой-ка
—„Пить вино Мазепы:
—„Тебя хочетъ онъ проклятый
—„Изъ ружья убити!“—

Ой пьетъ Семенъ, ой пьетъ Палій,
Головушку клонитъ:
А ему Мазепинъ чура
Оковы готовитъ.
Ой пьетъ Семенъ, ой пьетъ Палій,
Съ ногъ онъ повалился:

[1]) Прислужникъ, оруженосецъ, вѣстникъ, на посылкахъ и въ подѣлкахъ, провожатый: въ качествѣ древнѣйшаго *Чура*, то же что Гермесъ;—см. о томъ „Замѣтку“ нашу при 4-мъ выпускѣ.—[2]) Оковы.

Барзо тому гетьманъ Мазепа
Стоя звеселився [1]).
Ой и крикнувъ панъ гетьманъ Мазепа
На свои гайдуки:
«Гей, озьмить Палія Семена
«За крипкеньки руки [2])!»
Отъ и крикнувъ панъ гетьманъ Мазепа
На свои лейтары [3]):
«Гей, озьмить Палія Семена
«Закуйте въ кайданы!»
Отъ и крикнувъ панъ гетьманъ Мазепа
Та на свои мысливци [4]):
«Гей, озьмить Палія Семена
«Та засадить въ стрильници [5])!»

Сильно тому панъ Мазепа
Стоя взвеселился.
Ой и крикнулъ же панъ гетманъ
На свои гайдуки:
„Гей, возьмите вы Палія
„За крѣпеньки руки!“
Ой и крикнулъ панъ Мазепа
На свои рейтары:
„Гей, возьмите вы Палія,
„Закуйте въ оковы!“
Вотъ и крикнулъ же панъ гетманъ
Да на своихъ ловчихъ:
„Гей вы, взять Палій-Семена,
„Засадить въ стрѣльницу!“

[1]) У Срезневскаго: „Задивився.“ Но чему же было дивиться?—[2]) Максимовичь: „Да у тисныи руки,“ во крѣпкія руки.—[3]) Рейтары, всадники; варіантъ „Янчары,“ янычары.—[4]) Ловчіе, охотники; у Максим. „на свою визницю,“ своему возницѣ.—[5]) Въ башнѣ.—Это, по представленіямъ творчества, первое, мѣстное заключеніе Палія. — Максим. „Да вкиньте въ темницю.“

Не давъ Палію гетьманъ Мазепа
Ни пити, ни исти,
Доки не выславъ, проклятый,
На столицю [1]) листы.
[А якъ же выславъ гетьманъ Мазепа
Листы на столицю,
Веливъ закинуть Палія
У темну темницю [2]).]
«Отъ-то жъ тоби, промовляе, царю,
«Естъ Палій изминникъ:
«Винъ тебе хоче вже одступати,
«Въ пень Москву рубати,
«А самъ хоче та на столици
«Царемъ царствувати [3]).»
Озоветься [4]) Палій Семенъ
Сидячи въ темници [5]):

Не далъ Палію Мазепа
Ни пити, ни ѣсти,
Пока не послалъ, проклятый,
Грамотъ на столицу.
[А какъ выслалъ онъ, Мазепа,
Грамоты въ столицу,
Велѣлъ закинуть Палія
Въ темную темницу.]
„Вотъ, тебѣ, царь,—говоритъ онъ,—
„Палій есть измѣнникъ:
„Хочетъ тебя отступиться,
„Москву рубить въ корень,
„А самъ хочетъ на престолѣ
„Царемъ царевати.“
Отзовется Палій Семенъ,
Сидючи въ темницѣ:

[1]) Первоначально это значитъ *престолъ*, столъ сидѣнья властителя, а оттуда и самое названіе *столицы*.—[2]) Эти 4 стиха, у Срезневскаго, лишніе и разбавлены.—[3]) Варіантъ у Срезневскаго не важный.—[4]) Вар. „Тоди озоветься.“ Максим. „Обизветься.“—[5]) „Зъ темнои темници.“

—Бреше, бреше гетьманъ Мазепа
—Въ царя на столици!
—Отъ же жъ тоби, да праведный царю,
—Самъ гетьманъ изминникъ:
—Винъ тебе хоче уже одступати,
—Въ пень Москву рубати [1]),
—А самъ хоче та на столици
—Царемъ царствувати [2])!—
Ой що взмовлять мосцивыи [3]) паны
До праведна царя:
««Выпускай ты, да праведный царю,
««Палія зъ темници,
««А то будуть бусурманы Шведы
««На твоій столици!»»

(Кн. Церетелевъ 1819, Максимовичь 1834 съ поправками по списку Ходаковскаго; потомъ съ перемѣнами (чаще нарушающими складъ) Срезневскій 1834—38; какъ и выше, замѣтна естественная близость склада къ пѣснямъ Московскимъ того времени, о чемъ см. „Замѣтку“).

*

—Брешетъ, брешетъ панъ Мазепа
—У царя въ столицѣ!
—А вотъ тебѣ, царь праведный,
—Самъ гетманъ измѣнникъ:
—Хочетъ тебя отступиться,
—Москву рубить въ корень,
—А самъ хочетъ на престолѣ
—Царемъ царевати!—
Ой что взговорятъ вельможи
Царю правосудну:
„„Выпускай, царь правосудный,
„„Палія съ темницы,
„„А то бусурманамъ Шведамъ
„„Быть въ твоей столицѣ!““

*

[1]) Вар.: „Ой, царю, каже, Мазепа зминникъ, Хоче Москву рубати.“—[2]) Слѣдующій за симъ, необходимый конецъ находится у Церетелева и выброшенъ Срезневскимъ: онъ доказываетъ, что *въ этой* Думѣ представлялось только *одно*, мѣстное заключеніе Палія, ибо въ слѣдъ за тѣмъ непосредственно онъ на свободѣ и подъ Полтавой, о чемъ и сказывается далѣе. — [3]) Вельможные.

б)

Палій на свободѣ, битва подъ Полтавой.

Король утекаетъ за одно съ Мазепой [1]).

Та ще хмилю [2]) та ще зелененькій
На тычину не извився [3]):
А вже Палій пидъ Полтавою
Изъ Шведомъ побився.
5. Та ще хмилю та ще зелененькій
Головокъ не схиливъ:
А вже Палій пидъ Полтавою
Тай Шведивъ побивъ [4]).

б)

Еще хмѣль еще зеленый
Тычинкой не взвился:
А Палій ужь подъ Полтавой
Со Шведомъ сразился.
5. Еще хмѣль еще зеленый
Головокъ не клонитъ:
А Палій ужь подъ Полтавой
Шведовъ бьетъ и гонитъ.

[1]) Пѣсня эта у Церетелева и Максимовича, какъ и слѣдуетъ, непосредственно соединяется съ предыдущею.—[2]) Такъ у Церетелева, сообразно съ древнѣйшимъ складомъ; у Срезневскаго повторенія: „Та ще хмилю, хмилю."—[3]) Максим. и Срезн. „не звився."—Еще до осени, середи лѣта: по Московскимъ пѣснямъ „Середь было краснаго лѣта." Палій высвободился 1708 года: по пѣснямъ весною, великимъ постомъ прибылъ въ Москву (какого года, разумѣется, не говорится), а на вешняго Николу прибылъ подъ Полтаву (1709).—[4]) Слѣдующее за симъ только у Срезневскаго: это лишнее повтореніе, когда пѣвецъ разохотился сравненіями.

[Та ще хмилю та ще зелененькій
Козакивъ не згубивъ:
А вже Палій зъ пидъ Полтавы
Тай Шведивъ отбивъ.]
Ой кликне-покликне да королю Шведській [1]),
На гармати [2]) стоя:
«Утикаймо скорійшъ, гетьмане Мазепо [3]),
«Зъ Полтавського поля!»
Тоди вони утикали
Уси зъ пидъ Полтавы:
«Бо-дай вони не диждали
«Биться зъ козаками [4])!»

(Кн. Церетелевъ 1819, Максимовичъ 1834, за ними Срезневскій 1834—38, съ поправками по спискамъ).

*

[Еще хмѣль еще зеленый
Козаковъ не губитъ:
А Палій изъ подъ Полтавы
Шведовъ прочь бьетъ-рубитъ.]
Ой кликнетъ-воскликнетъ
Король земли Шведской,
Стоючи на пушкѣ:
„Побѣжимъ скорѣй, Мазепа,
„Съ Полтавскаго поля!“
Тогда они утекали
Всѣ изъ подъ Полтавы:
„„Дай Богъ, впередъ не дождаться
„„Битвы съ козаками!““

*

[1]) У Срезн. „Тоди крикне, крикне ясный король Шведській.“—[2]) Армата, армада—сперва вообще „орудіе,“ потомъ пушка.—[3]) Срезн. „Утикаймо, Мазепо.“—[4]) Этимъ кончается у Церетелева, и явно, что это дѣйствительно конецъ: слова бѣгущихъ, въ 3-мъ лицѣ.—Ср. въ нашихъ Былинахъ слова бѣгущихъ Татаръ: „Не дай Богъ намъ бывать ко Кіеву, Не дай Богъ намъ видать Русскихъ людей“ и проч. У Срезн. продолжается далѣе, но слабо и растянуто.

в)

Погоня за Шведами до Бендеръ. Палій съ Гречкой [1].

Отъ-то Шведы [2]) утикали
Зъ Полтавського поля:
Зхаменулась [3]), звеселилась
Козацькая доля.
Отъ-то вони хутко [4]) утикали
Та не шляхомъ [5]), стежкой:
Була війску порада
Тай Палію зъ Гречкой....
Тоди швидко [6]), швидко Шведы утикали,
Дорожку взнавали,
Тай ще тую дороженьку
До Бендеръ держали...

И т. п. Не вносится симъ ничего особаго, ни историческаго, ни замѣчательнаго творчествомъ.

(Срезн. въ „Запор. Стар." 1834—38).

* *

Въ томъ же почти порядкѣ, хотя и съ нѣкоторыми особыми чертами, излагаетъ дѣло слѣдующая, самая лучшая и цѣльная Дума:

в)

Вотъ какъ Шведы утекали
Съ Полтавскаго поля:
Проснулась, повеселѣла
Козацкая доля.
Вотъ какъ быстро утекали,
Не дорогой, тропкой:
Была войску въ томъ отрада
И Палію съ Гречкой....
Скоро, скоро утекали,
Путь себѣ пытали,
Еще ту ли путь-дорожку
Къ Бендерамъ держали...

* *

[1]) Какъ сказано, это непосредственно соединяется съ предыдущимъ.—[2]) Такъ въ строфахъ ниже: для соединенія съ предыдущимъ у Срезн. „Отъ-то вони тоди шибко." — [3]) Очнулась, проснулась. — [4]) Охоче, старательно. — [5]) Schlag, торная, большая бойная дорога.—[6]) Geschwind.

3.

Съѣздъ Русскихъ. Свобода Палію и походъ его съ Шереметевымъ подъ Полтаву. Король и Мазепа, ихъ бѣгство.

Шведського року, несчастливого лита,
Не одна-то душа християнська
Безневинно [1]) пійшла зъ сёго свита.

То тоди-то у городи у Лебедини [2])
Цари й князи великимъ вси [3]) дивомъ дивовали,
Единъ до единого словами промовляли:
««Про що то, панове [4]), у земли християнській
««Не стало порядку ставати?»»
—«Про то, панове [4]), що стали

3.

Въ ту ль годину Шведску, въ безсчастное лѣто,
Не одна-то душа христіянска
Отошла безвинно съ сего свѣта.

Во ту́ пору, во городѣ во Лебединѣ,
Цари и князи вели́кимъ дивомъ дивовались,
Такими словами другъ ко другу говорили:
„„За что-й-то, господа, въ землѣ христіянской
„„Не стало порядку становиться?““
—„За то, господа, что стали

[1]) Двойное отрицаніе (какъ при сравненіяхъ въ язмкѣ народномъ, см. выше).—[2]) Объ этомъ-то въ Московскихъ пѣсняхъ говоритъ Шереметевъ, предчувствуя себѣ бѣду „на полѣ Лебединомъ,“ см. выше. Здѣсь была въ 1708 г. главная квартира Русскихъ войскъ.—[3]) *Си?*—[4]) У Срезн. странная прибавка—„молодци.“

—«Проклятыи бусурманы
—«Христіянъ братами называти.»—
««Хто жъ тее зачинавъ?»»
—«Начинавъ тее проклятый Мазепа,
—«Якъ Искру и Кочубея
—«Безневинно самъ зъ сёго свита зогнавъ,
—«Семена Палія на Сибиръ завдавъ.»—
То цари и князи
Единъ до единого словами промовляли,
Да [1]) Семена Палія зъ Сибиру
На Москву высылали [2]).

Скоро [3]) то ставъ Семенъ Палій
Великимъ постомъ, весняною погодою,
До Бѣлого царя [4]) на столицю прибувати,
То свитъ праведный государь

—„Проклятые бусурманы
—„Христіянъ братьями называти.“—
„„А кто жь это зачалъ?““
—„Начиналъ то проклятой Мазепа,
—„Когда Искру съ Кочубеемъ
—„Безвинно спровадилъ съ сего свѣта,
—„Семена жь Палія въ Сибирь предалъ.“—
Такъ цари и князи
Такими словами другъ ко другу говорили,
Да Семена Палія съ Сибири
Въ Москву высылали.

Скоро Семенъ Палій прибываетъ,
Въ Постъ Великій, весенней погодой,
Ко Бѣлому царю на столицу,
А свѣтъ правосудный государь-царь,

[1]) Или *та*: удивительно, за чѣмъ Срезневскій предлагалъ исправленіе *що*,—не было бы смыслу.—[2]) *Выслали?*—Это, по народному творчеству, второе заключеніе Палія—въ Сибири; послѣ заключенія у Мазепы, онъ былъ сосланъ въ Енисейскъ 1804 г. и возвращенъ 1708, ср. выше.—[3]) Какъ скоро, когда.—[4]) И въ Малорусской поэзіи, какъ въ Московскихъ пѣсняхъ, это прозваніе усвоено по преимуществу Петру I-му.

Велику (винъ) радость мае,
Що до себе великого лыцаря
Семена Палія у гости сподивае.

То Мазепа тоди якъ почувъ,
Що ёго, проклятого Мазепу,
Лихо доганяе,
До короля (винъ) Шведського
Таки ричи промовляе:
«Королю Шведській, добродію,
«Найяснійшій [1]) мій пане!
«Чи будемъ мы бильше
«Города Полтавы доставати,
«Чи будемъ зъ-пидъ города [2])
«Зъ-пидъ Полтавы утикати?

Великую радость онъ имѣетъ,
Что великаго рыцаря въ гости,
Семена Палія принимаетъ.

А Мазепа тогда, какъ почуялъ,
Что его, проклятаго Мазепу,
Бѣда нагоняетъ,
Онъ тогда королю Шведовъ
Говоритъ такія рѣчи:
„Благодѣтель, король Шведскій,
„Пресвѣтлѣйшій господинъ мой!
„Добывать ли намъ еще Полтаву,
„Или будетъ лучше изъ-подъ града,
„Изъ-подъ той Полтавы утекати?

[1]) *Наияснійшій*? Издатели весьма правы, приводя въ обычный порядокъ народную рѣчь *на письмѣ*: но въ устахъ, именно при пѣніи, по требованію склада, конечно были и есть отмѣны (какъ всегда на Великой Руси. См. объ основномъ складѣ въ 7-мъ выпускѣ).—[2]) „Изъ-пидъ“ или „зъ-пидъ града?“ Если дѣлается подобный отрѣзокъ въ 7 или въ 5, вѣрно стихъ былъ подлинно и первоначально въ 8 или 6 слоговъ.

«Бо не дурно Москва стала
«Насъ кругомъ оступати;
«Бо въ Семена Палія [1])
«Хочъ и не великое війско охотнее [2]),
«Тилько одна' сотня,
«А буде нашу тысячу
«Гнати й рубати,
«Буде намъ, великимъ паномъ,
«Великій страхъ завдавати [3])!»
То король Шведській тее зачувае,
Словами (винъ) промовляе:
—Мазепо, безумна главо!
—Чи въ мене війско не збройне,
—Чи у мене [4]) війско не панцырне?

„Вѣдь не съ дуру Москва стала
„Насъ кругомъ съ тобою обступати;
„У Семена вѣдь Палія
„Пусть и не велико охочее войско,
„Только одна сотня,
„А будетъ тысячу нашу
„Гнати и рубити,
„Будетъ намъ, панамъ великимъ,
„Великій страхъ задавати!"
То заслышитъ король Шведскій,
Такими словами говоритъ онъ:
—Голова безумная, Мазепа!
—У меня ль войско не въ бро́пѣ,
—У меня ли не въ панцыряхъ войско?

[1]) То же о семъ стихѣ. — [2]) *Охотне?* Указываетъ слѣдующая риѳма. — [3]) Совершенно подобнымъ образомъ, по Московскимъ пѣснямъ, королю „на рѣчахъ кавалеры доносили." Ср. выше.—[4]) Вотъ еще доказательство: у Максимовича въ подобныхъ случаяхъ *у* полугласное, что переходитъ въ *ев*; такъ и печатаетъ обычно Срезневскій *ев*: но здѣсь, по складу, не усумнился же принять *у*.

—Та я ще [1]) тую Москву
—Могу сикти и рубати,
—Ще не зарикаюсь [2])
—У Билого царя
—На столици побувати!—

Скоро ставъ Палій Семенъ,
На святого отця Миколая,
Изъ Шереметомъ Борисомъ Петровичомъ,
Пидъ Полтаву прибувати,—
То ставъ король Шведській
Изъ Мазепою тайно втикати,
На царськихъ людей вдаряти.
Много царськихъ людей побивали [3]).

—Еще я ли Москву эту
—Могу сѣчь я и рубити,
—Еще я не зарѣкаюсь
—У Бѣлаго царя побывати,
—На его—царя—столицѣ!—

На святаго отца Миколая,
Подъ ту подъ Полтаву,
Скоро сталъ ли Палій прибывати,
Съ нимъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ,—
Тутъ (скорѣй того) король Шведскій
Сталъ съ Мазепой тайно утекати,
На людей на царскихъ ударяти.
Много царскихъ людей побивали.

[1]) „Тай ще?“—[2]) Обратно предыдущему, у Срезневск. „Ище не зарикаюся (7),“ а Максимовичь, по чутью склада, печатаетъ „ще не зарикаюсь.“—[3]) Напрасно полагалъ Срезневскій, что слѣдующее за симъ „должно разумѣть не о Батуринѣ, лежащемъ на Сеймѣ, а о Переволочнѣ.“ Тотчасъ послѣ обличенія Мазепы, 3 Ноября 1708 г. Менщиковъ взялъ его резиденцію Батуринъ, опустошилъ въ тѣхъ самыхъ чертахъ, какъ говоритъ пѣсня, побиты жители, даже женщины и младенцы, разорено, взято или попалено все имущество гетмана и жителей, оставшееся здѣсь. Этого не могъ забыть народъ и тотчасъ же поставилъ это въ упрекъ Мазепѣ: въ слѣдующей за симъ Думѣ тѣмъ же порядкомъ переходятъ къ Батурину, чтобы еще разъ проклясть Ма-

А въ городи у Батурини
Мужикивъ та жинокъ
У пень сикли да рубали,
Церкви палили,
Святсти та иконы
Пидъ ноги топтали,
Плиты справляли [1]);
На той бикъ Днипра утикали.

То Семенъ Палій
Пидъ Полтаву прибувае:
Сиче и рубае,
На вси стороны якъ полову митае.

А въ Батуринѣ во градѣ,
Мужиковъ да жонокъ
Въ корень сѣкли и рубили,
А церкви палили,
Святыни-иконы
Подъ ноги топтали
[А плиты сплавляли];
На тотъ бокъ Днѣпра всѣ утекали.

Такъ-то Семенъ Палій
Подъ Полтаву прибываетъ:
Сѣчетъ онъ и рубитъ,
Какъ плеву на всѣ стороны разметаетъ.

зепу. Связь такова: Враги бѣжали передъ лицомъ Палія и козаковъ, но царскихъ—Московскихъ—людей они продолжали еще бить и много побили; да и тѣ, съ Менщиковымъ, не пощадили Батурина и, въ разореньѣ его, ты же, Мазепа, виновенъ. Послѣ этого эпизода, пѣсня возвращается къ бѣгущимъ и прибавляетъ, что теперь сцена перенесена была за Днѣпръ.—[1]) Срезневскій „плоты наводили" и за тѣмъ уходили. Но Максимовичъ, вопреки правиламъ своего правописанія, пишетъ здѣсь не *о* со значкомъ, а просто *плиты*. Потому мы соединяемъ это съ предыдущимъ и полагаемъ: самыя плиты, металлическія, переплавляли (*сплавляли*) или передѣлывали (справляли),—такъ точно и поступали тогда съ плитами помостовъ и гробовъ, окладами, ризами.

До Днипра (винъ) добувае,
На той бикъ Днипра поглядае,
Що король Шведськiй изъ Мазепою
На тимъ боци Днипра похожае,—
То винъ-то мечемъ махае,
Словами (винъ) промовляе:
«—Помоли ты, Мазепо, за мене Бога,
«—Що я тебе не догнавъ:
«—Альбо бъ посикъ, альбо порубавъ [1]),
«—Альбо живьемъ на вичну каторгу завдавъ [2])!»—

*

Земле, земле христiянсько!
Егда ты була смутками
И печальми наполнена,

До Днѣпра онъ достигаетъ,
На тотъ бокъ Днѣпра поглядываетъ,
Какъ съ Мазепою тамъ король Шведскiй
По ту сторону похаживаетъ,—
Тутъ мечемъ Палiй помахиваетъ,
Словами онъ приговариваетъ:
„—Ну, молить тебѣ, Мазепа, Богу,
„—За меня, что не догналъ я:
„—Либо я тебя посѣкъ бы,
„—Не посѣкъ бы,—зарубилъ бы,
„—А не то тебя живьёмъ бы
„—Въ вѣчну каторгу пустилъ бы!—“

*

Земля, земля христiянска!
Какъ была ты засмущона,
Изнаполнена печальми,

¹) „Не посѣкъ, не порубилъ!“ переводитъ Срезневскiй (!).—²) Слѣдующее за симъ—внѣ событiя, заключенiе Думы, заключительный припѣвъ пѣвца.

Не знала (ты), де родина
Объ родини промышляе [1]).
Дай Богъ честь и хвалу
Свитъ-праведному государю,
Да й Семену Палію,
Превеликому пану,
Що не давъ Шведу
Христіянъ на поталу [2])!
Ой дай, Боже, усимъ христіянамъ
Многія лита,
Да счастливого прожитія
У симъ свити!

(Срезнев. 1834—38, „со словъ бандуриста;“ Максимовичъ 1849; чисто-народное произведеніе, и потому-то, какъ показано, сходится съ Былинами Московскими).

* *

За симъ снова, третій разъ, повторяется почти то же, съ нѣсколькими лишь иными чертами и выраженіями:

Ты не знала, какъ родные
Объ родныхъ и промышляютъ.
Дай Богъ честь и славу
Свѣтъ-праведну государю,
Еще ль Семену Палію,
Превелику господину,
Да что не далъ Шведу
Христіянъ въ добычу!
Подай, Боже, и всѣмъ христіянамъ
Многія лѣта,
Да счастливо имъ прожити
На семъ свѣтѣ!

* *

[1]) Ср. Слово о Полку Игоревѣ и заключеніе Былинъ Сербскихъ, съ намекомъ на Славянскую рознь: „Тешко свуда своме без своега.“ Всюду тяжко своему безъ своего (роднаго)!—[2]) Полонъ; ср. древнее *таль*—заложникъ, военноплѣнный.

4.

а)

Мазепа. Судьба Искры и Кочубея. Разоренъ Батуринъ.

Мазепо гетьмане,
Израдливый пане!
Злее починаешь,
Зъ Шведомъ накладаешь
И на царя восточного
Руки пидиймаешь:
Пиднявъ еси орду,
Изробивъ тревогу [1]).
А при тій измини
Бувъ Кочубій(да)-Искра:

4.

а)

Ты гетманъ Мазепа,
Панъ ты вѣроломный!
Злое зачинаешь,
Сходишься со Шведомъ,
На царя восточнаго ты
Руки подымаешь:
Поднялъ силу многу,
Учинилъ тревогу.
А при той измѣнѣ
Былъ Кочубей съ Искрой:

[1]) Два стиха дурны, новы, для риѳмы.—*Орда*—не Турецкая, а скопъ войска, ополченіе.

Пишли жъ вони зъ-пидъ Полтавы
Да до царя знишка [1]);
А царь виры не динявъ,
До Мазепы одиславъ.
Скоро жъ [2]) ихъ Мазепа взривъ,—
Барзо звеселився:
А Кочубій изъ Искрою [3])
Слезами облився.
Уси паны, сенаторы,
Уси бенкетъ мали [4]):

Пошли они съ-подъ Полтавы
Къ царю потихоньку.
А царь вѣры имъ не взялъ,
Ихъ къ Мазепѣ отослалъ.
Скоро узрѣлъ ихъ Мазепа,—
Сильно взвеселился:
А Кочубей съ Искрой
Слезами облился.
Всѣ господа, сенато́ры,
Всѣ пиръ пировали:

[1]) Ср. наше *нишни*, молчи, притихни. — [2]) Какъ скоро. — [3]) Такъ у Максимовича, по чувству склада, въ 8 слоговъ; Срезн. „зъ.“—И здѣсь, какъ выше, всѣ стихи въ 7 предполагаютъ подлинникъ въ 8 или 6 слоговъ. Ходъ сего склада таковъ: отъ основнаго 8-ми до господствующаго 10-ти, потомъ до 12-ти; 12, не столь любимое, раскалывается по поламъ, 6+6; движеніе продолжается дальше и даетъ 13, т. е. 8+5 (а 5 половина 10-ти),—складъ любимый; но еще далѣе, 8+6, то есть съ отломкомъ половины 12-ти (а 12 само не любимо), рождается 14, и отсюда-то половина—въ 7 слоговъ: это уже уродливость, искаженіе склада. Плохо и 15, 8+7. Складъ на этомъ пути возстановляется лишь тогда, когда доходитъ до 16-ти, то есть снова основное 8+8 (ср. замѣтки въ вып. 7).—[4]) Банкетъ.—Кажется, должно разумѣть съѣздъ Русскихъ, помянутый выше, при которомъ, говоритъ пѣсня, вспомнили и судьбу Кочубея съ Искрой, и ссылку Палія: здѣсь, напротивъ, пѣсня хотѣла упрекнуть пирующихъ и выставить вѣрность одного Апостола.

Кочубія жъ изъ Искрою [1])
Барзо забували.
Тильки ты ихъ не забувъ,
Миргородській пане [2]),
Що Кочубій изъ Искрою
За Вкраину стали [3])!

У Кіеви на Подоли
Порубаны груши:
Погубивъ же песъ Мазепа
Невинныя души.
Ой выгоривъ весь Батуринъ,
Зосталася хата [4]):

Кочубея жь они съ Искрой
Скоро забывали.
Только ты ихъ не забылъ,
Властель Миргородскій,
Не забылъ, что они съ Искрой
За Украйну встали.

Во Кіевѣ на Подолѣ
Порублены груши:
Погубилъ же песъ Мазепа
Невинныя души.
Ой выгорѣлъ весь Батуринъ,
Осталась лишь хата:

[1]) Также народно, но гораздо слабѣе и новѣе предыдущаго; если Дума равняется нашей Былинѣ или, скорѣе, Побывальщинѣ (съ полуразрушеннымъ складомъ), то это совершенно то же, что у насъ „бабья Старина,“ Былевая Пѣсня въ вѣдѣніи женщинъ, женская по складу и употребленію; совершенно тотъ же ходъ—отъ 8 къ 12, отъ 12 по поламъ къ 6-ти слогамъ; ср. напр. Стихъ, „Восплакался Адамъ, Передъ раемъ стоя,“ „Кал. Перех.“ вып. 6, а здѣсь выпускъ 7-й.—[2]) Вѣроятно *Данило Апостолъ*, отставшій отъ Мазепы и бывшій послѣ гетманомъ.—[3]) Народъ не могъ забыть и простить Мазепѣ, по его винѣ, разоренія Батурина: онъ къ этому переходитъ совершенно также, какъ въ предыдущей Думѣ, и зачинаетъ, какъ эпизодъ, особымъ сравненіемъ.—[4]) На мѣстѣ разоренія оставалось нѣсколько хатъ до самого возобновленія въ 1750 г., при Разумовскомъ.

Да вже-жъ твоя, псе [1]) Мазепо,
И душа проклята.
35. Бувъ у тебе, псе Мазепо,
Одинъ хлопець Нимець [2]):
Пишло жъ твое, псе Мазепо,
Усе добро ни-ве-ць [3])!

(Максимовичъ 1834, оттуда Срезневскій 1834—38).

*

б)

Мазепа подъ Полтавой со Шведами. Царь Московскій и побѣда. Бѣгство къ Бендерамъ и смерть Мазепы [4]).

Ой трапилось [5]) проклятому Мазепи
Та коржики [6]) исти:

За то твоя, песъ Мазепа,
И душа проклята.
35. Былъ у тебя, песъ Мазепа,
Одинъ слуга Нѣмецъ:
Все добро твое, Мазепа,
Пошло все ни вó что!

*

б)

Удавалося проклятому Мазепѣ
И лепешки ѣсти:

[1]) У Срезн. „твоя-то," хотя и замѣчено, что перепечатано изъ Максимовича.—[2]) Начальникъ Сердюковъ, гвардіи Мазепы, *Кёнигсенъ*: пѣсня воспользовалась симъ для риѳмы, но съ разсчитаннымъ вмѣстѣ упрекомъ.—[3]) Ни-во-что (ни-въ-че).—[4]) Относится къ предыдущему какъ продолженіе, подобно 2-му и 3-му образцамъ. И складъ сходенъ: второй стихъ въ 6, первый попадается въ 8; только первый чаще растянутъ, и преимущественно по желанію налечь на имя *проклятаго Мазепы*.—[5]) Наше *трафилось*: treffen.—[6]) Печеныя лепешки. И ему удавалось попировать, поважничать, „поѣсть писаныхъ пряниковъ."

А то ще й потрапилось проклятому Мазепи
Пидъ Полтавой систи.
Та не довго католики
Пидъ Полтавой станомъ стояли:
Казавъ царь Московськiй,—Ура, хлопци!—
То якъ пухъ розимчали.

А де ты, вражiй сыну, Мазепа проклятый,
Теперя [1]) усився?
А де ты зъ сердюками-вовчатами,
Вовче, вгораздився?
Кажуть люди, у городи у Бендери
Чого-сь смутно стало:
Чи то того, що Йвана Мазепу
Лихо доконало?
Ой то того, що Йвана Мазепу
Лихо доконало [2]);

Удавалося и то ему, Мазепѣ,
Подъ Полтавой сѣсти.
Да католики не долго
Подъ Полтавой станомъ постояли:
„Ура, хлопцы!“ сказалъ царь Московскiй,—
Такъ въ пухъ разметали.

А гдѣ жь, вражiй сынъ Мазепа,
Теперя усѣлся?
Куда жь угораздило тя, волка,
Съ волчатами-сердюками?
Люди скажутъ, въ городѣ Бендерахъ
Что-то смутно стало:
Ужь не то ли, что Мазепу
Лихо доконало?
Точно правда, что Мазепу
Лихо доконало;

[1]) „Тепера?“—[2]) Связь такова. „Куда-то, Мазепа, ты дѣвался? Сказываютъ, какое-то горе, смута въ Бендерахъ: такъ не тамъ ли ты, не тебя ли тамъ постигла бѣда и смерть, не по тебѣ ли горе? Именно такъ, правда: отъ того

Ой то того, що Мазепина слава
Марно [1]) пропала.
Ой то того, що Мазепина слава
Марно пропала,
Якъ ёго тило бусурманське у Бендери
Земля при(ни)мала.

(Со словъ бандуриста, изъ трехъ списковъ, у Срезн. въ „Запор. Стар." 1834—38; народно, но слишкомъ потерпѣлъ складъ, отъ помянутыхъ причинъ).

* *

Послѣ этихъ трехъ, частями разрушенныхъ, но внутреннею связью цѣльныхъ и полныхъ Былевыхъ Пѣсней, слѣдуютъ уже тѣ, гдѣ передается *отдѣльно* и *особенно* судьба *Палія*. Первая однако изъ нихъ, и лучшая, художественно округляетъ одинъ, строго опредѣленный моментъ,—заключенiе Палія въ Сибири: это такой же эпизодъ, какъ напр. о Батуринѣ, но только развитой, подобно какъ развитъ эпизодъ о Гордiенкѣ и Запорожцахъ; вѣроятно, какъ эпизодъ, пѣсня входила *въ составъ цѣльной Былины*, до насъ не дошедшей, на томъ мѣстѣ, гдѣ творчество касалось ссылки Палія, какъ это видимъ по предыдущимъ образцамъ. Можетъ быть даже она входила въ среду предыдущихъ (когда еще цѣла была связь ихъ первоначальнаго состава), на примѣръ послѣ 2 а) и передъ б).

Точно правда, его слава
За даромъ пропала.
Точно правда, его слава
За даромъ пропала,
Какъ его въ Бендерахъ тѣло бусурманско
Земля принимала.

* *

тамъ смута, тамъ пропала слава Мазепы, тамъ смерть его постигла.—Погребенъ близь Бендеръ, въ Варницѣ.—[1]) Суетно, всуе, за даромъ, по напрасну (ср. *мар-ево*).

5.

а)

Палій въ Сибири.

Высоко сонце [1]) зходить,
Низенько ложиться:
Ой де-сь-то панъ Палій Семенъ
Тепера журиться?
Высоко сонце зходить,
Низенько заходить:
Ой де-сь-то панъ Палій Семенъ
По Сибиру бродить?

«Ой чуро [2]) мій, чуро,
«Мій вирный Стоўсю!

5.

а)

Высоко солнце восходитъ,
Низенько ложится:
Ой гдѣ-то панъ Палій Семенъ
Теперя горюетъ?
Высоко солнце восходитъ,
Низенько заходитъ:
Ой гдѣ-то панъ Палій Семенъ
По Сибири бродитъ?

„Ой чура мой, чура,
„Мой вѣрный Стоўсю!

[1]) По складу м. б. „сонечко?"—Замѣтно примѣненіе образа: высоко поднявщійся Палій глубоко упалъ бѣдою.—[2]) См. выше: служка.

«Ой ходимо у каплицю [1]):
«Богу помолюся.
«Ой Богови помолюся,
«Святимъ поклонюся:
«Зледащивъ, понурый [2]),
«Стареньким здаюся.
«Стареньким здаюся,
«Молитися мушу [3]):
«Хай милуе [4]) Милостивый
«Мою гришну душу [5])!»

Ой [6]) натягнувъ ёму чура
Да сирую свиту,
Да давъ ёму да у руку
Иловую виту [7]).

„Пойдемъ-ка мы во храмъ Божій:
„Богу помолюся.
„Ой Богу я помолюся,
„Святымъ поклонюся:
„Захудалъ, понурый,
„Старикомъ кажуся.
„Старикомъ кажуся,
„Молиться пришлося:
„Да милуетъ Милосердый
„Мою грѣшну душу!“

Натянулъ же ему чура
Да сѣрую свитку
И далъ ему въ его руку
Еловую клюшку.

[1]) Часовню; здѣсь вообще храмъ.—[2]) Такъ у Максимовича, вездѣ чуткаго къ народному складу; у Срезн. вставлено „я,“ въ 7 слоговъ; *ледащій*—плохенькій, худой, сродно съ *лядъ* (Land), пустопорожнее, заброшенное мѣсто, не воздѣланная земля; ledig.—[3]) Müssen.—[4]) Опять у Максимовича; Срезн. „помилуе,“ вопреки складу.—[5]) Это рѣчь Палія.—[6]) Опять у Срезн. нѣтъ.—[7]) Вѣтку, сукъ: здѣсь—клюку, разсоху, посохъ.

Пійшовъ панъ Палій Семенъ
Богови молиться:
Не то Богови молиться,
А не то журиться [1]).
Прійшовъ [2]) панъ Палій до дому,
Дай сивъ на помити;
На бандурци выгравае:
«Лихо жити въ свити!
«Той [3]), душу заклавши [4]),
«Свиту, бачъ, гаптуе [5]),
«А той по Сибиру
«Мовъ въ лузи дубуе [6])!»

(Максимовичъ 1834; Срезневскій 1834—38, „со словъ бандуриста, съ поправками по тремъ другимъ спискамъ." Особенно замѣтно, что сложено современно самой были).

* *

Пошолъ тутъ панъ Палій Семенъ,
Богу онъ молиться:
Не то—Богу онъ молиться,
Не то—горевати.
Пришолъ же панъ Палій домой,
Сѣлъ онъ на крылечкѣ;
Играетъ онъ на бандурѣ
[Самъ выигрываетъ]:
„Лихо жить на свѣтѣ!
„Одинъ, предавъ душу,
„Смотришь—свиту краситъ,
„А другой въ Сибири
„Какъ въ золѣ золится!"

* *

¹) Богъ вѣсть—молиться ли, а Богъ вѣсть—погоревать, поплакать. Срезневскій переводитъ: „Не такъ Богу молиться, какъ горевать." Напротивъ, то и другое: колебаніе, необычайно ярко и художественно выраженное (ср. у насъ пѣсни жены Грознаго, Ксеніи и Лопухиной).—²) Срезн. „А якъ прійшовъ (вотъ къ чему привела *поправка* по спискамъ)."—³) Срезн. „Що той."—⁴) Сгубивъ, зломъ, ради міра; заложивши ее свѣту.—⁵) Вышиваетъ шитьемъ—серебрянымъ и т. п.: шитые кафтаны, съ галунами, по нашему—шитый мундиръ.—⁶) Можно бы думать, что послѣдніе 4 стиха,—заключеніе позднѣйшаго пѣвца

Это изъ разряда пѣсней «Невольницкихъ» у Малоруссовъ, у насъ «Темничныхъ:» какъ въ Малороссіи (Кулишъ, «Записки о Южн. Руси,» т. I, 1856), такъ и у насъ, по всѣмъ даннымъ, сочинялись эти пѣсни *самими* заключенными. Прямо можно сказать, что это «*Пѣсня Палія.*» Переходъ отъ 1-го лица къ разсказу въ 3-мъ самый обычный (ср. примѣры у насъ выше): особенно этотъ пріемъ возобладалъ, конечно, когда пѣсня была вставлена въ Думу, въ Былину, въ связь цѣльнаго и длиннаго разсказа; тогда же противу перваго склада кое-что добавлялось: и отъ лица сложившаго, перваго пѣвшаго, и отъ лица пѣвца новаго, поющаго Былину.

За тѣмъ слѣдуютъ о Паліѣ еще два разряда пѣсней и сказаній: въ однихъ, б) втораго разряда, Палій обставленъ фантастическими представленіями народными (помѣщено у Кулиша, въ 1-мъ т. «Запис. о Ю. Р.»). Онъ вѣщій, чародѣй. Онъ предсказалъ Петру, что

и противуположеніе горюющаго Палія ликующему Мазепѣ. Но вѣроятнѣе продолженіе думы самого Палія, чѣмъ же именно лихо жить, гдѣ на себя намекаетъ въ 3-мъ лицѣ.—Срезневскій переводитъ: „какъ дубъ въ перелѣскѣ одинъ одинокъ (одинешенекъ?).“ Точно, *лугъ* значитъ лѣсъ (собственно роща, съ просвѣтомъ, *lucus*, какъ *гай*—съ прокрикомъ и проходомъ, *saltus*); труднѣе вести *дубовать* отъ *дуба*—жить дубомъ; но еще невозможнѣе объяснить тогда *мовъ*—словно: „Одинъ по Сибири какъ въ лѣсу живетъ дубомъ!“ Такъ можно объяснять развѣ тому, кто помнитъ нашего Мерзлякова: „Высокій дубъ, развѣсистый, Одинъ у всѣхъ въ глазахъ, Одинъ, одинъ, бѣдняжечка, Какъ рекрутъ на часахъ.“ Напротивъ, по нашему, *лугъ* здѣсь значитъ, какъ и у Поляковъ, и Бѣлой Руси, *золу* и *щолокъ* (изъ пережженнаго *луга*, лѣсу, Нѣм. *Lauge*, ausgelaugte Asche), а *дубовати* то же, что и наше *дубѣть*, *дубиться* (также отъ *дубъ*, дубильной кислоты),—коржавѣть, крѣпнуть, жестѣть, заскорузнуть въ ѣдкой жидкости (древній у Нестора „квасъ усніяный,“ усмянный, въ которомъ мочили кожи). Образъ и золы, и щолока, и дубленья сходятся: о кожѣ, переносно о тѣлѣ и вообще о человѣкѣ, который жестѣетъ, золится, перегараетъ въ щолокѣ,—во злѣ и бѣдахъ (*зло* и *зола* одного корня), какъ говоритъ Болгарская пословица, „Терпи, душа, чернѣй, кожа („трай, душё, чьрнѣй, кожё“). Образъ народный, простой, обиходный и вмѣстѣ выразительный. Одинъ въ Сибири золится золой, терпитъ въ щолокѣ, жестѣетъ (какъ дѣлаютъ и съ платьемъ, *свитою*, очищая ее), а другой свиту шьетъ себѣ серебромъ и украшаетъ; душа одного терпитъ, страдаетъ, а другой ликуетъ, вовсе забывъ о душѣ своей, предавши ее міру.

крестникъ Петровъ Мазепа подниметъ на него руки,—заключенъ за то, тридцать лѣтъ томится, еле живъ, наконецъ выпущенъ — когда сбылось пророчество, объѣхалъ Мазепино войско, тамъ одурѣли и другъ друга перекололи, наконецъ прокололь Мазепу (какъ дракона), сжегъ и пепелъ развѣялъ. За Мазепу Петръ крѣпко разгнѣвался на Украину, велѣлъ было всѣхъ рубить, да послѣ помиловалъ.— Передается еще, въ другой легендѣ, которая сохраняетъ всѣ моменты приведенныхъ выше пѣсней: Царь восточный звалъ Мазепу «батюшкой;» довѣдавшись, что хочетъ Мазепа со Шведомъ на Царя, пошли съ вѣстью Искра и Кочубей,—Царь не взялъ вѣры. Между тѣмъ правда выяснилась: эпизодъ о Батуринѣ, какъ Мазепа встащилъ пушки на самую церковь и палилъ оттуда въ Царское войско. Царь кличетъ охотниковъ ратоборцевъ: старый Запорожецъ идетъ сказать ему про Палія; «а первый императоръ такой былъ строгій, что солги—голову сниметъ.»—Нѣтъ Палія, говоритъ Царь: погибъ.— «Нѣтъ, Царь, живъ, только въ Сибири.» Просятъ его спасти царство: Палій прежде выслушиваетъ службу Божію. Потомъ выбираетъ, не выберетъ коня: едва нашолъ своего, на немъ воду возили. «Палій воевалъ не волшебствомъ, а ангельскимъ чиномъ:» невидимкой свезъ Царя въ Мазепино войско, далъ послушать рѣчи Мазепы, Шведа и Турка; потомъ собралъ войско: Мазепа наученъ былъ чародѣйству отъ Палія, *да не всему;* Палій указалъ, какъ палить. За побѣду проситъ одного дара: «Не разоряй гетманщины (тенденціозно).»—Хорошо, сказалъ Царь, для тебя дарую.—Здѣсь, повторяемъ, сохранены всѣ моменты Думы, какъ были, но вокругъ нихъ раскинулся безпредѣльный міръ южной фантазіи.—Совсѣмъ обратно въ третьемъ разрядѣ, в): весьма прозаически, хотя и въ пѣснѣ, изображенъ Палій *по просту*, какъ представлялся онъ не въ народномъ творческомъ образѣ, а жилъ въ дѣйствительности, съ точки зрѣнія житейскихъ отношеній. Пѣсня напечатана въ «Запор. стар.» 1838, со списка: Срезневскій цѣликомъ ее заподозрилъ. «Ошибокъ противъ народности нельзя же приписать писцу, а этихъ ошибокъ такъ много, что всю пѣсню можно считать ошибкой.» Правда, двѣ-три ошибки, два-три книжныхъ выраженія; разоренъ и складъ,—

совершенно какъ наши Старины бабьи, съ переходомъ въ скороговорку. Тѣмъ не менѣе поразительная простота взгляда, въ ней слѣды взгляда историческаго и безпристрастнаго, порой и меткіе очерки творческіе. Приведемъ въ сокращеніи и переводѣ:

Охочія ватаги
Козаками богаты:
А между ними пущій
Семенъ Палій,
Полковникъ онъ Хвастовскій [1]).
Что Турокъ, что Полякъ,
Татаринъ, иль Москаль,
Ихъ одинако нашь Палій одолѣваетъ,
Имѣнье отнимаетъ,
Головушки ихъ рубитъ.
Живетъ себѣ въ довольствѣ,
Какъ гетманъ самъ:
Своя ему ватага,
Самъ подати сбираетъ
И старшаго не знаетъ.
Семенъ Палій—козакъ прямой:
Хмельницкаго онъ батькой называетъ,
Гетманщинѣ удачь желаетъ,
Отъ всѣхъ враговъ ее обороняетъ.
Его Поляки не взлюбили,
Известь его Поляки положили:
А онъ того не знаетъ, не гадаетъ,
Въ Ляховщину вступаетъ,
Костёлы, сёла выжигаетъ.
Летала птица въ полѣ,
Да въ клѣточку попалась:

[1]) Въ Хвастовѣ.

Палій все Ляховъ воевалъ,
Католиковъ рубилъ,
Да и въ неволю къ нимъ попалъ.
Ой, птица сидитъ въ клѣткѣ,
Палій нашъ въ Танобурхѣ [1]):
И вороги раденьки,
И козаки смутненьки,
Вдовы же сироты бѣдненьки.
Ой вылетѣла птица съ клѣтки,
Палій изъ Танобурха:
И вороги смутненьки,
И козаки раденьки,
Вдовы-сироты веселеньки.

За тѣмъ эпизодъ о борьбѣ по ту сторону Днѣпра, «тогобочныхъ» гетмановъ съ Поляками.

Палія же тамъ нѣту:
Сидитъ Палій нашъ дома.
Козацка бѣдна доля
И пропадетъ ихъ, можетъ, воля!

Но Поляки побѣждены.

По эту сторону Днѣпра
Гетманствуетъ Мазепа:
Украйну въ свои руки забираетъ,
Никому власти онъ не допускаетъ,
Никого въ свѣтѣ онъ не уважаетъ.
«Тогобочны» полковники
Въ его же волѣ:
Самусь ему ужь сдалъ свои клейноты [2]),
А самъ остался лишь «Полковникъ Богуславскій.»

[1]) Въ Динабургѣ, въ крѣпости: третье мѣсто заключенія Палія.—[2]) Регаліи гетманскаго достоинства.

Да онъ и не козакъ,—покойникъ,
И воевать, и гарцовать онъ не охотникъ.
Вотъ нашъ Семенъ Палій
Козакъ прямой:
И старшаго не знаетъ,
Свою ватагу онъ имѣетъ,
Пьетъ да гуляетъ.
«Вотъ уже мнѣ Палій
«Бѣльмо въ очахъ:
«Меня онъ докаряетъ!»
Такъ говоритъ Мазепа
И извести его желаетъ.
Фортуна ты, Фортуна [1]),
За чѣмъ ему ты послужила!
Въ Сибири нашъ Палій,
Козакъ прямой,
Полковникъ онъ Хвастовскій.
Бѣда ему, бѣднягѣ!
Ой, нужно шубу: да гдѣ взяти?
А знатные Сибирскіе морозы:
Кому далось ихъ знать,
Тому ихъ не забыть [2])!

Вернули нашего Палія:
Да только лишь поздненько.
Москаль со Шведомъ уже бьется,
Онъ бьется подъ Полтавой,
Надъ Ворсклою онъ бьется.
Ой, Ворскла, рѣчка невеличка!

[1]) Не диво въ Малорусской рѣчи, подъ вліяніемъ книжнымъ: ср. ниже много примѣровъ.—[2]) Замѣтно, что „излагатель“ чуть ли самъ этого не извѣдалъ; отчасти, какъ будто, склонялся и къ католикамъ, по крайности человѣкъ книжный, „цивилизованный“ и даже немного „тенденціозный.“ Тѣмъ не меньше народныя черты сильно проглядываютъ.

Издавна она славна,
Что не водою, а войною:
Полегъ тамъ Шведъ своею головою [1]).

Ой кто да гдѣ, ой кто да гдѣ,—
Палій на Украинѣ:
Живетъ да поживаетъ,
Бывальщину онъ вспоминаетъ,
Мазепу проклинаетъ [2])!

Строй струнъ не высокъ и новъ: а замѣчателенъ.

Палія нѣтъ въ нашемъ Былевомъ творчествѣ: ему, во многихъ положеніяхъ, отвѣчаетъ «Донской козакъ (см. выше);» лично же, козацкимъ героемъ, всего больше Краснощоковъ, который однако переходитъ въ слѣдующую эпоху (см. вып. 9-й).

* *

Къ Полтавскому дѣлу относятся Малорусскія пословицы: «Добувся якъ Шведъ пидъ Пилтавою,»—досталъ той же доли, какъ Шведъ подъ Полтавой; «не пивъ Полтавскои воды,»—не пилъ воды Полтавской, не вкусилъ горя. Говорятъ, будто къ Искрѣ же и Кочубею примѣняютъ Малоруссы пословицу, хотя она есть и у насъ, и у другихъ Славянъ: «Знявши голову, по волосьямъ не плачуть,»—снявши голову по волосамъ не плачутъ.

*

Къ «Полтавскому кругу» Малорусскаго пѣснотворчества относятся, какъ видно изъ предыдущаго, а) цѣльныя Думы, то же, что наши Былины и Побывальщины; б) разложившіяся изъ нихъ Старины, съ разрушеннымъ и болѣе новымъ складомъ, отрывками или частями; в) пословицы; г) при нихъ, чисто-народныхъ, нѣкоторыя съ прикрасою и книжною обработкой; наконецъ д) чисто-книжныя произведенія, и эти послѣднія помѣстятся у насъ для сравненія ниже.

* * *

[1]) Это самое народное и лучшее мѣсто въ Старинѣ: оно сходится съ образами Московскихъ Былинъ, а тѣ въ семъ случаѣ возвращаются къ Слову о Полку Игоревѣ, см. выше. — [2]) Опять народно: Палій вѣченъ, типъ козака, и самъ помнитъ „бывальщины,“ и бывальщина не перестаетъ вспоминать объ немъ.

XX.

Опять война.

1.

(Изъ Пермской и Новгородской губ.).

Выкатается свѣтъ нашъ батюшка, первый императоръ,
Онъ на золотой-то на каретѣ:
Подъ нимъ лошади вороныя,
На самомъ на немъ платье чорно,
Платье чорное, да все кручинно.
Докатается онъ да до сенату,
Докатается ко крылечку ко [1]) прекрасному,
Изъ каретушки да вылѣзаетъ,
Во присутствіе да самъ заходитъ.
Сенаторы всѣ да испугались,
Изъ рукъ перья у нихъ повалились,
Изъ очей слезы да покатились.
Осередь онъ полу становился,
Господу Богу да помолился,
На ременчатый стулъ онъ садился.
Онъ беретъ въ руки да листъ бумаги,
Листъ бумаги онъ да не плохія,
Не плохую онъ бумагу,—гербовую,
Во правую [2]) перо да лебедино,
Начинаетъ писать да доношеніе,
Отсылаетъ доношеніе въ ину землю:
Желаетъ онъ себѣ бою да драки.

(Записано Ст. П. Кораблевымъ; повторено у Якушкина 1865, какъ сообщенное А. А. Григорьевымъ).

* * *

[1]) *Якушк.* „по."—[2]) Руку.

XXI.

Походъ Шереметева подъ Ригу.

Какъ во славной было матушкѣ каменной Москвѣ,
Что на той ли было, братцы, Красной площади,
Хорошо-добрѣ солдаты во строю стоятъ:
Они огненныя ружья предъ собой держутъ.
Что Москвою шли солдаты потихохоньку,
Кремлемъ-городомъ прошли, братцы, поплавнёхоньку,
Во Соборъ пришли солдаты—Богу молитися [1]),
Ко святымъ мощамъ солдатушки приложилися,
Государю-царю солдатушки поклонилися:
««И ты здравствуй-многолѣтствуй, православный царь!
««Благослови ты намъ, солдатушкамъ, въ походъ итти,
««Что подъ славной ли подъ городъ подъ Ригу.»»
Ужь какъ взговоритъ нашъ батюшко, православной царь:
«Вы подите, мои дѣтушки, потихохоньку,
«Вы уѣздами подите посмирнёхоньку,
«А подъ Ригу пришедши, становитеся,
«Вы меня ли, мои дѣти, дожидайтеся,
«А фельдмаршала во всемъ вы слушайтесь.»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе).

* *

Государь ѣдетъ по морю. Рига взята.

1.

(Саратовъ).

Какъ по морю-морю Синему,
По синю морю по Хвалынскому [2]),
Плыли-восплывали три военныхъ корабля:

[1]) Ошибка вм. „молилися.“ — [2]) См. выше близкое родство представленій о Синемъ морѣ Хвалынскомъ (Каспійскомъ) и Синемъ же Варяжскомъ, Верейскомъ.—*Кост.* исправлено: „по Балтійскому.“

На первомъ [1]) корабликѣ императоръ-царь сидитъ,
На другомъ корабликѣ князья-бо́яре сидятъ,
На третьемъ корабликѣ всё солдаты сидятъ [2]),
Сидѣли солдаты полку Семеновскаго,
Той ли первой роты бомбандирскія.

Парусы они роняли [3]) бѣлы-полотняные,
Того ли полотенца всё Голандскаго;
Якори они бросали булатные,
Того ли булату всё Сибирскаго;
Мосты они намостили всё дубовые;
Подкопы они копали всё глубокіе,
Глубокіе подкопы на двѣнадцать верстъ;
Бочки закатали со лютымъ зельемъ,
Со лютымъ зельемъ—съ чернымъ порохомъ;
Свѣчи [4]) зажигали воску яраго.

Свѣчки догорали,—бочки ро́зорвало,
Взрывало ту [5]) стѣну бѣлокаменную.
Вотъ и стали государя-царя поздравляти:
««Ужь ты здравствуй [6]), государь-царь, съ крѣпкимъ городомъ,
««Съ крѣпкимъ городомъ со Ригою!»»

(Записано А. Н. Пасхаловою; въ Сборникѣ гг. *Костомар.* и *Мордовц.* поправлено).

Ср. выше поѣздку по морю Верейскому, взятіе Казани (вып. 6), Азова и Шлюссельбурга.

* * *

[1]) *Кост.* „На первымъ (уснащено, какъ у Сахарова).“—[2]) *Кост.* „всё солдатушки (чтобы избѣгнуть казавшагося лишнимъ повторенія „сидятъ“).“—[3]) Опускали.—[4]) *Кост.* „свѣчки,“ ибо такъ ниже.—[5]) У *Кост.* избѣгнуто (ибо не говорено, какую?).—[6]) „Здравствуй“ и значитъ—„Поздравляемъ тебя.“ Желая это „поправить,“ *Кост.* и *Морд.* добавляютъ:

„„Ужь ты здравствуй, государь *нашъ*, *православный царь*,
„„*Поздравляемъ тебя* съ крѣпк*іимъ* (вопреки складу) городомъ,
„„Съ крѣпк*имъ* (!) городомъ со Ригою!““

XXII.

Колывань-Ревель.

1.

(Губ. Рязанской).

Какъ во славномъ-то во городѣ было въ Колывани,
Что по нóнѣшнему названьицу славный городъ Ревель [1]),
Тамъ стояли палатушки бѣлы-кáменныя.
Что во тѣхъ-то ли во палатушкахъ Шведская королевна [2]);
Передъ нею-то, нашей матушкой, стоятъ генералы,
Позади-то генералушковъ да всѣ [3]) офицеры.

Что стоямши туто, всѣ начальнички сами слезно плачутъ:
««Охъ ты гой еси, наша матушка, Шведска королевна!
««Но и [4]) чтò же, ты, своему братцу писемъ ты не пишешь?
««Что прислалъ бы, прислалъ вамъ братецъ-то войска сорокъ тысячь!»»
Не успѣла-то наша матушка словечка промолвить,
Не ясёнъ-то сокóлъ по поднéбесью—соколикъ—летаетъ,
Какъ Россійскій-то царь по своей армеюшкѣ вотъ онъ разъѣзжаетъ,
Своихъ-то солдатушковъ въ нашъ [5]) городъ впущаетъ,
Наши [5]) строгіе-то караулушки онъ всѣ посмѣняетъ.

(Изъ сборн. П. В. Кир.).

Ср. выше Шведскую королевну, отдѣлъ XVI и „Замѣтку.“

*

[1]) Какъ и выше, признакъ современнаго сложенія пѣсней, тотчасъ за событіемъ.—[2]) Ср. ее выше.—[3]) Все?—[4]) Рѣдкое употребленіе: обыкновеннѣе на оборотъ „ино.“—[5]) Все это *наше*—обычный пріемъ Русской рѣчи о томъ дѣлѣ, событіи и лицѣ, о которомъ идетъ разсказъ.

2.

Какъ во славномъ было городѣ Колыванѣ,
Что стояли тутъ бѣлокаменны палаты;
Что въ тѣхъ ли бѣлокаменныхъ палатахъ,
Какъ стояли тутъ столы дубовые;
За столомъ сидитъ Шведская королева [1]),
Передъ ней стояли Шведскіе генералы.

Что возговорятъ Шведскіе генералы:
««Ахъ ты гой еси, Шведская королева!
««Ты за чѣмъ къ королю брату не пишешь,
««Чтобъ прислалъ онъ силу на подмогу,
««Что за силою прислалъ бы провіянту?»»
Что возговоритъ тутъ Шведская королева:
—Ахъ вы гой еси, мои Шведскіе генералы!
—Ужь я и такъ къ королю брату писала,
—И нарочныхъ курьеровъ посылала,
—Чтобъ прислалъ онъ мнѣ силы на подмогу,
—Онъ за силою прислалъ бы провіянту.—
Не успѣла королева слова молвить [2]),
Ужъ какъ Бѣлый царь къ городу подступаетъ,
И онъ шанцы-батареи отбиваетъ,
Въ бѣлокаменну стѣну стрѣляетъ,
А въ городъ армію свою впускаетъ,
И онъ Шведскіе караулы всѣ снимаетъ,
Онъ Россійскіе караулы разставляетъ.

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе, *Сахаровъ* и *Кост. съ Мордовц.* „въ Саратовской губерніи").

* *
*

Къ сей же самой, *Петровской*, эпохѣ относятся (между прочимъ по самому строю и складу) или, лучше, отъ нея оторвались отрывками слѣдующія пѣсни, уже Безымянныя или Молодецкія, которыя однако слѣдуетъ, какъ дополненіе, постоянно сравнивать съ предыдущими Историческими:

[1]) Ср. выше „королевну."—[2]) Этотъ стихъ пропущенъ у *Кост. и Морд.*

XXIII.

Походы въ земли Шведскія и Турецкія, возвратъ и уроны.

1.

(Тульской губ.).

Какъ во городѣ во Вереюшкѣ [1],
Во селѣ было Корочаровѣ,
Всѣ квартирушки поразписаны,
Всѣ солдатушки поразставлены,
Какъ солдатушки полку Тульскаго,
Роты первыя, гренадерскія [2].

Вдругъ несчастьице въ полку учинилося [3]:
Какъ со вечеру приказъ отданъ былъ,
Со полу́ночи ружья чистили,
Ко бѣлу́ свѣту во строю стоятъ,
Во строю стоятъ, по ружью держа́тъ [4].
Капитанъ стоитъ передъ ротою,
А маіоръ стоитъ середи полку́,
Самъ полковничекъ подъ знамёнами.
Капитанъ кричитъ: «На плечо ружье!»
А маіоръ кричитъ: «Во походъ пошолъ!»
Самъ полковничекъ: «Во ины земли [5],
Земли Шведскія и Турецкія!»

[1]) Хотя въ ту пору точно бывали отсюда высылки и походы, но можно также думать, что здѣсь связь съ „моремъ Верейскимъ," которымъ начинаются подобныя же пѣсни, ср. выше.—[2]) Ср. выше, и съ этой эпохи таковы пріемы почти всѣхъ пѣсней „солдатскихъ."—[3]) „Несчастьице," какъ показаны примѣры выше, есть ничто иное здѣсь, какъ „походъ," выступъ на службу.—[4]) Ср. подобные образы въ походѣ подъ Азовъ и къ разнымъ дѣламъ Шведскимъ.—[5]) То есть „пошолъ во походъ;" но здѣсь переходитъ уже въ „разсказъ о походѣ."

Изъ за горъ было—горъ высокiихъ,
Изъ за лѣсу-лѣсу темнаго,
Не бѣла́ зоря занималася,
Не красно́ солнце выката́лося,
Выходила тутъ наша армiя,
Наша армiя государева,
Государя царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго Петра Перваго.

(Запис. госпожею Улыбышевой).

*

2.

Какъ во городѣ во Верeюшкѣ,
Во селѣ было во Купелюшкѣ,
Всѣ квартирушки порасписаны,
Въ нихъ солдатушки поразставлены,
Всё солдатушки полку Тульскаго,
Полку Тульскаго, мушкатерскаго.
Какъ охочи были солдатушки
По ночамъ гулять съ краснымъ дѣвушкамъ [1]),
Съ краснымъ дѣвушкамъ со Верейскими,
Со молодками деревенскими.

Вдругъ нещастьице учинилося:
Приказъ съ вечера въ полку отданъ былъ,
Приказъ отданъ былъ, походъ сказанъ всѣмъ.
Во полно́чь они ружья чистили,
Со бѣлы́мъ свѣтомъ во строю стоятъ,
Во строю стоятъ, по ружью держа́тъ,
На четыре ряда разсчитаны.
Капитанъ стоялъ передъ ротою,

[1]) Оттѣнокъ народной рѣчи (областной) и признакъ, что пѣсня записана изъ устъ, подобно другимъ въ этомъ хорошемъ пѣсенникѣ.

А маіоръ сидѣлъ на добро́мъ конѣ,
На добромъ конѣ посреди полку.
Капитанъ сказалъ: «На плеча ружья!»
А маіоръ вскричалъ: «По ремнямъ спущай,
«По ремнямъ спущай, во походъ ступай!»
Всѣ солдаты тутъ призадумались,
Призадумавшись слово молвили:
««Ахъ вы братцы, други-пріятели!
««Легко было съ дѣвкамъ свыкатися
««Тяжело теперь разлучатися!»»

Изъ за лѣсу ли, лѣсу темнаго,
Изъ за горъ ли, да горъ высокіихъ,
Не ясно́ солнце выката́лося,
Не грозна́ туча поднималася,
Выходила тутъ Руска армія,
Руска армія императорска,
Изъ того ли села изъ Купелюшки,
На сраженіе непріятелей,
Непріятелей царя Бѣлаго [1]).

А одинъ тутъ былъ молодой солдатъ,
Молодой солдатъ, полковой сержантъ,
Во рукахъ онъ несъ знамя царское,
Знамя царское, Всероссійское [2]).
Онъ не пьянъ идетъ, а шатается,
На всѣ стороны покланяется,
Съ отцомъ-матерью онъ прощается,
Съ родомъ-племянемъ разстается,
Самъ слезами онъ обливается.

[1]) Два стиха присочиненныхъ, ибо пѣсня явно сбилась, вмѣсто: Руска армія императорска, Императора царя Бѣлаго, съ обыкновенною прибавкою—Царя Бѣлаго Петра Перваго.—За симъ „несчастьице“ похода уже олицетворено въ особѣ полковаго сержанта, является и прибавка, и цѣлый отдѣлъ, который изъ одной пѣсни творитъ двѣ особыхъ половины.—[2]) Позднѣйшая, ненародная вставка.

Съ молодой женой не прощается [1]:
Что отъ ней пошолъ во неволюшку,
Во неволюшку—службу царскую,
Во всегдашнюю во заботушку.

(Пѣсенникъ Шноровскій, СПб. 1791 г.,—одного года съ пѣснею, записанною въ Починкахъ, см. выше; послѣ того, съ малыми отмѣнами, пѣсенники другіе).

*

Кажется, лучшій подлинникъ, сравнительно съ двумя предыдущими образцами, нужно видѣть въ слѣдующемъ:

3.

Во селѣ-селѣ во Верейскомъ,
Тутъ росписанныя квартирушки,
Разоставленые солдатушки,
Что солдатушки полку Преображенскаго,
Полку Преображенскаго, роты первыя.
Что любили-то солдатушки
Во селѣ гулять съ красными дѣвками,
Съ красными дѣвками съ Верейскими,
Съ молодками деревенскими.

Имъ [2] со вечера приказъ отданъ былъ,
Со полу́ночи ружья чистили,
Ко бѣлу́ свѣту во строю стоять,
Во строю стоять, во походъ итти.
Капитанъ стоитъ передъ ротою,
Маіоръ стоитъ посреди полку,
Младъ полковничекъ на конѣ ѣздитъ,
На конѣ ѣздитъ по всей арміи.
Капитанъ скричалъ: «На плечо ружья!»
Маіоръ скричалъ: «Во ремни ружья!»

[1] Еще новая черта, но вмѣстѣ отвѣтная приведеннымъ выше пѣснямъ „историческимъ:“ *жена*. „Несчастьице“ *общее* утроилось: на лицѣ сержанта; на женѣ; на службѣ по ея винѣ. —[2] Инъ? Ино: вотъ однажды.

Младъ полковничекъ: «Во походъ пошли!»
Во походъ пошли [1]), ружья сбря́кали,
Ружья сбрякали, дѣвки сплакали [2]):
««Вы прощайте, наши любезные!»»

Изъ-за горъ-то горъ изъ за высокихъ [3]),
Изъ-за лѣсу-то лѣсу тёмнаго,
Не бѣла́ заря знаменуется [4]),
Не красно́ солнце выкаталося,
Выходила тутъ сила-армія,
Сила армія царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго Петра Перваго.
Напередъ несутъ знамя царское,
А подъ знамечкомъ молодой сержантъ,
Молодой сержантъ, генеральскій сынъ.

Онъ не пьянъ идетъ—шатается,
На всѣ стороны покланяется,
Съ отцомъ съ матерью онъ прощается.
Съ молодой женой не прощается,—
Отъ неё спозналъ чужу сто́рону:
«На чужой-то мнѣ сторонушкѣ
«Положить будетъ головушку,
«Не видать-то мнѣ отца и мать,
«Не видать-то весь и родъ-племя!»

(Записано А. Хр. Востоковымъ, неизвѣстно гдѣ, доставлено намъ кн. Н. А. Церетелевымъ).

* *

[1]) Здѣсь слова полковника сливаются съ разсказомъ.—[2]) Ср. выше то же самое выраженіе въ описаніи походовъ Шереметевскихъ.—[3]) Д. б. „высокіихъ.“—[4]) Знамена = чи́сла, мѣра (какъ въ нотныхъ древнихъ знакахъ), и такимъ образомъ повторяется древнее выраженіе Богатырскихъ Былинъ: „не красное солнце числовалося,“—сравненіе Владиміра, см. вып. 3 и 7.

4.

(Самарскій край).

Не бѣла зоря занималася,
Не красное солнце закаталося:
Выходила-выступала сила во́йская [1]).
Сила войская царя Бѣлаго,
Государя Петра Перваго.
Напередъ идутъ съ [2]) знаменами,
Позади идутъ съ барабанами:
Въ барабаны-то пробили по весёлому,
Намъ указы прочитали по печальному [3]).

Во второмъ полку уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался,—генералъ померъ [4]).
Самого-то генерала на рукахъ несутъ,
Генеральнаго коня въ поводу ведутъ,
Молодую генеральшу шестерней везутъ,
Молодая-то генеральша слезно плачетъ [5]).

(Ср. Сборникъ г. Варенцова, 1862 г.).

*

[1]) Выраженіе еще древнее, откуда древнее „войска" въ женскомъ родѣ и склоненіе слова какъ имени прилагательнаго (войска, войской; войскаго, войскому; войско, войска, войску).—[2]) Должно быть: „со."—[3]) Такимъ способомъ, сравнительно съ предыдущими образцами, сохранены только слабыя черты 1-го отдѣла пѣсни и взятъ исходной точкой отдѣлъ 2-й, съ самого его начала.—[4]) Несчастье и уронъ олицетворились еще дальше: это уже смерть, и пѣсня отсюда совпадаетъ съ прежними пѣснями о смерти „Полковничка."—[5]) Вотъ и жена, и уже не вина несчастья—службы, а сама несетъ на себѣ уронъ и терпитъ горе.—Такъ-то идетъ постепенное развитіе (собственно ослабленіе и разбавка) творчества по пѣснямъ Безъимяннымъ и такъ-то, на оборотъ, изъ остатковъ ихъ отъ прошлаго всегда можно было слагать болѣе новыя пѣсни „историческія," примѣняя древній, обезличившій и безъимянный, отрывокъ къ свѣжему событію историческому.

5.

(Губ. Владимірской).

Выходила-выступала сила войская,
Сила войская—гусары [1]) царя Бѣлаго,
Царя Бѣлаго гусары—Петра Перваго,
Напередъ идутъ гусары со знамёнами,
Позади идутъ гусары—барабаны бьютъ:
Барабанный бой пробили по печальному,
Славно пѣсенки запѣли по весёлому [2]).

Какъ у насъ ли во ширинкѣ уронъ сдѣлался,
Уронъ сдѣлался, гусары, генералъ померъ.
Генеральскаго конёчка въ поводу ведутъ,
Генеральскаго сыночка на рукахъ несутъ [3]),
Генеральское сѣдѣльцо на возу везутъ.
Самого генерала шестернёй везутъ:
«Вы везите меня, гусары, черезъ три поля,
«Черезъ три поля, гусары, за четвёртое [4])!»

(Изъ сборника П. В. Кир.).

* *

Такова же судьба и многихъ другихъ Безъимянныхъ пѣсенъ, то есть и онѣ, въ старшихъ подлинникахъ, обыкновенно соприкасаются съ историческими чертами. На примѣръ, вотъ образцы весьма распространенной, совершенно уже Безъимянной и даже лирической („Женской,“ „Семейной,“ „Бесѣдной“) пѣсни (см. ее гораздо ниже въ своемъ мѣстѣ), въ двухъ ея видахъ или, лучше, въ перетасовкѣ:

[1]) Въ испорченныхъ образцахъ отсюда сдѣланы „Соловойскіе гусары,“— камень преткновенія для иныхъ издателей, кои видѣли здѣсь гусаровъ „Соловецкихъ“ и даже „Савойскихъ.“—[2]) Здѣсь эта черта утратила смыслъ и заключаетъ противорѣчіе.—[3]) Вотъ уже далѣе и *сыночекъ*, въ пополненіе „несчастьица“ и благодаря риѳмѣ „конечка.“—[4]) Умершій генералъ даже говоритъ; ср. выше завѣщаніе умирающаго полковника и атамана.

6.

(Губ. Тульской).

Говорилъ-то мнѣ милъ-сердечный другъ,
Говорилъ-то, крѣпко приказывалъ,
Честью-лестью уговаривалъ:
«Посмирнѣе живи, моя лебёдушка [1])!»
Я приказу его мало слушалась,
Со инымъ дружкомъ повадилась [2]);
Поважимши разбранилася,
Разбранимши слезно всплакала,
Во слезахъ я слово молвила:
—Ты взойди, взойди на мой на дворъ,
—На мой на дворъ, во высокъ терёмъ,
—Погляди-т-ко ты въ окошечко:
—На моемъ ли на дворѣ туманъ-туманъ,
—На синёмъ морѣ непогодушка.—
Есть у дѣвушки зазнобушка:
Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
Дѣтинушка дворянскій сынъ,
Зознобимши самъ въ походъ пошолъ,
Въ чужи земли—земли Шведскія [3]).

(Г-жа Улыбышева).

*

А вотъ перестановка частей пѣсни и обратная измѣна—не дѣвушки, а самого дворянскаго сына:

[1]) Идя въ походъ, какъ разъяснила пѣсня на концѣ, такъ „дворянскій сынъ" наказывалъ.—[2]) Отсюда уже неудержимо, шагъ за шагомъ, Безъимянная пѣсня катится какъ по склону въ своихъ отступленіяхъ и развѣтвленіяхъ.—[3]) Здѣсь только разъясняется подлинное происхожденіе пѣсни.

7.

У насъ на дворѣ туманъ-туманъ,
На синёмъ-то морѣ погоду́шка [1]:
Есть у дѣвушки заботушка,
Въ ретиво́мъ-то сердцѣ зазнобушка.
Зазнобилъ сердце дворянскій сынъ,
Зазнобивши самъ въ походъ пошолъ,
Во походъ пошолъ, въ чужую сторону,
Въ чужу сторону, въ края Шведскія.

Провожу-то я друга милаго
До само́го до Питера,
А отъ Питера до Кіева [2]),
Назадъ пойду—я въ садъ зайду,
Нащиплю я хмѣлю яраго,
Наварю я пива пьянаго,
Позову къ себѣ милы́хъ гостей;
Я по батюшку посла пошлю,
Я за матушкой вѣрну́ [3]) слугу,
За милы́мъ дружкомъ сама схожу.
Назову гостей, подпою я всѣхъ,
Напою я—стану спрашивать:
«Ты скажи-т-ко [4]), мой любезный другъ,
«Одноё ль (меня) ты суши́шь-круши́шь?»
Отвѣтъ держитъ добрый молодецъ:

[1]) Образъ природы для сравненія съ заботой и зазнобой.—[2]) Такъ первое направленіе *къ Швеціи* переходитъ на позднѣйшій *Питеръ*, за тѣмъ возвращается къ старшему *Кіеву* и даже возвращаетъ самого любезнаго для переговоровъ.— [3]) Старинное согласованіе, примѣнительно къ женской формѣ имени „слуги,“ подобно какъ въ духовныхъ Стихахъ „Судья наша праведная.“— [4]) Участіе звука *т*, приличное во 2-мъ лицѣ повелительнаго (*ты*), привилось и къ повелительному множественнаго, какъ выше замѣчено, а отсюда слилось съ неокончательнымъ („вонзить, озьмить“).

—Я сушу-крушу ровно восемь васъ,
—Я девятую—сестру крёстную,
—Я десятую—милу кумушку.—
Отошедши прочь, я заплакала.

(Запис. А. Хр. Востоковымъ, доставлено намъ кн. Н. А. Церетелевымъ).

* *

Также точно, и еще легче было сдѣлаться дѣйствительному несчастьнцу и урону середи самого похода, „середи поля чистаго.“ Множество Безъимянныхъ пѣсенъ сего рода: одна изъ главныхъ—съ началомъ „Ахъ ты поле, поле чистое.“ Тутъ гибнетъ Безъимянный Молодецъ, козакъ, солдатъ и т. п., идя на службу или со службы, вспоминая виною того дѣвицу, жену, или прощаясь съ ними и т. д. Позднѣе Петровской поры отсюда образовано нѣсколько „историческихъ“ пѣсенъ съ тѣмъ же началомъ, нѣкоторые же образцы восходятъ чертами къ помянутой старшей эпохѣ:

8.

(Москва).

Во чистомъ полѣ [1],
Ужь ты поле мое, поле чистое,
Ты раздолье мое, ты широкое!
Ничего, поле, не поро́дило,
Породило поле частъ-ракитовъ кустъ.
Какъ подъ тѣмъ кустомъ лежитъ
Тѣло бѣлое молодецкое:
Тамъ лежитъ солдатъ, полковой сержантъ [2]).
Онъ убитъ лежитъ—весь израненый,
Въ головахъ у него знамя царское,
На грудяхъ у него руки бѣлыя [3]),
На рукахъ у него кольца ясныя;
Во бѣлыхъ рукахъ сабля острая,
Во ногахъ у него добрый конь его.

[1]) Безсмыслица.—[2]) Нашь знакомецъ, вышедшій походомъ изъ Верeюшки.—[3]) Эти подробности плохи, въ другихъ образцахъ несравнено лучше: нами взятъ предлежащій только ради одной исторической черты.

«Ужь ты конь, ты, мой конь, конь—товарищь мой [1])!
«Ты поди жь, ты, мой конь, на мою сторону,
«Къ отцу къ матери, къ роду-племени,
[«Къ роду-племени,] къ молодой женѣ,
«*Къ царю Бѣлому, Петру Первому* [2]).
«Ты скажи мнѣ [3]), конь....
«Погубила меня сабля острая [4]).»

«Ужь ты конь, ты, мой конь, ты скажи жь, ты, мнѣ конь:
«Гдѣ ты былъ-побывалъ на своей сторонѣ?»
—Въ [5]) царя Бѣлаго, Петра Перваго.—
«Ужь ты конь мой, конь, что́ ты ѣлъ тамъ—пилъ?»
—Ужь я ѣлъ по лугамъ шелкову́ю траву,
—Ужь я пилъ-попивалъ сладку водочку [6]).—

(Запис. А. А. Григорьевымъ; ср. Сборникъ Якушкина. 1865; ср. варіанты лучше у *Костомар. съ Мордовц.* и многіе другіе).

Другія, сего же разряда, Безъимянныя пѣсни имѣютъ начало: „Ахъ вы горы, горы крутыя;“ ср. ниже „Ахъ далече-далече, во чистомъ полѣ.“

* *

Наконецъ, въ третьихъ, то же самое естественно повторилось еще по возвратѣ изъ похода; пѣсни слѣдующаго начала и рода также весьма развиты въ кругу Безъимянныхъ, а нѣкоторыя еще дышатъ началами своего происхожденія изъ эпохи Петровской:

[1]) Этотъ разговоръ, обыкновеннѣе „завѣщаніе,“ ср. выше со словами умирающихъ или заключенныхъ героевъ, и отсюда же завѣщаніе „умершаго“ генерала.—[2]) Такъ невольно сказалась первая эпоха, изъ которой заняла пѣсня свое опредѣленное начало.—[3]) Ошибка: имъ; ему.—[4]) И довольно, въ другихъ и конецъ: но пѣсня, разъигравшись, захотѣла дальше описать и возвратъ коня, довольно смѣшной.—[5]) У. —[6]) Безъ смысла и вкуса; перенесено отъ возврата съ пиру; въ другихъ это говоритъ воронъ, слетѣвшій съ трупа убитаго и повѣствующій соколу.

9.

(Губ. Тульской, у. Чернскаго).

На зорѣ на зорюшкѣ,
На прекрасной Ямской площади
Собирался козацкій кругъ.
Во кругу стоитъ виноходный конь,
Осѣдланный и зануздааный;
На коню сидитъ офицерскій сынъ,
Офицерскій сынъ,—капитанскій чинъ [1]);
Онъ не такъ-то убитъ [2]),—а больно раненъ,
Не такъ плачетъ—какъ рѣка льется [3]);
Шелковы́мъ платкомъ утирается,
На всѣ стороны поклоняется:
«Не съ одной ли [4]) сторонушки со мной?
«Скажите поклонъ моему батюшкѣ,
«Государынѣ моей матушкѣ:
«Пропалъ-погибъ добрый мо́лодецъ
«На чужой-дальней сторонушкѣ,—
«Какъ погнали насъ въ землю Шведскую,
«Изъ Шведской во Турецкую [5]).»

(Изъ сборника П. В. Кир.).

*

[1]) Мы здѣсь, хоть и въ *козачьемъ кругу*, узнаёмъ знакомаго намъ „дворянскаго сына,“ полковаго сержанта.—[2]) Не то, чтобы онъ былъ совсѣмъ убитъ (пѣсня даетъ возможность „завѣщанію“).—[3]) Особый видъ знакомаго намъ отрицательнаго сравненія: онъ не то, что плачетъ,—какъ рѣка льется. Отсюда-то возможна обратная перестановка: не рѣка льется,—молодецъ плачетъ. И наконецъ, когда уровновѣсились стороны: молодецъ плачетъ—какъ рѣка льется. Первые два способа сравненія у Славянъ старше: образъ, снятый съ природы внѣшней, не-человѣческой, перетягиваетъ.—[4]) Пропущено: „вы.“—[5]) Можно думать, что здѣсь слѣдовалъ разсказъ объ частномъ случаѣ, сгубившемъ молодца среди похода отъ моря Верейскаго къ Пруту.—Въ другихъ, слѣдующихъ образцахъ, обѣ земли уже слиты.

10.

(Губ. Симбирской, с. Головино).

На зорѣ-то было—на зорюшкѣ,
Во Москвѣ-то было во городѣ,
На Щепной-то было на площади,
Собирался въ кругъ козацкій полкъ.
Во кругу стоитъ виноходный конь,
Виноходный конь подкованный,
Конь подкованный, осѣдланный.
На конѣ сидитъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ-козакъ [1]) плакался,
Онъ не такъ плачетъ, что рѣка льется,
Шелковымъ платкомъ утирается,
На всѣ стороны поклоняется,
Со полками устрѣвается [2]):
«Да вы здравствуйте!
«Не съ одной ли вы сторонушки?
«Вы скажите-ка поклонъ батюшкѣ,
«Челобитьице родной матушкѣ:
«Что погибъ-пропалъ добрый молодецъ,
«Что подъ силою подъ Шведскою,
«Что подъ армію [3]) подъ Турецкою!»

(Отъ Языкова).

* * *

Подобнымъ образомъ, есть пѣсни, и Былевыя, которыя гораздо старше Петровской эпохи своимъ происхожденіемъ, или же, совпадая съ нею одновременнымъ началомъ, совершенно отходятъ отъ господствовавшаго въ ней характера, по своему особому, исключительному содержанію,—но которыя однако же „окрѣпли своимъ строемъ (фиксирова-

[1]) Вотъ уже прямо козакъ: эти переходы отъ стрѣльцовъ къ козакамъ, отсюда къ представителямъ „новаго войска" и опять козакамъ—мы уже знаемъ и встрѣчали.—[2]) Встрѣчается и здоровается.—[3]) Т. с. подъ арміей.

лись)" въ эпоху Петровскую и потому понесли на себѣ двѣ-три ея черты, внѣшнія, и тѣмъ не менѣе яркія. Такова, на примѣръ, помѣщенная у насъ въ 7-мъ выпускѣ (стр. 190, 191), о *Татарскомъ полонѣ*, гдѣ Русская полонянка у Турокъ просится отпустить ее на волюшку,

Что на волюшку—на Бѣлую Русь,
На Бѣлую Русь, къ царю Бѣлому,
Къ царю Бѣлому, Петру Первому.

Мы еще встрѣтимъ подобныя и ниже.

Сюда же относятся тѣ, въ которыхъ, хотя безъ личнаго имени, но ярко выставленъ „*Царь Бѣлый*," ибо это имя *по преимуществу* въ народномъ творчествѣ усвоено *Петру*. См. ихъ и прежде, и ниже.

* * *

Какъ со временъ Петра I-го близко связуется народное творчество Великой Руси, все еще пока Московской, съ народнымъ творчествомъ Руси Малой, хотя уже и не древней Кіевской, такъ точно то и другое, или, иначе, общее Русское пѣснотворчество устное тѣсно сближается съ произведеніями творчества письменнаго, литературы личной (см. о томъ подробнѣе въ «Замѣткѣ»). Сближеніе это совершается, по преданію отъ старины, преимущественно подъ вліяніемъ «духовнымъ,» а потому и тогдашняго «духовенства,» въ области, которой усвоено народомъ имя «Стиховъ» — на Востокѣ, имя «Кантъ» и «Кантычекъ» на Западѣ (Сѣверо–и Юго-западѣ) Россіи. Уже въ эпоху Алексѣя Михайловича на Москвѣ раздается «Стихъ воинской» или «о Царствѣ Московскомъ (см. вступленіе къ 6-му выпуску «Калѣкъ Перехожихъ»),» а съ Запада, Западнымъ нарѣчіемъ «глаголетъ Полща къ благочестивѣйшему царю и великому князю Алексію Михайловичу,» или же «Россь Малая, обиждаема,» поетъ «о Велицѣй Россіи,» какъ «Россія паки совокупляется,» какъ «вѣрныхъ Богъ сохраняетъ, во едино ихъ сочетаетъ, есть бо въ нихъ царь православный, благій, кроткій и смиренный;» оттуда же поется «Пѣснь Господеви о покореніи иноплеменныхъ языкъ благочестивѣйшимъ Царемъ нашимъ Іоанну и Петру (см. на концѣ выпуска въ «Приложеніи»):» но особенно созрѣваютъ Канты въ Петровское время, когда съ Запада происходитъ вящая колонизація тамошнихъ Русскихъ «му-

жей науки и цивилизаціи,» когда возникаетъ идея «національная» на мѣстѣ «народной,» когда «національная поэзія» воспѣваетъ даже не изъ дали, а въ срединѣ Московской Россіи, скоро и не Московской, скоро и не одними Западными, а также точно формированными, Московскими и Петербургскими устами.—Произведенія возбуждаются славными историческими событіями и къ нимъ прилѣпляются; вотъ нѣсколько примѣровъ этимъ «Кантамъ,» родоначальникамъ и родоначальницамъ послѣдующихъ «Одъ» и «Стихотвореній,» по рукописямъ:

* *

XXIV.

Канты.

1.

а)

Слюсенбурхъ.

Орле, восплещи́ кри́лы, двоеглавный,
Возносяй скипетръ высоко державный,
Дающе знаменія веселія многа,
Яко побѣду пріятъ Россія отъ Бога!
Красуйся нынѣ, Роская порфиро,
Христіанская веселися, вѣро [1])!
Да торжествуетъ царей Роскихъ діадима,
О Бозѣ Спасѣ своемъ сущи возносима!
 Возвѣсти словомъ, всѣмъ днесь, трубою:
 Покорилъ Богъ Слюсенбурхъ подъ нозѣ
 Російскому, крѣпкою рукою,
 Цареви Петру, въ благости мнозѣ.
Кто при Ладожскомъ езерѣ рыдаетъ?
Левъ дикій Шведскій вопль свой возвышаетъ:

[1]) Читай: „виро;“ сочинялъ Малоруссъ.

Сотре ему зубы Петръ, Сампсонъ мужественный;
Отнятый Слюсенбурхъ-градъ, дивно утвержденный,
Петромъ-каменемъ егда поразися,
Звѣрь лютый Шведскій къ смерти приближися:
Сѣтуетъ о погубленномъ Слюсенбурхѣ-градѣ,
Нѣсть способствуя ему ко его отрадѣ.

Рыкай, льве Шведскій, свирѣпый аде,
Сокрушенъ Російскимъ мечемъ сущій!
Торжествуй днесь, Слюсенбурхе граде,
Подъ скипетромъ Россійскимъ цвѣтущій!

Иже [1]) въ Люторской сквернѣ пребываше,
Другомъ Божіимъ чести не даяше,—
Нынѣ всѣмъ примирися, святымъ и Христови,
Іерусалимъ сущи, градъ Слюсенбурхъ новый.
Гдѣ левъ ложе си лютый имѣяше,
Зубы своими всегда скрежеташе:
Тамо нынѣ Російскій орелъ возгнѣздися
И побѣдоносецъ надъ львомъ лютымъ явися.

Радуйся, Слюсенбурхъ-градъ, просвѣщенный
Совершенной вѣры новымъ свѣтомъ!
Хвалися, граде, нынѣ, храбрственный,
О имени Божіи препѣтомъ!

Тѣмъ же воспойте, Російстіи лицы,
Благодарствіе Троицы Единицы!
Воспойте нынѣ пѣсни, Російскія трубы,
Яко сокруши царь Петръ льву Шведскому зубы.

Слава Ти буди, о Творче свѣта,
Да хвалятъ Тя чрезъ безмѣрная лѣта,
Яко помоглъ еси царю въ брани,
Царю сильну, Петру, на вся страны!

(По рукописи Ѳ. И. Буслаева, XVIII вѣка, и другимъ нотнымъ).

*

[1]) Который, Шлюссельбургъ.

б)

Свите пространный, виждь и удивися,
Великороской силѣ присмотрися!
Повѣждь вселеннѣй, яко мужествѐннѣ
Орелъ Шведскаго льва уби явленнѣ.
Твердый разби Слюсенбурхъ на части,
Своей покори державнѣйшой власти;
Его же всякъ звѣрь разбить не можаше,
Орелъ Російскій вскорѣ растерзаше.
Честь Богу, слава, яко здѣ толику
Російску орлу дасть [1]) силу велику,
Его же лютыи вси трепещутъ звѣри [2]),
Сильна зряще, крѣпка во всемъ мірѣ.
Такова крѣпость и такова сила
Орла Російска, яко побѣдила
Звѣря Шведскаго, иногда [3]) гордяща,
Нынѣ же въ узахъ прегорцѣ стеняща.
Ногтми своими въ силѣ укрѣпленный,
Орелъ Російскій тако воруженный,
Яко сокруши Шведску зубы львови,
Сотре супостату противныя брови.
Благополучнѣ орелъ сей леташе
И пернатыя крилы простираше,
Страшилищь Шведскихъ попра звѣрски виды,
Возвратися въ домъ съ многими побѣды [4]).
Сице [5]) Російскій орелъ державнѣйшій,
Паче всѣхъ птенцовъ пернатыхъ сильнѣйшій:
«Обычай мой той,—звѣри укрочати,
«Се же гнѣздо цѣло соблюдати.»

[1]) Даде, далъ. — [2]) Читай „звири.“ — [3]) Нѣкогда. — [4]) „побиды.“ — [5]) Такъ вѣщаетъ.

Тѣмъ [1]) не хвалися, льве Шведскій, въ силѣ,
Видивъ, что орелъ покрывый я крилѣ [2]):
Убо въ хитрости твоей не гордися,
Російска орла, крѣпчайша, смирися!

(Оттуда же).

* *

2.

Нарва.

Свѣте Россійскій, славою вѣнчанный,
Въ дѣлѣхъ рыцерскихъ суще преизбранный!
Въ сія часы
Издай гласы,
Воспой красно,
Велегласно:
Днесь, днесь, днесь,
Днесь виватъ, виватъ!
Муси [3]) Парнасу, и вы ся спѣшите,
На тріумфъ Роскій пѣснь хвалы сложите,
Яко Богомъ предпочтенный,
Царь Петръ, славы исполненный,
Днесь [4])...
Льва Нѣмецка вся сила измѣнися,
О камень твердый—Петра сокрушися.
За се дѣло
Всякъ пой смѣло,
Безпрестанно,
Всеизбранно:
Днесь...

[1]) Потому.—[2]) Покрылъ ихъ, птенцовъ въ гнѣздѣ, крылами.—[3]) Музы.—
[4]) Повторяется какъ прежде.

Росія въ свѣтлый образъ премѣнися,
Держава царьска славы исполнися:
Храбрый воинъ
Той достоинъ.
О семъ внимай,
А се вѣщай:
Днесь, днесь, днесь,
Рцы—виватъ!
Шведскія страны всѣ вострепеташа,
Когда на себѣ царьскій громъ познаша:
Градовъ крѣпость
Роска смѣлость
Взятъ въ державу,
Вся на славу.
Днесь [1])...
Бѣжитъ отъ свѣта врагъ въ нощныя стра́ны,
Восточнымъ свѣтомъ трепещетъ попра́ный:
Не возстанетъ побѣжденный,
Гордостію вознесенный.
Днесь, днесь, днесь,
Днесь виватъ!
Кто можетъ сіе отъ вѣка сказати,
Можетъ ли свѣтъ мракъ одолѣвати?
Шведъ—мракъ темный,
Царь—свѣтъ зе́мный.
Побѣждаетъ,
Всякъ вѣщаетъ:
Днесь, днесь, днесь
Царь виватъ!
Крѣпкія стѣны Нарвы, аки Трои,
Суть сокрушенны отъ Роскои зброи [2]):

[1]) **Повторяется предыдущій припѣвъ.**—[2]) **Брони, оружія.**

Стенетъ нынѣ
При кончинѣ;
Шведъ проклятый
Паде спятый [1]).
Днесь, днесь, днесь,
Днесь виватъ!
Подаждь, Владыка, зъ Своея десницы,
Да расторгнутся вражія плѣни́цы [2])!
Выну, виватъ,
Даждь цареви
Побѣдити,
Намъ воспѣти [3]):
Днесь, днесь, днесь
Петръ виватъ!

(Оттуда же; о Нарвѣ, въ печати, при книгѣ „Преславное торжество,“ М. 1704: „Змій убитъ; Язонъ руно свободивъ пріемлетъ; Нарву плѣнивъ, Ингрію царь свободнѣ вземлетъ;“ о плѣненіи Ижорской земли, для которой царь былъ Персеемъ, при „Торжественныхъ вратахъ,“ М. 1703, припечатаны стихи: „Стеняше Ижерская земля, звѣрю Свійску Въ снѣдь повержена, даже, возставшу Россійску Персеушу, свободна нынѣ ся являетъ“ и т. д.).

3.

Переходъ Шведовъ въ Малую Русь, Полтава, Мазепа.

а)

Днесь, орле Россійскій, простри свои кри́лѣ,
Восприми воиновъ, мужественныхъ въ силѣ,
Иже бо кровь свою за тя изліяша,
Служащихъ льву Шведску всѣхъ смерти предаша.
Ви́ватъ, виватъ, виватъ,
Этъ бене виватъ [4])!

[1]) Отбитый; потоптанный.—[2]) Оковы.—[3]) „воспити.“—[4]) Et bene vivat: повторяется послѣ каждой строфы.

Гласъ грома твоего нынѣ во вселеннѣй
Устраши льва горда, что есть всѣмъ явле́ннѣ:
Громогласнымъ шумомъ орла двоеглавна
Шведская сотреся армія преславна.
Рече бо звѣрь лютый: «Похищу Россію,
«Рукою моею азъ разорю сію
«И во градѣхъ ея азъ господствова́ти,
«Яко же восхотѣхъ, буду обладати.»
Но всуе, прегорде, тако ся хвалити:
Росіи преславной зла не сотворити!
Господь ей помощникъ: тебе не боится;
Что ей обѣщаешь, тебѣ пригодится.
Убо нынѣ зрите: яже ся хваляху
И внутрь Россіи зимовать хотяху,
Се нынѣ придоша, хотя зимовати,—
Вездѣ на болгаркахъ [1]) будутъ работа́ти!
Здѣ бо ихъ не дармо на Руси кормити:
И во градѣхъ нашихъ требѣ [2]) погостити!
Они ся хваляху, грады разорити:
Но мы ихъ заставимъ, чтобъ ихъ укрѣпити!
Вы же, Російстіи воини преславни,
Иже есте нынѣ всему міру явни!
Слава ваша нынѣ вездѣ распростреся,
Вами бо льва люта гордыня сотреся.
Мы днесь торжествуемъ: той стенетъ рыдая,
«Лютѣ мнѣ,» вопіетъ, и смерти желая.
Рцемъ вси велегласно, вопіемъ согласно:
Нашъ монарха виватъ, виватъ,
Этъ бене виватъ!

(Оттуда же).

*

[1]) На фольваркахъ, на предмѣстьяхъ и городскихъ укрѣпленіяхъ. — [2]) Нужно имъ.

б)

Поемъ Господеви, славно прославися,
Шведская бо гордость о Немъ низложися!
Ты бо еси Богъ нашъ, гордыхъ низлагая,
Смиреннымъ же убо присно помогая.
Зрите супостата, Богомъ побѣжденна,
За что? За гордыню въ конецъ разоренна!
Бѣ бо той зѣло гордъ, а нынѣ падеся,
Отъ кротости мечемъ лютѣ уязвися.
Богоматери бо той не почиташе
И святыхъ Божiихъ ни во что вмѣняте [1]),
На церкви Божiя бѣ той лютъ гонитель,
Православна рода присно озлобитель.
Но Богъ за премногу его смири гордость,
Росiйскимъ же воемъ подаде нань бодрость.
Ниспосла нань [2]) страхъ,—вси вострепеташа,
Отъ страха велiя вси ся возшаташа.
Услышавъ въ себѣ страхъ, не возможе стати,
Оставивъ же своихъ при нуждѣ бѣжати,
Бѣжитъ на полу́дне, не въ нощныя [3]) страны:
Отъ орла Росiйска уже есть попра́ны [4]).
Не вѣсть, камо бѣжитъ и камо спастися,
Отъ воевъ Росiйскихъ камо укрытися.
Что̀ Тебѣ принесемъ, Спасе нашъ и Творче,
Славный Воевода, врагъ нашихъ Поборче?
Мы бо смиреннiи на Тя уповахомъ,

[1]) Ср. выше описанiе Люторской ереси Шведовъ.—[2]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ „на ны:“ это согласовалось съ настроенiемъ Малоруссовъ, къ коимъ принадлежалъ сочинитель и переписчикъ.—[3]) Не въ сѣверныя.—[4]) Попраный.

Возстающихъ на ны о Тебѣ попрахомъ.
О Тебѣ врагъ нашихъ будемъ побѣждати!
«Виватъ царь Петръ,» будемъ всегда восклицати,
«Виватъ, виватъ, виватъ, виватъ, виватъ, виватъ!»

(Оттуда же).

*

в)

Орле Россійскій, пусти свои стрѣлы [1]),
Дабы льва Шведска утробу пронзили,
Иже хотяше Россію пожрети [2]),
А живущихъ въ ней всѣхъ предати смерти,
Грады Російски своими зовяше,
Побѣды на ся отнюдъ не чаяше
И вознесеся во гордынѣ зѣло [3]),
Яко бы ся то уже исполнило.
Но Богъ отъ небесъ ниспосла побѣду [4])
Царю Російску, якоже Давиду:
Храбрыхъ воиновъ здравы соблюдаетъ,
А Шведъ «увы мнѣ» нынѣ восклицаетъ;
Той Голіаѳа побѣди славно,
Нашь же царь Петръ Шведа, а свои безъ врѣда.
Той нынѣ стенетъ, мы же веселимся,
Молитвы ко Богу принести потщимся.
За се будь Богу благодареніе,
А въ будущемъ принесемъ прошеніе,
Дабы намъ сего въ конецъ побѣдити [5])
И прочимъ отъ насъ всегда страхъ имѣти [6]).

1) „стрилы.“—2) „пожерти.“—3) „зило.“—4) „побиду.“—5) Такія, и подобныя черты, всюду разсыпанныя и читателямъ конечно замѣтныя, убѣждаютъ несомнѣнно, что канты эти слагались современно, шагъ въ шагъ за событіями.—6) „имити.“

Бѣжитъ, бѣжитъ: но не вѣсть, камо убѣжати,
Откуду бы си помощь воспріяти.

Нынѣ Шведъ стенетъ:
«Увы, ахъ,
«О, мнѣ страхъ,
«О, мнѣ вредъ,»
Вопіетъ,
«Яко мои вси падоша
«И погибоша!»
Мы же днесь вопіемъ,
Радостно сице рцемъ:
Виватъ Петръ,
Виватъ царь,
Виватъ царь Россійскій!
Виватъ, виватъ,
Виватъ разоритель,
Виватъ побѣдитель,
Побѣдитель Шведскій [1]).

*

Днесь льва гордыни конецъ приближися,
Кротость же въ мірѣ вездѣ прославися:
Держащи скипетръ орелъ двоеглавный,
Царь нашь Російскій во бранехъ преславный.
Тебѣ, льву горду, время ся смирити,
Гордыню въ кротость время претворити:
Въ комъ еще чаешь, кого ожидаешь?
Вси въ рукахъ нашихъ: сего ли не знаешь?
Въ комъ ты надежду имѣлъ всегда прежде,
Тіи падоша, мертви лежатъ вездѣ.

[1]) За симъ припѣвы, тамъ и сямъ повторяющіеся послѣ главныхъ стиховъ.

Гдѣ твоя нынѣ славная армія,
Твоя богата гдѣ артилерія?
Уже ты нынѣ не превозносися,
Храбрыми вои уже не гордися:
Иже бо многимъ они быша страшни,
Нынѣ падоша, смерти суть причастни.
Отрини гордость, воспріими кротость:
Орелъ Россійскій явитъ ти милость.
Падъ, поклонися орлу двоеглавну,
Царю Російску, во всемъ мірѣ славну!

*

«Почто мя, тако грозна [1]), увѣщаешь?
«Или мя храбра воина не знаешь?
«Аще бо и есмь нынѣ разоренный,
«Бѣжати въ Турску страну принужденный,
«Аще и тако нынѣ сотворися,
«Убо ты на мя не весма грозися!
«Обаче еще азъ не унываю,
«Во бранехъ еще быти себе чаю.
«Тяжко мнѣ сіе, но мушу [2]) терпѣти:
«Горду смиреніе тяжко есть имѣти.
«Но бысть [3]) такъ нынѣ: въ скорби преставаю,
«А что творити, истинно не знаю.
«Хотѣхъ тя, орле, хотѣхъ побѣдити
«И ногти своя хотѣхъ въ тя вонзити:
«Но тѣмъ самъ есмь лютѣ уязвленный,
«Съ вои моими въ конецъ разоренный.
«Увы мнѣ, увы, своихъ-си лишихся,
«Царства моего зѣло удалихся,

[1]) „Тако грозно?"—[2]) Я долженъ: müssen.—[3]) „Быть?"

«И уже не вѣмъ, что нынѣ творити,
«Како ся въ свою страну возвратити.
«Молю тя, орле, подъ крилѣ прими мя,
«Паки со Шведы жити сотвори мя:
«Уже миръ выну съ тобою имѣти [1])
«Хощу; ты будешь всегда страшенъ слыти [2])!»
Царь нашъ страшенъ по всей земли:
Вся Европа сія внемли!
Мы льва нынѣ побѣдихомъ,
—Виватъ царь Петръ,—возопихомъ.
—Виватъ, виватъ государь Петръ,
—Прославися Россійскій Петръ!
—Виватъ, виватъ, виватъ, виватъ,
—Этъ бене виватъ!—

(Оттуда же).

Это цѣлая ужеораторія: трилогія близкая къ драмѣ, къ представленію.—Подобная же канта:

„Царю Россійскій, воине преславный,
„Въ Европѣ первый монархо преславный!...
„Хотѣхъ самого въ конецъ побѣдити,
„Хотѣхъ и грады твоя похитити."... П. т. д.

Конецъ:

„О мирѣ просите, главы приклоните,
„—Виватъ Россійскій царь Петръ,—воскликните!"

*

[1]) „имити."—[2]) Это все возраженія отъ лица Карла и его просьба къ Петру.—За симъ припѣвъ.

г)

Орле палящи [1], Шведа стращáщи!
На льва безнóга
Ты двоеглавный, въ мірѣ преславный,
Найде трезвóга [2].
Орелъ бо летитъ, левъ его бѣжитъ,
А есть безногій [3]);
Сребро и злато отъ него взято,
Сталсяя убогій.
Погубивъ воя [4]), ищетъ покоя,—
Не обрѣтаетъ;
Жестосердый, немилосердый
«Увы,» рыдаетъ.
Милости проситъ, руки подноситъ [5]):
«Пощадите мя!
«Уничиженна и уязвленна
«Помилуйте мя!
«Гордость проклята и вся мнѣ земля та [6])
«Есть сотворила:
«Съ вои моими, зѣло храбрыми
«Уничижила.
«Мазепа дуракъ, зъ деревни казакъ
«Сюду мя призвавъ [7]):
«Видя же гибель, свою погибель,
«Отъ мене збѣжавъ.

1) Парящій?—2) Ты наступилъ на него, на льва, бодраго, не соннаго.—3) Извѣстное обстоятельство, о Карлѣ.—4) Воиновъ.—5) Поднимаетъ.—6) То: тѣ бѣдствія; лучше чтеніе: „злая мнѣ вся та,“ все то зло.—7) Проникаетъ народная живость, а вмѣстѣ и народная рѣчь.

«Въ Російской странѣ погибель есть мнѣ,
«А все за гордость!
«Воспріяхъ тщету, придохъ въ нищету,
«Погубихъ бодрость.
«Тако ми Христа [1])! Ни единъ оста,
«И есмь въ печали.
«Отъ воевъ моихъ суть въ рукахъ твоихъ
«Вси генералы [2]).»

Ты убо, орле, между человѣки
Будеши славенъ нынѣ и во вѣки,
Будеши всегда враговъ побѣждати,
Мы же ти будемъ—виватъ—восклицати,
Виватъ, виватъ,
Этъ бене виватъ!

(Оттуда же).

*

д)

Орле Россійскій! Торжествуй со нами,
Яко днесь врагъ твой лежитъ подъ ногами;
Оставивши вои, бѣжитъ—и нѣсть, камо [3]),
Зряще по странамъ сѣмо и овамо,
Бѣжитъ въ дубравы, бѣжитъ въ лѣсы темны,
Проситъ, да дадутъ помоцъ звѣри зе́мны;
Выше [4]) стрѣ́лы летятъ запаленны,
Да левъ со волкомъ будутъ пораженны.
Волкъ же безумный, проклятый Мазепа
Бѣжитъ отъ страха, ищущи вертепа:

[1]) Клянусь Христомъ!—[2]) За симъ припѣвы.—[3]) И некуда.—[4]) По верху, надъ головами.

Бо [1]) нѣсть вертепъ злу, нѣсть вертепъ проклято,
Нѣсть днесь покрова діавольску брату [2]).
«Увы, увы,» рече, «Ахъ, ахъ, ахъ,» Мазепа [3]), «Ахъ, горе!»
Шведъ же, Шведъ же стонетъ:—О, о, о, пріими мя, море!
—Яко мои вси крѣпцыи падоша,
—Ко смерти подъ мечь Россійскій придоша!—

Мы же вопіемъ, велегласно рцемъ:
Радуйся, Петре, Россійскій скиптре,
Главо вѣнчанна, Богомъ избранна,
Льва побѣдитель, нашь свободитель,
Радуйся, царю и государю,
Радуйся, радуйся, радуйся!

Мы же вопіемъ, велегласно рцемъ,
Яко льва ярость, намъ днесь есть радость,
Той, вознесшися, падъ сокрушися,
Лежитъ попра́нный и поруга́нный,
Радуйся, царю и государю,
Радуйся, радуйся, радуйся!

Виватъ, виватъ Россійскій орле двоеглавный,
Царь Петръ днесь виватъ, виватъ побѣдитель славный,
Виватъ, виватъ, блистая на западѣ съ востока,
Орошенъ—виватъ, виватъ—съ небеси потока,
Виватъ, виватъ осіянъ свыше свѣтомъ Бога,
Въ побѣдѣ виватъ, виватъ на лѣта премнога!

(Оттуда же).

*

е)

«Изми мя, Боже,
«Изми мя, Боже,»—вопіетъ Росія,—
«Отъ ядовита и лукава змія,

[1]) Народное.—[2]) За симъ припѣвы.—[3]) То есть: „рече Мазепа.“

«Егоже издаша [1]) адскіе заклепы,—
«Бывшаго вожда, Ивашка Мазепы [2])!
«Ахъ, тяжку горесть,
«Ахъ, тяжку горесть терплю, мати бѣдна [3]):
«Утробу мою,
«Утробу мою снѣдаетъ ехидна [4])!»
«Кто ми дастъ слезы,
«Кто ми дастъ слезы, якоже Рахили,
«Восплачу горько въ моемъ смутномъ дѣлѣ [5])?
«Се вторый Иродъ, смертна исполнь яда,
«Мазепа лютый уби моя чада.
«Уподобихся,
«Уподобихся, Россія, Давиду,
«Иже отъ сына терпяше обиду:
«Авесаломъ сынъ бысть неблагодарный,
«Подобенъ ему Мазепа коварный.
«И азъ возлюбихъ,
«И азъ возлюбихъ яко мати сына:
«Откуду убо такова измѣна [6])?
«Къ нему бысть моя матерняя любы:
«Той же изостри на мя лютѣ зубы.
«И азъ сотворихъ,
«И азъ сотворихъ съ вельможи сидѣти [7]):
«Той же смертныя сплете на мя сѣти;
«Язъ яко чадо носихъ во утробѣ:
«Той же мя хощетъ видѣти во гробѣ.
«И азъ напоихъ,
«И азъ напоихъ отъ камене [8]) мéда:
«Той же, пагубна исполненный врéда,

[1]) Въ рукоп. *Бусл.* поправлено: „ждаша."—[2]) За симъ припѣвъ, повторяемый послѣ каждаго четверостишія.—[3]) „бидна."—[4]) Конецъ припѣву.—[5]) „дили."—[6]) „измина."—[7]) Я дала ему сидѣть, я посадила его съ вельможами.—[8]) Какъ вездѣ въ подобныхъ кантахъ, подъ „камнемъ" обыкновенно разумѣется соименный Петръ.

«Толику на мя отрыгнулъ есть злобу,
«Лютѣ снѣдати матерню утробу.
«И азъ, любяща,
«И азъ, любяща мати выше мѣры,
«Чаяхъ отъ него сыновскія вѣры:
«Той же бысть на мя бритва изощренна,
«Отъ неяже есмь лютѣ уязвленна.
«Како прельстихся,
«Како прельстихся и не познахъ лиса,
«Ангела видомъ, прелестію бѣса [1])?
«Мнѣхъ, яко агнецъ: но волкъ ядовитый,
«Овчею лестно кожею покрытый.
«Сладокъ языкомъ,
«Сладокъ языкомъ, но прегорькій дѣлы,
«Утаи на мя пагубныя стрѣлы;
«Сахаръ во устахъ и сладкія слова,
«Въ сердцы желчь, въ рукахъ погибель готова.
«О лицемѣре,
«О лицемѣре, о сатанинъ сыне,
«Терніемъ острымъ красящійся крине!
«Како простерти дерзнулъ еси длани,
«Лютыми матерь уязвляя раны?
«Аще бы ми врагъ
«Аще бы ми врагъ поносилъ сугубо,
«Претерпѣла быхъ козни его любо:
«Но, отъ своего чада прелюбима,
«О, коль матери язва нестерпима!
«Что моя вина,
«Что моя вина, что творихъ ти худо?
«Чего ради гониши мя, Іудо?
«За моя хлѣбы, за моя трепезы (sic)
«Горькія въ жажду даеши ми слезы.

[1]) „биса."

«Горе прокляту,
«Горе прокляту тебѣ лицемѣру!
«Како смѣлъ еси измѣнити вѣру,
«Юже предъ крестомъ и евангеліемъ
«Утвердилъ еси твоимъ лобзаніемъ?
«Горе ти, горе,
«Горе ти, горе злобы исполнéнну!
«Подобенъ еси гробу повапле́нну,
«Иже очесамъ является красенъ,
«Внутрь же ядовитымъ червіемъ ужасенъ.
«Горе ти, горе,
«Горе ти, горе второму Ка́йну,
«Горе ти, горе погибельну сыну!
«Проліялъ еси звѣрски кровь премногу,
«Яже немолчна гласитъ на тя къ Богу.
«Божія храмы,
«Божія храмы быша днесь вертепы
«Отъ Свейскаго льва и волка Мазепы.
«Другъ твой левъ, ты волкъ: то ярость сугуба,
«А людемъ бѣднымъ послѣдня пагу́ба.
«И что induces,
«И что речеши на страшномъ судищи,
«Лишенный неба и райскія пищи?
«Въ крови невинной осквернивши руцѣ,
«Повиненъ еси нестерпимой му́цѣ.
«Инымъ речетъ Богъ,
«Инымъ речетъ Богъ:—Благій рабе, вѣрный!
«—Понеже благъ бысть [1] и нелицемѣрный,
«—Вниди въ радость, въ рай Господа и Бога:
«—За твою вѣру се тебѣ мзда многа!—
«Тебѣ же горе,
«Тебѣ же горе, преступниче вѣры:

[1] Ты былъ (аористъ).

«Воспримеши часть злую съ лицемѣры;
«Извѣстенъ буди, яко тебе, вора,
«Адъ ожидаетъ и погибель скора.
«Боже мой, къ Тебѣ,
«Боже мой, къ Тебѣ молитву пролію,
«Услыши горцѣ стенящу Россію:
«Ты насъ Самъ суди, и матерь, и сына,
«Виждь, чія правда, виждь, чія измѣна [1])!
«Суди ми [2]), Боже,
«Суди ми, Боже, обидящія мя,
«Посрами гордость востающихъ на мя,
«Прими мечь и щитъ, буди помощь моя,
«Возсіяй ми свѣтъ мира и покоя [3])!
«Мене, Россію,
«Мене, Россію, возвесели бѣдну [4]),
«А ядовиту,
«А ядовиту попери ехидну [5]).»

(Оттуда же).

*

ж)

«Мазепѣ измѣннику Заднѣпрянскому и Вкраинскому [6]).»

Егда приближатся послѣдная лѣта,
Въ градѣ брани стануть,

1) „измина."—2) „Ми" лишнее.—3) За симъ припѣвъ.—4) „бидну."—5) Подъ симъ именемъ, и въ другихъ кантахъ, разумѣется Мазепа.—6) Очевидно это не стихъ Канты, а ея заглавіе.—Само произведеніе, явно, не Пѣсня и уже подавно не Дума Былевая, а книжная Канта (кантычка и псальма), въ родѣ предыдущихъ. Особый способъ писать Канты—подъ нотами, такъ что стихъ дѣлится на разнообразные размѣры, то длинные, то короткіе, въ прихотливыхъ строфахъ, и притомъ растягивается на нѣсколько страницъ,—все это очень затрудняетъ собою и правильное чтеніе, и переписку, и печатаніе

Тогда другъ отъ друга будуть
Устрашени и побѣгнуть
Въ найтвердшу яскиню [1]).

Мазепина слава,
Безумная глава,
Що сь ты учинила?
Царя оставляешь,
Ко Шведомъ збѣгаешь,
Войско засмутивъ,
Церкви измѣнивъ есь,
Бога образивъ [2]) есь,
Тамъ [3]) ты насъ лякаешь [4]).
Учини благое,
Аще не страждешь [5]),
Цареви склонися;
Не пощади главы,
За измѣну славы,
Плачь, не стыдися.

Батуринъ славетный
Се днесь заставъ шпетный [6]),
А чрезъ его зраду [7])
Души погубивъ еси,
И градъ разоривъ есь,
Самъ пидешь ко аду [8]).

а кромѣ того предлежащій образецъ, попавши въ народное употребленіе изъ тетрадки, извращенъ противу письменнаго подлинника, лучшаго же мы подъ руками не имѣемъ, и потому остаются неправильно раздѣленные стихи, стертыя риѳмы, безсмысленныя выраженія, кои невозможно и безполезно было бы разъяснять.—[1]) Пещеру, вертепъ (убѣжище).—Все это—начало весьма распространеннаго духовнаго Стиха (Псальмы).—[2]) Оскорбилъ.—[3]) Тѣмъ?—[4]) Устрашаешь.—[5]) Явная порча.—[6]) Противный; безобразный.—[7]) Измѣну.—[8]) Этотъ эпизодъ о Батуринѣ, съ сожалѣніемъ о судьбѣ его и обвиненіемъ за то Мазепы, совершенно отвѣчаетъ народному творчеству: ср. выше.

Максимъ умный, славный
И измѣнникъ явный,
И бестія его [1]).

Ой, Россiё преславна,
Сiяешь издавна,
Шведа не лякайся [2])!
Измѣнниковъ своихъ
Начальникъ Мазепа
Узяти можется (!).
Мазепа врагъ мыслитъ
Вкраину згубити:
Чемъ ся такъ не стало?
Бо Мазепѣ крушови
И врагу Шведови
Онъ плахты готуе (!).
Ци битися маешь,
Що тутъ Шведа привёвъ
Сѣверь разорити?
Не выйдешь отсюду,
Избiемъ тя, Iюду,
И Шведа загубишь.
Государь свѣтлѣйшiй,
У войску сильнѣйшiй
И въ панствѣ своимъ можный [3]).
Царю Россiйскому
На многiи лѣта,
На вѣки вѣчныи,
Безконечныи!

(„Галицкiя народныя пѣсьни" въ „Чтен. Общ. Ист. и Др.").

Канта эта, къ несчастiю обезображенная, замѣчательна тѣмъ, что по нѣкоторымъ выраженiямъ имѣетъ отношенiе къ народнымъ Малорусскимъ пѣснямъ, выше приведеннымъ.

* *

[1]) Искаженiе превосходитъ всякую мѣру.—[2]) Не страшись.—[3]) И въ государствѣ своемъ могущественный.

Любопытно сличить при этомъ такія же точно стихотворенія, тогда же, въ слѣдъ за событіями, печатанныя; какъ на примѣръ въ 1709 году, въ Кіевѣ, при Панегирикѣ Ѳеоѳана Прокоповича Петру Первому [1]:

з)

... Летитъ Свей, летитъ купно змѣнникъ [2]) неистовій.
Камо духомъ бѣсовскимъ бѣжиши носимій,
Студе вѣка нашего, вреде нестерпимій?
На отца отечества мещеши мечь дерзкій,
О, племя ехиднино, о изверже мерзкій,
Забывъ любовь отчую и презрѣвъ самáго
Твердый законъ естества. Обаче се благо:
Якъ скорій есть на казнь, косній сій на дѣло.
Бѣжите [3]): скорой мести требѣ, скорой зѣло.
Но и здѣ непостоянъ злій змѣнникъ явися,
Змѣнникъ царю и Марсу: егда бо открися
Поле бою страшнаго,—не токмо входити
Во ратній огонь, но ниже издалече зрѣти [4])

[1]) Произведеніе это, Епиникіонъ, Epinicium (Стихъ на побѣду) въ печати извѣстно собственно на языкѣ Польскомъ, и—кажется на немъ же сочинено, по крайности складнѣе; на Русскомъ это скорѣе передѣлка, и она напечатана у г. Пекарскаго съ рукописи; за неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, нельзя также съ г. Пекарскимъ утверждать, что это непремѣнно сочиненіе Прокоповича: подобные Канты приписывались часто и ему, и Яворскому, и Димитрію Ростовскому, между тѣмъ какъ ихъ встрѣчаемъ и раньше—по рукописямъ, и гораздо шире по употребленію; ученые чаще *брали* ихъ себѣ и *примѣняли*.—Во всякомъ случаѣ произведеніе замѣчательное; вотъ тотъ же отрывокъ по Польски:

...Leci Szwed surowy,
Leci zdrayca przeklęty. A gdzież piorunowy
Impet ciebie wnosi—o, nam na wstyd wieczny
Urodzony odrodku!—Smiesz wyjąć bezpieczny
Miecz na Oyca Oyczyzny, na własnego pana! И т. д.

[2]) У г. Пекарскаго ошибочно „змѣиной."—[3]) У г. Пекарскаго ошибкою: „Бѣжише.."—[4]) „зрити."

Не дерзнулъ; но сугубъ студъ пріялъ вмѣсто раны:
Непостоянъ во вѣрѣ, трепетенъ во брани.
Зрѣмъ [1]) же, что̀ и Свей дерзкій силою своею
Успѣ храброй Россіи, боряся съ нею:
Блесну огнемъ все поле; многія воскорѣ
Излетѣша молнія; не таковъ во морѣ
Шумъ слышится, егда вѣтръ на вѣтръ ударяетъ,
Ниже тако громъ зъ темнихъ облаковъ рикаетъ,—
Яко гремятъ арматы [2]), и гласомъ, и страхомъ;
И уже день помрачи дымъ, смѣшенъ со прахомъ.
Страшное блистаніе! Страшный и великій
Градъ падаетъ желѣзный. Обаче толикій
Страхъ не можетъ Россіи силъ храбрыхъ сотерти.
Но егда тя [3]), о царю, о воине сильный,
Узрѣ [4]) посредѣ огня,—объялъ ю) страхъ зѣльный [5]):
Вострепета и крайней убояся страсти,
Дабы въ единомъ лицу всѣмъ не пришло пасти.

Описаніе битвы явно занято изъ народныхъ Былинъ: ср. выше.

Еще замѣчательнѣе заключеніе:

О семъ преславномъ дѣлѣ, въ пѣснехъ неслыха́нномъ,
Пѣти будетъ весе́льникъ по морю пространномъ,
Пѣти будетъ на холмѣ путникъ утружденный,
И проповѣсть иногда, лѣты изнуренный,
Старецъ внукомъ: и, яко своима очима
Видя [6]) то, внуцы старца нарекутъ блажима.

(Ср. г. Пекарскаго, „Наука и литер. въ Россіи при Петрѣ Великомъ,“ т. II, 1862).

А немного раньше, 1705, къ гербу Мазепы отъ лица ученой коллегіи Черниговской:

*

[1]) „Зримъ,“ посмотримъ.—[2]) Пушки.—[3]) У г. Пекарскаго „тамъ.“—[4]) Узрѣла“ Россія; Россію.—[5]) „зильный.“—[6]) У г. Пекарскаго ошибочно „видъ.

и)

Ясне-вельможный мѣсяце, пане Іоанне,
Предостойный гетмане, Богомъ дарованне!
Крестъ, денница, луна есть твое знаменіе [1]),
Извѣстно прибѣжище, всѣмъ защищеніе.
Первѣй [2]) воспріялъ еси имя кавалерства:
Въ родъ и родъ слава всего будеши рицерства.
Юноши, дѣвы, старцы, обще съ юнотами,
Желаемъ, да пріймешь здѣ всего добра тмами.
Успѣвай и державствуй въ премногія лѣта:
За труды насладишься небеснаго свѣта.
Звѣзда отъ Іакова свѣтло возсіяла:
Въ крестѣ Мазеповъ [3]) мѣстце себѣ воспріяла.
Звѣзда отъ Іакова—Христа знаменуетъ:
Христосъ пребываетъ въ васъ, тріумфи готуетъ;
Добрая аки луна пребываетъ [4]) во вѣки:
Удостоитъ васъ жити съ евангельскими [5]) лики.

(„Зерцало отъ писанія," Черниговъ; ср. у г. Пекарскаго въ помянутой книгѣ; гербъ—крестъ, съ луною, на которой звѣзда).

Извѣстна также Дума, сочиненіе которой приписывается самому Мазепѣ: „Всѣ покою щире прагнуть (всѣ искренно желаютъ спокойствія), А не въ одинъ гужъ всѣ тягнуть," о несогласіяхъ, раздиравшихъ Украйну, которая изображена несчастной матерью такъ же точно, какъ послѣ воспользовались симъ образомъ въ обвиненіе самого Мазепы.

* *

4.

Рига.

Рига Стекхолми [6]) совѣтъ предлагаетъ,
На льва надежду не повелѣваетъ

[1]) Гербъ.—[2]) Первій, первый?—[3]) Мазеповѣ?—[4]) Пребываютъ? Или: „доброта?"—[5]) Если это вѣрно прочтено у г. Пекарскаго, то конечно это ошибка вмѣсто „съ ангельскими."—[6]) Стокгольму.

Имѣти (гордость нынѣ упразднися,
Отъ кротости днесь падши сокрушися):
«Что̀ ты, Стекхолми, нынѣ помышляешь,
«Что̀ всуе на льва еще уповаешь?
«Далече отъ тя зѣло удалися,
«Въ Турскихъ предѣлехъ жизнь его явися [1]).
«Не азъ ли, Рига, бѣхъ въ Европѣ славна?
«И моя крѣпость всѣмъ бысть зѣло явна:
«Но такъ отъ мене нынѣ есть отъята,
«Азъ же и сама орломъ воспріята.
«Днесь левъ рыдаетъ, погубивши грады,
«Себѣ не можетъ получить отрады:
«Аще онъ себѣ помощи̇ не можетъ,
«То тебѣ кую помощь дати можетъ?
«Убо, Стекхолми, зри, что̀ нынѣ Рига:
«Будеши и ты такова жь верига
«Скоро носити и подъ орломъ слыти,
«Чесого весма не можешь избыти.
«Язъ тя, Стекхолма, нынѣ увѣщаю,
«Азъ ти во притчу себе предлагаю:
«Аще во своей гордыни пребудешь,—
«Какова днесь азъ, такова ты будешь.
«Не рцы, молю тя:—Орла не боюся!—
«Его храбрости зѣло азъ дивлюся.
«Аще, Стекхолма, хощешь здрава быти,
«Скоро потщися о мирѣ молити.
«Аще бо орелъ прострет̀ъ свои крилѣ,
«Тогда Стекхолма возстенетъ:—Увы мнѣ!—
«Нынѣ не весма еще простираетъ,
«Твоихъ предѣлъ, благо ти, не достигаетъ.
«Благъ ти азъ совѣтъ нынѣ предлагаю:

[1]) Когда тамъ былъ Карлъ: признакъ современнаго той эпохѣ сложенія Канты.

«Орла о мирѣ молить совѣщаю.
«Ты же потщися сіе сотворити,
«Скоро предвари о мирѣ просити.
«Аще достигнетъ твоего предѣла,
«Тамо рекутъ вси:—Гдѣ ся наша дѣла
«—Гордость, на нюже мы вси уповахомъ,
«—Отъ льва помощи всуе ожидахомъ?!—
«Убо, прочее, не превозносися,
«Аще хощеши, о мирѣ молися.
«Дастъ намъ Богъ помощь, наньже уповаемъ,
«Нашу надежду всю нань возлагаемъ,
«Церкви восточныя въ себѣ поставимъ,
«Богоматере въ нихъ имя прославимъ,
«Дабы и въ тебѣ Богъ, въ Троицѣ славимый,
«Отъ насъ во вѣки былъ превозносимый.»

(Помянутая рукопись Ѳ. И. Буслаева и другія).

* *

Ничѣмъ такъ ярко не выставляется красота и особенность произведеній народныхъ, какъ ихъ сравненіемъ съ подобными произведеніями книжными.

Канты Петровской эпохи, къ сожалѣнію, доселѣ большею частію не напечатаны и даже не собраны (кромѣ нашего собранія); сверхъ приведенныхъ имѣются еще: 1) въ честь Меншикова, «Веселися днесь Россійская страна («Именитый князь царьскія палаты, Римскій Александръ въ воинству богатый, Сего трепещутъ Шведски полки многи»..);» при «Лявреѣ,» изд. въ С.П.Б. 1714 г. Кременецкимъ, студентомъ Моск. Академіи и потомъ жившимъ въ домѣ Меншикова, припечатаны стихи «Вся земныхъ роды подвигнемъ трубою;» — 2) въ честь кн. Дмитрія Михайловича Голицына, при «Алфавитѣ духовномъ,» Кіевъ, 1713, напечатано на гербѣ Голицыныхъ: «Въ дѣлахъ государскихъ есть явна князей справа (дѣятельность) Голицыныхъ и въ вѣрныхъ нуждахъ всякихъ слава;»—3) О побѣдѣ Полтавской, при Си-

наксарѣ, въ коемъ развита составленная на торжество служба, печ. въ Черниговѣ 1710: «По отпѣтіи канона, Стани посредѣ амвона, Синаксарь сей велегласно Чти прилежно и опасно, Похвальное извѣстіе, Подъ Полтавою бытіе» и т. д.;—4) привѣтъ Петру съ сыномъ: «Радостно воскликнемъ, Въ царьску радость вникнемъ («Радуйся, нашь царю, Дивный государю, съ сыномъ благочестнымъ;» «Ты царь величайшій И сынъ твой дражайшій;» между прочимъ и о побѣдахъ надъ Шведами);» одинъ изъ списковъ, отличный впрочемъ отъ нашего, напечатанъ *П. В. Шейномъ* въ «Чтеніяхъ» 1862, кн. 4;—5) то же со внукомъ Петромъ и восхваленіе сему послѣднему: «Веселися, Россія, со отрокомъ преславнымъ, Веселися и со внукомъ, орломъ двоеглавнымъ («Кто тя не блажитъ, таковаго младенца умна, И кто тя не восхвалитъ, князя Петра разумна? Нынѣ пріидите, младо дѣтище восхвалимъ, Нынѣ пріидите, въ радость князя Петра похвалимъ»);»—6) вообще привѣты царю, особенно о побѣдахъ надъ Шведами: а) «Съ радостію ти нынѣ приносимъ аплязви (applausus);» б) «Воспоемъ пѣснь нову Господеви Богу;» в) «Радуйся, Роско земле, ликуй, веселися, На камени толикомъ (Петрѣ) яко утвердися;» г) «Желати, вповати (уповати) На лукъ Бога силы;» д) «Торжествуй, Марце, Богомъ ополченный: Се супостатъ лежитъ побѣжденный;» е) «Орле небесный, гнѣздо си покрывый;» ж) «Нова радость въ Россіи нынѣ явися: Шведскій левъ отъ Россійска орла падеся;»—7) моленіе о мирѣ: «Царю Россійскій, воине преславный;»—8) моленіе къ Екатеринѣ, дабы ходатайствовала о мирѣ: «Блажатъ тя людіе, земная наша мати, Просимъ тебе, дабы намъ милости подати («Просимъ, у императора за миръ пребуди;» «Чтимъ тя за твою честную породу; Нынѣ про милость изыде слава велика; Красотѣ ея никто подобенъ, толика; Она персона краше всѣхъ сіяетъ»);»—9) на въѣзды государя, особенно миръ со Шведами и вѣнчаніе: а) «Воспойте, людіе, органными гласы,»—«Ехидну прокляту со львомъ растерзано;» б) О, коль дивна дѣла Твоя, Царю нашь и Боже,»—«И врага побѣдить съ тобою се азъ желаю;» в) «Радостно блажимъ, Царю, Тя, и Боже,»—«съ тобою, Петре, радостенъ явлюся (припѣвъ: «Хвалимъ орла двоеглавна, Поемъ кавалера

дивна»);» г) «Радуйся, Россіе, радости сказую,»—«Моихъ враговъ покорить поможе;» д) «Преславнымъ гласомъ блажимъ тя, Россія,»—«Россійска орла въ мирѣ припѣваемъ;» е) «Радуйся, Петре императоръ славный, Радуйся, Роскій орелъ двоеглавный (припѣвъ: «Миръ, миръ, виватъ, виватъ, Радуйся, Роско земле, Ликуй и веселися, Шведъ умирися, Виватъ, виватъ гостю чрезвычайну, Виватъ, виватъ, въ Сіонѣ воскликнемъ»...);» ж) «Тріумфуй, Россія, воине преславный, Егда есть вѣнчанный орле двоеглавный;» з) «Преславна Россійска земле, веселися! Царьская держава, скипетромъ хвалися (припѣвъ: «Поемъ Господеви, славно прославися, Шведская бо гордость о немъ низложися»);»—и) «Днесь ся въ Россіи распростирай слава, Егда цареви дадеся держава;» і) «Радуйся нынѣ, Россіе преславно, Егда дадеся торжество ти славно.»—Болѣе замѣчательно к):

Кто идетъ съ войскомъ, лаврами вѣнчанный,
Съ знаменми побѣдъ гость къ намъ чрезвычайный?
Свѣтлымъ оружьемъ предивно украшенъ:
Однакъ не страшенъ.
Марсово лице: но весьма не ратно,
Все осклабленно, всѣмъ благопріятно,
Яко Фебъ, егда по дождѣ сіяетъ,
Любимъ бываетъ,
На что посмотритъ, отнюдь не плачетъ,
Но премѣненно [1]) отъ радости скачетъ....
Ты ли таковыхъ чудесъ содѣтелю [2]),
Ужасе міра и устрашителю,
Отчества отче и усладителю,
Защитителю,
Усмиреннаго міра правителю,
Петре, великій въ мірѣ властителю,
Великихъ бо́льшій, Роскій автократоръ,
Императоръ!

[1]) Поперемѣнно.—[2]) „содителю.“

Ты, во истинну, познаемъ тя ясно:
Кто бо когда такъ явился намъ красно,
Кто таковую приноситъ намъ сладость,
Вѣчную радость?
Покрываютъ тя вѣтви зеленыя,
Но открываютъ благодѣянія:
Яко же солнце — лучи покрываетъ
И открываетъ.....
Повелѣвая землямъ побѣжденнымъ
И учрежденнымъ,
Градомъ, езерамъ, народомъ подбитымъ,
Островамъ многимъ, синусамъ разлитымъ,
И Балтицкому, чтобъ не изливало,
Въ брегахъ бы стало.
Нынѣ же грядетъ съ миромъ возвратився,
Корыстей бремянемъ весь отяготився,
Все оружіе съ себе [1]) отлагаетъ
И отдыхаетъ.
Что̀ бо Варяжско море ни имѣло,—
На его плещахъ возлегло все цѣло....
На морѣ путь — что птицамъ на возду́сѣ —
Безбѣденъ людемъ, яко же на сусѣ;
Радостна Цересъ раломъ нивы пашетъ,
Вся земля пляшетъ;
Счастливость въ поляхъ гуляетъ весе́ла,
Златый дождь свыше орошаетъ се́ла,
Возстаетъ жатва, люба поселяномъ,
Люба крестьяномъ... и т. д.

То же самое въ печати, съ малыми отмѣнами, въ «Пѣсни привѣтственной» изд. въ М. 1721, съ Латинскимъ текстомъ, на примѣръ:

[1]) У г. Пекарскаго, въ помянутомъ изданіи, ошибочно „къ себѣ."

Urbibus, terris, sinubus recuruis,
Insulis necnon lacubus fretisque,
Balticum frenans mare, ne insolescat
Littora versus....
Nam quid Arctoum mare possidebat,
Integrum fessis gerit in lacertis....

10) Подобнымъ образомъ въ печати, къ преемнику Мазепы Скоропадскому, на гербъ, тотчасъ за Полтавскою побѣдой, при толкованіи «Молитвы Отче нашь,» Черниговъ 1709: «Отъ Бога данный гетманъ Три стрѣлы имѣетъ Іоаннъ Скоропадскій («Царю Петру вся сила Шведска покоренна»);» а также при «Молитвословцѣ« 1714, Черниговъ: «Іоанаѳанъ съ Давидомъ Любовъ нелестнымъ съ видомъ Треми стрѣлами завѣща(ша) («Іоаннъ Иличъ, вождъ вѣрный, Бога любитель безмѣрный»);»—11) на возвращеніе изъ Персидскаго похода и о Дербентѣ, у насъ по рукописямъ, въ печати же «Пѣснь» отъ лица Московской Академіи 1722 года: «Торжественная паки вамъ отрада Спѣшно приходитъ, Россійская чада («Не тако Дарій сильный мнится быти, Благополучнымъ идѣже крѣпити Зданіемъ началъ Дербеню (въ печати «Дербену») велику, Въ силѣ толику») [1].»—И т. п.

Всѣ эти Канты происходятъ изъ эпохи Петровской, даже съ точностью годовъ, въ слѣдъ за событіями; но многія изъ нихъ послѣ передѣланы и примѣнены *преимущественно къ Елисаветѣ*; въ семъ послѣднемъ видѣ онѣ болѣе извѣстны и печатались даже въ сборникахъ, напр. Добрынина 1799 г.

[1]) Въ печати у г. Пекарскаго: „султанъ Узбраенъ стрѣлою,“ у насъ „устроенъ (*узброенъ*—въ зброѣ, съ оружіемъ стрѣлъ);“ тамъ же послѣ словъ „Сыномъ Россійскимъ“ пропущено „вѣсти(дѣлъ героичныхъ нелестны).“

XXV.

Ладожскій каналъ.

1.

Ахъ далече-далече, въ чистомъ полѣ,
Расплачется травушка зеленая;
Унимаетъ ее мати земля сырая:
«Не плачь, не плачь, трава-мурава,—
«Не одной тебѣ въ чистомъ полѣ тошненько,
«И мнѣ еще того тошнѣе [1]).

«Какъ ѣхалъ государь-царь изъ подъ Риги,
«Велѣлъ меня, землюшку, копати,
«И рвы, и колодези вырывати,
«Ключевую воду испускати [2]).»

Кручиненъ доброй молодецъ, кручиненъ,
Печаленъ онъ, отецкой сынъ, печаленъ,
Не отъ радости доброй молодецъ постригся:
«Съ великія печали я посхимлюсь,
«Житье-бытье отдамъ я во монастырь,
«Остатками себѣ келейку поставлю.
«Во кельи просѣку я три окошка:
«Я первое окошко—къ Божьей церкви,
«А другое окошко—во монастырь,
«А третіе окошко—въ чисто поле.
«Къ Божіей церкви посмотрю ли я,—помолюся;
«Въ монастырь посмотрю ли я,—спасуся;
«Въ чисто поле посмотрю я,—заплачу [3]):
«Ахъ свѣтъ ты, моя родимая сторонка!

[1]) По пріему, который мы уже знаемъ, рѣчь 1-го лица переходитъ къ разсказу въ 3-мъ.—[2]) Отселѣ переходъ еще рѣшительнѣй, но пѣсня, къ сожалѣнію, утративъ историческія черты, связалась съ другими Безъимянными.—[3]) Ср. выше пѣсню Евдокіи.

«Мнѣ ужь на тебѣ не бывати,
«Отца и матери мнѣ не видати,
«О молодой женѣ и дѣткахъ не слыхати,
«Весь родъ-племя я позабуду.»

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними другіе).

Переходъ отъ частнаго событія, Ладожскаго канала, къ выраженію горя вообще—зависѣлъ отъ того преимущественно, что и начало пѣсни, и конецъ ея о чужой сторонѣ связуются тѣсно съ другимъ, близкимъ, разрядомъ „Безъимянныхъ,“ совершенно съ тѣмъ же началомъ, „Ахъ далече-далече, во чистомъ полѣ,“ а сіи послѣднія, въ свою очередь, примыкаютъ къ тѣмъ, кои помянуты выше, „Ахъ ты поле-поле“ или „Ахъ вы горы-горы.“ Всѣ же вмѣстѣ опять сродны со Стрѣлецкими, о гибели Молодца и Козака, ср. еще выше.

*

2.

По утру-то было ранымъ-рано,
На зарѣ-то было на утренней,
На восходѣ краснаго солнышка [1]),
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей-озёръ подымалися:
Подымалися добрые мóлодцы,
Добрые мóлодцы, люди вольные,
Всё бурлаки понизóвые
На каналушку на Ладожскую,
На работу государеву.
Провожаютъ ихъ, добрыхъ молодцевъ,
Отцы-матери, молоды жены,
И со малыми со дѣтками.

(Изъ пѣсней, отпечатанныхъ при Жизни В. Каина, 1788, М.).

*

[1]) Ср. выше пѣсни съ такимъ же началомъ.

3.

По утру-то было раньмъ-рано,
На зарѣ-то было на утренней,
При восходѣ-ста [1]) красна солнышка,
Что не гуси-ста и не лебеди
Подымалися со лузей-озёръ:
Подымалися добры мо́лодцы,
Добры мо́лодцы, люди вольные,
Всё бурлаки-ста понизо́вые
На канавушку что на Ладожску,
На работу-ста государеву.
Провожають ихъ, добрыхъ мо́лодцевъ,
Отцы-матери, молоды жоны,
Молоды жоны да и съ дѣтками,
Онѣ съ дѣтками съ малолѣтными,
Провожаютъ, приговариваютъ:
«Вы удалые-добры мо́лодцы,
«Вы бурлаченьки понизо́вые!
«Поработайте царю Бѣлому,
«Государю-ста что Московскому:
«Наградитъ васъ царь и пожалуетъ [1])!»

(„Русское Націон. Пѣснопѣніе,“ 1809; образецъ подправленный книжно).

*

Слѣдующій образецъ, переведя людей вольныхъ на корабли, связался тѣмъ съ другими, кои у насъ ниже, о Гагаринѣ и Меншиковѣ, но обезображенъ до крайности, едва-едва намекая на событіе:

[1]) Такія-то прибавки считали необходимыми для народнаго „колорита.“

4.

Завела дѣвка шинокъ
Супротивъ своихъ воротъ,
Сама вышла на лужокъ,
Заиграла во рожокъ,
Подала дружку слушокъ
Чрезъ зелененькій садокъ,
Черезъ темненькій лѣсокъ,
Ко Ванюшкѣ на лужокъ [1]).

У насъ по морю-морю
Два кораблика плывутъ.
Какъ на этихъ корабляхъ
По пятисотъ молодцовъ,
Государевыхъ гребцовъ.
Они косятъ и гребутъ,
Во стога сѣнцо кладутъ [2]),
Браву пѣсенку поютъ,
Разговоры говорятъ,
Все хозяина брянятъ:
««Ты р. с. хозяинъ,
««Разканалья с. с.,
««Здѣсь конавушки порылъ.»»

(Ср. Якушкина 1865 г.).

Въ Малорусскомъ народномъ творчествѣ есть пѣсня, ближайше отвѣчающая сему Отдѣлу, но нѣсколько позже по событію—о работахъ „на линіи,“ а потому см. ее въ слѣдующемъ выпускѣ.

* * *

[1]) Это начало отъ другой пѣсни.—[2]) Изъ другой, хороводной пѣсни, по поводу „молодцовъ:“ „я найму себѣ косцовъ“ и проч.

Дѣятельность Петра 1-го и время его, въ первый разъ для Русской исторіи, общимъ своимъ возбужденіемъ и содержаніемъ успѣли, до извѣстной степени, сблизить *народное* творчество съ *личнымъ*, *устное* съ *письменнымъ*: послѣ долговременнаго обособленія, сближеніе это совершилось *внутри* самого творчества и, по закону явленій сего рода, предсказало съ тѣхъ поръ перевѣсъ искусству личному, письменному и книжному.—Также точно во *внѣшнихъ* предѣлахъ творчества, впервые послѣ отдаленнаго единства Кіевскаго, произошло новое сочетаніе творчества народнаго *Московскаго*, или Великорусскаго, съ *Малорусскимъ*; Думы или Былины Украинцевъ съ того времени поникли предъ единствомъ Общерусскимъ, и козачество, долго питавшее ихъ, оставило отъ себя въ наслѣдство народной фантазіи черты уже не былевыя, а лирическія (женскія), не для новой производительности, а только для воспоминанія.—Наконецъ, въ третьихъ, кругъ общенія расширился еще полнѣе: съ незапамятныхъ временъ оторванное, только съ эпохи Петровской снова народное творчество *Обще-русское* соединяется съ общимъ *Славянскимъ*, въ лицѣ *Сербовъ*, то есть именно тѣхъ Славянъ, у которыхъ всего больше сохранилась Славянская сила творчества Былеваго; и здѣсь же опять данъ былъ сигналъ для его ослабленія, ибо съ XVIII вѣка замѣтно подорвана творческая производительность у самихъ Сербовъ. Но, пока еще паденія не случилось, мы здѣсь совершенно къ мѣсту обязаны привести нѣсколько примѣровъ сближенія, изъ Былинъ или «Юнацкихъ пѣсней» Сербскихъ, воспѣвающихъ дѣянія Петра и его сподвижниковъ.

XXVI.

1.

(Черная Гора).

Кад Русия с Турцим ратоваше,	Какъ Россія ратовала съ Туркомъ,
Петар први император Руски	Петръ же первый императоръ Русскій
Оправио посланика свога,	Своего посланника отправилъ,
Михаила Милорадовитя—	Михаила Милорадовича—

Од старине из Херцеговине,—	Родомъ онъ былъ изъ Герцеговины,—
Да понесе Црной Гори книге,	Чтобъ отнесъ онъ Черной Горѣ письма,
Петровитю Данилу Владици	Петровичу Данилѣ Владыкѣ [1])
И главаром од Горице Црне.	И главамъ старѣйшимъ [2]) Черногорскимъ.
У книзи их мило поздравляше	Въ грамотѣ любезно поздравлялъ ихъ
И овако нима говораше:	И такія рѣчи говорилъ имъ:
«Ево има доба неколико,	«Есть уже довольно тому время,
«Да воюєм и да боя биєм	«Какъ воюю и бьюся я боемъ
«С єретиком од Швециє кралєм,	«Со еретикомъ королемъ Шведскимъ,
«За обрану краля Полячкога,	«Въ оборону короля Поляковъ [3]).
«Кога браних од краля Швецкога.	
«Ал он мени [4]) учини невєру	«Но король Поляковъ измѣнилъ мнѣ,
«И приступи душманину своме.	«Своему врагу онъ передался.
«Пак я ёште имам издайника,	«Я еще предателя имѣю,
«Као Срби Бранковитя Вука,	«Какъ и Сербы Бранковича Вука [5]),
«Издайника мога подложника,	«Предателя изъ моихъ подданныхъ,
«Проклетога Мазепу Ивана,	«Проклятого Мазепу Ивана,
«Воєводу од Русиє Мале.	«Воеводу изъ Малой Россіи.
«Ни то мени досадило ниє,	«Это мнѣ однако не въ досаду
«Ни войнике моє утрудило,—	«И моихъ то войскъ не утрудило,—
«Ми смо Шведе сретно раштєрали,	«Шведовъ мы счастливо разогнали,

[1]) Митрополиту Данилѣ Нѣгошу, знаменитому тогдашнему правителю Черной Горы: духовная власть смѣнила здѣсь общихъ кралей Сербскихъ и мѣстныхъ Князей.—[2]) Капитанамъ, головамъ округовъ.—[3]) За этимъ стихъ лишній для Русскаго перевода: „Боронилъ его отъ краля Шведовъ.“—[4]) Въ текстѣ перваго издателя „мене.“ — [5]) Зятя князю Лазарю, измѣнившаго въ Косовскомъ боѣ.

«Под Полтавом страшно победили,	«Подъ Полтавой страшно побѣдили,
«Іош Мазепу [1]) жива уфатили	«Мазепу живаго ухватили
«И Полячког' повратили краля,	«И вернули короля Поляковъ,
«Да се кае, што е учинио:	«Пусть покается, что̀ учинилъ онъ:
«Него ми е Турчин заратио	«Но со мною зараговалъ Турокъ
«И сву силу на ме обратио,	«И на мя всю силу обратилъ онъ,
«Да освети краля од Швецие.	«Да отмститъ мнѣ за короля Шведовъ.
«Веть ми каже верна слуга моя,	«А мнѣ молвитъ мой служитель вѣрный,
«Вэрни Саво Владиславлевитю—	«Савва Владиславлевичь мой вѣрный—
«Од Попова из Херцеговине,—	«Изъ Попова, изъ Герцего̀вины,—
«Да ви славни Црногорци вольни,	«Что вы, славны Черногорцы, вольны,
«С Турци мира нигда не имате	«Мира съ Туркомъ никогда вамъ нѣту
«И да мене помоти можете.	«И что мнѣ вы можете быть въ помочь.
«Пак ев' шилем посланика мога:	«Своего посланника я шлю вамъ:
«Я се уздам у Бога Вишнега	«Я надѣюсь на Вышняго Бога
«И у мышцу народа Србскога,	«И на мышцу Сербскаго народа,
«Особито храбра Црногорца,	«Особливо храбрыхъ Черногорцевъ,
«Да те мени бити у помоти,	«Что вы точно будете мнѣ въ помочь,
«Да христянски народ избавимо	«Да избавимъ мы народъ христьянскій
«И Славенско име прославимо,	«И прославимъ Славянское имя,
«Да сломимо ярма Агарянска,	«Да мы сломимъ ярмо Агарянско,

[1]) Въ текстѣ „Мазепа."

«Благовєря уздигнемо храме,	«Православные воздвигнемъ храмы,
«Омиємо нанешене сраме	«Омоемъ мы нанесённы срамы
«Од Турчина, сваком душманина,	«Отъ Турка, — онъ каждому враждебенъ,
«Тко не лиже прах нєгових стопах.	«Кто не лижетъ праха стопъ Турецкихъ.
«Ви сте с Русма и єднога рода,	«Вы съ Русскими единаго рода,
«Єдне вєре, єднога єзика:	«Одной вѣры, одного язы́ка:
«Веть сроднии бит' неймамо куда,	«Сроднѣй того нельзя больше быть намъ,
«Кад к'о Руси єсте и юнаци.	«Тѣ же Русскіе и молодцы вы.
«Но скочите кано витезови,	«Въ разъ, какъ витязи [1]), вы поднимитесь,
«Покликните како соколови,	«Какъ со́колы воскликните кликомъ,
«Подигните окружне христяне,	«Возставьте вы христіанъ окружныхъ,
«Све юнаке на старе налике,	«Всѣхъ юнаковъ, station старинѣ подобныхъ,
«Пак на Турску землю навалите,	«На Турску землю навалите,
«Разорайте, штогодер стигнете,	«Разоряйте, что́ ни попадется,
«Осваяйте, што више можете,	«Освояйте, сколько можно больше,
«У Стамбола да се састанемо,	«Да сойдемся вмѣстѣ во Стамбулѣ,
«У Стамбола, оли у Єдрену!	«Во Стамбулѣ либо во Едре́нѣ [2])!
«Наша войска веть є ударила,	«Уже наше ударило войско,
«С Турцим' биє с', нигда не престає.»	«Бьется съ Турками, и непрестанно.»
Тай посланик на Цетине доде,	Тотъ посланникъ пришолъ на Цетине [3]),
Владика га жельно дочекао,	Владыка желанно его принялъ,

[1]) Такъ у Сербовъ называются собственно богатырскіе кони.—[2]) Адріанополь.—[3]) Главный городъ Черной Горы.

Црногорце на збор окупио,
Он е нима риеч говорио:
—Ево, братё, книга од Русіе,
—Ево книга, ево и посланик
—Од славнога цара риштянскога!
—Книга пише и посланик каже,
—Да е Турчин цару заратио.
—Но сад, братё, ако Бога знате,
—Сви будемо справни и готови,
—Да риштянском цару поможемо
—И да наше крви не жалимо,
—А за наше царство правоверно
—И за нашу веру само-славну!—

Црногорци кад то разумеше,
Сви кликнуше, а единогласно:
««Фала да е Богу Великоме,
««Те смо книге ове видиели
««Од нашега цара Славинскога,
««Славинскога но и риштянскога!
««Ер ниесмо нигда помишляли,

Во соборъ онъ сóбралъ Черногорцевъ,
Таковую рѣчь онъ говорилъ имъ:
—Вотъ вамъ, братья, грамота съ Россіи,
—Вотъ вамъ грамота и вотъ посланникъ,
—Отъ славнаго царя христіанска!
—Пишетъ грамота, посланникъ молвитъ,
—Что, де, Турокъ на царя рать поднялъ.
—Нынѣ, братья, памятýя Бога,
—Будемъ всѣ исправны и готовы,
—Да поможемъ царю христіанску
—И да нашей крови не жалѣемъ,
—За наше ли царство православно,
—За нашу ли вѣру одновѣрну [1])!—

Черногорцы, разумѣвши дѣло,
Всѣ кликнули голосомъ единымъ:
««Слава Богу, Великому Богу,—
««Довелось намъ грамоту увидѣть
««Отъ нашего царя отъ Славянска,
««Славянскаго, да еще христьянска!
««Никогда-то мы не помышляли,

[1]) Собственно, по тексту, за царство правовѣрное и вѣру единославную: разумѣется общее съ Русскими царство одной вѣры и общая вѣра—единая славная, право-славная.

««Те да темо ми кад доживети,
««Да познамо цара православна;
««Н' ако негде да є у свиєту,
««Де он за нас ни чути не може.
««А кад чуо и за наске знаде,—
««Ево наше сабле при поясу,
««Ево наше пушке у рукама!
««Сад и вазда справни и готови,
««Сви єданак срца веселога,
««На ови час удрити Турцима,
««И' што брже, то є нама драже,
««Што ли преде, то є нама сладе!»»

Владика є ово саслушао,
И Владика, и посланик сретни,
Цара книге преписати даше,
Пак преписе Владика оправля
Уза своє книге на све стране,
У сву Босну и Херцеговину,
У сва Брда и у Зету плодну,

««Что дожить поры той приведется,
««Какъ узна́емъ царя православна [1]);
««Коли есть онъ гдѣ-то тамъ на свѣтѣ,
««Думали, — ему объ насъ не слышно.
««А коль слышалъ и объ насъ онъ знаетъ,—
««Вотъ нашъ поясъ, за поясомъ сабли,
««Вотъ же руки, вотъ же наши ружья!
««Въ разъ и въ вѣкъ исправны и готовы,
««За едино всѣ веселымъ сердцемъ,
««То́тчасъ же ударити на Турокъ,
««И что ближе, то́ намъ и дороже,
««Что ли прежде, то́ намъ еще слаще!»»

Владыка же выслушалъ все это,
И Владыка, и посолъ счастливый,
Царску грамоту переписать велѣли,
Списки эти, съ письмами своими,
Владыка справляетъ на всѣ страны,
На всю Босну и Герцеговину,
На всѣ Берда [2]) и во плодоносну Зету,

[1]) Степени: царя не только Славянскаго (надъ Славянами), но и христіанскаго, притомъ не католическаго и не магометанскаго, а православнаго. — [2]) Болѣе возвышенная часть страны.

Да христяни подигну оруже,
Да се с Црном Гором саедине;
Иза тога призива главаре,
А главари войску подигнули,
Опалише села и вароше,
Око бела Оногошта града,
Око Спужа, око Подгорице
И около града Жаблячкога:
Затворише у градове Турке,
А христяне себе присвоише.

Да ти беше видиети, побре,
Како с' она войска умложава!
Како трче Брдяни юнаци,
Херцеговци и млади Зетяни,
Под баряке цара Русинскога,
Да се здруже с войском Црногорском!
Не би река', драги побратиме,
Да се иде с Турцим' боя бити,—
Но на игру, хладно вино пити
И веселе песме запевати!

Но веселе ово не траяло,
Н' ако само месец и по дана:
Него се є брзо обратило
На Србальску жалост и несретю.
Єр бо худи гласи допадоше,—

Да христьяне поднимутъ оружье,
Да соединятся съ Горой Черной;
Послѣ того старшихъ призываетъ,
Старѣйшины подняли все войско,
Попалили города и сёла,
Вокругъ Оногóстя, бѣла-града,
Вкругъ Жабляка, Подгóрицы, Спýжа:
Заперли въ твердыняхъ градскихъ Турокъ,
А крестьянъ [1]) въ союзъ себѣ забрали.

Эхъ, братъ, посмотрѣть бы тебѣ было,
Какъ ростетъ и множится то войско!
Какъ спѣшатъ и Бердяне юнаки,
Герцеговцы, молоды Зетяне,
Подъ знамена царскія Россіи,
Въ одну купу съ войскомъ Черногорскимъ!
Не сказалъ бы, дорогой пріятель,
Что идётся это въ бой Турецкій,—
Но на игры, пить вино прохладно
И весёлы пѣсни запѣвати!

Да не долго длилося веселье,
Всего счетомъ мѣсяцъ съ половиной:
Скоро оно, скоро обернулось
На Сербское горе и бездолье.
Ибо злыя вѣсти приходили,—

[1]) Въ текстѣ „христіане:“ но это именно то же понятіе, что въ имени нашихъ „крестьянъ,“—жители полей внѣ города, по деревнямъ.

Да се Петре с Турцим' умирио,—	Петръ Россійскій помирился съ Туркомъ —
Не по воли, него по неволи,	Не по волѣ онъ, а по неволѣ,
Што га беху Турци опколели	Его Турки кругомъ окружили
Близу Прута студене рieке,	Близу Прута близь рѣки студеной,
Тер му помоть доти не могаше,	Къ нему помощь не могла добраться,
Ни остало, што є войсци нужно.	Ни прочее все, что войску нужно.
Ове гласе када разумєше	Вѣсти эти какъ только узнали
И Владика, и сви Спасолюбци,	И Владыка, и всѣ Спасолюбцы [1]),
Уплакасе мало и велико,	Восплакалъ тутъ и старый, и малый,
Свак жаляше риштянског царa.	Всякъ жалѣлъ тутъ царя христіанска [2]).
Михаило поде у Русию,	Милорадовичь пошелъ въ Россію
А остави у рат Црногорце.	И оставилъ въ рати Черногорцевъ.
Како тадер, тако и досадер:	Какъ тогда, ведется тожь доселѣ:
Вино пию, с Турцима се бию,	Пьютъ вино, да съ Турками воюютъ.
И бранитес', док єднога има,	До послѣдняго ихъ будетъ оборона
Од свакога, толи од Турчина,	Противъ всякого, а паче Турка,
А своєга двойног' душманина,	Противъ ихняго врага двойнаго,
Душманина вере и слободе.	Врага ихней вѣры и свободы.
Ниє сєнка слога Црногорска:	Не тѣнь одна союзъ Черногорскій:
Нейма тога, ткоб их уярмио,	Еще нѣтъ того, кто бъ объярмилъ ихъ,
Тол' их отле некудь призаймио!	А подавно ихъ исторгъ о тсюда!

(Изъ „Исторіи Черной Горы“ С. Милутиновича, Бѣлградъ, 1835: нѣкоторыя выраженія отзываются книжностью и потому неточно самое правописаніе словъ.—Подобныхъ пѣсенъ можно довольно встрѣтить еще у Чубра Чойковича, Будимъ 1833, изд. Миловука; въ собственномъ изд. Чойковича, Лейпцигъ 1837; и др.).

* * *

[1]) Ревнители Спасовой вѣры и спасенія отчизны.—[2]) Замѣчательная деликатность въ оправданіи Петра и жалость о немъ, не о себѣ, когда Черногорцы были оставлены лицомъ къ лицу со страшною силою мстительныхъ Турокъ.

XXVII.

Петръ Первый кончается.

1.

(Губ. Симбирской, село Станичное).

Во славномъ городѣ во Сан-питерѣ
Стояли палаты бѣлокаменныя,
Во тѣхъ во палатахъ бѣлокаменныхъ
Состроена тутъ кроватушка тесовая,
На кроватушкѣ изголовьицо точёное,
Точёное, позолоченое,
На изголовьицѣ подушечки шелко́выя,
Шелковыя и парчёвыя,
На подушкахъ одѣяло соболиное
Того соболя Сибирскаго,
Подъ одѣялечкомъ лежитъ удалый-добрый молодецъ,
Удалъ-добрый молодецъ, нашъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичь.
Передъ нимъ стоятъ всѣ князья-бо́яре,
Всѣ старшіе фельдмаршалы.
Возговорятъ всѣ князья-бояре,
Всѣ старшіе фельдмаршалы:
««Тебѣ, видно, худо можется,
««Худо можется, конецъ ближится,
««На кого ты свое царство приказываешь,
««На кого ты свое государство отказываешь?
««Кому у насъ будетъ сенатъ судить,
««Кому у насъ владать каменно́й Москвой,
««Каменно́й Москвой, всей Россіею?»»
Какъ не золотая трубонька вострубила,
Какъ не серебряная сиповочка возъиграла,
А возговорилъ нашъ батюшка православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичь:

—Сенатъ судить вамъ, князьямъ-бо́ярамъ,
—Каменна Москва и Россія вся моей государынѣ.—
Услыхала государыня,
Изъ палатъ идетъ,—сама вопитъ:
«О ты гой еси, мой милъ-сердечный другъ,
«Православный царь Петръ Алексѣевичь!
«На кого ты свое царство приказываешь,
«На кого ты свое государство отказываешь?»
Не золота трубонька вострубила,
Не серебряная сиповочка возъиграла,
Анъ возговоритъ нашь православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичь:
—Сенатъ судить князьямъ-бо́ярамъ,
—Всѣмъ старшимъ фельдмаршаламъ;
—Каменная Москва тебѣ, моя государыня,
—Каменная Москва и Россія вся.—

(Отъ Языкова).

*

2.

(Съ Урала).

У насъ, братцы, было на святой Русѣ,
На святой Русѣ, въ каменно́й Москвѣ,
На тѣмъ на дворцѣ государевомъ,
Стояли тутъ палаты бѣлокаменны,
Бѣлокаменны палаты горновитыя [1];

[1]) Грановитыя. Производство слова двоится: 1) отъ *грань*—гранёныя (по камню), каково отличіе и по нынѣ въ Грановитой палатѣ Кремлевской; 2) отъ *гроно* (видоизмѣненіе—*зерно*)—кругъ приближенныхъ, средоточіе придворныхъ, толпа свиты съ центромъ для государя (какъ у Западныхъ Славянъ); *гряда, гридня* и *гридьба*, извѣстныя по лѣтописямъ и древнимъ Былинамъ, примыкаютъ сюда же (*гродно*), хотя и дальше.

Во тѣхъ во палатахъ бѣлокаменныхъ
Стояла тутъ кроватушка тесо́вая,
Разостлана на ней перинушка пухо́вая,
Поставлено взголовьице высокое,
Поло́жена подушечка парчёвая,
Раскинуто одѣяло соболиное.
Лежитъ надежда православный царь,
Всей ли же Россіи Петръ Алексѣевичь.
Не золотая трубынька вострубила,
Не серебренна сиповочка возъиграла,
Что возговоритъ надежда православный царь,
Всей ли же Россіи Петръ Алексѣевичь:
—Охъ вы гой еси, князья со боярами,
—Всѣ старшіе, любезные фельдмаршалы!
—Вы пьёте—вы ѣдите готовое,
—Цвѣтное платье вы но́сите припасёное,—
—Ничего вы не знаете—не вѣдаете:
—Мнѣ же, царю, худо можется,
—Худо можется мнѣ, царю, конецъ идётъ.—
Не красное солнышко восходило,—
Бѣлокаменна палата отворялася,
Благовѣрная царица показалася,
Ложилася царю на бѣлу́ю грудь:
«Охъ ты гой еси, надежда православный царь,
«Всей ли же Россіи Петръ Алексѣевичь!
«Кому же ты Россіюшку приказывашь?»
—Сан-Петербургъ приказанъ фельдмаршалу,
—Каменная Москва приказана тебѣ, царица православная,
—Царевичу приказана вся имперія.—

(Отъ В. И. Даля).

* *

Смерть государя.

1.

(Губ. Саратовской).

Померъ, померъ нашъ батюшка, православный царь,
Померъ онъ, преставился.
На кого ты, батюшка, обузушки покинулъ:
Какъ и первую обузушку—мать Россеюшку,
Какъ другую-то обузушку—молодыхъ солдатъ,
Какъ и третью-то обузушку—бѣлокаменны палаты?
Какъ и эти палаты стоятъ растворёны,
Въ этихъ палатахъ золота гробница,
У этой гробницы стоятъ попы-патріархи [1]),
Они служатъ и читаютъ—память отпѣваютъ.

(Запис. А. Н. Пасхаловою; ср. Изв. А. Н.).

*

2.

(Оттуда же).

Какъ у насъ было, братцы, на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
У Ивана у Великаго, у собора у Успенскаго,
Ударили въ большой колоколъ,
Раздается звонъ по матушкѣ по сырой землѣ:
Померъ, померъ у насъ, братцы, Бѣлый царь,
Бѣлый царь, Петръ Первый [2]).
Возговорятъ его слуги вѣрные, генералушки,
Генералушки, чиновны господа:
««Состроимъ мы свому Царю Бѣлому гробницу кипарисову,

[1]) Черта отъ старины.—[2]) Алексѣевичъ?

««Увьёмъ мы ее, гробницу, плисомъ-бархатомъ,
««Унесёмъ мы свого Царя Бѣлаго за Неву рѣку,
««Поставимъ мы его гробницу во сыру землю,
««Засыплемъ ее съ горъ желтымъ пескомъ.»»

(Костомар. и Мордовц., ср. „Лѣтоп. Р. Л. и Др.“).

* *
*

Плачь государыни.

1.

Какъ ударили въ большой колоколъ
Въ Соборѣ да Петропавловскомъ.
Что за правомъ-то за крылосомъ
У гробницы государевой,
5. Государя Петра Перваго,
Тутъ стояла честная вдова,
Честная вдова государыня,
Катерина Алексѣевна;
Со слезами Богу молилась:
10. «Ужь ты встань, встань, благовѣрный царь,
«Благовѣрный царь Петръ Алексѣевичь!
«Посмотри ты на свою армію
«И на конную на всю гвардію:
«Всѣ солдатушки во походъ идутъ,
15. «Барабанщички въ барабаны бьютъ.»

(Запис. П. В. Кир.).

2.

(Съ Урала).

По морю было Чорному,
По тому морю было по Турецкому,
Возлѣ бережку, возлѣ краюшку,
Возлѣ было камы́шенка зелёнаго,
У при́сади было лебединой [1]),
Тутъ бѣлая лебедушка жалко воскликнула,—
Милосердна наша государыня слезно восплакнула,
Припадала она къ матушкѣ ко сырой землѣ:
«Разступися, мать сыра земля,
«Откройся, гробова доска,
«Распахнися, бѣлъ-миткали́нъ саванъ,
«Возстань, нашь батюшка, православный царь,
«Всей Россіюшки самодержецъ, Петръ сынъ Алексѣевичъ!
«Всѣ графы-генералы измѣну сдѣлали,
«Царски знамена врагу приклонились,
«Россійску армеюшку во полонъ взяли.»

(Отъ В. И. Даля).

* *

Плачь войска.

1.

(Губ. Саратовской).

Охъ [2]) ты ягодка самородинка,
Распрекрасное мое деревцо!
Ты когда взошла, когда выросла,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?

[1]) Такъ старается творчество восполнить точное описаніе отдаленной и забытой мѣстности; по сравненію вопившей государыни съ лебедью, создается и пристань, куда присаживаются лебеди.—[2]) *Разнорѣч.* Костомар. в Мордовц. „Ахъ.“

—Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
—Я зарей цвѣла, солнцемъ вызрѣла.—
Охъ ты ягодка самородинка,
Распрекрасное мое деревцо!
Ты почто рано позало́мана,
Во пучечки перевязана,
По дико́й степѣ [1]) поразбросана,
До того ли села Шереметева [2]),
До того ли дворца государева,
До того ли крыльца воскрашо́наго [3])?

У того ли дворца [4]) государева,
У крыльца было [4]) воскрашо́наго,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ.
Признобилъ онъ рѣзвы ноженьки по самы сапоженьки [5]),
Бѣлы рученьки по самыя ко́стыньки [6]).
Стоючи-то онъ призадумался,
Призадумавшись слезно плакать сталъ.
И онъ плачетъ—что рѣка льется,
Ужь и слёзы льютъ [7])—что ручьи [8]) текутъ,
Воздыхаетъ онъ—словно лѣсъ шумитъ,
Возрыдаетъ онъ—ровно громъ гремитъ.
Возрыдаючи онъ возго́ворилъ [9]):
«Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные [10]),
«Разнесите съ небесъ снѣжки [11]) бѣлые,
«Растолкните, вѣтры, бѣлъ-горючь камень,
«Расшатайте-ка мать сырў землю
«Вы на всѣ на четыре стороны [12]),
«Расколите, вѣтры, гробову доску,

[1]) *Разнорѣч.* „По дороженькѣ.“—[2]) Связь сего съ эпохою Петра понятна изъ предшествующихъ пѣсенъ.—[3]) Краснаго.—[4]) Кост. и Морд. „У дворца то было;“ „У крыльца было.“—[5]) „Что по самые по сапоженьки.“—[6]) „кистыньки.„—7) Льетъ? —[8]) Кост. и Морд. „ключи.“—[9]) У нихъ же: „Жалобнёхонько слово вымолвилъ.“—[10]) „Вѣтры-вихори.“—[11]) „Съ полей,“ „Съ поля снѣги.“—[12]) „сторонушки.“

«Разверните вы золоту парчу,
«Распахните вы бѣлъ-тонкой саванъ!
«Ужь ты встань-проснись, православный царь [1]),
«Православный царь Петръ Алексѣевичь!
«Подыми ты свою головушку,
«Посмотри на свою силушку:
«Твоя силушка во строю стоитъ,
«Во строю стоитъ—не шелохнется,
«По военному она обучается,
«На войну она отлучается [2]).»

(Запис. А. Н. Пасхаловою, разнор. Кост. и Морд.).

* *

Такое начало со „Смородинкой“ принадлежитъ исключительно плачу по Петрѣ (ради ранней его смерти); прочія, съ „Мѣсяцемъ“, слѣдующія за симъ, начинаются съ Ивана Васильевича и продолжаются позднѣе:

2.

(Губ. Калужской, у. Боровскаго, село Слобода).

Ахъ ты батюшка, свѣтёлъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не по прежнему,
Закрываешься тучей тёмною?

Что у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у крылоса,
У гробницы государевой,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.

[1]) „нашъ батюшка.“—[2]) „Тебя она дожидается,“ или „Подъ Пруцкаго короля нѣтъ подмоги безъ тебя;“ Кост. и Морд. „На войну она снаряжается.“

Стоючи онъ призадумался,
Призадумавшись онъ плакать сталъ,
И онъ плачетъ—что рѣка льется,
Возрыдаетъ—что ручьи текутъ,
Возрыдаючи онъ вымолвилъ:
«Ахъ ты матушка, сыра земля,
«Разступись ты на всѣ стороны,
«Ты раскройся, гробова доска,
«Развернися ты, золота парча,
«И ты встань-проснись, православный царь,
«Посмотри, сударь, на свою гвардію,
«Посмотри на всю армію:
«Что всѣ полки во строю стоятъ,
«И всѣ полковнички при своихъ полкахъ,
«Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
«Всѣ маіорушки на добрыихъ коняхъ,
«Капитаны передъ ротами,
«Офицеры передъ взводами,
«А прапорщики подъ знаменами,—
«Дожидаютъ они полковничка,
«Что полковничка Преображенскаго,
«Капитана бомбардирскаго [1]).»

(Запис. П. В. Кир. отъ 70-ти лѣтней старухи Катерины Андреевны).

3.

(Съ Урала).

Охъ ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ,
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему?

[1]) Т. е. Петра 1-го.

Какъ у насъ было на святой Русѣ,
На святой Русѣ, въ каменно́й Москвѣ,
Во соборѣ Петропавловскимъ,
Какъ у праваго было крылосу,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ.
Онъ и плачетъ—какъ рѣка льётся,
Возрыдаетъ—какъ ключи шумятъ:
«Ты воскройся, гробова доска,
«Распахнися, золота парча,
«Охъ ты встань-проснись, православный царь!
«Твоя силушка во строю стоитъ,
«Твой любимый полкъ въ походъ пошолъ,
«Въ походъ пошолъ—подъ Азовъ горо́дъ.»

Мы стояли подъ Азовомъ ровно три годочка...

(Отъ В. И. Даля).

Не кончено. Начинался переходъ къ разсказу о взятіи Азова, подобно какъ при смерти Ивана о Казани, ср. вып. 6-й.

*

4.

Ахъ ты батюшко, свѣтёлъ мѣсяцъ!
Что́ ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не по прежнему,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей темною?

Что у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
Въ(во) соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у крылоса,
У гробницы государевой,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.

Стоючи онъ призадумался,
Призадумавши(сь) онъ плакать сталъ,
И онъ плачетъ—что рѣка льестя,
Возрыдаетъ—что ручьи текутъ,
Возрыдаючи онъ вымолвилъ:
«Ахъ ты матушка, сыра земля,
«Разступися ты на всѣ стороны [1]),
«Ты раскройся, гробова доска,
«Развернися ты, золота парча,
«И ты встань-проснись, православный царь!
«Посмотри, сударь, на свою гвардiю,
«Посмотри на всю армiю:
«Уже всѣ полки во строю стоятъ,
«Всѣ полковники при своихъ полкахъ,
«Подполковники на своихъ мѣстахъ,
«Всѣ маiоры на добрыхъ коняхъ,
«Капитаны передъ ротами,
«Офицеры передъ взводами,
«А прапорщики подъ знаменами,—
«Дожидаютъ они полковника,
«Что полковника Преображенскаго,
«Капитана бомбандирскаго.»

(Пѣсенники Чулковскiй и Новиковскiй).

*

Этотъ образецъ—самый близкiй къ народному и господствующему; ср. у насъ № 3-й. Но въ тѣхъ же пѣсенникахъ помѣщенъ другой, болѣе подправленный и дополненный рукою книжника (это указано у насъ курсивомъ):

[1]) Этотъ стихъ, съ нѣсколькими предыдущими, очевидно подправленъ, ибо не умѣли прочесть или раздѣлить склада въ рукописи: случай обыкновенный у Чулкова и Новикова, первый самъ признается въ томъ (предисловiе).

5.

Ахъ ты батюшка свѣтёлъ мѣсяцъ!
Что̀ ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не по прежнему,
Что со вечера не до полу́ночи,
Со полуночи не до бѣла̀ свѣту,
Всё ты прячешься за облаки,
Закрываешься [1]) тучей темною?

Что у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у клироса,
У гробницы государевой,
У гробницы Петра Перваго,
Петра Перваго Великаго,
Молодой сержантъ Богу молится.
Самъ онъ плачетъ—какъ рѣка льется,
По кончинѣ вскорѣ государевой,
Государя Петра Перваго [2]);
Въ возрыданьѣ [3]) слово вымолвилъ:
Разступись ты, мать сыра земля,
Что на всѣ четыре [4]) стороны,
Ты раскройся, гробова доска,
Развернись, золота парча,
И ты встань-*пробудись, государь,*
Пробудись, батюшка православный царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе:

[1]) *У Сахарова* „для разнообразія:" „Укрываешься."—[2]) Сахаровъ не умѣлъ отличить даже и этой поправки: такъ у него и напечатано.—[3]) У Чулкова „Въ возрыданье:" такъ оставилъ и Сахаровъ, — вотъ образецъ его свѣдѣній.—[4]) У Сахарова „для разнообразія:" „Что на всѣ ли на четыре."

Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвъ обезсилѣли.

(Пѣс. Чулковскій и Новиковскій).

*

Образецъ, какъ и слѣдовало ожидать, всего болѣе понравился позднѣйшимъ пѣсенникамъ и Сахарову. Передѣлки И. И. Дмитріева шагнули еще далѣе:

6.

Ахъ ты батюшка, свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не со вечера до полночи,
Не съ полночи до бѣла свѣта?
Все ты прячешься за облаки
И мелькаешь изъ за темныхъ тучь.

Во соборѣ Петропавловскомъ,
На рукѣ правой у крылоса,
У гробницы государевой,
У гробницы Петра Перваго,
Воздыхаетъ молодой сержантъ
И слезами обливается
По кончинѣ государевой,
И рыдаючи возговорилъ:
«Разступися, мать сыра земля,
«Ты раскройся, гробова доска,
«Развернися, золота парча,
«Пробудися, встань, нашъ батюшка,
«Православный царь, Великій Петръ!
«Взглянь на войско свое милое,
«На усердное и храброе:
«Безъ тебя мы осиротѣли,
«Осиротѣвъ сокрушаемся.»

(Пѣсенникъ И. И. Дмитріева).

* *

Возвращаемся къ народнымъ:

7.

(Губ. Саратовской).

Ахъ ты батюшка, свѣтёлъ мѣсяцъ!
Что̀ ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Не во всю землю свято-Русскую,
Что со вечера не до по̀лночи,
Со полу̀ночи не до бѣла свѣта,
Все ты прячешься за облаки,
Закрываешься тучей тёмною?

Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ Петербургѣ въ славномъ городѣ,
У дворца было государева,
У крыльца было воскра̀шенаго,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ.
Стоючи-то онъ призадумался,
Призадумавшись слезно плакать сталъ,
И онъ плачетъ—какъ рѣка льется [1]),
Возрыдаетъ—ровно громъ гремитъ,
Въ возрыданьи онъ слово вымолвилъ [2]):
«Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные,
«Разнесите вы снѣги [3]) бѣлые,
«Разступись ты, мать сыра земля,
«Развались [4]) ты, бѣлъ-горючь камень,
«Расколись ты, гробова доска,
«Развернись ты, золота парча,
«Распахнись ты, бѣлъ-тонко̀й саванъ,
«Ужъ ты встань-проснись, православный царь,

[1]) Кост. и Морд. прибавлены краски, какъ въ образцахъ выше.—[2]) „Возрыдаючи онъ возговорилъ,“ ср. выше.—[3]) „снѣжки.“—[4]) Прибавлено вездѣ, для склада, *ка*.

«Православный царь Петръ Алексѣевичь!
«Посмотри, сударь, на свою гвардію,
«Посмотри на всю армеюшку,—
«Хорошо твоя армеюшка обряжена:
«Всѣ полковнички во своихъ полкахъ,
«Подполковнички на своихъ мѣстахъ,
«Всѣ маіоры на добрыхъ коняхъ,
«Капитаны передъ ротами,
«Офицеры передъ взводами,
«А прапорщики подъ знамёнами,—
«Дожидаютъ они полковничка,
«Что полковничка Преображенскаго,
«Капитана бомбандирскаго.»

(Запис. А. Н. Пасхаловою, ср. Изв. А. Н., потомъ Костомар. и Мордовц.).

* *

Слѣдующіе образцы теряютъ начало, но замѣчательны внутренними народными чертами:

8.

(Губ. Московской).

Какъ у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Въ каменной Москвѣ, въ Кремлѣ въ славномъ городѣ,
У собора было у Успенскаго,
У Ивана было у Великаго,
Молодой солдатъ на часахъ стоитъ,
На часахъ стоитъ, Богу молится,
Богу молится, низко кланяется,
Онъ и плачетъ—что рѣка льется,
Съ возрыданьецомъ—што волна бьется.
Выходилъ-ли самъ Голицынъ князь,
Закричалъ своимъ громкимъ голосомъ:

—Ужь ты ей ли, молодой солдатъ,
—Молодой солдатъ, полковой сержантъ!
—Ты й о чемъ плачешь, о чемъ слёзы льешь?—
«Ну и какъ же мнѣ не плакати,
«Ну и какъ же мнѣ горькихъ слезъ не лить?
«Что померкъ, померкъ нашъ свѣтёлъ мѣсяцъ,
«Потемнѣло солнце красное,
«Потяжѐлѣла служба царская:
«Что не стало въ насъ царя Бѣлаго,
«Царя Бѣлаго, Петра Перваго!
«Подымайтеся вы, буйны вѣтры,
«Разсыпьтесь же вы, желты пески,
«Ты откройся, гробова доска,
«Развернися, золота парча,
«Ты востань-проснись, ты нашь батюшка,
«Ты нашь батюшка, православный царь,
«Погляди-ка ты на всю армію,
«На всю армію, свою гвардію:
«Какъ и всѣ полки во строю стоятъ.»

(Запис. П. В. Кир.).

*

9.

(Тульск. губ. и Тульск. уѣзда).

Какъ у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,
Въ Петропавловской славной крѣпости,
Засажоны были добры молодцы,
Всё солдатушки, всё гвардейщички.
За единое они думу думали:
««Что не стало-то нашего батюшки,
««Нашего батюшки, царя Бѣлаго,

««Царя Бѣлаго, Петра Перваго!
««Безъ него все царство помутилося.»»

У Ивана было у Великаго,
У собора было у Успенскаго,
Какъ ударили въ большой ко́локолъ,
Чтобы слышно было по всей Москвѣ,
По всей Москвѣ, по всей арміи,
По всей арміи, по всей гвардіи;
Какъ и взгля́нули на большой дворецъ:
Государыня ходитъ въ чорномъ платьицѣ.

(Запис. П. В. Кир. отъ солдата, въ Новгородѣ, 11 Сент. 1834 г.).

*

10.

(Губ. Моск., у. Звенигор., Воронки).

У насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменно́й Москвѣ,
У Ивана было у Великаго,
Стоялъ тутъ кипарисный гробъ,
Во гробу лежитъ православный царь,
Православный царь Петръ Алексѣевичъ.
Онъ крѣпко спитъ—не про́снется,
Въ головахъ у него стоитъ старо́й сержантъ,
Онъ и плачетъ—что рѣка льется,
Во слезахъ онъ слово вымолвитъ:
«Батюшка нашъ, православный царь,
«Православный царь, Петръ Алексѣевичъ!
«Что́ ты крѣпко спишь—не про́снешься,
«Не про́снешься, не пробу́дишься?
«Вся наша силушка побитая,
«Побитая, пораcте́ряна.»

(Запис. П. В. Кир. 1833 г.).

*

11.

(Тамъ же).

Какъ у насъ было на святой Руси,
Въ славныемъ городѣ было во Москвѣ.
У собора было у Успенскаго,
Молодой солдатъ на часахъ стоялъ,
Во рукахъ ли онъ ружье держалъ,
Богу молится, самъ слезно плачетъ,
Онъ штыкомъ бьетъ объ мать сыру землю:
«Разступись-раздѣлись, мать сыра земля,
«Ты откройся-ка, золота парча!
«Православный Петръ Алексѣевичь,
«Погляди-т-ка ты на свою армію,
«На свою армію, на свою гвардію:
«Наша армія во строю стоитъ,
«Во рукахъ ружья держатъ, сами слезно плачутъ:
—Аль, ребятушки, у васъ прыянту [1]) нѣтъ?—
««Прыянту нѣтъ, сухарей не стаётъ.»»

(Запис. П. В. Кир. 19 Авг. 1833 г.).

* *

12.

Какъ во городѣ во Питерѣ,
Во столицѣ государевой,
Что въ Соборѣ Петропавловскомъ,
У гробницы Петра Перваго,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ,
На часахъ стоя призадумался

[1]) Провіанту.

И въ раздумьи горько плакать сталъ,
Въ горючи́хъ слезахъ слово вымолвилъ:
«Ты ударь *въ набатъ, громкой колоколъ,*
«*Простони кругóмъ,* мать сыра земля,
«Распахнись-ка ты, золотой *покровъ,*
«Ты откройся-ка, гробова доска,
«*Изъ гробницы* встань, *Русской* Бѣлой царь!
«Ты взгляни-ка, царь, *радость гвардіи,*
«Какъ полки твои во строю стоятъ,
«*Опустивъ на грудь свои головы!*
«*Что не царь нами теперь властвуетъ*
«*И не Русской князь отдаетъ приказъ,*
«*А командуетъ, потѣшается,*
«*Злой тиранъ Биронъ изъ Нѣмечины.*
«Встань-проснись, царь, *наше солнышко,*
«*Хоть одно слово* полкамъ вымолви,
«Прикажи весь соръ метлой вымести
«*Изъ престольнаго града Питера,*
«Поведи ты насъ въ Прусски *области,*
«*Мы научимъ ихъ уму-разуму.*»

(Запис. г. Минаевымъ. Мелодраматическія черты, книжныя выраженія и искусственныя патріотическія тенденціи отмѣчены у насъ курсивомъ. До открытія другаго подлинника, больше чѣмъ сомнительно).

* *

Въ слѣдующихъ народныхъ образцахъ потеряно самое имя и потому они примѣняются часто къ позднѣйшимъ государямъ и государынямъ:

13.

(Воронки).

Какъ у насъ было на святой Руси,
Какъ у насъ было въ каменнóй Москвѣ,
У Ивана у Великаго,
Въ большой колоколъ зазвóнили.

Молодой маіоръ пошолъ ко заутрени,
Не дошедши собора Богу молится,
Богу молится, въ землю кланяется:
«Создай, Господи, тучу грозную,
«Тучу грозную, непроно́сную!
«Подымитесь, вѣтры буйные,
«Разнесите съ горъ желты пески,
«Своротите бѣлъ-горючь камень!
«Встань-проснись, православный царь!
«Безъ тебя царство помутилося,
«Всѣ солдатушки разбѣжалися.
«Отъ чего они разбѣжалися?
«Отъ того они разбѣжалися:
«Караулы стали крѣпкіе,
«Перемѣны стали рѣдкія,
«А мундиры зелёные,
«А морозы студёные,
«А сапожки-то на босу́ ножку [1].»

(Запис. П. В. Кир. 23 Іюля 1833 г.).

*

14.

(Съ Урала).

Охъ ты батюшка, свѣтёлъ мѣсяцъ!
Что́ ты свѣтишь не по старому,
Не по старому, не по прежнему,
Всё ты прячешься за о́блака,
Покрываешься темной тучею?

Какъ у насъ было на святой Руси,
На святой Руси, въ каменной Москвѣ,

[1]) А сапожки—на босы ножки.

У собора было у Успенскаго,
У праваго было клироса [1]),
У честной-хвальной у заутрени,
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ,
На часахъ стоитъ, Богу молится,
Онъ и плачетъ—какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ—какъ ключи шумятъ:
«Ты возмой, возмой, туча грозная,
«Ты пролей, пролей, частъ-силёнъ дождикъ,
«Возмочи ты мать сыру землю,
«Разступися, мать сыра земля,
«Ты раскройся, гробова доска,
«Распахнися, золота парча,
«Охъ ты встань-проснись, православный царь!
«Твоя армія во строю стоитъ,
«Твой любимый полкъ во походъ пошелъ,
«Во походъ пошелъ во ину землю.»

(Отъ В. И. Даля).

15.

Ахъ ты батюшка, свѣтёлъ мѣсяцъ!
Что̀ ты свѣтишь не по старому,
Что со вечера не до полу̀ночи,
Со полуночи не до бѣла̀ свѣта?

Во Московскомъ государствѣ,
Во Кремлѣ во славномъ городѣ,
Что во томъ было соборѣ во Успенскомъ,
Что у праваго у крылоса,
Молодой сержантъ Богу молится,
Самъ онъ плачетъ—какъ рѣка льется,
Въ возрыданьѣ слово вымолвилъ:
«Разступись ты, мать сыра земля,
«Ты раскройся, гробова доска,
«Развернися, золота парча,

[1]) Д. б. „крылоса" по народному выговору.

«Пробудись ты, нашь батюшко,
«[Нашь батюшко) православный царь!
«Погляди на свое войско милое,
«Что на милое и на храброе:
«Безъ тебя мы осиро́тѣли,
«*А осиро́тѣвъ* обезсилѣли.»

(Пѣсенникъ Шноровскій, 2-е изд. 1791 г.; ср. такіе же образцы съ именемъ выше).

* * *

Слѣдующій отдѣлъ не принадлежитъ собственно *общей* эпохѣ и дѣятельности Петра 1-го, напротивъ, выгораживая его, обращаетъ быль творческую, согласно были исторической, *къ отдѣльнымъ лицамъ* того времени.

XXVIII.

Въ 7-мъ выпускѣ, при пѣснѣ о томъ, какъ убитъ Разинымъ *Прозоровскій*, кстати мы помѣстили другую, гдѣ убитъ (вообще) „Астраханскій *воевода (губернаторъ)*,“ и третью, также точно сродную, гдѣ убитъ воевода Астраханскій *Репнинъ* (изъ Кирши). Но мы съ намѣреніемъ задержали еще одинъ образецъ. Въ „Микулинскомъ“ рукописномъ сборникѣ пѣсней (отысканъ г. Пекарскимъ, извлеченъ и отчасти объясненъ г. Пыпинымъ „Отеч. Зап.“ 1858, № 1), съ такимъ же началомъ и въ той же самой мѣстности, какъ пѣсни помянутыя, встрѣчается Былевая пѣсня *о князѣ Репнинѣ Борисѣ*. Имя это только вставлено; сама же она относится прямо къ Петровскимъ и идетъ въ настоящій отдѣлъ:

1.

Какъ пониже было города Саратова,
Что повыше было города Царицына [1]),
Протекала-пробѣгала мать Камышенка-рѣка,
Мать Камышенка-рѣка, круты-красны берега,
Круты-красны берега и зеленые луга.
Какъ по той ли по матушкѣ Камышенкѣ-рѣкѣ,

[1]) Такъ слѣдуетъ, и по сравненію съ помянутыми однородными пѣснями; въ сборникѣ „пониже“ и „повыше“ перестановлено.

Вдоль плывутъ тутъ—выплываютъ три есаульные стружки [1]).
Ой на тѣхъ стружкахъ всё ль уда́лы молодцы:
На нихъ смурые кафтаны кумачомъ подложены,
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
Ой зеленъ сафьянъ—сапожки и съ зачосомъ чулки [2]).

Они въ ве́сельцы гребутъ, сами пѣсенки поютъ,
Они хвалятъ-выхваляютъ [православнаго] царя,
Православнаго царя и всея Россіи Петра,
Ой кленутъ они—бранятъ князь-Бориса Репнина:
««Заѣдаетъ воръ-собака наше жалованье,
««Кормовое-годовое, наше денежное,
««Не даетъ намъ воръ-собака вдоль по Волгѣ погулять,
««Вдоль по Волгѣ погулять, «Вз-Дунаю [3])» воспѣвать.»»

* *

1-й отдѣлъ Былевой этой пѣсни относится къ убитому Астраханскому Воеводѣ, 2-й называетъ прямо Репнина *Бориса*. Князь Борисъ, въ 1627 г. стольникъ, въ 1640 бояринъ, былъ Воеводою въ Астрахани. Въ 1643 г. велѣно ему съ товарищемъ высылать высылки изъ Астрахани на Яикъ противу воровскихъ Донскихъ козаковъ, которые ходили съ Дону на Яикъ и обратно, на море (Каспійское) и на Волгу, именно велѣно отправлять ратныхъ людей и „промышлять надъ ними всякими мѣрами.“ Вотъ чѣмъ князь навлекъ себѣ смерть (1670?), пѣсня же о немъ связалась съ Разинскими (а старше даже съ Карамышевымъ) и, какъ выраженіе общаго неудовольствія, съ пѣснями о Меншиковѣ. Такимъ образомъ 2-я половина предлежащаго образца только *вставляетъ имя* памятнаго Бориса Репнина, а наоборотъ пѣсня изъ Кирши объ убитомъ Астраханскомъ Воеводѣ именуетъ его *княземъ Данилою Александровичемъ*, то есть, явно, именемъ Меншикова, *Александромъ Данилычемъ*.

Какъ первая половина пѣсни утвердилась преимущественно на были XVII вѣка и составляетъ началомъ своимъ отличительный признакъ тогдашняго творчества, такъ на оборотъ строй второй половины закрѣпленъ (фиксировался) въ вѣкѣ XVIII-мъ, именно на лицахъ князей Меншикова и Гагарина, подпавшихъ одинакому, соединенному творческому воззрѣнію, образу и выраженію:

*

[1]) Д. б. „стружка.“—[2]) Это начало одинаково съ пѣснями объ убитомъ Астраханскомъ воеводѣ, а еще старше, о Карамышевѣ (вып. 7). Но за симъ уже начинается то, что̀ собственно принадлежитъ Петровской эпохѣ.—[3]) По складу (бо-

Князь Меншиковъ.

2.

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекала-пролегала мать Камышенка рѣка,
Какъ съ собой [1]) она вела круты-красны берега,
Круты-красны берега и зеленые луга;
Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку.
Что по той ли быстринѣ [2]), по Камышенкѣ рѣкѣ,
Какъ плывутъ тутъ—выплываютъ два снарядные [3]) стружка.
Хорошо были стружечки изукрашены,
Они копьями, знамёны [2]) будто лѣсомъ поросли:
На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы, все Донскіе козаки,
Да еще же Гребенскіе, Запорожскіе,
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны, кумачомъ подложенъ',
Астрахански кушаки полу-шолковые,
Пестрединныя рубашки съ золотымъ галуномъ,

лѣе позднему) здѣсь слѣдуетъ „Вздунинаю."—Выраженіе это, часто встрѣчающееся въ пѣсняхъ „по рѣкамъ" и „по морю," въ первобытной формѣ звучитъ „Возъ-Дунаю," т. е. вверхъ по Дунаю и имѣетъ при себѣ другую—„Вдоль Дунаю." Въ разныхъ отдѣльныхъ образцахъ форма эта, кстати и некстати, вставляется выраженіемъ: „Возъ-Дунаю" или „Вдоль Дунаю погуляю." Конечно это начало той, древнѣйшей, пѣсни, которую пѣли Русскіе, даже не отдѣлявшіеся еще рѣзко отъ прочихъ Славянъ, *плавая по Дунаю*, во время своей *При-Дунайской жизни*. Послѣ уцѣлѣла одна лишь формула, начало пѣсни, имя ея: плавая по рѣкамъ и морямъ, наши непремѣнно поютъ „Вздунаю, Воздунаю, Вздунинаю, Вздунинай-най" и считаютъ эту пѣсню, судя по словамъ самихъ пѣсней, гдѣ вставлено такое выраженіе, непремѣннымъ спутникомъ плаванія, пѣснею лучшею, главною, признакомъ воли, раздолья, разгула, такъ что запретить, помѣшать ей,—значитъ лишить всякой свободы.

[1]) У Трутовскаго: „За собой."—[2]) У Прача: „быстринкой (быстренькой)."—Знаменами, творит.—[3]) Трут. „снаряжоные."

Что зелёнъ сафьянъ сапожки, кривые каблуки [1]),
И съ зачосами чулочки [2]), да все [3]) гарусные.

Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ,
Они хвалятъ-величаютъ [4]) православнаго царя,
Православнаго царя, императора Петра,
А бранятъ они—клянутъ князя Менщикова [5]),
Что съ женою, и съ дѣтьми, и со внучатами:
««Заѣдаетъ воръ-собака наше жалованье,
««Кормовое, годовое, наше денежное,
««Да еще же не пущаетъ насъ по Волгѣ погулять,
««Внизъ по Волгѣ погулять,—«съ-Дунинаю» воспѣвать.»»

(Пѣсенники Чулковскій, Новиковскій, Трутовскаго, Прача и позднѣе; потомъ съ поправкою у Курганова, Сахарова и другихъ „деликатныхъ").

* *

Но, если пѣсня о Меншиковѣ заняла свое начало отъ Репнинской, Прозоровскаго, Астраханскихъ воеводъ и вообще пѣсней Разинскихъ, то о Гагаринѣ творчество почерпнуло себѣ запѣвъ изъ старшихъ Былинъ о Карамышевѣ (ср. вып. 7-й):

Князь Гагаринъ.

1.

(Губ. Московской, с. Ильинское).

Какъ по рѣчкѣ по рѣкѣ, тутъ пятьсотъ стружковъ плывутъ,
А на всякіемъ стружечкѣ по пятисотъ человѣкъ,
Они ѣдутъ—въ вёслы бьютъ, сами пѣсенки поютъ,
Разговоры говорятъ, князь-Гагарина бранятъ:

1) Трут. „Что сафьянные сапожки и кривые каблучки."—2) У Сахарова для разнообразія: „чулки."—3) Въ другихъ „всѣ."—4) Трут. „выхваляютъ." 5) И. И. Дмитріевъ вовсе выбросилъ эту пѣсню; Кургановъ въ письмовникѣ вмѣсто „князя Меншикова" поставилъ (вопреки складу) „злаго боярина;" Сахаровъ, по извѣстному намъ обычаю, сочинилъ „воеводу," другіе послѣдовали тому же или кончили пѣсню стихомъ предыдущимъ.

««Заѣдаетъ князь Гагаринъ наше жалованье,
««Небольшое, трудовое, малоденежное,
««Со всякого человѣка по пятнадцати рублей.
««Онъ на эти-то на денежки поставилъ себѣ домъ,
««Онъ поставилъ себѣ домъ на Неглинной, на Тверской,
««На Неглинной, на Тверской, за мучны́мъ большимъ рядо́мъ,
««За мучны́мъ большимъ рядо́мъ, потолочекъ хрустально́й,
««А парадное крылечко бѣлокаменное,
««Бѣлокаменное, стѣны мраморныя,
««Стѣны мраморныя, по́ла-тъ [1]) лакомъ наведёнъ,
««Какъ на этомъ-то поло́чкѣ Москварѣцкая вода,
««Москварѣцкая вода, по фонтану ведена,
««По фонтану ведена, жива́ рыба пущена́,
««Жива рыба пущена, кроватушка смощена [2]).
««Какъ на этой на кровати самъ Гагаринъ князь лежитъ,
««Самъ Гагаринъ князь лежитъ, таки рѣчи говоритъ:
««—Ужь и дай Боже пожить, во Сибири послужить,
««—Не таки́ бы я палатушки состроилъ бы себѣ,—
««—Я не лучше бы не хуже государева дворца,
««—Только тѣмъ развѣ похуже,—золотаго орла нѣтъ.—
««Ужь за эту похвальбу государь его казнилъ.»»

(Запис. П. В. Кир. 14 Авг. 1832 г.—Пѣсня „протяжная“ или „тягольная“).

*

2.

(Съ Урала).

Какъ и по́ морю-мо́рю си́нему,
По синю́ морю по Верейскому [3]),
Туто плыли-выплывали
Ровно тридцать кораблей.

[1]) Т. е. „Полъ-тъ,“ съ зараждавшимся членомъ *тъ*.—[2]) Объ этихъ подробностяхъ см. „Замѣтку.“—[3]) См. выше и „Замѣтку.“

Какъ на всякомъ на кораблик̀ѣ
По пяти сотъ молодцовъ.
Они ѣдутъ и плывутъ,—
Сами пѣсенки поютъ,
Про того ли вора-князя про Гагаринова:
««Заѣдаетъ воръ-собака наше жалованье,
««Потовóе, трудовóе, наше денежное [1]).
««—Ахъ велѣлъ бы мнѣ Богъ
««—Въ Царѣ-градѣ побывать [2]),—
««—Я бы выстроилъ палатушки не этакія,
««—Я не хуже бы ни лучше государева дворца,
««—Только тѣмъ бы я похуже,—нѣтъ злачёнаго орла,
««—А полы-то, потолки—всё хрустальнаго стекла,
««—Москварѣцкая вода по фонтану взведена,
««—По фонтану взведена, бѣла рыба пущена.—
««Бѣла рыбица играетъ,—князь Гагариновъ вздыхаетъ.»»

(Отъ В. И. Даля).

*

3.

Какъ по матушкѣ Москвѣ
Да пять сотъ стружковъ плылò,
Что на каждомъ на стружкѣ
По пяти́ сотъ человѣкъ,
Они ѣдутъ и гребутъ,
Сами пѣсенки поютъ,
Они пѣсенки поютъ,
Разговоры говорятъ,
Что про Гришку про Гришутку
Про Гагарина съ дѣтьми:

[1]) За симъ слова Гагарина.—[2]) Рисуя плывущее судно, пѣсня возвращается къ рѣчамъ Ильи Муромца на Соколѣ кораблѣ.

««Заѣдаетъ воръ Гагаринъ
««Наше жалованье,
««Долгово́е, трудово́е,
««Малоде́нежное,
««Что на всякого человѣка
««По пятнадцати рублей.
««А на эти, воръ, на деньги
««Онъ заводы заводилъ,
««Палатушки становилъ,
««За большимъ мучнымъ рядо́мъ
««Онъ построилъ себѣ домъ,
««Что на улицу окошечки,
««Хрустальный потолокъ,
««Москварѣцкая вода
««По фонтанамъ взведена,
««Жива́ рыба пущена́,
««Кровать но́ва смощена.
««Какъ на той ли на кроваткѣ
««Самъ Гагаринъ князь лежитъ,
««Онъ лежитъ, лежитъ, лежитъ,
««На живу́ рыбу глядитъ,
««Таки рѣчи говоритъ:
««—Кабы Богъ мнѣ далъ пожить,
««—Во Сибири послужить,—
««—Я построилъ бы палатушки
««—Не этакія,
««—Право лучше, право чище
««—Государева дворца,
««—Развѣ тѣмъ только похуже,—
««—Золотаго нѣтъ герба.—»»

(Запис. Дм. А. Валуевымъ).

*

4.

(Губ. Орловской).

Бѣжитъ рѣчка по песку
Изъ Казани во Москву,
Какъ по этой по рѣчонкѣ
Выплывало полтораста кораблей,
Какъ на всякомъ на корабличкѣ
По пяти́-ста человѣкъ,
Они ѣдутъ и гребутъ,—
Весело́ пѣсни поютъ,
Други́ рѣчи говорятъ,
Всё Гагарина бранятъ:
««Охъ Гагаринъ ты, Гагаринъ,
««Расканалья господинъ!
««Заѣдаешь-пропиваешь
««Наше жалованье.
««Онъ на эти же на денежки,
««Графъ [1], палаты себѣ склалъ,
««Изъ чистаго стекóлушка—
««Изъ хрусталя потолки́.
««По самому по конёчку [2])
««Быстра рѣченька бѣжитъ,
««Не сама она взошла,—
««Фонтанами взведена;
««У этой же у рѣченьки
««Кровать нóва смощена́;
««Какъ на этой на кровати
««Перинушка пухова́;
««Какъ на этой на перинушкѣ
««Подушечки парчевы;
««На этихъ подушечкахъ

[1]) Это уже примѣненіе къ лицу позднѣйшему, которое встрѣтимъ послѣ.—
[2]) По верху; по матицѣ потолочной.

««Одѣялицо новенькое лежитъ;
««Какъ подъ этимъ одѣяломъ,
««Князь Гагаринъ тутъ лежитъ,
««Бѣлу рыбицу глядитъ.»»

(Запис. П. М. Перевлѣсскимъ).

*

Безъ образцовъ предыдущихъ мы не поняли бы слѣдующаго, гдѣ очень рано скрыто имя князя:

5.

Ужь какъ въ низъ было по матушкѣ по Волгѣ рѣкѣ,
Какъ плывутъ тутъ—выплываютъ три снарядные стружка,
Ужь на тѣхъ ли на стружкахъ удалые молодцы,
Удалые молодцы, все Донскіе козаки:
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
На нихъ штаники кумашны въ [1]) три строчки строчены,
Александрійски [2]) рубашки съ золотымъ галуномъ,
На нихъ бѣленьки чулочки, сафьянны сапожки.
Они сѣли да гребнули, сами пѣсенки запѣли,
Что про князя, и съ дѣтьми, и со внучатами:
««Заѣдаетъ [3]) воръ-собака наше жалованье,
««Кормовое, годовое, третье денежное;
««Ужь на тѣ ли онъ на денежки палаты становитъ [4]),
««За мучнымъ большимъ рядами [5]), за Неглинною рѣкой,
««Что не хуже и не лучше государева дворца,
««Только тѣмъ они похуже, что верхи не золочены.
««Похвалялся этотъ князь во Казанѣ побывать,
««Во Казанѣ побывать,—верхи вызолотить.
««Ужь какъ тамъ, братцы, князёкъ и головку положилъ,
««Онъ головку положилъ, его громъ тамо [6]) убилъ.»»

(Пѣсен. Чулковскій, Новиковскій, за ними Сахаровъ и друг.).

* * *
* *

Конецъ пѣсней 8-го выпуска.

[1]) Во?—[2]) Д. б. „Лександрійскія.“—[3]) *Сахар.* прибавилъ „онъ.“—[4]) становилъ?—[5]) Д. б. „рядомъ.“—[6]) *Сахар.* „тамъ.“—Объ этой чертѣ см. „Замѣтку.“

ДОПОЛНЕНІЯ

КЪ ПРЕЖНИМЪ ВЫПУСКАМЪ

И

ПРИЛОЖЕНІЯ

КЪ VIII ВЫПУСКУ ПѢСНЕЙ,

СОБРАННЫХЪ П. В. КИРѢЕВСКИМЪ.

I.

Часть I.

Выпускъ 1.

Илья Муромецъ
на Соколѣ караблѣ.

1.

Ахъ по́ морю-морю Синему,
Что по Синему по мо́рю по Каспійскому,
Еще плаваетъ-гуляетъ Соко́лъ, братцы, корабль.
И онъ плавалъ и гулялъ ровно тридцать лѣтъ,
Что на якоряхъ Соко́лъ-корабль не стаивалъ,
У крутыхъ-красныхъ береговъ отнюдь не бывалъ,
Церквей и монастырей не видывалъ,
Колокольнаго звона не слыхивалъ.

Хорошо-добрѣ Соко́лъ-корабль украшенъ былъ:
Да что носъ и корма по звѣриному,
Киль его сдѣланъ по змѣиному,
А парусы на немъ какъ орлиное крыло.

Атаманъ былъ на немъ Свѣтогоръ [1]) богатырь;
Подъата́манъ молодецъ Илья Муромецъ:

[1]) Святогоръ.

На немъ шуба была во пятьсотъ рублёвъ,
На немъ шапочка во сотенку,
А пуговки на шубѣ чиста золота.
По кораблику онъ, Муромецъ, похаживаетъ,
И онъ тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ:
Его пуговки разгремѣлися,
Всѣ товарищи подымалися [1]).

Наступали они на Турецкой флотъ,
Агаряне ихъ испужалися,
Во синее море пометалися,
Всю жизнь свою тутъ кончили [2]),
А богатство все оставили
На добычу храбрымъ воинамъ.

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

*

Это передѣлано И. И. Дмитріевымъ такъ:

2.

Ахъ по морю-морю Синему,
Что по Синему морю Каспійскому,
Други, плаваетъ-гуляетъ Соколъ корабль.
Онъ ужь плаваетъ-гуляетъ ровно тридцать лѣтъ,
А на якоряхъ Соколъ корабль не стаивалъ,
У крутыхъ зеленыхъ береговъ не бывывалъ,
Церквей и монастырей не видывалъ,
Колокольнаго звону не слыхивалъ.

Хорошо-добрѣ Соколъ корабль украшенъ былъ:
Выгнутъ носъ его съ кормою по звѣриному,

[1]) За симъ прибавка позднѣйшая. — [2]) А за симъ послѣдніе два стиха — явное сочиненіе книжника XVIII вѣка (вѣроятно первыхъ издателей).

А киль его сдѣланъ по змѣиному,
Вѣялъ парусъ какъ орлиное крыло.

Атаманомъ былъ на немъ Свѣтогоръ [1]) богатырь;
Есауломъ Илья Муромецъ:
На немъ шуба была во пятьсотъ рублёвъ,
На немъ шапочка во сотенку,
А пуговки на шубѣ чиста золота.
По кораблику Муромецъ похаживаетъ,
И онъ тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ:
Его пуговки разгремѣлися,
Всѣ товарищи подымалися.

Наступили они на Турецкой флотъ,
Агаряне ихъ испужалися,
Въ Сине море покидалися,
А богатство все оставили
На добычу добрымъ молодцамъ.

(„Карманный пѣсенникъ" 1796 года; отсюда-то перепечатывали почти всѣ послѣдующіе пѣсенники и тотъ же образецъ приведенъ какъ *варіантъ* въ сборн. гг. Костомар. и Мордовц.).

*

3.

Ужь какъ по́ морю, по мо́рю, морю Синему,
Съ Ду–ни–най, Дунай, морю Синему [2]),
По Сине́му было морю по Хвалынско́му,
Туда [3]) плаваетъ Соко́лъ-корабль по тридцать лѣтъ.
И онъ тридцать лѣтъ на якорѣ не стаивалъ,
Ко крутому бережку не причаливался,
И онъ желтато песочку въ глаза не видалъ.

[1]) Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ пѣсенникахъ „Святогоръ."—[2]) Припѣвъ, съ повторяющимся концомъ стиха, послѣ каждаго; смыслъ его объясненъ выше.—[3]) Тута, туто?

Нападали на Сокóлъ-корабль разбойнички,
Нападали злы Татары со Калмыками,
И хотятъ они Соколъ-корабль разбить-разгромить,
Илью Муромца хотѣли въ полонъ полонить.
А на Муромцѣ кафтанъ—рудожолтый цвѣтъ,
На кафтанѣ были пуговки злачéныя,
А на каждой-то пуговкѣ по лютóму льву.
Илья Муромецъ по кáраблю похаживаетъ,
Своей тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ:
Его пуговки разгорѣлися,
Его лютые львы разревѣлися,—
Ужь какъ злые-то Татары испугалися,
Во Синé море Татары побросалися.

(Записано Н. А. Полевымъ, доставлено намъ кн. Н. А. Церетелевымъ; этотъ же образецъ былъ въ печати и онъ же приведенъ, какъ записанный „въ Саратовской губерніи,“ у гг. Костомар. и Мордовц.).

* *

Важность всего того, чтò касается Ильи Муромца, побудила насъ напечатать эти образцы отчасти въ первый разъ для дополненія, отчасти цѣликомъ для уясненія прежнихъ сносокъ, чтобы указать происхожденіе искаженныхъ разнорѣчій. Ср. у насъ вып. 1, стр. 22—23, 40—41, XXXIV; вып. 4, стр. VII, CII, Указатель стр. 32; вып. 7, стр. 9 въ Приложеніяхъ; тамъ же стр. 146, 147, о Соколѣ и Орлѣ, или о Разинѣ на Соколѣ; вып. 4, стр. XXIII—XXVII, объ Алешѣ Поповичѣ на Соколѣ; Рыбник. ч. I, стр. 318 и далѣе, «Замѣтка» стр. III, о Соловьѣ на Соколѣ; Рыбник. II, стр. 317, 318, XXI—XXIII, о Настасьѣ Микуличнѣ на Соколѣ; наконецъ выше, вып. 8, образы корабля, на которомъ ѣхалъ Петръ I.

Часть II.

Выпуски 5 и 7.

Какъ переходъ отъ князя Михайла къ Роману, «терявшему» жену, а отъ Княжескихъ Былинъ къ Безъимяннымъ Молодецкимъ пѣснямъ, представляется слѣдующій образецъ:

Добрый Молодецъ теряетъ жену.

1.

Какъ спасибо тебѣ, муравленому кувшину,
Помозйбо [1]) тебѣ, хрустальному стакану:
Напоилъ ты меня, мо́лодца, до пьяна,
Ты размыкалъ мою тоску-кручину [2])!

Какъ у дѣтушекъ родна матушка умирала,
Она бѣдныхъ сиротъ покидала [3]).
—Охъ вы гой еси, милыя мои дѣтки!
—Вы не плачьте, не плачьте—не тужите:
—Я срублю-то вамъ горницу новую,
—Со свѣтлымъ со стеклянымъ со окошкомъ,
—Я поставлю вамъ печку муравую [4]),
—Я возьму-то возьму мачиху молодую.—

[1]) Замѣчательная форма, „Помози Богъ," то же, что „Спаси Богъ."—[2]) Это начало принадлежитъ собственно другимъ, весьма распространеннымъ пѣснямъ.—[3]) За симъ слова мужа-отца.—[4]) Муравленую: собственно „травчатую," каковы у насъ, вмѣстѣ съ Греками, въ отдаленной древности были горшки, кувшины, то есть съ разводами и рисунками посредствомъ особаго способа обжиганья; по переходѣ на Сѣверъ это осталось за печными изразцами; когда же искусство въ промыслѣ затерялось, въ глиняныхъ работахъ „муравленый" и „муравой" долго означало—лучшій (горшокъ, кувшинъ), а наконецъ тотъ лучшій, который „съ поливой," обливной.

Какъ отвѣтъ держатъ милыя его дѣтки:
««Ты гори, гори, горница новая,
««Ты умри, умри, мачиха молодая,
««Ты живи, живи, матушка родная!»»

(Запис. А. Хр. Востоковымъ, сообщено намъ кн. Н. А. Церетелевымъ; ср. въ вып. 5-мъ стр. 68—127, въ вып. 7 Прилож. стр. 18—36).

Выпускъ 6.

Грозный царѣ Иванъ Васильевичь и козаки Гребенскіе.

1.

Не сизые орлы клохчутъ,
Не сѣрые гуси возголосятъ,
Они пить и ѣсть хотятъ,—
Гребенскіе наши козаки
Предъ царемъ говорятъ,
Передъ Грознымъ Царемъ
Иваномъ Васильевичемъ:
««Ахъ ты батюшка нашъ, надёжа,
««Православный государь!
««Ты чѣмъ насъ порадуешь,
««Чѣмъ пожалуешь?»»
—Подарю васъ, козаченьки,
—Рѣкою вольною,—
—Что не быстрымъ Терекомъ
—Горыновичемъ,
—Что отъ самаго Гребня
—До Синяго моря,
—Что до Синяго моря
—До Каспійскаго.—

(Рукописный сборникъ, доставленный намъ С. М. Любецкимъ; желательно бы отыскать другой подлинникъ или разнорѣчія: это наши desiderata).

Выпускъ 7.

По извѣстнымъ признакамъ мы отнесли пѣсню «о попѣ Емелѣ» къ Былевымъ пѣснямъ Смутнаго Времени; это подтвердилось слѣдующимъ замѣчательнымъ образцомъ:

Смутное Время. Попъ Емеля.

1.

Ѣхали обозы
Да пятеро са́ней:
Съ Дону, съ Дону, на Дунай [1]!
Во первыихъ са́няхъ
Разбойники сами;
Во вторыихъ саняхъ
Есаулы сами;
Во третьихъ во саняхъ
Атаманы сами;
Во четвертыхъ саняхъ
Да Гришка съ Маринкой.
Во пятыхъ во саняхъ
Одинъ попъ Емелько,
Крестомъ благословляетъ [2]),
А самъ воскли́цаетъ:
«Ступайте вы, дѣти,
«Во чужія клѣти!
«Если Богъ поможетъ,
«Попа не забудьте,
«Если чортъ обрушитъ,
«Попа не клепли́те.»

(Оттуда же.—Ср. вып. 7, стр. 19—21, 119—121).

* * *

[1]) Измѣнено изъ помянутаго „Съ Ду-ни-пай, Дунай,“ а старше „вз-Дунай“ или „возъ Дунай.“—Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.—[2]) Д. б. „благославляетъ.“

Вотъ еще къ стр. 127—133 выпуска 7-го образецъ пѣсни, какъ

Убитъ Карамышевъ.

1.

Ужь какъ внизъ-то было по матушкѣ Камышь-рѣкѣ,
Сопротивъ того было устьца Самары рѣкѣ [1]),
Что плыветъ тутъ—выплываетъ легкая лодочка.
Что во лодочкѣ сидитъ съ Москвы посланникъ царевъ,
Коромышевъ князь Семенъ да сынъ Констянтиновичъ.
Онъ во правой [2]) рукѣ держитъ государевъ указъ,
Онъ во правой рукѣ держитъ саблю вострую.

Что по крутому по красну по бережку,
Что по желтому сыпучему песочку,
Собирались козаки, братцы, во единой кругъ,
Они думали думу крѣпкую за единую,
И палили они въ лоточку во легкую,
Потопили-подмочили государевъ указъ.

(Сборникъ „Микулинскій,“ отысканный г. Пекарскимъ, въ статьѣ г. Пыпина „Отеч. Зап.“ 1858, № 1).

* * *

Съ этимъ же убійствомъ связаны Былины, какъ выше помянуто, о Репнинѣ, потомъ объ Астраханскихъ воеводахъ со временъ Разина до Петровскаго Гагарина и Казанскаго Голицына (ср. вып. 7, стр. 148—152, и выше вып. 8). Подлинникъ, раньше другихъ явившійся въ нашей печати, таковъ:

[1]) Согласно со стихомъ предъидущимъ.—[2]) Д. б. „во лѣвой.“

Убитъ Астраханскій Воевода.

1.

Что повыше было города Царицына,
Что пониже было города Саратова,
Протекала-пролегала мать Камышенка рѣка:
За собой она вела круты-красны берега,
Круты-красны берега и зелёные луга;
Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку.

Что по той ли было матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
Какъ плывутъ тутъ—выплываютъ есаульные стружки,
На стружкахъ сидятъ гребцы—всё бурла́ки молодцы̀,
Все бурлаки молодцы, все За-волгски [1]) удальцы.
Хорошо, братцы, моло́дцы переря́жены сидятъ:
На нихъ шапочки собольи, верьхи бархатные,
Однорядочны кафтаны, всѣ камкой подложены̀,
Канаватные [2]) бешметы въ одну нитку строчены̀,
Всё тафтя́ныя рубашки, галуномъ обложены̀,
На нихъ шта́ники суконны по стари́нну кроены̀,
Что желто́й сафьянъ сапожки всѣ (и)—шпи́льцомъ каблучки [3]);
Они вёслами гребутъ—сами пѣсенки поютъ.

Становилися стружечки среди Волги къ островку̀:
Они ждали-поджидали губернатора къ себѣ,
Губернатора къ себѣ, Астраханскаго еще [4]).
Ахъ что взго́ворятъ моло́дцы (и) бурла́ки удальцы:
««Еще что̀ то на водѣ у насъ бѣлѣется?»»
Забѣлѣлися тутъ флаги губернаторскіе:
Кого ждали-поджидали, того лядъ [5]) и несетъ.

[1]) Заволжскіе: выговаривается „Заволскіе."—[2]) См. объясненіе въ вып. 7.—
[3]) Вострые, заострёные, отточеные: этотъ каблукъ идетъ у насъ еще съ богатыря Чурилы.—[4]) Стихъ не хорошъ отъ того, что выпало историческое имя.—
[5]) См. вып. 7.

Астраханской губернаторъ догадается [1]):
—Ахъ вы гой еси, бурла́ки, люди вольные!
—Вы берите золотой казны, что [2]) надобно,
—Вы берите цвѣтно̀ платье губернаторское,
—Вы берите всѣ диковинки заморскія,
—Вы берите ли вещицы Астраханскія!—
Ахъ что взго́ворятъ моло́дцы, люди вольные:
««Намъ не до́рога твоя ли золота̀ казна,
««Намъ не до́рого цвѣтно платье губернаторское,
««Намъ не до́роги диковинки заморскія,
««Намъ не дороги вещицы Астраханскія,—
««Дорога̀ намъ буйная твоя головушка!»»

Какъ срубили съ губернатора [3]) бу́йну го́лову,
Они бросили головку въ Волгу матушку рѣку
И что [4]) сами молодцы̀ насмѣялися ему:
««Ты добрѣ ли [5]), губернаторъ [6]), къ намъ строгой былъ,
««Ахъ ты билъ ли насъ—губилъ, много въ ссылку посылалъ,
««Ахъ ты жонъ нашихъ—дѣтей на воро́тахъ разстрѣлялъ!»»

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій, потомъ при Жизни В. Кашна въ числѣ его пѣсней и далѣе у другихъ; подлинникъ цѣльнѣе, чѣмъ приведенный у насъ въ 7-мъ выпускѣ изъ Кашина).

* *

Первоначальныя невзгоды Разина со стороны Астраханскихъ воеводъ, затруднительныя стоянки и даже зимовки на островахъ, возбудившія рѣшимость проникнуть въ Астрахань и овладѣть ею, указаны нами по нѣсколькимъ Былевымъ пѣснямъ въ 7-мъ выпускѣ, стр. 140—143 и выше 32, 33; сюда примыкаютъ еще двѣ слѣдующихъ, изъ которыхъ вторая замѣчательна кромѣ того дословнымъ сходствомъ выраженій съ отрывками у Кирши Данилова:

[1]) Догадался и сказалъ.—[2]) Сколько.—[3]) Самый складъ стиха требуетъ старшаго—„съ воеводы."—[4]) Ишто, ещё.—[5]) Ты ужь больно, черезъ чуръ.—[6]) Слышится старшее—„воеводушка."

Стоянка Разина.

1.

Что пропились робятушки, промоталися,
Во косточки и въ карты проигралися:
На что-то мы, робята, понадѣялись?
Понадѣялись робятушки на Синё море,
Что на Си́нее на мо́ре на Хвалынское!

Соберёмтесь же, робята, во единый кругъ,
И мы срядимте, робята, легку лодочку,
Еще лёгкую ли лодочку—семиса́женну,
Какъ мы грянемте [1]), робята, вдоль Синя́ моря,
Вдоль Синя моря вдоль Хвалынскаго,
Мы пристанемте, робята, къ круту бережку,
Какъ взойдёмте жь [2]) мы, братцы, на круту́ гору,
Поглядимте мы, робята, на Синё море:
Каково-то наше море становилося?
Что ни чѣмъ наше Хвалынское не воро́хнется:
Замерзало наше су́дно въ воровскихъ островахъ.

Потянула тутъ погода со святой Руси,
Какъ взломало [3]) наше море изъ конца въ конецъ,
Выплываетъ наше су́дно изъ [4]) воровскихъ островов.

И мы взяли это судно да поѣхали,
Что разъѣхавшись робята роззаво́дились [5]).

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

*

[1]) Выраженіе объяснено выше.—[2]) Должно быть „же."—[3]) Безлично. — [4]) Д. б. „зъ, съ."—[5]) Раззавелись, снова завелись и обзавелись добычей.

2.

Какъ изъ славнаго царства [1]) Астраханскаго,
Что не грозная тутъ [2]) туча подымалася:
Подымалась-снаряжалась [3]) грозна высылка,
Что разъѣздъ она держитъ до Кругла острова [4]),
До славнаго пристанища молодецкаго,
До соборища бурлацкаго, до притону ли козацкаго.

Козаки тамъ сидя [5]) догадалися,
Что во легкія во лодки пометалися [6]),
Одного ли добра мо́лодца покинули,
Что не лучшаго ль изъ мо́лодцевъ яса́ула [7]).

Добрый мо́лодецъ по острову похаживаетъ,
И онъ добрую свою фузею [8]) за плечамъ [9]) носитъ,
И онъ острою своею саблей подпирается [10]),
Самъ горю́чими слезами обливается [11]).
Онъ вскричалъ ли—возопилъ ли громкимъ голосомъ [12]):
«Государи мои, братцы [13]) товарищи!
«Не покиньте добраго мо́лодца при бѣдности [14]):
«Ужь какъ въ нѣкоторо время пригожусь, братцы, вамъ [15]),

[1]) Въ изданіи Жизни В. Каина 1793 разнорѣчія: „изъ царства."—[2]) „тутъ" опущено.—[3]) „собиралась."—

[4]) „Что ко славному ко Круглому ко острову." Слѣдующихъ двухъ стиховъ нѣтъ.—[5]) „Молодцы на островѣ."—

[6]) Что въ косныя легки лодочки металися.—

[7]) Одного тутъ покидали добра мо́лодца,
Что ни лучшаго войско́го есаулушку.—

[8]) См. выше.—[9]) Народная форма.—

[10]) Какъ пошолъ тотъ добрый молодецъ по острову,
За плечомъ несетъ ружье онъ Турецкое
И онъ вострой саблей подпирается.—

[11]) „заливается."

[12]) Что возго́воритъ удалый-добрый молодецъ.—

[13]) „братцы вы."—[14]) При бѣдѣ; въ разнорѣчіи:
Не покиньте добра молодца на островѣ.

[15]) Что какъ въ нѣкое время пригожусь я вамъ.

«Замѣню я вашу смерть животомъ моимъ [1]),
«Животомъ моимъ и грудью бѣлою!»

Какъ товарищи отъ мо́лодца уѣхали:
Поима́ли [2]) молодца на островѣ.

(Пѣсен. Чулковскій и Новиковскій; впрочемъ, кромѣ Кирши, повторяются тѣ же выраженія, какъ увидимъ, послѣ и при Краснощоковѣ).

* *

Также точно пополняется новымъ образцомъ Былевая пѣсня выпуска 7-го, стр. 34—40, 144—146:

Сынъ Разина. Попытки проникнуть въ Астрахань.

1.

Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани,
Проявился тутъ дѣтинушка—незна́мой человѣкъ:
Гордо-щепетко [3]) по городу погуливаетъ,
Чорну шляпу съ позументомъ на право̀мъ ухѣ надѣлъ,
Чорный бархатный кафтанчикъ на распашечку несётъ,
А шелко́вый кушачокъ по землицѣ волочётъ.

Какъ увидѣлъ Воевода изъ косящета окна,
Закричалъ онъ—завопилъ зычнымъ голосомъ своимъ:
«Гой вы слуги-молодцы, вы ребятушки мои,
«Вы возьмите—приведите удало́го молодца̀!»

[1]) „своимъ.“—[2]) Поймали.—Въ пѣсняхъ Каина кончается стихами:

А не животомъ своимъ—грудью бѣлою,
А не грудью-то бѣлою—буйной головушкой.

У Кирши Данилова:

У похмѣльнаго добраго мо́лодца буйна голова (по скла́ду: „у похмѣльна добра молодца головка“) болитъ.
А вы милы мои братцы, товарищи-друзья!
Вы купите винца, опохмѣльте молодца,
Хотя горько да жидко, давай еще,—
Замѣните мою смерть животомъ своимъ:
Еще нѣ въ кое время пригожусь я вамъ всѣмъ.

[3]) См. 7-й выпускъ.

Какъ ведутъ-то молодца́—крыльцо зыба́ется [1],
А муравлены балясы [2]) разсыпаются.
И ужь началъ Воевода его спрашивати:
«Ты скажи, скажи, дѣтинушко, уда́лый молоде́цъ,—
«Изъ Казани ты, молодчикъ, или съ Астрахани,
«Иль большо́го городочка—каменно́й-славной Москвы?»
—Не съ Казани я молодчикъ и не съ Астрахани,
—Не съ большого городочка—каменной-славной Москвы:
—Я со Камы со рѣки—Стеньки Разина сынъ!—

Закричалъ тутъ Воевода зычнымъ голосомъ своимъ:
«Поведите молодца́ въ бѣлокаменну тюрьму!»
—Береги ты, Воевода, буйну голову свою:
—Ужь какъ завтра къ тебѣ батюшка мой по́дъ городъ придетъ,
—Ужь какъ завтра къ тебѣ будетъ онъ стрѣлы стрѣлять,
—На стрѣлахъ-то къ тебѣ будетъ онъ письмы писать [3]).—

(Записано Н. А. Полевымъ, доставлено намъ кн. Н. А. Церетелевымъ).

* *

Не скрывая ни въ какомъ случаѣ, напротивъ постоянно оговариваясь, что всѣ такого рода Былины, если только онѣ прямо *не называютъ* Разина и яркихъ признаковъ его времени, относятся весьма часто къ обширной области Козачества съ Ермака до Краснощокова и отчасти даже до Пугачева, мы считаемъ не лишнимъ прибавить къ 148—154 страницамъ 7-го выпуска, по нѣкоторымъ чертамъ, пѣсню, которая *могла* употребляться *при Разинѣ*, а теперь можетъ называться—

[1]) Дрожитъ, колеблется.—[2]) Перила, по бокамъ для рукъ рѣзные „травчатые" столбики.—[3]) Образъ этотъ нерѣдко повторяется съ Былинъ Богатырскихъ, Новгородскихъ (о Буслаевѣ) и Старшихъ Стиховъ (о Ѳедорѣ Тиронѣ).

Пѣсня Разинская.

1.

Еще что̀ же вы, братцы, призадумались,
Призадумались, ребятушки, закручинились,
Что̀ повѣсили свои буйныя го̀ловы,
Что̀ потупили ясны очи во сыру̀ землю?
Еще ходимъ мы, братцы, не первый годъ,
И мы пьемъ-ѣдимъ на Волгѣ все готовое,
Цвѣтно платье носимъ припасёное.
Еще лихъ на насъ супостатъ злодѣй,
Супостатъ злодѣй—генералъ [1]) лихой:
Высылаетъ изъ Казани часты высылки,
Высылаетъ всё-то высылки солдатскія [2]),
Они ловятъ насъ—хватаютъ добрыхъ мо̀лодцевъ,
Называютъ насъ ворами (и) разбойниками.
И мы, братцы, вѣдь не воры не разбойники:
[Мы] Люди добрые, ребята все повольскіе [3]),
Еще ходимъ мы по Волгѣ не первый годъ,
Воровства и грабительства довольно есть.

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за ними при Жизни В. Канпа, другіе пѣсенники и Сахаровъ).

* *

Нѣкоторыя черты и выраженія приведенной сейчасъ пѣсни оживаютъ въ «собственной» Пѣсни Разинцевъ, которая помѣщена нами въ 7-мъ выпускѣ отрывкомъ со словъ покойнаго М. А. Стаховича (стр. 154, 155), а теперь вторично провѣрена и пополнена изъ устъ самого Н. Е. Лясковскаго, первоначально напѣвшаго ее Стаховичу въ Берлинѣ:

[1]) Сахаровъ, возстановляя черты эпохи, поставилъ своего любимаго „воеводу."—[2]) У Сахарова потому же „стрѣлецкія."—[3]) Поволжскіе; см. выше.

Пѣсня Разинцевъ [1]).

1.

(Губ. Тамбовской, у. Борисоглѣбск.).

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою,
надъ высокою [2]);
Надъ горою да надъ высокою,
Надъ долиною надъ широкою,
надъ широкою!
Ты освѣть насъ, красное солнушко:
Мы не воры и не разбойнички,
не разбойнички,
Атамановы мы помошнички,
Стеньки Разина мы работнички,
мы работнички [3]).

Шли два плотничка—два ли растопóрничка [4]):

1) Стаховичь почему-то неправильно называлъ ее „бурлацкою."—2) Способъ раздѣленія словъ при пѣніи указанъ нами въ 7-мъ выпускѣ.—3) И такъ далѣе, по этому способу дѣленія и размѣщенія стиховъ.—4) Стихъ растянутъ (напѣвъ это дозволяетъ), древнѣе конечно—

Шли два плотничка-растопорничка.

Первоначально же, согласно съ нашимъ взлядомъ на основы народнаго стихосложенія, высказаннымъ отчасти въ 7-мъ выпускѣ, а подробнѣе развитымъ въ Чтеніи на Московскомъ Археологическомъ съѣздѣ 1869 года,—стихи были еще короче. Здѣсь господствуетъ 10 слоговъ, размѣръ „господствующій;" размѣръ же „основной" въ 8, на примѣръ:

Ты взойди, солнце красное,
Надъ горою высокою,
Надъ долиной широкою!
Освѣти добрыхъ молодцевъ:
Мы не воры-разбойнички,—
Атаману помошнички, и т. д.

Это доселѣ отзывается въ напѣвѣ, ибо онъ *переламывается* за два слога до конца, то есть *на восьми* слогахъ. Разинцы, слагая свою пѣсню, какъ дѣлаетъ весь народъ, взяли ее конечно не съ вѣтру, а изъ старшихъ основныхъ образцовъ творчества. — *Растопорничка* — съ топорами: *топ-оръ* отъ корня *теп-*, *теп-ать*, рубить, тесать, и это сохранилось въ словѣ *рас-топыр-ивать*, растёсывать топоромъ; *плотники*—что сплачиваютъ, *топорники*—растесываютъ, двѣ стороны плотничьей работы.

Они [1]) строили церковь славную,
Церковь славную, седмиглавную:
Какъ на той церкви крестъ серебряный,
Крестъ серебряный, позолóченый:
На крестѣ сидитъ мелкая [2]) пташечка,
Мелкая [2]) пташечка кенареечка,—
Высокó сидитъ, далекó глядитъ.

Ужь какъ пó морю-мóрю Синему [3]),
Тамъ и плаваютъ два кораблика,
Два кораблика, третья лодочка:
Хорошо [4]) лодка изукрашена,
Пушками [5]), рýжьями установлена,
Пистолетами изутыкана [6]),
На кормѣ сидитъ есаулъ съ весломъ,
У руля стоитъ атаманъ съ ружьемъ.

(Отъ Н. Е. Лясковскаго, съ дѣтства заучившаго пѣсню изъ устъ народа, въ большомъ употребленiи тамошней мѣстности, въ 20-хъ и 30-хъ годахъ; у Стаховича въ I-й тетради „Собранiя,“ СПБ. 1851, съ нотами).

* * *

Былины, примыкающiя къ Руси Древней, которыя можно съ извѣстной точки зрѣнiя назвать «несобственнымъ» именемъ *Татарскихъ* и которыя въ своемъ происхожденiи достаточно разъяснены нами на стр. 54—62, 166—213 выпуска 7-го, неожиданно пополнились двумя замѣчательными, весьма рѣдкими образцами. Соединяя ихъ со старшею Былиной, нами напечатанной, объ «Авдотьѣ Рязаночкѣ,» сопоставляя выдающiеся признаки ихъ—*Рязань*, *Оку*, *Литовскаго пана* въ сою-

[1]) Лучше: „Какъ мы;“ разумѣется постройка церкви въ Черкасскѣ.—[2]) Д. б. „мелка.“—[3]) Разумѣется Хвалынское, Касцiйское.—[4]) У Стаховича „Хороша.“—[5]) Д. б. „Пушкамъ-ружьями,“ или „Пушками-ружьемъ.“—[6]) Краски уже испорчены сравнительно съ древнѣйшими образцами подобныхъ Былинъ: см. выше.

зѣ съ *Татариномъ*, трехъ представителей на поприщѣ дѣйствія —*Литвина*, *Татарина* и Русскаго *Воеводу*, такія же три области равносильныя—*Татарскую*, *Литовскую и Московскую*, совпаденіе именъ *Руси* и *Москвы*, и т. п., убѣждаемся, что восходятъ эти пѣсни своимъ происхожденіемъ къ XIV вѣку, ко временамъ Олгерда и Ягеллы, Олега, Димитрія и Мамая; не дивимся потому, что имя Мамая является старшимъ и главнымъ въ нашихъ Былинахъ, какъ вставка для выраженія нашихъ отношеній къ Восточникамъ. Позднѣе уже того слѣдуютъ Крымцы, до Годунова и до пѣсни «изъ Крыму изъ Нагаю;» рядомъ появляются съ Ермака пѣсни Сибирскія — съ Ураломъ, Дарьей, Байкаломъ и т. п.; наконецъ Турки, переступающіе въ XVIII-й вѣкъ. Очень жаль, что не означена мѣстность, гдѣ записаны слѣдующія пѣсни; но имя записавшаго, А. Хр. Востокова, придаетъ имъ значительный авторитетъ подлинности, не говоря уже о народномъ-чисто складѣ, о древности и яркости всего ихъ творчества:

Татарскій полонъ.

1.

Не спала млада—не дремала,
Ничего во снѣ не видала,
Только видѣла-сповидала [1]:
Со восточную со сторонку [2])
Подымалася туча грозна,
Со громами—съ молоньями,

[1]) То есть—не во снѣ видѣла, а на яву.—[2]) Согласованіе, извѣстное въ языкѣ народнаго творчества и въ Древней Руси (употребленіе родительнаго вмѣсто винительнаго въ муж. родѣ перенесено, въ обратномъ положеніи, на родъ женскій; такъ „съ горсть, со щепотку" и т. п. равняется родительному раздѣлительному, genit. distribut.).

Со частыми со дождями,
Со крупными со тра́дами.
Съ теремовъ верхи пословало,
Съ молодцовъ шляпы посрывало,
Во Оку-рѣку побросало:
А Ока-рѣка не примала,
На крутъ бережокъ выбросала,
Какъ на жо́лтинькой на песочикъ,
На мура́вую на травку [1]),
На лазоревы на цвѣточки,
На бумажные на листочки [2]).

А на лу́гу на томъ стоялъ ша́трикъ,
Во шатрѣ-то былъ по́стланъ коврикъ,
На коврѣ сидитъ Татаринъ,
Передъ нимъ стоитъ красная дѣвка
Она плачетъ и возрыдаетъ,
Ко Окѣ-рѣкѣ причитаетъ,
А Татарина увѣщаетъ:
«Охъ ты гой еси, злой Татаринъ!
«Отпусти меня въ Русску зе́млю,
«Къ отцу къ матери на свиданье,
«Къ роду къ племени на плака́нье [3])!»

(Записано А. Хр. Востоковымъ, сообщено намъ кн. Н. А. Церетелевымъ).

* *

2.

За горою за высокою
Плачетъ тутъ дѣвка,

[1]) То же, что позднѣе „трава-мурава:“ пестрая. — [2]) Появленіе *бумаги* и *листовъ* ея побудило перенести образъ ея на листы растеній, тѣмъ больше, что сама она—растительная, а листы ея—*писаные*—то же, что трава *пестрая*, муравая. Это встрѣчается и въ другихъ пѣсняхъ.—[3]) По родѣ и племени, какъ по отшедшихъ, обыкновенно совершаются „Плачи.“

Плачетъ тутъ красна,
Русская полонянка.
Тѣшили дѣвку,
Тѣшили красну,
Русскую полонянку.
Панъ [1]) да Татаринъ,
Третей Воевода [2]):
««Не плачь ты, дѣвка,
««Не плачь ты, красна,
««Русская полонянка!
««Сошьемъ тебѣ, дѣвкѣ,
««Шубку [3]) Татарску,
««Шапку Литовску [4]),
««Сапогъ по Московски [5]).»»
—Не надо мнѣ, дѣвкѣ,
—Не надо мнѣ, красной,
—Шубка Татарска [6]),
—Шапка Литовска,
—Сапогъ по Московски:
—Надо мнѣ, дѣвкѣ,
—Надо мнѣ, красной,
—На Русь побывати,
—Съ батюшкой повидаться.—
««Вона ты [7]), дѣвка,
««Вона ты, красна,
««Батюшка въ гости ѣдетъ [8])!»»
—Ой вы, Татара,

1) Литовскій.—2) Русскій.—3) Въ старшемъ значеніи: *шубу*, женскую и небольшую—шубку; потомъ это вообще теплая юбка, и наконецъ всякая юбка (*jupe* одного корня съ *шуб-*, нѣм. *schupp*). Послѣ уже, при послѣднемъ значеніи шубки, стали отличать отъ нея съ одной стороны женскую *шубу* (мѣховую), съ другой *шубейку* (также теплую).—4) Со вшитымъ верьхомъ.—5) Съ голенищами, въ охватъ (древнѣйшее это слово вѣроятно отъ „съ-пя-ти (посов.),“ *с-пин-ать*; окончаніе какъ въ *пир-огъ*): въ отличіе отъ восточныхъ туфлей или въ родѣ нашихъ калошъ.—6) *Надо* съ именительнымъ, старинное согласованіе; при женскомъ же родѣ краткая форма *нада*, надобна, отъ *надъ*.—7) Смотри-ка ты.—8) Вѣроятно старше: „Батюшка ѣдетъ (по складу стиха).“

30. —Злы вы—поганы!
—Не могу ставати,
—Рукъ поднимати [1]),
—Съ батюшкой повидаться [2]).—

(Оттуда же).

Какъ переходъ къ Петру и XVIII вѣку представляются помянутыя выше «Канты» или, что тоже, искусственные, книжные Стихи:

I.

О Велицѣй Россіи

и

о сопротивіи съ Ляхи

и

о градѣ Кіевѣ.

Слышите, людіе, и внушите,
Господа Бога благодарите
И пойте пѣснями, Славословяще Его:
Елико творитъ чудесъ преславныхъ
Въ царствіяхъ-земляхъ многодержавныхъ
Силою крѣпости Своею премногою!
Сильніи въ мірѣ вси Имъ храбруютъ,
Царіе-князи мирно мирyютъ,
Его же бо и моря, Земля же и небо.

1) Измучена.—2) По складу вѣроятно было прежде „Батюшку видати, Съ батюшкой свидаться" и т. п.

Россія, древле сущи преславна,
Въ храбрыхъ воинѣхъ слыне [1]) издавна
Славою многою Тезоименитою.
Отъ Рюрика, Князя Великаго,
И Игоря всенарочи́таго
Донынѣ въ Украйнѣ Россійской непремѣннѣ
Плодъ прорастаетъ боголюбивый,
Въ вѣрѣ Его незыблемый,
Изящный, премощный И всеблагопомо́щный.
Владиміръ вѣры есть насадитель,
Врагомъ окрестнымъ истребитель,
Богови угодилъ, Сугубыхъ врагъ побѣдилъ.
По немъ Ярославъ въ Кіевѣ-градѣ
По отцѣ своемъ на столцѣ [2]) сѣде,
Софію сотвори И во славѣ расшири.
Посемъ въ Россіи грѣхъ умножися,
Гнѣвъ отъ Господа на ню изліяся:
Отъ Скиѳовъ плѣненна И зѣло опустѣнна.
Оттолѣ Ляхи на ню возсташа,
Государство свое распространиша,
Кіевъ-градъ премогли И надъ нами возмогли;
И Русь на двое злѣ раздѣлиша,
Многое время въ ней возцариша
И, яко своими, Овластвовали всѣми[3]).
Великая Русь, отъ низу ся вземши [4]),
Милость Господню паки пріемши,
И крѣпость распростре, Даже до моря простре.

[1]) Слыветъ, славится.—[2]) На престолѣ, какъ въ лѣтописяхъ.—[3]) „всими."—[4]) Взявшись, поднявшись.

Цари вѣрніи въ ней возсіяша,
Ляхомъ и Литвѣ сопротивъ сташа:
Но мало успѣху, Несогласни бо бѣху.
Но Богъ гордыню мудрѣ укроти:
Мечь междусобный на Литву пусти,
Малыми [1]) смиряетъ И Ляхи покоряетъ.
Россь бо Малая, обиждаема,
Отъ Ляховъ лютыхъ утѣсняема,
Къ Богу возопи, Въ крови мечь свой утопи.
На Ляховъ гордыхъ ихъ [2]) Богъ возстави,
Въ крѣпости Своей зѣло прослави:
Сильнии и князи Въ сѣти смертнѣй угрязли.
Россія паки совокупляется
И всѣмъ ужасна врагомъ бываетъ:
Царь бо въ ней царствуетъ, Иже въ вѣрѣ ся красуетъ.
Но Кіевъ-градъ, многажды плѣненный,
Отъ враговъ окрестныхъ опустошенный,
Радостно ликуетъ И поя торжествуетъ:
Помози, Боже, нашему ца́рю,
Благовѣрному днесь государю,
Противныхъ смирити И славно ся воцарити!

(Рукописный сборникъ И. Публичной Библіотеки и др. въ нашемъ собраніи).

*

[1]) Намекъ на Малую Русь.—[2]) Малую Русь, Малороссіянъ.

2.

О гордыхъ и гнѣвливыхъ Ляхахъ, Како гордостію хотѣли Россіею обладати И Православіе въ ересь низложити.

Кто хощетъ, пріиди и узри, Очима своима воззри,
Чтó въ мірѣ ся дѣетъ, Чтó въ насъ самихъ спѣетъ:
Брани днесь умножи́шася И мечи изостришася;
Братъ брата убиваетъ, Кровь отца проливаетъ;
Ненависть междусобная, Изрещи неудобная,
Точитъ кровéмъ тóки, Падаютъ отрóки,
Юноши млады и дѣвы, Матери бываютъ вдовы.
Охъ, охъ, вездѣ се слышимъ, Пріидите, сія внушимъ!
Нѣкогда страна славная И врагомъ всѣмъ ужасная
Паде, паде мéчемъ, Междусобнымъ сѣ́чемъ [1]);
Окрестъ вси врази ликуютъ, Веселятся, торжествуютъ,
Зря сію обнаженну И въ конецъ опустошенну.
Славніи вси и княжата Ведутся яко отрочата
По рукамъ связáны Во Скиѳскія [2]) страны.
Подóлье стонетъ, рыдаетъ, Волынь плачетъ, воздыхаетъ
Чадъ своихъ заколенныхъ И вездѣ избіенныхъ.
Тысящи и тьмы падоша, Врази [3]) во плѣнъ отведоша,
Земля стала пуста, Предъ тымъ сущи густа,
Гради бо вси суть сожжени, Живущіи внутрь сотрени.
Горе, горе оставшимъ: Блюдутъ ихъ къ бѣдамъ вящимъ!

О гордость, то твое дѣло, Еже отечество не цѣло!
Се тя Богъ смиряетъ, Гордыхъ низлагаетъ.

[1]) Муж. родъ: междуусобною сѣчью.—[2]) Турецкія: обычное имя у тогдашнихъ ученыхъ.—[3]) „Въ разный.“

Господствомъ бо ся вознесосте, Въ смиренныхъ [1]) лукъ на- лякосте [2]),
Рѣсте бо: «Ихъ порубимъ И радостно вострубимъ!»
На Бога брань поднесосте, Въ хулахъ уста отверзосте,
Ересь умножисте, Вѣрныхъ оскорбисте,
На вѣру ополчистеся, Клятвами утвердистеся:
«Погубимъ православныхъ, Всегда намъ сопротивныхъ [3])!»
Но Богъ совѣтъ вашъ преврати И гордыхъ нынѣ укроти:
Ровъ бо ископасте, Сами въ онь впадосте.
Но вѣрныхъ Богъ сохраняетъ, Въ едино ихъ сочетаетъ:
Не къ тому ихъ имѣйте [4]), Едини погибайте!
О Ляхи горделивые, Ярые и гнѣвливые!
Русь васъ не боится, Вѣрою щитится:
Есть бо въ нихъ [5]) царь православный, Благій, кроткій и смиренный [6]).
Той ваши главы сотретъ И вѣру вашу потретъ.
Помози, Господи, царю, Великому государю,
Враговъ низложити, Сильныхъ покорити!
Его же Самъ избралъ еси, Того рогъ славно вознеси,
Да вси Тя восхваляемъ И въ пѣснехъ величаемъ!

(Оттуда же).

*

3.

Глаголетъ Полща о бывшей храбрости, и плѣнеціи своимъ, и покореніи, ко благочестивѣйшему царю и великому князю Алексію Михаиловичу.

Въ жалости днесь зѣло обомираю,
Слезы точащи, чадъ моихъ рыдаю,

[1]) „Къ смиреннымъ."—[2]) Напрягли вы лукъ.—[3]) Все это говорится о верхнихъ слояхъ Малой Руси, измѣнившихъ вѣрѣ, языку, народности, католикахъ и уніатахъ.—[4]) Теперь уже вамъ не имѣть простой народъ въ рукахъ.—[5]) У нихъ, Русскихъ, въ Малой и Великой Руси.—[6]) „Тишайшій" Алексій,

Азъ, мати, лютѣ опечале́нная
И всѣхъ радостей изовлече́нная.
Бѣхъ бо нѣкогда тако украше́нна,
Яко надъ страны славно вознесенна,
Копіе мое на вразѣхъ бывало
И сердца сильныхъ въ бранехъ ужасало.
Но нынѣ мечи и щиты державны
Во мнѣ крѣпчайшихъ чадъ всѣхъ посмѣя́нны,
Вои велики худыми бываютъ,
Отъ Скиѳскихъ языкъ на земли пада́ютъ.
Сами бо въ себѣ мечь свой угрязиша
И мене, матерь свою, уязвиша.
Юношъ прекрасныхъ и дѣвъ удобре́нныхъ
Полны всѣ страны нынѣ суть плѣненныхъ.
Азъ плачю, Полща, плачю неутѣшно,
Рыдаю во слезахъ со кровію смѣсно:
Чада во мнѣ вси вкупѣ пребывали,
Всюду страхъ лютъ, гдѣ ся обращали;
Вѣнецъ мой златый, въ Полщѣ положе́нный,
Въ тріехъ ми чадѣхъ славно уплете́нный,—
Ляхи, Русь, Литва,—то суть чада моя:
Два возгордѣша [1]), взяша мечи своя,
Юнаго брата [2]) убить совѣщаша,
А мене, матерь, зѣло обругаша;
Юный языковъ себѣ умоляетъ [3])
И, гордыню ихъ низложь [4]), покаряетъ.
Азъ, мати, молихъ, ся [5]) паки згодити [6]):
Но не хотѣша съ собою смирити.
Смиряше юный: не хотяху [7]),
Мене [8]), матерь свою, зѣло умерщвляху.

[1]) Возгордились Ляхи и Литва.—[2]) Малорусса.—[3]) Малоруссъ склоняетъ на свою сторону другіе народы.—[4]) Низложивши гордыню другихъ братьевъ.—[5]) „симъ.“—[6]) Чтобы они примирились.—[7]) Другіе два брата.—[8]) „Мя.“

Красоту мою лютѣ увяди́ша
И до срачицы даже обнажиша;
На брата съ щиты, съ мечи насту́паютъ,
Низложить его вскорѣ усиляютъ.
Юный такожде на нихъ ополчися,
Въ мужествѣ своемъ въ нихъ возвеличи́ся,
Положи трупы—горъ превысочае
И, низложивъ ихъ, самъ паки смиряе.
Много нань тыя [1]), много наступаху:
Въ руцѣ его вси крѣпцы пада́ху;
Гра́дове, се́ла въ конецъ раскопаша,
Мужіе, жены Скиѳомъ вся предаша.
Азъ же, мати, зѣло возрыдала,
Златые власы исторгала
И молихъ [2]) сына моего малаго,
Ужалитися отечества своего:
Послу́ша мене не единою [3]),
Показа милость надъ родительною;
Но паки тые братія возсташа
И мене, матерь свою, обругаша.
Азъ же [4]) повелѣхъ тому уступати,
Благовѣрному царю ся покаряти:
Но паки самъ вскорѣ сіе сотвори
И великому цареви ся покори.
Сама же его [5]) рада ожидати
И власти его хощу ся предати [6]):
Гряди, о царю, чадъ моихъ смиряя,
Ни единою [7]) бо есть мнѣ ся покоряя [8]),
Да паки мою наготу покрыешь,
Когда моихъ чадъ ярость всю сокрыешь!

(Оттуда же).

*

[1]) Старшіе братья.—[2]) „Молимъ," молю.—[3]) Не разъ онъ меня слушался.—[4]) не?—[5]) царя.—[6]) „дати."—[7]) Ни единое (чадо)?—[8]) Ибо ни одинъ изъ нихъ, ни однажды, мнѣ не покоряется.

4.

Пѣснь Господеви о покореніи иноплеменныхъ языкъ благочестивѣйшимъ царемъ нашимъ.

Вси языци руками плещите,
Вси Іаковлю Богу воскликни́те
Гласомъ, гласомъ, гласомъ радова́нія,
Въ сыновство насъ къ Себѣ воззванія [1]).
А вѣмъ [2]) яко Господь есть превышній,
Надъ цари всѣми земными страшнѣйшій.
Сей люди намъ гордыя подъ но́ги
Покори и языки царемъ многи.
Избра Велій своимъ веліимъ
Іоанну—Петру [3]) достояніемъ,
Лѣпотѣ-добротѣ Іаковли́,
Исполнивый уже, идѣже возлюби [4]).
Исполнивый—еще да исполнитъ,
Іоанна—Петра во всемъ умножитъ!
И вы съ нами вси сія изрецыте,
Ко Господу зъ сердца проглаголи́те
Гласомъ, гласомъ, и т. д.

(Оттуда же).

* * *

Это все—начало и переходъ, за которымъ слѣдуютъ уже приведенныя выше Канты о Петрѣ, а затѣмъ спѣшимъ пополнить образцы народнаго творчества, помѣщенные въ выпускѣ 8-мъ.

[1]) Припѣвъ послѣ каждыхъ двухъ стиховъ.—[2]) Абовѣмъ, ибо, такъ какъ: въ формѣ первоначальной,—«ибо знаю, ибо извѣстно.»—[3]) Іоанна, Петра?—[4]) Обычная чепуха въ произведеніяхъ сего рода.

Часть III.

Выпускъ 8.

Добрыня Богатырскихъ Былинъ, именно когда онъ покидаетъ домъ свой и родную сторону, отправляется далеко въ отъѣздъ и горько жалуется на эту службу свою, послужилъ для творчества народнаго на долго типомъ или образцемъ лицъ и обстоятельствъ сего рода: это, мы видѣли, повторилось на Петрѣ, объ его дѣтствѣ, молодости и отъѣздѣ; это отозвалось даже на отъѣздѣ двухъ братьевъ изъ плѣна, «изъ Крыму изъ Нагаю,» хотя тутъ должна бы явиться радость свободы, но именно по причинѣ невзгодъ на дорогѣ и въ слѣдствіе постигшаго «безвременья,»—этой страшной, роковой силы, пугающей постоянно творческое воображеніе нашего народа (см. выпускъ 7-й, стр. 186, 187). Еще болѣе расцвѣлъ и разыгрался такой типъ въ нашихъ «Безвремянныхъ Молодцахъ,» въ собственномъ смыслѣ ихъ, то есть потерявшихъ въ творчествѣ историческое имя свое, а иногда вовсе и не имѣвшихъ его въ жизни, но по горькой участи какъ либо попавшихъ въ положеніе «безвременья.» Созданъ изъ этого, какъ извѣстно, цѣлый особый разрядъ Былинъ, который предстанетъ намъ въ своемъ мѣстѣ, въ числѣ пѣсней Безъимянныхъ Молодецкихъ. А пока здѣсь кстати привести пѣсню, которая соединяетъ собою и Добрыню, и Петра, и бѣглецовъ изъ Нагаю, повторяя не только творческія черты, но даже дословно самыя выраженія, нарочно для того отмѣчаемыя у насъ въ печати курсивомъ:

Безвремянный Молодецъ, молодость его, пора и время, выступъ въ чужіе люди и безвремянье.

1.

Соколъ ли въ чистомъ полѣ *не птица*,—
Да и тотъ ли по чисту полю гуляя [1])
Болотную воду попиваетъ:
А я ли, Добрый Молодецъ, не уда́лый [2])?
Когда было Молодцу пора и время,
Отецъ и мать меня любили,
Сестры-братья и родъ-племя хвалили,
Друзей у Молодца было много:
А какъ нынѣ Добру Молодцу безвременье,
Отецъ и мать дѣтинушку не взлюбили,
Весь родъ-племя удалого не узнали,
Друзья всѣ и пріятели позабыли.
Ссылаютъ Добра Молодца со подворья.
Пошолъ я, Добрый Молодецъ,—самъ заплакалъ,
Въ слезахъ пути-дороженьки не взвидѣлъ,
Въ возрыданьицѣ словечушка не молвилъ.

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій, за тѣмъ при Жизни В. Каина; позднѣйшіе и Сахаровъ не перепечатывали, не правилось).

* * *

[1]) Пропущено „пѣшь,“ а потому, вмѣсто „гуляетъ,“ книжникомъ поставлено ненародное дѣепричастіе.—[2]) Прибавьте для полноты, въ нынѣшнемъ нашемъ смыслѣ: да и на меня, какъ на сокола, пришло безвремянье.

Сравненіе человѣка въ бѣдѣ съ „соколомъ въ мытехъ,“ то есть собственно, по первоначальному смыслу, „въ передѣлкѣ,“ въ мытарствѣ, начинается у насъ, даже въ самой письменности, весьма высоко,—со Святослава въ Словѣ о Полку Игоревѣ: „А чи диво ся, братіе, стару помолодити, коли соколъ въ мытехъ

Выше у насъ замѣчено, что, изъ всѣхъ плачей по государямъ, Петру 1-му собственно усвоена пѣсня съ граціознымъ началомъ о ранней гибели молодаго деревца—Смородины, и нельзя не прибавить, что къ нему же привилась Былина о гибели во Москвѣ рѣкѣ—Смородинѣ. — Подобное же начало,—

бываетъ, (а потомъ, поправившись) высоко птицъ възбиваетъ?" Въ творчествѣ устномъ эти образы и обороты виднѣе перешли на Романа, Волынскаго Голицкаго, а послѣ Московскаго, тѣсно связанныхъ между собою (благодаря имени), и отсюда на Никиту Романовича. Въ постигшемъ безвремяньѣ, какъ и Святославъ, горько жалуются они на старость, вспоминаютъ утраченную молодость, но образъ сокола, мелькнувши предъ ихъ взорами, тотчасъ воскрешаетъ ихъ бодрость и, стряхнувъ сѣдину какъ пыль, встряхнувши со дна молодыя свои силы, бросаются они на коня, въ дѣло:

„Ай же молодость ты, моя молодость,
„Улетѣла отъ меня да во чисто поле,
„Во чисто поле улетѣла яснымъ соколомъ!
„Ай же старость моя, старость глубокая,
„Налетѣла ко мнѣ старость изъ чиста поля,
„Изъ чиста поля налетѣла чорнымъ ворономъ,
„Садилась на плечика могучіе!"
Становился Микита на рѣзвы ноги,—
Палъ Микита о кирпиченъ мостъ,
Обвернулся Микита добрымъ молодцемъ,—
Бралъ добра коня онъ богатырскаго,—
И садился Микита на добра коня,—

и—„повыѣхалъ биться."—Или же:

Говоритъ князь Романъ Дмитріевичъ:
„Ахъ ты молодость моя молодецкая!
„Какъ былъ я мастеръ въ молоду пору
„По темнымъ лѣсамъ летать чорнымъ ворономъ,—
„По синимъ морямъ плавать сѣрою утушкою!
„Ахъ ты старость моя глубокая,
„Да не въ пору молодца старость состарила,—
„Сердце молодецкое соржавѣло,
„Русы кудри посѣдатѣли...
„Ай же сила моя—войско сорокъ тысячей!
„Сѣдлайте-уздайте добрыхъ коней!

И пѣсня кончаетъ:

«Земляничка ягодка, На полянкѣ выросла, Подъ кусточкомъ вызрѣла,» отдано той пѣснѣ, гдѣ горожанка дѣвушка безвремянно выдана въ непривычную ей деревню, въ несогласную семью, на явное горе. — Но есть въ нашемъ творчествѣ еще третье такое же начало — «Ты рябинушка, ты кудрявая,» и

князь Романъ Дмитріевичь
Старостью не старѣетъ,
Голова его не сѣдатѣетъ.

Еще:

Старый Никита Романовичь
Сталъ по палатамъ похаживать,
Могучими плечами поворачивать:
„Молодость моя, молодость,
„Улетѣла моя молодость во чисто поле,
„Во чисто поле яснымъ соколомъ...
„Я слечу во чисто поле!"

Разъ даже, при слухахъ о постигшемъ безвремяньѣ, Былина изображаетъ Романа точь въ точь какъ фигуру сокола, когда онъ линяетъ и хохлится, уткнувъ голову между плечь, и, оправившись, бросается потомъ на добычу:

А онъ кинулъ головушку между плечье,
А утупилъ очи ясны въ калиновъ мостъ,..—
А хватилъ ножище-кинжалище,
А ударилъ онъ во дубовый столъ,—
И взималъ онъ, князь Романъ Митріевичь,
Силушки сорокъ тысячей,
И пріѣхалъ ко той рѣкѣ ко Смородины.

(ср. 1—4 томы собр. Рыбникова). Потому же и Святославъ обращается къ Роману: „А ты, буй Романе!.. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти." И кончаетъ тѣмъ же рѣшеніемъ: „Вступита, господина, въ златъ стремень за обиду сего времени!" Таково-то „Великій Святславъ изрони злато слово, слезами смѣшено," и это золотое слово проносится сквозь все народное творчество, отзываясь каждый разъ, какъ только настаетъ пора смѣшать слово со слезами, во всякомъ безвремяньѣ; когда же Романъ и Микита, по Былинамъ, обычно выѣзжаютъ въ слѣдъ за словомъ своимъ *на Смородину*,—вотъ еще новый предлогъ перенести всѣ ихъ черты и выраженія на Безвремяннаго Молодца, ибо онъ, мы знаемъ, терпитъ бѣду черезъ „Москву рѣку—Смородину."

объ этомъ должны мы сказать подробнѣе. Не разъ уже изъ нашихъ многочисленныхъ указаній немногочисленные наши читатели могли убѣдиться, какъ не рѣдко изъ Былинъ, посредствующимъ путемъ Побывальщины и Старины (женской), вообще изъ пѣсней Былевыхъ и Историческихъ, разламываются, снова слагаются мозаичными частями и возникаютъ пѣсни Безъимянныя, Молодецкія, утратившія Историческое или Былевое имя, обстоятельство и поприще дѣйствія, напротивъ замѣняющія весь этотъ пробѣлъ, въ незамѣтныхъ взгляду неопытному сшивкахъ, разнообразіемъ красокъ жизни частной, личной или семейной, внутренней, *всѣмъ* равно знакомой, *всякому* доступной и возможной. Бываетъ совсѣмъ на оборотъ,—и этому также у насъ приводились примѣры: когда позднѣйшая историческая пѣсня слагается на основахъ пѣсни древнѣйшей—не исторической, или, правильнѣе, событіе внѣшней жизни мотивируется творчествомъ по складу явленій жизни внутренней, а говоря языкомъ давней Греціи, эпическій пріемъ вбираетъ въ себя соки и силы лиризма. Самыя старшія наши Богатырскія Былины и Былевые Стихи суть ничто иное, какъ въ историческое время, или при выходѣ къ нему, воскресшій эпосъ на развалинахъ пѣсни доисторической, которая потеряла жизнь вмѣстѣ со смертью жизни доисторической, за то уступила въ наслѣдство жизни новой свои краски, образы, черты и пріемы. Но тамъ, чтобы усмотрѣть эту связь, потребно много свѣдѣній и опытности: гораздо виднѣе и осязательнѣе, когда позднѣйшая, говоримъ, историческая пѣсня создается изъ старшей не исторической, на примѣръ бытовой, семейной, обрядной и т. п. Особенно это совершается въ такъ называемыхъ «плачахъ» и въ пѣсняхъ отъ извѣстнаго «лица,» изображающихъ судьбу его: какъ старое историческое имя не рѣдко здѣсь вытѣсняется новымъ и пѣсня о смерти Ивана Грознаго готова совсѣмъ для Петра, или же пѣсню сосланной жены Грознаго можетъ обозвать своимъ именемъ Лопухина, такъ, на оборотъ, любой образецъ старшаго творчества въ народѣ *каждому свой*,

и лицо, обставленное историческими признаками времени, встрѣтивъ какое либо сходство судьбы своей съ образами пѣсни старинной, примѣняетъ «образецъ» къ своему «образу,» окрашиваетъ собственными, ему лишь одному присными чертами и названіями, и—мы получаемъ пѣсню *историческую* изъ старшей *семейной*, *бытовой*, *обрядной*. Цѣлый народъ къ такому пріему теперь не прибѣгаетъ; у него хранится, по возможности неизмѣнно, Былевая пѣсня—такъ Былевая, Историческая—такъ Историческая: но и онъ изъ рукъ отдѣльнаго, тѣмъ болѣе крупнаго историческаго лица, беретъ не рѣдко пѣсню, къ лицу сему примѣненную, беретъ или распѣваетъ ее въ лицѣ третьемъ, не отличая въ ней и даже забывая за нею исконную, всеобщую, коренную, совсѣмъ другаго рода пѣсню (ученая и учебная классификація возможна намъ, не народу). Такъ, мы имѣли случай замѣтить, что могла же Ксенія развить свой «Плачь» на основѣ старшихъ образовъ Купальскаго обряда, воспѣвающаго гибель дѣвушки; Лопухина могла же знать общую пѣсню — «Возлѣ рѣчки я хожу млада,» чтобы примѣнить ее къ себѣ; Разинцы въ своей пѣснѣ формулировали очевидно старшую и общую поволжскую, разбойничью: то же самое случилось съ «Рябинушкой.» Не съ воздуха взята «Смородинка,» чтобы въ ней оплакать преждевременную кончину Петра, или, пожалуй, принеслась она съ того же воздуха, по коему носится *общая* народная пѣсня: ее *примѣнили къ Петру* изъ старшей, а въ старшей видимъ то же начало—сравненіе, ту же раннюю кончину,—но только *всякой* дѣвушки, оплаканной *всякимъ* молодцемъ, тѣ же вѣтры буйные, чтобы раскрыть гробовую доску, тотъ же послѣдній поклонъ. Вотъ она, старшая:

Плачь на раннюю смерть.

1.

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла [1]), когда выросла,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
«Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
«Я зарей цвѣла, въ полдень вызрѣла [2]).»

Подъ тобой ли подъ рябиною
Что не макъ цвѣтетъ, не огонь горитъ:
Что горитъ сердце молодецкое
По душѣ ли той красной дѣвицѣ.
Красная [3]) дѣвица переставилась.

Ой вы вѣтры, вѣтры тёплые!
Перестаньте дуть, васъ не надобно.
Потяните вы, вѣтры буйные,
Что со той стороны сѣверной!
Вы развѣйте мать сыру землю,
Вы раскройте гробову доску,
Вы пустите меня проститися
И въ послѣдній разъ поклонитися.

(Пѣсенники Чулковскій и Новиковскій).

*

1) У Чулкова «вошла.»—2) Чтобы выдержать сравненіе съ ранней смертью, надо дополнить стихами, которые конечно существовали въ старшихъ образцахъ и заняты въ пѣсню о Петрѣ: „Распрекрасное мое деревцо, Ты почто рано позаломана, Во пучечки перевязана, По дикой степѣ поразбросана?“—3) Д. б. „Красна.“

Прибавьте сюда нѣсколько разъ печатанные у насъ «Плачи» и «Заплачки,» хоть изъ сборника Рыбникова, и посмотрите, какъ выбраны отсюда черты для Плача о смерти Петра Великаго. Это переходы—не искусственныя передѣлки; то не поддѣлка, не порча,—въ этомъ и состоитъ жизнь искусства, поддержка его послѣдовательнаго развитія.—А чтобы вамъ было яснѣе, вотъ и другая сторона,—какимъ путемъ вкрадывается дѣйствительная порча и что̀ такое книжная искусственность. И. И. Дмитріевъ, Гурьяновъ, Сахаровъ, далеко опередивши производительность г. О. Миллера, возлюбившаго Илью Муромца и, подобно ему, возлюбивши пѣсню, такъ ее воздѣлали, что потрудитесь узнать ее въ нижеслѣдующей размалёвкѣ:

2.

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла?
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
«Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
«Я *весной* цвѣла, *лѣтомъ* вызрѣла [1].»

Подъ тобою ли рябинушкой
Что не макъ цвѣтетъ, *не трава ростетъ* [2],
Не трава ростетъ, не огонь горитъ,
Не огонь горитъ—ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое.
Ахъ, горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ [3]),

[1]) Искусники не замѣтили, что тутъ нѣтъ ничего преждевременнаго, если весной цвѣла, а лѣтомъ вызрѣла.—[2]) Въ старшемъ подлинникѣ—подъ сѣнью рябины какъ маковъ цвѣтъ молодецъ, а въ немъ сердце какъ огонь горитъ: здѣсь напротивъ выходитъ, что ретивое сердце у молодца какъ трава ростетъ. Очень метко и живописно.—[3]) Послѣ этого, для изображенія тревогъ сердца, недостаетъ только выраженія—„яко громъ гремитъ,“ какъ описываются *чаны* у мучителей въ нашихъ духовныхъ Стихахъ.

По душѣ ль, душѣ [1]), по лебедушкѣ,
По лебедушкѣ, по голубушкѣ [2]),
По голубушкѣ красной дѣвицѣ.

Ты душа ль, душа, красна дѣвица!
На *зарѣ ль, зарѣ, зарѣ* [3]) утренней,
При восходѣ ли свѣтла солнышка,
Не простившися съ отцомъ, съ матерью,
Не видавшись съ добрымъ молодцемъ [4]),
Жизнь оставила, скончалася [5]).

Ой вы вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, *вы осенніе* [6])!
Вы не дуйте *здѣсь*, васъ не надобно [7]).
Прилетайте вы, вѣтры буйные,
Что со сѣверной со сторонушки!
Вы развѣйте *здѣсь* мать сыру землю,
И, *развѣевши* [8]) по чисту полю,
По чисту полю по широкому,
Вы раскройте *мнѣ* гробову доску,
Ужь и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
Распрощатися съ моей милою,
Съ моей милою, душой дѣвицей:
Окропивъ ее горючой слезой,
Я вздохну, умру подлѣ ней тогда [9])!

(Достигло окончательнаго изящества у *Сахарова*).

[1]) Горитъ *сердце по душѣ.*—[2]) Изобрѣтатели не помнятъ, что она—„рябина кудрявая.“—[3]) Звучныя и неизбѣжныя повторенія.—[4]) Умерла на зарѣ и при восходѣ солнца, за чѣмъ-то не простилась и даже не видалась съ молодцемъ, который однако сидѣлъ при этой рябинѣ.—[5]) Возможно это въ творчествѣ народномъ? — [6]) Осенніе вѣтры—*теплые.*—[7]) Въ подлинникѣ: миновала весна, не пора уже теплымъ вѣтрамъ; у искусниковъ—дуйте теплые осенніе вѣтры, гдѣ угодно, но *здѣсь*—не надобно, не дѣлайте разложенія трупу. Изящно. — [8]) Сообразили, что нужно прежде развѣять землю, потомъ уже открыть гробъ.—[9]) Конецъ уже превосходитъ всякое вѣроятіе.

Послѣ всѣхъ этихъ примѣровъ и нашихъ изданій, не легко будетъ справиться съ накопившимися многочисленными томами нашихъ «учебныхъ руководителей,» хрестоматиковъ и всякихъ ревнителей «общественной пользы,» усердно выбиравшихъ изъ Сахарова образцы нашему бѣдному юношеству.

* * *

Выше приведенныя нами, по представленіямъ народнаго творчества, невзгоды, коимъ подвергался Петръ 1-й въ своемъ путешествіи по чужимъ краямъ, выраженныя *рѣкою Смородиной* и олицетворявшею ее *дѣвицею*, потомъ, въ особыхъ пѣсняхъ, опасности позднѣйшихъ поѣздокъ по морю, образъ той же губительницы — *дѣвицы*, *Шведской королевны*, которая ищетъ словить Петра, старанія о томъ ея приближенныхъ, но спасеніе государя—простымъ человѣкомъ, поѣздка съ нимъ домой и т. п.,—все это поддерживается въ народномъ творчествѣ еще двумя, однородными, *сказками:*

Сказки о Петрѣ.

1.

704 года гулящій человѣкъ Никита Мининъ въ Преображенскомъ объявилъ,—дворцоваго повара Якова Чуркина жена при немъ говорила [1]): «Какъ государь и его ближніе люди были за моремъ, и ходилъ онъ по Нѣмецкимъ землямъ, и былъ въ Стекольномъ,—а въ Нѣмецкой землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица. И та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковороду, и, снявъ съ сковороды, велѣла его бросить въ темницу.

[1]) Стало быть это преданіе, ходившее тогда въ народѣ: оно близко согласно съ напечатанною у насъ пѣсней.

«И какъ та дѣвица была имянинница, и въ то время князи ея и бояре стали ей говорить: ««Пожалуй, государыня, ради такого своего дни, выпусти его, государя!»» И она имъ сказала:—Подите, посмотрите; буде онъ валяется [1]), и для вашего прошенія выпущу.—И князи и бояре, посмотря его, государя, ей сказали: ««Томенъ [2]), государыня.»» И она имъ сказала:—Коли томенъ, и вы его выньте.—И они, его вынявъ, отпустили.

«И онъ пришелъ къ нашимъ бояромъ [3]), и бояре перекрестились, сдѣлали бочку, и въ ней набили гвоздья, и въ тоѐ бочку хотѣли его положить. И про то увѣдалъ стрѣлецъ [3]) и прибѣжалъ къ государю къ постелѣ, и говорилъ:—Царь-государь, изволь встать и вытти! Ничего ты не знаешь, что̀ надъ тобою чинитца [4]).—И онъ, государь, всталъ и вышелъ, и тотъ стрѣлецъ на постелю легъ, на его мѣсто: и бояре пришли, и того стрѣльца, съ постели схватя и положа въ тоѐ бочку, бросили въ море.»

(Сообщено С. М. Соловьевымъ въ „Чтенія" 1862, кн. 4, вѣроятно изъ „дѣлъ:" Преображенскаго Приказа? Къ сожалѣнію, какъ въ „Исторіи Россіи" не всегда по Примѣчаніямъ можно усмотрѣть въ ясности источникъ показаній, такъ и здѣсь вовсе не сказано, откуда выписка).

*

Въ слѣдующемъ образцѣ выдается собственно *путь съ крестьяниномъ* (спасающимъ) *домой*, а разговоръ по пути принадлежитъ къ другимъ отдѣламъ народнаго творчества

2.

(Пудожск. уѣздъ, Шальская волость).

Наѣхалъ царь Петръ въ лѣсу на мужика: мужикъ дрова сѣкетъ. И говоритъ ёму царь: «Божья ти помочь крестьянство-

[1]) Если еще живъ.—[2]) Живъ, но истомленъ: обычный отвѣтъ въ нашихъ и Сербскихъ Былинахъ при такомъ случаѣ.—[3]) Это конечно опять бояре *тамошніе*, а *наши* явились уже какъ порча сказанія, какъ вставка, отражающая извѣстное злорадство противной Русской партіи; отъ того же вѣроятно явился и *стрѣлецъ* вмѣсто *крестьянина*.—[4]) Обычное въ Былинахъ: „Спишь ты—прохлаждаешься, никакой невзгоды" или „надъ собой погибели не вѣдаешь," и т. п.

вати!»—Мни-ка надо Бога на́ помочь! — «А велико ли у тебя, старичокъ, семейство?» — А семейство у меня двѣ дочери да два сына.—«Не велико жь твое семейство. Куда же ты деньги кладешь?»—Кладу я деньги на три статьи: во первыхъ долгъ плачу, а въ другихъ въ долгъ даю, а въ третьихъ въ воду мечу.—Царь призадумался, что̀ бъ это значило, что старикъ и въ долгъ даетъ, и долгъ платитъ, и въ воду мечетъ? И говоритъ ему старикъ:—Въ долгъ даю, — двухъ сыновей кормлю; долгъ плачу,—стараго отца и мать кормлю; а въ воду мечу,— двухъ дочерей кручу [1]).—«Ну,—говоритъ ему царь,—умная ты голова, старичокъ. Будутъ со святой Руси бѣлые гуси, умѣй-ка щипать. А теперь сведи меня въ степи, я дороги не знаю.»— Почто я тебя поведу? Найдешь самъ дорогу: иди прямо, сверни вправо, тутъ повороти влѣво, а тамъ опять вправо.—«Этой я грамоты, — говоритъ царь, — не знаю. Ты меня сведи.» — А мнѣ, сударь, въ крестьянствѣ день дорого стоитъ. — «Дорого день стоитъ, да я тебѣ заплачу.» — А заплатишь, такъ поѣдемъ!—

Сѣли они на одноколку и поѣхали. Доро́гой сталъ царь мужичка выспрашивать: «Далече ль, мужичокъ, бывалъ?» — Кое-куда бывалъ, сударь.—«А видалъ ли царя?»—Царя не видалъ, а набь [2]) посмотрѣть: согласился бы и помереть.—«Такъ смотри: въ степяхъ царь будетъ.» — А какъ я царя узнаю? — «Всѣ будутъ безъ шапокъ бѣгать: одинъ царь въ шапкѣ.» Какъ пріѣхали въ степь, увидѣли люди царя, всѣ шапки подъ пазухи, бѣгомъ бѣгаютъ. А мужикъ ширитъ глаза; двое стоятъ въ шапкахъ; и спрашиваетъ:—Кто же царь?—Говоритъ ему Петръ Алексѣевичъ: «Видно, кто ни будь изъ насъ царь!»

(Отъ Шальскаго лодочника; ср. Рыбник. ч. II).

* * *

Конецъ пѣсней и прочихъ народныхъ памятниковъ въ Дополненіяхъ и Приложеніяхъ 8-го выпуска.

[1]) Наряжаю, къ замужеству.—[2]) Надо бы.

II.

ЗАМѢТКА.

Въ 1869 году продолжалось печатаніемъ собраніе пѣсней Былевыхъ и Историческихъ, именно 8-й ихъ выпускъ. «Если появленіе его нѣсколько задержалось, виною того неожиданное богатство содержанія. Выпускъ весь посвященъ лицу и эпохѣ Петра I-го. Въ нашей литературѣ, въ дѣйствующихъ доселѣ руководствахъ Русской Словесности и Историческихъ Хрестоматіяхъ утвердилось господствующее мнѣніе, подкрѣплявшее себя разными соображеніями,—что Петръ Великій не оставилъ по себѣ никакого почти слѣда и отклика въ пѣснотворчествѣ народномъ; точно, самый сборникъ П. В. Кирѣевскаго представлялъ тому лишь нѣсколько образцовъ: но, благодаря вкладамъ другихъ собирателей [1]), редакціи изданія удалось достигнуть до цифры *почти двухъ сотъ нумеровъ*, и всѣ они даютъ болѣе или менѣе живую картину — и высокаго лица, и обстоятельствъ его времени, притомъ, что особенно замѣчательно, въ выраженіяхъ искренняго сочувствія къ истинному смыслу великихъ событій той эпохи.—Дѣло потребовало усиленнаго труда и напряженныхъ разысканій: за то, надѣемся, оно восполнитъ значительный пробѣлъ въ нашей наукѣ и литературѣ,

[1]) См. объ нихъ ниже.

съ точки зрѣнія совершенно уже безпристрастной и неподдѣльной, однимъ словомъ народной [2]).»

Пѣснотворчество народное слѣдуетъ шагъ въ шагъ почти за всѣми важнѣйшими дѣйствіями и событіями жизни великаго государя, отъ минуты рожденія его до послѣдняго дыханія: величавый образъ носится всюду, даже въ тѣхъ былевыхъ пѣсняхъ, которыя единственно лишь современны своимъ происхожденіемъ и касаются случаевъ какъ будто посторонпихъ; и здѣсь, если не дѣйствуетъ онъ, то онъ присутствуетъ, какъ зерцало, передъ коимъ совершается дѣйствіе, какъ духъ и характеръ, вызовъ къ творчеству и средоточіе фантазіи.—Есть много образцовъ, гдѣ, по народному представленію, дѣла рѣшались даже менѣе личностью Петра, чѣмъ было въ дѣйствительности, гораздо болѣе героями другаго имени и образа: но и эти герои—люди *окружавшіе* царя, *его близкіе*. Это *Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ*, *Атаманъ Флоръ Миняевичъ*, *Долгорукій*, *Голицынъ*, *Семенъ Палій*, и меньшіе — *Рычковъ*, *Ефремовъ*, даже безъимянные—Драгунъ, Донской Козакъ, темничный. Добрый Молодецъ, Крестьянинъ: имена, въ народѣ *любимыя*, образы, творчествомъ *взлелѣянные*.—Враги, недоброжелатели Петру,—*враги народу* по смыслу его пѣсней: старшій *Голицынъ*, *Некрасовъ*, *Маныцкой*, *Шведскій король*, *Шведская королевна-дѣвица*, *Маіоръ земли Шведской*, *Шлиппенбахъ*, *Мазепа*, *Азовскій паша*, *Турецкій султанъ*.—Приближенные, испытавшіе справедливое безучастіе или прямое отвращеніе народа, но столь же явно обличенные самимъ государемъ, *Меншиковъ* и *Гагаринъ* нарочито выдѣляются изъ общаго состава и связи былинъ: творчество намѣренно выгораживаетъ изъ вины ихъ непричастнаго Петра.—Тамъ, гдѣ въ спорномъ дѣлѣ колеблется сочувствіе народа, какбы не зная, на чью сторону склониться, — *Стрѣлецкій Атаманушка* и *Боль-*

[2]) Отчетъ Общества Л. Р. Словесности за 1869-й годъ, читанный въ годичномъ публичномъ засѣданіи 18-го Января 1870 года.

шой Бояринъ сами, выразительными словами, рѣшаютъ участь свою, сами послушно подчиняютъ себя роковому приговору, въ виду несостоятельности прежнихъ условій, въ виду новыхъ требованій жизни; *Евдокія Ѳедоровна* не пѣняетъ, не жалуется, не ищетъ перерѣшенія судьбѣ своей, отвергаетъ возвратъ изъ кельи, молится за далекаго супруга и—«спасается.»—Есть особый пріемъ пѣсней Петровскихъ, почти неизвѣстный дотолѣ прежнему нашему творчеству: оцѣнка этому пріему должна быть въ самой области творческой, но нельзя также не видѣть въ немъ прямаго отношенія къ дѣйствительности внѣшней, къ исторіи положительной. Именно, казни Стрѣльцовъ сопровождаются великодушнымъ прощеніемъ пытаннаго Мо́лодца, во всемъ виновнаго, во всемъ сознавшагося, во всемъ помилованнаго. Отверженное—ибо позднее—предложеніе жертвъ и услугъ стараго войска, укрощенная притязательность и сбитая надменность любимца Царевны — выводятъ за собою смѣлую борьбу и откровенное слово Драгуна, одобреннаго и пожалованнаго. Гроза на Донцовъ, стоны и жалобы Дона, отчаяніе бѣглецовъ, бросающихъ родину,—разрѣшаются любовнымъ образомъ властителя, терпѣливо слушающаго нареканія заключенныхъ, свобождающаго ихъ, протянувшаго имъ, тому или другому, руку помощи и пощады. «Выкатается ли онъ въ золотой каретѣ,» жадно ли «желаетъ себѣ бою да драки,»—онъ же ходитъ-гуляетъ по просту между простымъ народомъ, «въ одной сорочкѣ безъ пояса, въ однихъ чулочкахъ безъ чоботовъ.» Съ самыхъ первыхъ лѣтъ его, юноша, за похвалу и гордость гибнущій на чужой сторонѣ, въ переправахъ опасныхъ, сынъ, отшатнувшійся отца-матери, рода-племени, не слышитъ проклятій отчизны, имъ покинутой: ему во слѣдъ посылаются сожалѣнія, къ нему несутся вопли—«воротись, позабылъ ты два друга сердечные, два товарища надѣйные,» и, опутанный коварной сѣтью чужеземной королевны, царь вывозится на святую Русь спасающимъ крестьяниномъ. Одно изъ самыхъ тяжолыхъ дѣлъ и воспоминаній для народа чорнаго, «рытьё каналовъ»

приходится однакоже въ срединѣ между отрадными событіями и очертаніями. При раздраженномъ Некрасовѣ — многія лѣта усердный Флоръ, изъ за ядовитаго Мазепы выростаетъ въ цвѣтущихъ краскахъ удалой Краснощоковъ, даже изъ за могилы возвѣщается непрерывная жизнь: когда гробовая доска прикрыла собой, казалось, всѣ Русскія надежды, и тогда зоветъ творческое слово—«Встань, погляди на Россію свою, ждетъ тебя войско, какъ живаго военачальника!» Такъ, въ семъ же порядкѣ слѣдуютъ у насъ самыя Былины: но то не намѣренный подборъ для печати,—онъ отвѣчаетъ ходу событій, естественному току лѣтосчисленія. Въ полномъ согласіи съ условіями творчества, но кромѣ нихъ и даже глубже ихъ, и первоначальнѣе,—здѣсь прямое отношеніе къ жизни дѣйствительной, здѣсь историческое самосознаніе народа. Не утаено зло, не молчатъ упреки, — громко говоритъ прощеніе; не беззавѣтная снисходительность прощенія,—явное оправданіе; не пристрастное оправданіе,—спокойное созерцаніе исторической правды; не холодная правда, — теплое сочувствіе; не безсознательное расположеніе чувства,—сознаніе истиннаго смысла и величія событій;—не одно настоящее, схваченное образомъ творчества въ данную минуту,—прозрѣніе будущаго, зрѣющихъ плодовъ исторіи; не одна Быль народнаго творчества, — сама Исторія въ народномъ сознаніи, представленіи, образѣ.

Не разъ говорили мы и всякой мыслящій изслѣдователь хорошо понимаетъ, что Быль народнаго творчества и Былина въ немъ по Были сложившаяся—совсѣмъ не то, что событіе дѣйствительности и внѣшняя, положительная Исторія, а тѣмъ менѣе исторія политическая, а еще менѣе историческая наука или наука исторіи. Исторія Петра остается *сама собою,* при всемъ народномъ Творчествѣ объ немъ: наши историческія воззрѣнія могутъ пребывать неприкосновенными, наши взгляды и сложившіяся убѣжденія не склоняются и не преломляются сложенною пѣсней; приговоръ нашъ, даже неблагопріятный, сохраняетъ право на всю свою силу; наше сочувствіе, несочув-

ствіе и безучастіе не условливаются заявленіемъ Былины; мы въ состояніи признать заблужденіе самого творческаго воззрѣнія. Но никому нѣтъ права—не признавать сего воззрѣнія, нѣтъ справедливости—отзываться объ немъ невѣдѣніемъ, съ той минуты, какъ стало оно извѣстно, слышано и записано изъ устъ народа въ творческомъ словѣ, собрано и общедоступно въ печати.

Исторія, повѣствуемая въ народномъ Творчествѣ, есть исторія внутренняя, исторія — внутри народнаго сознанія; Быль его—событіе жизни внутренней; Былина—повѣсть о семъ событіи, выносимая на свѣтъ Божій и облеченная словомъ творческимъ. Тѣмъ не менѣе творчество *Былевое*, кипящее силами народнаго сердца, питающееся переливами внутренней жизни, обращено лицомъ къ событію всякой, и самой внѣшней, *Исторіи*: ростъ исторіи внѣшней, положительной и даже политической, привлекаетъ къ себѣ внутреннее вниманіе изъ среды народа, возбуждаетъ образъ, вызываетъ творческое слово, воспринимается творчествомъ, отражается въ немъ; по мѣрѣ роста внѣшней дѣйствительности и положительной исторіи, она усвоивается въ родство и сродняется при посредствѣ творчества; ея дѣло, ея событіе постепенно становится народу своимъ собственнымъ, кровнымъ.—При выходѣ на поприще исторіи внѣшней, народъ по ея событіямъ мотивируетъ разсказъ событій своихъ внутреннихъ, или, что̀ то же, временъ доисторическихъ; силы, нажитыя въ ту пору, когда слагался самъ народъ, приносятся въ краски новымъ образамъ начавшейся исторической дѣйствительности; Эпосъ входитъ первымъ словомъ въ Лѣтопись, первая лѣтопись повѣствуетъ по эпическимъ воззрѣніямъ; Былина сопровождаетъ Исторію, исторія находитъ въ ней творческій себѣ образъ народный. Тотъ же, всегда неизмѣнный, основной и коренной дѣятель всякой исторіи, равно и внутренней, и внѣшней положительной, народъ не скоро, но не менѣе рѣшительно, начинаетъ въ извѣстныя эпохи различать и эту внутреннюю, и эту внѣшнюю жизнь свою, признавать себя сре-

доточіемъ той и другой, совмѣщать ихъ сознательно, усматривать и допускать по праву двойство существованія своего, жить той и другой стороною въ единомъ существѣ своемъ. Въ сей-то постепенности и послѣдовательности развитія вся тайна переходу народа въ націю, народности въ національность,—понятія, не всегда еще и не всѣми у насъ различаемыя,—жизни народной въ государственную, исторіи бытовой въ гражданскую, политическую. Здѣсь же разгадка тому: какъ эпосъ постепенно зрѣетъ до исторической повѣсти, исторія дѣлается народною былью; какъ внутренній, эпическій элементъ преображается въ историческій, историческое, какъ будто въ свою пору чуждое и внѣшнее, претворяется въ собственность существа народнаго; какъ это тѣло, при всемъ видимомъ отличіи отъ души, со временемъ сознаётся единымъ существомъ съ нею, звукъ голоса является словомъ души, природа раскрывается въ свободѣ историческаго развитія, свободная исторія совершается по законамъ природы. Тутъ и съ начала не было борьбы и противуположности: были только степени, послѣдовательность предшествующаго и наступившаго; двойство отзывалось лишь сознанію на его первобытной ступени; единство творится имъ же въ завершеніе поприща жизни народной. Не все предшествующее, то есть въ настоящемъ случаѣ внутреннее, доисторическое, природное, эпическое и еще шире—народное, есть непремѣнный законъ, исключительная роковая необходимость для всего послѣдующаго: тогда начало, не имѣющее другихъ правъ кромѣ начала, стѣснило бы свободу послѣдующаго, внѣшняго и положительнаго, историческаго, національнаго развитія; не все послѣдующее есть непремѣнный, единственно возможный отвѣтъ на задатки основные: тогда узаконилось бы дѣйствіе историческихъ случайностей и обстоятельствъ, тогда—вмѣсто свободы — всякой произволъ посягалъ бы на естество и природу. Тѣмъ не менѣе, въ жизни есть періодъ, есть срокъ личному бытію извѣстнаго организма. Послѣ односторонняго

развитія разныхъ сторонъ, настаетъ своя пора и цѣльному существу, и завершенію бытія въ полнотѣ возможной, и даже неизбѣжному, обратному разложенію. Не всякой проживетъ, какъ бы долженъ прожить, долгъ остается неоплаченнымъ на каждомъ и уносится съ нимъ въ могилу: но, такъ ли, не такъ ли, хорошо или худо, только извѣстные періоды и въ извѣстной степени проживаетъ до конца человѣкъ, семья его, общество, цѣлый народъ, нація, государство. Расцѣнка доблести ихъ и недостаткамъ, успѣху и ошибкамъ, достоинству и заблужденіямъ, добру и злу — завѣщается какъ задача для рѣшенія преемниковъ общей жизни, потомства. *Былевое* творчество, наше Русское, въ уцѣлѣвшихъ памятникахъ и потому на глазахъ нашихъ, вынесло съ собою и въ себѣ всѣ силы, образы, преданія, пріемы и готовый языкъ свой изъ эпохи слагавшагося народа, эпохи до-исторической, въ тѣсномъ и собственномъ смыслѣ народной. Съ первыхъ же шаговъ своего развитія, по ступенямъ послѣдовательнымъ, оно явилось и потому именовано *Кіевскимъ*, *Владиміровымъ*, *Богатырскимъ*, *Новгородскимъ*, *Княжескимъ*, *Суздальскимъ*, *Московскимъ*; въ Московскомъ оно предстало намъ какъ *Былевое-Историческое*, съ историческимъ пошибомъ Былины, съ былевымъ характеромъ воспѣтой Исторіи: Былины Петровскія — по преимуществу *Историческія*, это вѣрнѣе даже не Былины въ смыслѣ прежнемъ, тѣсномъ и собственномъ, это *Историческія Пѣсни*. Движеніе жизни тѣмъ не кончилось: мы еще увидимъ послѣ Петра, какъ постепенно въ творчествѣ стерлись и замерли черты самой исторіи, какъ исторія потеряла себѣ выраженіе въ творческомъ народномъ словѣ, какъ наступила пора однихъ лишь повтореній и воспоминаній, какъ изсякли силы для всякого новаго созданія творческаго въ прежнемъ родѣ, Былевомъ ли чисто, Историческомъ ли всецѣло. Мало и этого: *искаженныя* Пѣсни Историческія увидали рядомъ съ собою *ослабѣвшія* Пѣсни Былевыя, — тѣ, кои потеряли всякое соотношеніе съ исторіей и восполнили историческую убыль сугубымъ оби-

ліемъ безотносительныхъ пріемовъ эпическихъ, въ пѣсняхъ *Безъимянныхъ* и *Молодецкихъ*. И этимъ еще не завершилось: и онѣ, пѣсни Безъимянныя, остались въ одной памяти для повторенія, съ силою воспроизведенія, но безъ мощи производительной, съ удѣломъ замереть въ пѣсняхъ такъ называемыхъ «лирическихъ» или «женскихъ,» въ той средѣ, въ той широкой области силъ и началъ внутреннихъ, изъ которой нѣкогда выросъ и въ которую возвращается организмъ, уже не для новой жизни, а чтобъ дожить здѣсь остатокъ бытія своего и передать новымъ будущимъ народамъ разложившіеся свои образы, расплывшіяся очертанія, какъ элементы и стихіи. Здѣсь ли, въ неотвратимомъ, постепенномъ умираніи, конецъ творчеству устному, *народному*? Да, оно будетъ отселѣ изучаться по памятникамъ, собраннымъ и записаннымъ для исторіи—какъ науки. Конецъ ли здѣсь всякому *творчеству*? Сохрани Богъ: начало и просторъ искусству личному, поэзіи письменной, художественному слову въ печати, чтобы, прошедши искусъ воспитанія и опытъ образцовъ народныхъ, подняться также до самостоятельнаго творчества; и дай Богъ быть преемнику, въ его дѣлѣ, такимъ же творцомъ и столь же народнымъ вторично, какимъ успѣлъ себя явить народъ нашь въ произведеніяхъ устныхъ первоначально. Нація, государство, а быть можетъ даже національное государство—на долго обезпечатъ еще пригодную среду для успѣховъ развитія сего рода въ грядущемъ [3]).

Мы не пойдемъ теперь далеко въ періоды позднѣйшіе: на то впереди есть у насъ еще много будущихъ «выпусковъ» съ наглядными образцами. Мы возвратимся и остановимся на завершительномъ періодѣ нашего творчества Былеваго, когда явилось оно *Пѣснями Историческими Петрова времени.*

[3]) Подробности о сихъ вопросахъ изложены нами въ публичныхъ Чтеніяхъ объ исторіи Русскаго народнаго творчества, 1869 года, которыя надѣемся скоро предложить въ печати, если начало ихъ не задержится еще долѣе обстоятельствами.

IX

Это не исторія внѣшней дѣйствительности Петровской, какъ текла она сама въ себѣ и сама собою, не документы историческіе и акты Петровской эпохи, письменные или печатные съ самой минуты своего происхожденія, не тотъ матеріалъ для исторической науки, въ коемъ каждое показаніе отвѣчало бы внѣшнему событію, тѣмъ болѣе не плодъ историческаго личнаго сознанія или не историческая наука, въ родѣ безпристрастнаго изложенія Устряловскаго или увлеченнаго разсказа Соловьевскаго. Это исторія Петра, времени его, дѣятелей и дѣятельности эпохи, какъ протекла сія исторія *въ жизни народной*, отзываясь въ этой послѣдней изъ сферъ политическихъ, общественныхъ, религіозныхъ и, короче, всѣхъ тѣхъ, кои различны отъ собственнаго существа и бытія народнаго, если не противуположны ему, то однако не совпадаютъ съ нимъ, не замѣняютъ его и имъ не замѣняются. Не все здѣсь дошло до народа, народъ не пережилъ всего того, что имѣло мѣсто внѣ его, въ дѣлахъ политическихъ, общественныхъ и религіозныхъ изъ той эпохи. Это исторія *существа и бытія народнаго* въ данный Петровскій періодъ общей Русской жизни. Если здѣсь есть что либо политическаго, общественнаго, религіознаго, то лишь на столько, на сколько въ эту пору самъ народъ жилъ политически, въ представителяхъ своихъ среди общества или въ области религіозной; и все это, обратно, нашло себѣ здѣсь мѣсто лишь по стольку, по скольку было народно. Еще тѣснѣе: сюда не вошло вполнѣ даже всего того, что прожито было тогда самимъ народомъ во внѣшней его жизни и дѣйствительности: многое утекло съ потокомъ внѣшнихъ событій и въ числахъ времени, прошло и миновало оставляя слѣдъ въ самой внѣшней жизни, но не доходя до сознанія, не двигая мыслью и чувствомъ, не отверждаясь въ памяти, не творясь творческимъ образомъ, не оповѣщая себя творческимъ словомъ. Народъ не лѣтопись, не актъ, не документъ, не перо и печать: не записываетъ подъ рядъ; не удерживаетъ

во внѣшнемъ памятникѣ сплошной полноты дѣйствительной; намѣренно не сочиняетъ, не пишетъ, не оставляетъ по себѣ исторію. Отпечатлѣлось здѣсь только то, что̀ *дошло до народнаго сознанія*: въ немъ прожило, въ немъ отозвалось и удержалось, въ немъ оставило слѣдъ и изъ него воздвиглось особымъ памятникомъ, какъ памятью прожитаго и двигателемъ будущаго. Опредѣленное явленіями жизни внѣшней, народное сознаніе сравнительно съ нею сосредоточеннѣе и такъ сказать гуще своими стихіями, экстрактнѣе, вторичнѣе: сколько частныхъ событій, случаевъ, жизней, лицъ, силъ, должно было пройти и миновать, чтобы изъ всего этого выработалось общее сознаніе народа, отпечатлѣвшее въ себѣ всю эпоху въ результатѣ, въ извлеченіи, въ выводѣ! Масса элементовъ, слагающихъ народную жизнь, не вошла цѣликомъ въ народное сознаніе: вспомнимъ, что сюда не вошла разнообразная жизнь личная и даже семейная, сюда не поступили событія, случаи, мысли, чувства, внутреннія движенія и взгляды безчисленныхъ лицъ, многихъ тысячь семействъ. Личное и семейное вошло только то, что̀ было народно и только своею народною стороною; и не только что̀ было народно, но лишь то, что̀ удостоилось народнаго сознанія. Лица и семейства прожили эпоху не безъ сознанія же, самаго живаго, самаго разнороднаго: весь и цѣлый, самъ народъ взялъ въ свое общее сознаніе отсюда только то, что̀ было общимъ для цѣлаго народа. Сколько самыхъ высокихъ, самыхъ вліятельныхъ лицъ миновало, чтобы оставить въ народномъ сознаніи окрѣпшій образъ Шереметева, Палія, Флора, еще пять-шесть, еще съ десятокъ такихъ,—и только; сколько народнаго должны были имѣть въ себѣ, больше другихъ, эти именно лица, чтобы занять мѣсто въ сознанной народомъ исторіи; сколько семействъ пробыло-прожило жизнью, мыслью, чувствомъ и словомъ, чтобы опредѣлился предъ взглядомъ народа семейный вопросъ въ дѣлѣ Лопухиной или въ этомъ десяткѣ семействъ, то обрадованныхъ, то горюющихъ въ Петровской пѣснѣ по поводу Пет-

ровскихъ событій; сколько, говоримъ, широты и разнообразія этаго семейнаго матеріала потребно было, чтобы выжать у цѣлаго народа эти двѣ-три «семейныхъ» слезы, просвѣтлѣть двумя-тремя улыбками «семейной» отрады! Тысячи безъименныхъ слагателей, лицъ, кипѣвшихъ творческими силами, умерло, исчезло и забыто прежде, чѣмъ плодомъ ихъ дѣятельности и творчества явились десятки пѣсней, принятыхъ народомъ въ народное достояніе, признанныхъ присными и общими, запечатлѣнныхъ народною печатью, какъ собственность народа; личныя силы вошли элементами въ народное творчество только съ той стороны, съ которой онѣ были народны, и, теряя свой отпечатокъ личный, выражали собою уровень и характеръ общаго сознанія народнаго. Такъ, здѣсь явилась намъ *исторія народная, во сколько она сознана общимъ народнымъ сознаніемъ цѣлаго народа*. Но и этого мало, границы еще съуживаются: не все, что было сознано симъ способомъ и на семъ пути, сдѣлалось удѣломъ *творчества*, поступило въ *творческій образъ* и воплощено въ немъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ эту эпоху сознаніе народное со всею силою, со всѣмъ увлеченіемъ, вниманіемъ и соучастіемъ жило, питалось и развивалось, на примѣръ, на такихъ событіяхъ, какъ расколъ старообрядства или рѣзкое устраненіе земства изъ участія въ общихъ дѣлахъ, когда отправленія земскія замѣнены были коллегіями и разнороднымъ наборомъ чиновнической службы: и однако ничего подобнаго не нашло себѣ доли въ былевомъ творчествѣ народа. Измѣненія въ крестьянскихъ отношеніяхъ, потрясенія въ экономическомъ бытѣ, наплывъ иностранцевъ и тому подобныя явленія также точно не отозвались ни однимъ творческимъ словомъ, хотя весьма ясно сознавались и оставили по себѣ память, даже въ произведеніяхъ словесности,—только не устной творческой, а письменной. Далѣе, весьма многое, сознанное въ ту эпоху народомъ, жило и живетъ доселѣ не только въ памятникахъ письменности, но и въ устныхъ разсказахъ, преданіяхъ, утвердившихся обычаемъ выра-

женіяхъ, пословицахъ (на примѣръ—«не дорого Нарышкиныхъ богатство—дорога Наталья Кириловна»), даже въ цѣлыхъ сказкахъ: не поднялось все это лишь до творчества «пѣсни,» до поэтическаго слова «былины,» или, лучше, поднялось на эту степень весьма ограниченное количество матеріала, избранное, именно «изящное.» Наконецъ, даже изъ сложенныхъ въ ту пору пѣсней, обличающихъ явные признаки того времени въ своемъ происхожденіи, не все возвысилось до пѣсни «Исторической,» а изъ ея сокровищь дошло къ намъ, то есть уцѣлѣло въ народѣ, или, иначе, сбереглось цѣльнымъ достояніемъ цѣлаго народа количество еще меньшее, выборъ еще тѣснѣйшій: прочее улетѣло съ минутой или годами, не имѣло въ себѣ долговѣчности, не оказало непрерывности, не заключало въ себѣ этихъ свойствъ истинно-творческаго произведенія. Столь замѣтныя во всемъ настоящемъ выпускѣ, усилія наши подобрать и связать осколки, самый успѣхъ этихъ усилій, вознаградившій насъ живою Петровскою картиной,—все это доказываетъ собою: во первыхъ обиліе творческихъ образцовъ, сопровождавшихъ жизнь эпохи и нерѣдко оставившихъ намъ одни лишь отрывки; во вторыхъ условія слабости или зародыши ранней смерти, во многихъ внутри лежавшія; и въ третьихъ строгій выборъ народа, сортировавшаго въ своемъ достояніи преходящее отъ существеннаго и вѣчнаго, мимолетное и обреченное гибели отъ достойнаго жизни и памяти. Въ концѣ концовъ, по всѣмъ признакамъ и по сличенію съ эпохами прежними, не сомнѣваемся еще и въ томъ, что въ періодъ Петровскій слагались многія произведенія вполнѣ творческія, даже лучшія, чѣмъ нынѣ имѣемъ въ рукахъ, но не дошедшія къ намъ по тому лишь, что сфера ихъ—устная область—слишкомъ непрочна и расплывчива въ дѣлѣ «памятниковъ,» коихъ намѣренно не ставитъ себѣ живой народъ, пока не думаетъ онъ о смерти, прямѣе сказать—потому, что, благодаря извѣстнымъ случаямъ и нашему невниманію, пѣсня не записана во время и изъ устъ лучшаго пѣвца, не попала на нашу бумагу,

а это еще потому, что лучшіе, образованнѣйшіе слои народа переставали уже пѣть, пѣсня сходила въ нисшія массы, но и здѣсь глохла въ безвѣстности, ибо не интересовала высшихъ. Это подлинное несчастіе, которому уже не причиненъ самъ народъ, но несчастіе однако тѣмъ въ особенности поучительное, что, стало быть, съ той поры искусство письменное и художество книжное, забравши всю силу и весь передній планъ, игнорировало, закрыло бытіемъ своимъ бытіе творчества народнаго, однимъ словомъ за-было, а между тѣмъ рѣзко отдѣлилось отъ народнаго и признакъ «народности» остался лишь за стихіями самыми *простыми*, на которыя обратно разлагается цѣлый сложившійся народъ при концѣ народнаго бытія своего. Это также немаловажное знаменіе, это характеристическая черта эпохи.—И такъ вотъ съ чѣмъ имѣемъ мы дѣло въ Историческихъ пѣсняхъ Петровскихъ и вотъ сколько для себя имѣемъ въ нихъ: слава Богу, что *не меньше*. Но, какъ скоро это имѣемъ, когда пѣсни сдѣлались передъ нами памятникомъ, когда записаны, собраны и лежатъ передъ нами въ печати, мы по счастью имѣемъ въ нихъ *больше*, чѣмъ бы казалось съ перваго взгляда, и въ этомъ сейчасъ убѣдимся: только мы пойдемъ другимъ, обратнымъ путемъ разсмотрѣнія и окинемъ взглядомъ предметъ нашъ уже не съ верху въ низъ, отъ положительной исторіи до уцѣлѣвшаго народнаго творчества, а съ низу въ верхъ—отъ пѣсней нашего простаго народа къ сложному, широкому и разнообразному ихъ матеріалу, къ воспѣтой въ нихъ исторической жизни и къ самой дѣйствительности Петровскаго времени.—Правда, въ настоящемъ случаѣ передъ нами свидѣтель—народъ простой: но тѣмъ проще, безъискусственнѣе, неподдѣльнѣе, надежнѣе и вѣрнѣе его показанія; послѣдствія невѣжества, незнанія или ошибки, какъ на примѣръ порчу именъ или *море Хвалынское* вмѣсто *Варяжскаго*, *Левенгауптъ* вмѣсто *Ласси*, и т. п., гораздо легче замѣтить, отдѣлить или поправить, чѣмъ многія вещи, проистекавшія совсѣмъ изъ другаго источника, у Голикова, Штелина, Прокопо-

вича. Даже то, что въ этой области «не дошло» до насъ, несравненно возможнѣе дополнить или представить себѣ, нежели то, что было намѣренно «скрыто.» Что бы ни говорили, лишь за нисшими слоями удержалось у насъ названіе «народа» въ собственномъ смыслѣ: это народъ «уцѣлѣвшій» и мы въ правѣ, мы обязаны понимать его какъ народъ «цѣлый,» по крайности за неимѣніемъ другаго «болѣе цѣлаго.» Какъ ни мелки отрывки его пѣсней, какъ ни ослабѣло, можетъ статься, творчество въ сихъ образцахъ, никто не усумнится признать его творчествомъ «народнымъ:» между тѣмъ какъ не именуемъ же мы народнымъ творчествомъ произведенія Петровскихъ кантъ, Преображенскаго приказа, Кантеміра или поэму Петръ Великій, даже Полтаву, какъ ни близко «возвращается» она путемъ своимъ къ народному творческому типу. Во всякомъ случаѣ, намъ представляется истинное «творчество:» гдѣ единый образъ часто замѣняетъ собою тысячи прозаическихъ реляцій, гдѣ силы народа свободно настроены и подняты къ созиданію, притомъ силы лучшія и высшія, гдѣ духъ крѣпнетъ и свѣтлѣетъ, гдѣ онъ имѣетъ въ виду одну только истину, красоту и благо, гнушается дрязгами и случайностями обиходнаго житейскаго взгляда или личныхъ намѣренныхъ тенденцій, гдѣ устами движетъ не только предметное созерцаніе окружающаго міра, но съ тѣмъ вмѣстѣ высшее пѣснотворческое провидѣніе и прорицаніе. Къ созданію творческому притекли здѣсь силы не одного узкаго или условнаго кругозора, обведеннаго тогдашнею эпохой, но столько же прожитаго прошедшаго, силы всего прежняго творчества Былеваго и даже болѣе ранніе зачатки его, какъ элементы, сосредоточенные на любимомъ произведеніи: безъ любви къ созданію не были бы вызваны эти элементы изъ глуби прошлаго, а мы видимъ въ пѣсняхъ Петровскихъ и краски Слова о Полку Игоревѣ, и черты Былинъ Богатырскихъ, и пріемы самыхъ старшихъ пѣсней —Обрядныхъ, на примѣръ Плачей или Заплачекъ. Не на искаженіе же дѣйствительности или истины исторической совер-

шенъ такой подъемъ творческаго духа: на оплодотвореніе и оживленіе, на вящую истину, красоту и правду. Средства и способы Былевые не уничтожаютъ, не ослабляютъ здѣсь Исторіи: Исторія дѣйствительности только преломляется здѣсь въ творческомъ Былевомъ міросозерцаніи, подобно какъ одинъ и тотъ же бѣлый лучь живетъ одинаково и въ разложеніи своемъ, и въ переливахъ цвѣтовъ радужныхъ. При всей свободѣ творческой, мы тѣмъ не менѣе усматриваемъ здѣсь исторію, мы встрѣчаемъ историческія имена, мѣстности, года и событія; намъ удобно дополнять здѣсь творческія картины свидѣтельствомъ соотвѣтственныхъ показаній исторіи положительной и письменной. И съ этой, говоримъ, внѣшней творчеству, стороны, мы видимъ въ немъ за Петровское время гораздо болѣе *историческаго* въ тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ за всѣ эпохи предшествовавшія, даже Московскія. Отсюда же, восходя выше и раньше, мы постепенно теряемъ болѣе чертъ Историческихъ, встрѣчаемъ болѣе Эпическихъ, Былевыхъ; отсюда, съ опредѣленной точки зрѣнія, выучиваемся мы признавать извѣстныя степени исторической дѣйствительности въ самыхъ старшихъ произведеніяхъ нашего народнаго эпоса и, нисколько не смѣшивая, сопоставлять съ исторіей *въ эпосѣ*—исторію *дѣйствительной* жизни. Только типическіе сочинители «происхожденія Русскихъ былинъ» способны въ этомъ сопоставленіи или взаимномъ дополненіи видѣть посягательство Исторіи на Эпосъ, вмѣсто правильнаго различенія усматривать здѣсь помѣсь враждебныхъ несродныхъ областей, или же, на оборотъ, неспособны замѣтить въ Былевомъ творчествѣ своего рода народную Исторію. Они не постигаютъ, что такого рода исторія въ прямомъ соотвѣтствіи съ исторіей всякой, сколько бы ни выступала сія послѣдняя до крайнихъ предѣловъ внѣшности; они не постигаютъ, что это также совершенная дѣйствительность: но, дѣло въ томъ,—это исторія творческая, дѣйствительность творческихъ образовъ, творческая исторія исторіи. Такъ, не только пластика и живопись образовъ народныхъ, не только творческое слово

и неразрывная съ нимъ народная музыка, это живое, еще не распавшееся сочетаніе силъ въ творческомъ мірѣ народа, но даже и тѣ, порознь раздѣлившіяся позднѣе искусства, ваяніе, живопись, изящная литература и музыка воспроизводятъ передъ нами своеобразную исторію народа никакъ не менѣе лѣтописи, историческаго изслѣдованія и учебника. Рядъ греческихъ статуй, послѣдованіе нѣмецкихъ музыкальныхъ созданій—съ избыткомъ можетъ если не замѣнить, то конечно восполнить Геродота, Ѳукидида и Ксенофонта или трудолюбивыхъ историковъ Германіи. Когда же эта творческая повѣсть, обращенная лицомъ своимъ къ историческимъ событіямъ, вторично ихъ «претворившая» въ своемъ лонѣ и взлелѣявшая въ высшемъ духовномъ образѣ, другими словами—эта повѣсть народнаго историческаго самосознанія, разсказавшая поэтически, какъ созналъ себя самъ народъ въ извѣстную историческую эпоху, когда она, говоримъ, нынѣ предлежитъ намъ уже въ письменности, какъ письменный и даже печатный памятникъ: ни сколько не бѣднѣе она, не слабѣе, не молчаливѣе, не у́же и не сомнительнѣе любаго, какого угодно, историческаго документа, напротивъ во многомъ богаче, живѣе, краснорѣчивѣе, осязательнѣе, открытѣе, чище, искреннѣе, неподкупнѣе, вліятельнѣе, вожделѣннѣе. Всякой порядочный историкъ отнынѣ воспользуется симъ для исторіи Петра и Петровской эпохи: въ наукѣ восполнился громадный, значительно прежде ослаблявшій ее, пробѣлъ. А когда, наконецъ, въ этомъ новомъ, прямо изъ устъ народа столь свѣжемъ еще памятникѣ видимъ мы явную любовь народа къ Петру и искреннее къ нему сочувствіе, когда встрѣчаемъ воплощенное представленіе всего величія тогдашнихъ событій и сознаніе далеко проникающее впередъ, въ ожиданіи знаменательныхъ плодовъ отъ будущаго и съ терпѣніемъ передъ тугимъ ростомъ началъ новыхъ, крѣпкою рукою втиснутыхъ въ тогдашнюю почву Русской жизни: мы отнынѣ, что̀ бы ни говорила о Петрѣ и какая бы ни говорила намъ исторія, сошлемся всегда на творчество

народное. Ясный историческій взглядъ на эпоху не рѣдко подтвердимъ мы: да, то же самое и также точно говоритъ самъ народъ нашь въ своихъ пѣсняхъ; самую обличительную тенденцію встрѣтимъ порою словами: однако же не такъ передается дѣло въ творческомъ образѣ самого народа. Историческую истину можно поздравить съ немаловажнымъ торжествомъ правды.

Не смотря на особыя отличія двухъ историческихъ эпохъ, въ самой личной жизни Петра, въ характерѣ его, положеніи и даже въ нѣкоторыхъ событіяхъ его времени давно замѣчено проницательными, хотя и немноготомными, историками разительное сходство съ Иваномъ Грознымъ: отношенія къ супругамъ и къ сыну дополняютъ собою параллель. Творчествомъ народнымъ развито это сближеніе почти до единства образовъ, до повторенія пріемовъ и красокъ, до тождесловія выраженій. Казни Грознаго какъ будто оживаютъ и уясняются казнями Стрѣльцовъ и Большаго Боярина; умолчанная въ пѣсняхъ судьба Петрова сына съ избыткомъ обрисована покушеніемъ Грознаго на собственное дитя свое; Флоръ со своими товарищами отвѣчаетъ Ермаку; борьба императора съ Драгуномъ напоминаетъ собою живо борьбу Кастрюка, и если Грозный любуется, какъ «Русакъ тѣшится,» то въ Петрѣ творчество ступило лишь далѣе, переведя эту потѣху на единоборство самого государя. Въ особенности же сопоставляетъ народъ того и другаго, выражая ясно свой сходный взглядъ на обоихъ, когда Монастырь Румянцевъ и Правежь повторяются тамъ и здѣсь; Плачь отверженной супруги до того роднится при обоихъ, что нужна большая опытность въ признакахъ творчества, дабы различить здѣсь эпохи, отстоящія на полтораста лѣтъ; покореніе Азова передается тѣми же почти образами и словами, что покореніе Казани; Плачь по умершемъ царѣ, начатый въ Былинахъ съ Ивана, прошедши промежутокъ годовъ, со всею силою воскресаетъ при гробѣ Петра и лишь отсюда дѣлается первообразомъ для подобныхъ Плачей послѣдующихъ. Сопоставленіе это, разумѣется, нисколько не роняетъ Петра: оно

выясняетъ намъ образъ и дѣйствительное величіе Ивана. Для народа тотъ и другой стоятъ самыми знаменательными точками или, правильнѣе, образами во главѣ двухъ важнѣйшихъ періодовъ Московскаго, Былеваго-Историческаго творчества: первый собралъ и сосредоточилъ творчество вокругъ лица своего, впервые далъ жизнь, цвѣтность характера и полноту былинамъ Московскимъ; второй, по минованіи промежутка, завершилъ ихъ и въ заключительной полнотѣ пронесъ ихъ съ именемъ своимъ по всей Россіи до отдаленнѣйшихъ окраинъ. Только этими двумя образами возбуждено въ равной мѣрѣ творческое настроеніе народа, только на нихъ сосредоточилось до полноты и единства въ Московскомъ своемъ періодѣ, только къ нимъ отнеслось съ непрерывнымъ сочувствіемъ. Покойный П. В. Кирѣевскій замѣтилъ, что «въ пѣсняхъ о Іоаннѣ Грозномъ народъ сохранилъ воспоминаніе только о свѣтлой сторонѣ его характера. Онъ поетъ о славномъ завоеваніи Казани и Астрахани; о православномъ царѣ, которому преклоняются всѣ орды Татарскія; объ его любви къ Русскому народу и его радости, когда Русской удалецъ, на его свадебномъ пиру, поборолъ его гордаго шурина, Черкасскаго князя: но не помнитъ ни объ его опричникахъ, ни объ другихъ его темныхъ дѣлахъ. Такая память народа, во всякомъ случаѣ заслуживаетъ полное вниманіе историковъ [4].» Добродушный Ст. П. Шевыревъ еще дальше развилъ мысль сего рода, въ сторону уже исключительную, и нѣсколько разъ повторялъ, что въ этомъ видно исконное добродушіе нашего народа, его незлопамятство, его забвеніе и прощеніе злу. Такая прагматическая настроенность въ дѣлѣ исторіи и толкованіе событій благодушною нравственностью— если гдѣ возможны, то никакъ не прилагаются къ дѣлу творчества. Творчество искренне, ненамѣренно, вѣрно воспроизведенному творчески образу и себѣ самому, какъ вѣрно зеркало, а потому свободно отъ всякихъ тенденцій, хотя бы лучшихъ.

[4]) См. у насъ выпускъ I.

и нравственнѣйшихъ. Творчество, отчасти уже видѣли мы, совсѣмъ не думаетъ прощать: оно воспроизводитъ, по мѣрѣ своихъ силъ и интересовъ,—до послѣдней черты, не оставляя мѣста ничему скрытому и ни какихъ потаенныхъ закоулковъ, напротивъ усиленно стремясь проникнуть въ глубочайшіе тайники жизни; оно не живетъ воспоминаніемъ,—гдѣ воспоминаніе, тамъ нѣтъ уже творческаго процесса; въ самомъ повтореніи Былинъ, однажды сложенныхъ, народъ твердитъ живое, отрекаясь отъ всего мертваго, и съ точностью держится созданнаго прежде. Забвенію здѣсь подвергается только отжившее—въ *самомъ* творчествѣ, или замѣненное *новыми* его пріемами, иногда лучшими, иногда искаженными: не общій предметъ, не внутренняя сущность, не главный образъ, не основное воззрѣніе. Если теперь не слышно былинъ Петровскихъ съ характеромъ и тономъ *другимъ*, *инаковымъ*, то смѣло говоримъ, что его не было и въ старь. По причинамъ, указаннымъ выше, могла не дойти къ намъ «цѣлая» Былина, могли утратиться въ иной—смотря по пѣвцу—начало, средина, конецъ: но, если что слышимъ теперь, хотя бы въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ, то здѣсь ничего существеннаго, кромѣ развѣ мелочей и подробностей, не забыто. Да и не могло существовать такого снисходительнаго забвенія,—и вотъ тому самое яркое доказательство, которое не должны мы опускать изъ взора ни на минуту: Былины поются такъ, какъ онѣ сложены въ началѣ, съ забвеніемъ лишь того, чего вовсе въ нихъ не поется за утратою, а слагались онѣ—если когда либо, то въ Петровское время всего болѣе—*за одно* съ событіями исторіи, *тотчасъ* въ слѣдъ за ними, безъ всякого промежутка и, много-много, когда съ такимъ промежуткомъ, который лежитъ отъ событія внѣшняго до сознанія, отъ обиходной рѣчи до слова творческаго, отъ освѣщеннаго предмета до глаза, отъ впечатлѣнія предметнаго до образа въ воображеніи. Былины Петровскія научаютъ всю нашу интеллигенцію, что по тому же самому пути, только въ различной степени силы и съ разнообразіемъ пріема, творче-

ство народное, во всемъ своемъ предъидущемъ развитіи, спѣшно и вѣрно отвѣчало окружавшей дѣйствительности, не медля творило изъ родниковъ одушевленія своего, вызванное массою предлежавшаго внѣшняго матеріала. Чѣмъ выше, чѣмъ дальше въ старину, до глубины доисторической, различіе въ этомъ дѣлѣ состояло не въ медленности, не въ косности, не въ глухотѣ къ событію, не въ искаженіи роднаго, не въ переемѣ чужаго,—а въ перевѣсѣ того или другаго элемента, о которыхъ говорили мы, Былеваго въ тѣсномъ смыслѣ, иначе Эпическаго, или же элемента тѣсно-Историческаго и внѣшне-Историческаго. При Петрѣ, убѣдились мы и сейчасъ еще болѣе убѣдимся, элементъ историческій въ семъ дѣлѣ окончательно восторжествовалъ, до той степени, что, правда, допустилъ еще длиться жизнь эпоса, но уже могъ подорвать ее, при малѣйшемъ неравновѣсіи, и дѣйствительно, мы знаемъ, позднѣе послѣ Петра подорвалъ ее. Потому же здѣсь, сравнительно съ прежними эпохами, всего ярче черты, доказывающія одновременное или по крайности спѣшное сложеніе Былины—вмѣстѣ съ внѣшнимъ явленіемъ событія Историческаго, съ дѣйствительною и даже лѣтописною Исторіей. Достаточно уже ясно изъ прежнихъ томовъ нашего изданія, какъ, въ теченіе многихъ столѣтій, Былевыя пѣсни, съ постепеннымъ переходомъ своимъ въ Историческія, сопровождаютъ всю (хотя и не во всемъ) Исторію нашу, — предметъ пѣснопѣнія, творческимъ своимъ изображеніемъ и отраженіемъ; за Петромъ же слѣдятъ онѣ уже шагъ за шагомъ; отъ того здѣсь встрѣчаемъ мы такія положительныя историческія событія, такія несомнѣнныя имена, мѣстности и черты, что развѣ только г. Стасовъ можетъ усмотрѣть, на примѣръ, Алтай и Борнео подъ Шлиссельбургомъ и Полтавой: но не объ этихъ историческихъ элементахъ теперь говоримъ мы. Далѣе, въ творчествѣ не рѣдко видимъ подробности, доступныя лишь очевидцамъ, современникамъ, свидѣтелямъ и туземцамъ воспѣтой исторіи, на примѣръ о Кіевѣ съ его тогдашними улицами и древностями, о потѣшныхъ княже-

скихъ лугахъ, о Новгородѣ съ его старинными слободами, сотнями, приходами, мостами, о Московскихъ древнихъ урочищахъ, о Красной Мызѣ, Орѣшкѣ, Колывани, Выборгѣ, Вереѣ, Ладожскомъ каналѣ, или хоть о «потухшемъ мутномъ окѣ» Грознаго, о мелкихъ украшеніяхъ Гагаринскаго дома, и т. п.: опять только гг. Стасовы могутъ подозрѣвать здѣсь плутовство, лукаво скрывающее за собою подробности Киргизъ-кайсацкихъ ордъ; но опять не на этомъ мы здѣсь остановимся, — это понятно всякому здравому взгляду. Мы хотимъ здѣсь привести уже не то, что легко открывается *нашему взгляду*, а напротивъ тѣ свидѣтельства, которыми *сама пѣсня*, какбы перстомъ и указкой, *указываетъ намъ*, что она современна событію воспѣтому, что она говоритъ о *своемъ настоящемъ*, что даже *нынѣшній* пѣвецъ, повторяя *тогдашнюю* былину, становится *на ея точку зрѣнія*. Еще въ древнемъ нашемъ творчествѣ встрѣчаются нерѣдко такія выраженія, какъ на примѣръ при осадѣ Кіева отъ Татаръ, «А отъ пару было отъ конинаго А и мѣсяцъ - солнце померкнуло, А отъ духу Татарскаго *не можно крещенымъ намъ живымъ быть.*» Въ Новгородскихъ пѣсняхъ: «*А и нѣтъ у насъ таковà пѣвца Во славномъ Новѣ-городѣ* Сопротивъ Василья Буслаева.» При Былинахъ Московскихъ послѣ Ивана, мы имѣли уже случай замѣтить, даже по письменнымъ документамъ явно не проходило года между событіемъ и пѣснею о событіи (рукопись Ричарда Джемса); или, на примѣръ, однѣ лишь ближайшіе современники могли пѣть о Ѳеодорѣ и Борисѣ: «*Есть еще на Москвѣ* православный царь, *Побѣжалъ* еси, собака, Крымской царь;» о Самозванцѣ: «За что *на насъ* Господь Богъ прогнѣвался, Сослалъ *намъ*, Боже, прелестника, Уже ли онъ Разстрига на царство сѣлъ?» «Было *у насъ въ Миколу во пятницу*,— А Стрижка-ярышка у баню идётъ;» о пріѣздѣ Филарета: «А что *скажутъ* (говорятъ), въѣхалъ батюшка, Государь Филаретъ Микитичь;» о пожарѣ въ домѣ Шереметева: «Отчего наша каменна Москва загоралась (послѣ горѣла не разъ и отъ

другихъ причинъ);» о стоянкѣ подъ Ригою: «Что стоялъ Царь-Государь по три годы, Еще *бывшій* Алексѣй царь Михайловичь,» — разумѣется *недавно* бывшій; о Разинѣ и Разинцахъ пѣсня ихъ объ самихъ себѣ, вообще пѣсни самихъ героевъ и героинь—Ксеніи, Шереметева, Евдокіи и. т. д. Въ пѣсняхъ Петровскихъ еще болѣе такого рода признаковъ современнаго сложенія пѣсни, на каждомъ шагу: «*Бывало*, де, православный царь Любилъ стрѣльцовъ, много жаловалъ, *Нынче государь на насъ прогнѣвался* И хочетъ стрѣльцовъ казнить-вѣшати.» — «*Дотолѣва* зе́ленъ садъ зелёнъ стоялъ, *А нонче* зе́ленъ садъ присохъ-приблёкъ (о томъ же).»—«Бѣжитъ-то изъ Москвы скорый посолъ, Держитъ во рукахъ грозный указъ, *чтобы были мы солдатушки* пріубраные, — *Намъ заутра, солдатушкамъ, въ походъ итти*, Въ походъ итти подъ Азовъ городъ.»— *Ахъ служили мы на границѣ три годочка, Намъ* ни вѣсточки, ни грамотки съ Дону *нѣту*,—На четвертомъ годочкѣ перепала вѣсточка.»—«Вечо́ръ-то *мнѣ*, матушка, малымъ-мало спалося, Что малымъ-мало спалося, много видѣлося,»—и разгадка сна—«Бѣлъ-горючь камень,—то *нашъ* Кремль-городъ, Сизой орелъ,—то *нашъ* Батюшка православный царь, *Побѣдитъ нашъ государь землю Шведскую.*»—«Какъ никто-то про то не знаетъ, не вѣдаетъ, Что куда нашъ государь-царь снаряжается: Снаряжается государь-царь въ землю Шведскую, *Онъ, меня ли, добра молодца, съ собой беретъ, Ужь какъ мнѣ ли, добру молодцу, не хотѣлося.*»—«Какъ куды же нашъ православный царь собирается? Собирается православный царь во ины земли, Во ины земли во Шведскія.»—«Какъ во тысяча во семьсотъ во первомъ году, Да и шестаго мѣсяца Іюня, Какъ шестаго на́ десять во числахъ,—Тамъ шелъ-прошелъ царскій Большой Бояринъ, Кавалеръ Борисъ Петровичь Шереметевъ (до такихъ мелочей простирается точность вообще въ описаніи походовъ Шереметева).» — «Тутъ много мы Шведовъ порубили, А въ трое того въ полонъ ихъ взяли: Тѣмъ прибыль государю учинили.»—«Во славномъ городѣ *въ Орѣшкѣ, По нынѣшнему зва*

нію Шлюшенбургѣ,—Идетъ тутъ царевъ Большой Бояринъ.»—«Ты злодѣй-злодѣй, ретиво сердце, Ты бѣду мнѣ, молодцу, предвѣщало, Предвѣщало ты, а не сказало, Что быть ли мнѣ, молодцу, въ рекрутахъ, *А въ солдатахъ быть мнѣ и въ походѣ Что подъ славнымъ городомъ подъ Орѣшкомъ, По нынѣшнему званію Шлиссельбургомъ.»* — «Ахъ ты ноченька, ты ноченька осенняя, *Надоѣла ты мнѣ, молодцу,—наскучила, Стоючи, братцы, на караулѣ государевомъ, Что подъ славнымъ ли подъ городомъ подъ Выбургомъ.»* — «Въ тысяча семьсотъ первомъ годѣ, Во мѣсяцѣ было во Іюлѣ, Стояли солдаты на границѣ, А ни вѣстки, ни грамотки съ Руси нѣту, Въ три годочка перепала скора вѣстка (объ утратахъ),—*Еще ли намъ, ребятушки, не тошно?»*—«Выходила тутъ *наша* армія, *наша* армія *государева, Государя царя Бѣлаго, Царя Бѣлаго Петра Перваго*... Въ барабаны-то пробили по веселому, *Намъ указы прочитали по печальному... Какъ у насъ ли во ширинкѣ уронъ сдѣлался, Уронъ сдѣлался, гусары, генералъ померъ.»* Наконецъ эти безпрестанныя строки въ началѣ пѣсней—«Какъ у насъ было на святой Руси, На святой Руси, въ каменной Москвѣ,» «У насъ было на Тихомъ Дону,» «А у насъ было на синёмъ морѣ, На синёмъ морѣ на Балтійскіимъ,» и т. п.,—всего этого не перечтешь. Очевидно, во всемъ этомъ, вполнѣ современномъ, не могло быть мѣста ни *забвенію*, ни *прощенію:* сочувственно къ Ивану, а еще болѣе къ Петру, отнесся народъ въ ихъ собственную эпоху, какъ современникъ, съ полнымъ сознаніемъ лелѣя ихъ творческіе образы, съ яснымъ прозрѣніемъ завѣщая внимательному потомству величавыя пѣсни какъ живыя лица свидѣтелей. И если теперь поетъ народъ также, то, на оборотъ, значитъ,—*и теперь не забылъ* своего сочувствія, и теперь живетъ *тою* же мыслію и *тѣмъ* же сознаніемъ.

Мы ниже разсмотримъ еще до мелочей эту *современность* Петровской пѣсни, типъ ея и складъ—*не мыслимый* до Петра, *не возможный* въ созданіи послѣ него.

Теперь же намъ любопытно подмѣтить нѣкоторое *несоотвѣт-*

ствіе между сопоставленными творческими образами Ивана и Петра: оно такъ непремѣнно и должно быть въ извѣстной степени, по различію событій и обстоятельствъ, ушедшихъ далеко впередъ въ промежуткѣ полутораста лѣтъ. Намъ еще любопытнѣе: какими пріемами и оборотами выходитъ народъ изъ этого навязчиваго противорѣчія въ собственныхъ его творческихъ образахъ, какъ старается помирить ихъ единство или сходство, тогда какъ исторія дѣйствительности подсказываетъ рѣзкія отличія? Грозный казнилъ бояръ, высоко поставленныхъ лицъ и вообще имѣвшихъ несчастіе быть приближенными: народу, въ смыслѣ цѣлой массы или хотя нисшихъ простыхъ слоевъ, онъ былъ хорошъ, легка была жизнь подъ его правленіемъ, и отъ того, между прочимъ, такое сочувствіе къ нему въ творчествѣ. Совсѣмъ напротивъ, народъ, и особенно простой, а еще болѣе чернь, должны были почувствовать при Петрѣ многія неизвѣстныя дотолѣ тяготы жизни: это не измѣнило однако ни сочувствія, ни правды творчества. Народъ въ пѣсняхъ Петровскихъ подвергаетъ карѣ лица отборныя,—*Большаго Боярина*, атамана стрѣлецкаго; самаго большаго—*князя Голицына*; самаго любимаго — *Меншикова*; самаго богатаго—*Гагарина*: онъ явно уравновѣшиваетъ очертанія Петра съ установившимся образомъ Ивана. Иванъ свирѣпствовалъ *за измѣну*, и народъ нѣсколько разъ подтверждаетъ такую особенность, описывая, какъ *выводилъ онъ измѣнушку*; но измѣна часто была только мнимая, и народъ опять не пропустилъ сей черты, напротивъ выставилъ ее ярко въ неожиданномъ спасеніи сына и восторженной радости отца: послѣ эпохи Смутъ и еще болѣе при Петрѣ народъ имѣлъ случай убѣдиться, что гнѣздо измѣны не мечта и съ тѣхъ поръ, къ сожалѣнію даже съ излишкомъ, сваливаетъ доселѣ всѣ бѣды свои на какую-то измѣну, тамъ—гдѣ-то; Петръ уже не рисуется подозрительнымъ, не ищетъ по примѣру Ивана усильно какихъ ни будь подкоповъ, а между тѣмъ и внутри, въ Стрѣлецкихъ бунтахъ, и въ Донскихъ тревогахъ, и въ дѣлахъ Шведскихъ, и подъ Полта-

вой, сами событія убѣждаютъ безпрестанно въ намѣренныхъ продѣлкахъ враждебной силы; такъ и здѣсь народъ уравновѣшиваетъ и оправдываетъ событіями воспѣтыя нѣкогда подозрѣнія Ивана. Что въ представленіяхъ народныхъ, передъ творческимъ взглядомъ, носилась дѣйствительно параллель между тѣмъ и другимъ властителемъ, что однимъ образомъ пополнялся другой,—видно уже изъ того, что не только черты, самыя имена и лица переноситъ народъ отъ одного къ другому. Кромѣ помянутыхъ примѣровъ, очень важно то, что въ былинахъ Грозный, жалуясь на измѣну и лукавыхъ заступниковъ зла, не щадившихъ однако лицо и семейство государя, съ негодованіемъ выводитъ—кого же?—Петровскаго *Гагарина*: «Грозный царь Иванъ Васильевичь Всѣмъ князьямъ-боярамъ выговаривалъ: «По ворѣ по Гагаринѣ заступъ было, А по царскихъ родахъ и нѣтъ никого (Рыбник. ч. I)!»—Что же однако, забылъ ли дѣйствительно народъ о своихъ тяготахъ и нуждахъ при Петрѣ? Ни мало не забылъ, напротивъ творчески это выразилъ. Не говоримъ здѣсь о «разореніяхъ,» вымышленныхъ Сахаровымъ и разорившихъ подлинность его печатныхъ образцовъ; народъ влагаетъ Голицыну упрекъ противу Петра: «Ты за чѣмъ, государь-царь, черня-тъ разоряешь, Ты за чѣмъ большихъ господъ сподобляешь?» Но тутъ же рядомъ, въ пѣснѣ того же типа и происхожденія, народъ, проникнутый тактомъ историческаго самосознанія, такъ безпощадно характеризуетъ своего непрошенаго заступника: «Вотъ Москвою ѣхать князю,—ему было стыдно. Отъ чего же князю стыдно? Что первый измѣнщикъ.» Послѣ «рытья каналовъ» самая дѣйствительная и реальная тяжесть народу при Петрѣ состояла въ обязательной и частой казенной «службѣ,» которой ото всѣхъ такъ настоятельно требовалъ Петръ, и о которой, при господствѣ земщины и выборныхъ началъ, не грезили еще при Грозномъ: и точно, почти на каждомъ шагу въ Петровскихъ пѣсняхъ выставлены—эта «Грозна служба государева, Что часты-дальны походушки,» «Голова ль моя послуживая,» «Бѣдныя головушки солдатскія,» «Еще ли намъ,

ребятушки, не тошно» и т. п. Но посмотрите опять, какимъ образомъ относится къ сему народъ: жалуется онъ на самую службу какъ на зло, видитъ въ ней обиду и неправду? Нисколько. Это прежде всего представляется какъ *личное и частное горе*, основанное на прежнихъ привычкахъ быта народнаго, быта семейнаго, религiознаго, общественнаго, пожалуй даже на привычкахъ былаго порядка службы,—не больше: а личное и частное, разумѣется, всегда легче принести въ жертву требованiямъ высшимъ. Герой, часто въ пѣсняхъ появляющiйся подъ разными образами, и любимѣйшее лицо народное, сосредоточившее въ себѣ героизмъ эпохи, Шереметевъ—наивно, задушевно, искренно горюетъ, что ему «не хотѣлось бы изъ Москвы итти, хотѣлось бы при Москвѣ пожить, во дворцѣ служить, Московскимъ чудотворцамъ молитися, есть у нихъ до́ма зеленый садъ, тамъ батюшка съ матушкой, молода жена, дѣтушки...» Сравните же при этомъ послѣдующiя наши пѣсни «Рекрутскiя,» при наборахъ: тамъ, совсѣмъ на оборотъ, нѣтъ уже на первомъ планѣ этихъ сожалѣнiй, тамъ служба сама въ себѣ представляется роковой бѣдою и даже зломъ, при охлажденiи къ интересамъ государства или такъ называемаго, непонятнаго народу, «нацiональнаго единства.» Послѣ пѣсней Безъимянныхъ и Молодецкихъ мы еще будемъ имѣть случай, если Богъ дастъ, прослѣдить весь ходъ образовъ и представленiй въ этихъ пѣсняхъ «о службѣ,» съ отдаленнѣйшихъ временъ ея до послѣднихъ: и тамъ еще болѣе убѣдимся мы, какъ государственные и народные интересы, высоко поднятые и поставленные Петромъ Великимъ, отозвались сознательнымъ высокимъ возбужденiемъ въ самихъ пѣсняхъ его поры, побуждая народъ при крупныхъ образахъ творчества опускать изъ виду всѣ личности, частности и мелочи, или же допускать ихъ *только* въ качествѣ частностей и мелочей.

Мы видимъ такимъ образомъ, уже изъ нѣсколькихъ высказанныхъ замѣчанiй, что творчество Петровскихъ пѣсней связуется тѣсно съ предшествовавшимъ и въ особенности близко

примыкаетъ къ первому звѣну Былеваго творчества Московскаго, къ Былинамъ Ивана, а черезъ него уходитъ корнями своими въ глубь творчества еще старѣйшаго, отражая въ себѣ черты древнѣйшихъ Былинъ Богатырскихъ: подробности о сходствѣ образовъ, пріемовъ и самыхъ выраженій по возможности указаны нами въ примѣчаніяхъ къ тексту и отчасти окажутся сами собою при разсмотрѣніи отдѣльныхъ образцовъ. Эта связь съ предшествующимъ и предшествующаго съ Петровскимъ, общая взаимная связь всѣхъ Былинъ старшихъ съ Былевыми и позднѣйшими Историческими Пѣснями, только что у насъ отпечатанными, выражается во первыхъ, всего нагляднѣе, *внѣшнимъ* творчеству *историческимъ элементомъ*, о которомъ уже говорили мы: тѣмъ, что Былины сопровождаютъ и отражаютъ теченіе всей нашей исторіи, положительной, дѣйствительной, документальной, письменной, отъ Владиміра и первыхъ историческихъ именъ, окружавшихъ его, до смерти Петра. Вторая связь или связь другаго рода усматривается съ той точки зрѣнія, *какъ Былины относятся къ Исторіи:* какъ Былевое творчество, исходя изъ повѣсти о внутренней жизни слагавшагося и сложившагося народа, обращается съ извѣстными пріемами къ лицу событій внѣшнихъ; какъ Былевыя пѣсни постепенно проникаются ходомъ исторіи дѣйствительной; какъ на самомъ дѣлѣ сживаются эти двѣ стороны въ одно существо, пѣсни *Былевыя* становятся *Историческими*, Исторія же положительная и даже лѣтописная отражается въ нихъ, находя себѣ существенное пополненіе и одежду творческую. Мы наблюдаемъ такую постепенность шагъ за шагомъ по памятникамъ, нами отпечатаннымъ, и, если въ образахъ эпоса Владимірова должны были *отыскивать* не всѣмъ замѣтныя черты историческія, заимствуя ихъ въ пополненіе, поясненіе и опору изъ источниковъ дѣеписанія; если черты эти приняли совершенно *частный*, хотя и крупный еще, обликъ въ *исключительномъ мѣстномъ* творчествѣ Новгородскомъ, а при Князьяхъ разсыпались предъ нами по удѣламъ и по мелочамъ совершенно *област-*

ныхъ, *семейныхъ* или *личныхъ* событій: то въ Московскихъ Былинахъ предстала намъ *Исторія во всѣхъ силахъ и правахъ своихъ*, въ цѣлости и единствѣ, въ документальности образовъ творчества, въ творческомъ изображеніи несомнѣнной внѣшней дѣйствительности; а наконецъ, при Петрѣ, намъ приходится уже не столько искать Исторію въ Пѣсни, сколько *Пѣсню въ сферахъ Исторіи*, творчество при лѣтописи, поэзію народную при книжной прозѣ. На сколько здѣсь, послѣ пройденныхъ эпохъ, измѣнилось само Былевое творчество по отношенію къ Исторіи, достаточно для того, чтобъ убѣдиться, сравнить любую Богатырскую Былину круга Владиміровa съ пѣснями на примѣръ о походахъ Шереметева. Предметъ, достойный изученія, и нельзя не пожалѣть, что имъ доселѣ не займутся наши quasi-ученые и критики, вмѣсто праздныхъ разглагольствій о грубой Татарщинѣ или мизерномъ Миѳѣ въ нашей творческой, столь ясной и наглядной образами, жизни. Проходя этотъ путь, то есть слѣдя за связью и преемствомъ Былинъ, мы вступаемъ уже отчасти въ *исторію самого творчества*, на сколько *былевые* пріемы его и способы измѣняются, развиваются или движутся впередъ *внутри ихъ самихъ*, хотя и по стороннему иногда поводу: однимъ словомъ, не отыскиваемъ уже *Историческій элементъ въ Былинѣ*, а напротивъ, въ Былинахъ, несомнѣнно отражающихъ Исторію, наблюдаемъ послѣдовательность и развитіе самихъ *былевыхъ пріемовъ, способовъ, образовъ и выраженій*. Этими шагами, говоримъ, переходимъ мы къ связи третьяго ряда — къ *Исторіи самого народнаго творчества*, въ немъ самомъ, въ собственной его области: зависимо или независимо отъ всякой *другой* исторіи, только во всякомъ случаѣ это *исторія своя, собственная и особая*. Какъ на первыхъ порахъ творчества Былеваго, вынесеннаго на свѣтъ Божій изъ глубины доисторической, созерцаемъ мы образы и слышимъ повѣсть внутренняго бытія народнаго, внутреннюю исторію того, какъ самъ народъ слагался, сложился и явился на поприще исторіи народомъ; какъ

въ дальнѣйшемъ ходѣ по Былинамъ слѣдимъ Исторію дѣеписательную, во взаимныхъ соотношеніяхъ внѣшней дѣйствительности и творчества, событія и былеваго слова: такъ, послѣ извѣстныхъ пройденныхъ стадій на поприщѣ развитія, *само* творчество даетъ намъ *свою собственную исторію*, гдѣ мы можемъ даже, на примѣръ, забыть историческія имена, мѣстности и событія, какъ внѣшнія, гдѣ историческая дѣйствительность принадлежитъ уже самой пѣснѣ, гдѣ событіе, исторически развившееся, есть сама Былина, гдѣ историческій фактъ есть — *созданіе, составъ, складъ, строй, размѣръ, видъ, стихъ, напѣвъ, образъ, слово, звукъ* Былины. Эту *внутреннюю исторію самого Былеваго и всякихъ родовъ, лишь бы народнаго устнаго, творчества*,—еще плохо отличаютъ у насъ отъ *Исторіи внѣ творчества* или отъ *историческихъ отношеній* его: всѣ несчастія сочинителей происхожденія Былинъ, беззавѣтныхъ любителей Ильи Муромца и вообще Петербургскихъ критиковъ происходятъ именно пока отсюда, изъ этого источника не-до-раз-умѣній и не-до-умѣній. Вся вина и все извиненіе ихъ неуспѣха состоитъ въ томъ, что они сами не слѣдятъ, не слышатъ, не собираютъ, не записываютъ въ народѣ, не издаютъ въ связи его памятниковъ, а потому не держатся сихъ послѣднихъ какъ природы и вмѣстѣ исторической жизни, однимъ словомъ не идутъ обычнымъ путемъ плодотворныхъ естественныхъ наукъ и талантливой исторіи, напротивъ налетаютъ на устное творчество съ высока, съ кабинетнаго воздуха, съ облаковъ сигарнаго дыма или Петербургской атмосферы, съ исторической мысли, выработанной совсѣмъ инымъ путемъ, съ философскаго понятія о миѳѣ, представляющаго результатъ, а отнюдь не начало, съ насиженныхъ—почти гемороидальныхъ—припадковъ литературной—письменной—критики, даже прямо съ фантастическихъ рыцарскихъ зáмковъ своего отвлеченнаго воззрѣнія: то есть, строятъ зданіе науки съ крыши. Къ чему подобный пріемъ можетъ довести,—мы видѣли уже тому плоды въ печати: мы получили въ ученомъ ареопагѣ даже тако-

го одного критика, который, привыкши жизнь свою разбирать признаки рукописей, приписки ихъ, буквы и бумагу или пергаминъ, при нахлынувшемъ вдругъ потокѣ памятниковъ устнаго творчества, при интересахъ, возбужденныхъ къ изданію ихъ, до сихъ поръ съ невозмутимой стойкостію продолжаетъ здѣсь искать бумаги, буквы, приписки и чернильнаго «признака,» а за неимѣніемъ того не стыдится даже печатно проговариваться, что всѣ эти Былины *сочинены издателями* или по крайности *присочинены*. Между тѣмъ каждый новый нашъ шагъ въ изданіяхъ прибавляетъ собою новый періодъ, новую область данныхъ, новую широкую полосу для *исторіи самого творчества*: Петровскія пѣсни *заключаютъ* собою исторію сего рода, не меньше какъ тысячелѣтнюю, и по крайности при нихъ уже имѣемъ мы достаточно данныхъ, чтобы уловить организмъ и развитіе, ходъ, послѣдовательность, поступаніе, признаки, особенности такой многовѣковой жизни. Что же привносятъ къ *этого рода* исторической связи пѣсни Петровскія, какимъ звѣномъ примыкаютъ къ предъидущему и связуютъ съ собою послѣдующее? За ограниченностью мѣста и времени, скажемъ о томъ пока хоть въ нѣсколькихъ словахъ.

При изданіи 7-го выпуска, на сколько позволялъ намъ досугъ,—ибо мы все-таки считаемъ «изданіе» памятниковъ, на насъ судьбою возложенное, *пока* важнѣе всякихъ «разсужденій» о семъ предметѣ,—успѣли мы въ краткихъ чертахъ обозначить связь Московскихъ Былинъ съ предъидущими и спеціальныя ихъ отличія, съ точки зрѣнія ихъ внутренней исторіи. Мы видѣли постепенность перехода старшихъ формъ *Былины* въ *Побывальщину* и *Старину*, разложеніе ихъ на Пѣсни другихъ отдѣловъ, даже въ Сказку и простое Сказаніе: но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Московскомъ періодѣ творчества мы усмотрѣли *возобновленіе* силъ, способовъ и средствъ, творчество *воспрянувшее* и ознаменовавшее *новую жизнь свою* нѣкоторыми новыми формами, новыми пріемами и путями.—Мы здѣсь замѣтили особенную *краткость*, *точность* и *законченность*,

въ опредѣленности *сжатую* могучую *силу*, въ характерѣ силы *драматизмъ* и его первые яркіе зачатки, хотя еще туго связанные узломъ эпическимъ.— Въ *размѣрѣ* стиха послѣдовательно наблюдали мы, начиная отъ доисторической основы въ 8 слоговъ, вступившее со временемъ, на поприщѣ исторіи и при первомъ цвѣтѣ собственнаго эпоса, господство 10 слоговъ, уклоненія къ 9, 11 и 12, черезъ 13 (любимыхъ) слоговъ переходъ въ размѣры новые, зарожденіе *строфъ* и *припѣва*, *разломъ* стиха *на двѣ* связныя половины, и т. п.—Въ *напѣвѣ* Былинъ, чѣмъ ближе къ намъ, въ Московскихъ отличили мы небывалое дотолѣ *разнообразіе*, связь съ *лирикой*, рѣзкое дѣленіе *колѣнъ* или повтореніе одного въ *припѣвѣ* и т. п. [5]).— Разумѣется, все это совершалось въ связи съ исторіей *народныхъ инструментовъ*: XVII-й вѣкъ унесъ большинство ихъ съ лица нашей земли, даже тѣ средней поры инструменты, кои существовали у старшей Московской Руси: за то скоро замѣнилъ ихъ отчасти развитіемъ музыки полковой, военной, отчасти, въ самомъ народѣ, и преимущественно по окраинамъ или, что очень близко, по козацкимъ украйнамъ, инструментами *заносными*, исключительно струнными и притомъ *многострунными*, съ широтою діапазона и крайнимъ разнообразіемъ ладовъ [6]).—Наконецъ, въ выраженіи и языкѣ не могли мы опустить безъ вниманія особенную *простоту*, *естественность*, *ясность*, близость къ нашему *современному обиходу рѣчи* и также точно *родство съ языкомъ Московской письменности*, съ языкомъ *господствующимъ и установившимся въ литературѣ*,

[5]) Подробнѣе развита нами съ тѣхъ поръ теорія народнаго нашего стихосложенія, съ полнотою примѣровъ, въ помянутыхъ „публичныхъ Чтеніяхъ“ и особенно въ томъ, которое держали мы передъ Московскимъ Археологическимъ Съѣздомъ 26 Марта 1869 года. Оно еще не напечатано.

[6]) Исторія и виды нашихъ народныхъ инструментовъ изложены нами въ публичномъ Чтеніи передъ Московскимъ Археологическимъ Съѣздомъ, въ засѣданіи Общества древне-русскаго искусства 25 Марта 1869 года. Кажется будетъ напечатано въ изданіи Общества.

даже вторженіе *оборотовъ чисто-книжныхъ* или выраженій изъ документовъ письменныхъ и актовъ, а отсюда *близость къ печати* и самый легкій, такъ-сказать, самъ напросившійся переходъ въ старшія *изданія* нашихъ Пѣсенниковъ.—Нечего прибавлять, что все это отличіе «Московское,» и въ мѣрѣ бóльшей, и съ рѣшительнымъ перевѣсомъ, оказывается въ пѣсняхъ Петровскихъ, достойно заключившихъ собою Былевой періодъ Московскаго творчества. Но здѣсь, кромѣ того, есть еще нѣсколько шаговъ *впередъ*.— Пѣсня весьма часто выдерживаетъ старшій строй еще строгой, типической *Былины*; рѣдко ослабляетъ его до *Побывальщины* и вовсе не представляетъ примѣровъ, развѣ въ мелочахъ, — *Старины*, той формы, которая однако же господствуетъ въ уцѣлѣвшихъ до насъ образцахъ о Грозномъ. Въ Сказку, кромѣ двухъ-трехъ примѣровъ, нами приведенныхъ, Былины эти не переходили, и очень понятно: чѣмъ болѣе раскидывается здѣсь міръ историческій, тѣмъ менѣе сказочный, и, въ обратномъ отношеніи, чѣмъ выше восходимъ въ періодахъ Былеваго нашего творчества, тѣмъ болѣе тамъ элементовъ Сказки, пока, видимъ, совсѣмъ не завладѣла она нашимъ эпосомъ Доисторическимъ, разложивши его въ тысячи образцовъ своихъ. За то, напротивъ, пѣсня Петровская обыкновенно что ни будь одно: или строгая Былина, или уже *всякая* обычная *Пѣсня*, такъ называемая Лирическая, то есть Женская,—семейная, бесѣдная, тягольная и т. д.; другими словами, Былина, потерявши черты Былевыя и Историческія, перешла здѣсь не въ промежуточныя формы (Побывальщины, Старины) и не въ Сказку, а въ простыя обиходныя Пѣсни, смѣшалась съ ними и часто въ нихъ затерялась. Въ этой растеряности она сберегаетъ намъ порою только прежній *строй* и *размѣръ*, типически заданный Былиною, да еще нѣкоторыя мелкія черты, иногда по видимому даже однѣ лишь случайныя выраженія, и по симъ-то признакамъ, доступнымъ только опытному взгляду, вынимали мы часто изъ разнородной массы творчества пѣсню Петровскаго *происхожденія* и *харак-*

тера, или *дополняли* ею пѣсню чисто-историческую. Тѣмъ не менѣе, тамъ, гдѣ Былина еще уцѣлѣла, составъ ея и строй опять поражаетъ насъ характеромъ силы возобновившейся и воспрянувшей, яркою *возбужденностью* творчества, о которой, и даже причинахъ ея, мы упоминали выше. Какъ первыя собственно-Московскія Былины объ Иванѣ относятся къ періоду предшествовавшаго ослабленія и разложенія, къ періоду Княжескому и Областному, почти также Петровскія относятся къ Былинамъ, Побывальщинамъ, Старинамъ и всякимъ сего рода пѣснямъ XVII вѣка, у насъ прежде отпечатаннымъ (въ 7-мъ выпускѣ): творчество возстало *вновь* и еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ когда либо прежде, отличается законченностью, точностію, краткостію, опредѣленностію, сжатостію и сдержанностью силы. Единство Московское, въ основѣ народное, на вершинѣ общественное, во внѣшности государственное, единство царства и патріархата не прошло даромъ для творчества или, лучше, послужило и для сего послѣдняго замѣчательнымъ даромъ: имперія, новое войско, флотъ, преобразованія Петровскія и побѣды,—все это еще выше напрягло настроенность къ сознанію или по крайности чувству единства, цѣльности, опредѣленности, какой-то державной власти — во всемъ, даже въ творчествѣ и въ его словѣ. Строй творчества не могъ не отвѣтить сей общей настроенности: такъ называемая «*концепція*» Петровскихъ Былинъ нерѣдко удивляетъ своею искусною *выдержкой*, художественной *строгостью*, *цѣльностью*, *единствомъ*. Особенно, если попробуете это сравнить съ широтою, плодовитостью, цвѣтистостью, расплывчивостью, наклонностью къ эпизодамъ и тому подобными отличіями въ старшихъ, Богатырскихъ Былинахъ, на другомъ, Южномъ и старшемъ концѣ нашего творчества. Драматизмъ, о которомъ мы говорили прежде, такъ уже силенъ теперь, что сказывается въ самой внѣшней формѣ выраженія: Былина безпрестанно выводитъ *разговоры* лицъ дѣйствующихъ; въ разсказъ входитъ съ рѣчами *самъ народъ отъ себя* (особенно въ пѣснѣ о Голицынѣ); вступ-

леніе къ Шведскимъ войнамъ цѣликомъ излагается *въ діалогахъ* и *репликѣ*; говоритъ отъ себя *Москва-рѣка-Смородина*, говоритъ *Земля* (о Ладожскомъ каналѣ), говоритъ и жалуется *Донъ*... И это все тѣмъ замѣчательнѣе, что для Былины Петровской представлялось гораздо больше искушеній сойти съ подобнаго пути, чѣмъ во всѣхъ періодахъ предшествовавшихъ: обокъ съ нею, возникшее еще прежде, развилось теперь, окрѣпло и обозначилось всѣми особенностями *творчество Окраинъ* или, что почти то же для тогдашней эпохи, *Козацкихъ украйнъ*. Не Маллороссія могла вліять здѣсь, объ ней рѣчь еще впереди: наше ближайшее, наше присное козачество, хотя родомъ оттуда же, но въ новыхъ, «Московскихъ» формахъ, заиграло роль дотолѣ небывалую. Начавшееся для насъ собственно съ Ермака, оживленное Разинымъ, *творчество Козацкое* теперь было уже и полно, и обширно, и своеобразно. Между тѣмъ по характеру, какъ и сама дѣйствительность, оно отличалось рѣзко отъ обрисованнаго нами творчества Московскаго, тѣмъ болѣе Императорскаго и Петровскаго. По славнымъ рѣкамъ своимъ, которыя несли славу козачества до моря, по двумъ морямъ, Черному и Синему—Хвалынскому, а иногда и по третьему, Бѣлому—Средиземному, по прилежащимъ берегамъ и сотнямъ островов, въ тысячѣ мелкихъ, тѣмъ не меньше геройскихъ похожденій, слѣдомъ за подвижными дружинами и за подвигами многихъ тысячь удалыхъ личностей, творчество козацкое по преимуществу расплывчиво и почти безкрайно въ содержаніи своемъ, составѣ и строѣ; народные инструменты жителей осѣдлыхъ скоро совсѣмъ здѣсь исчезли, получили господство струнные, большею частію заносные и даже многострунные, бандура и кобза, потомъ торбанъ; въ прямомъ соотвѣтствіи съ симъ, стихъ растянулся, возросъ даже до 16 слоговъ, то есть вдвое противъ основныхъ восьми, переломился отъ такой длинноты на двѣ половины, разбился на части и отрѣзки, въ особый запѣвъ и разнородные припѣвы; напѣвъ козацкій то растянутъ до безконечности, то дробится на по-

вторяющіяся колѣна. Невозможно здѣсь, какъ и въ прочихъ Петровскихъ рѣдко, типическое перерожденіе Былины въ Старину и Побывальщину: напротивъ Былина поется дѣйствующимъ лицомъ и дѣйствующими лицами, это—*Пѣсня извѣстныхъ лицъ*, и мы видѣли много примѣровъ, какъ безпрестанно переходитъ она отъ лирической пѣсни лица къ эпическому разсказу о лицѣ и обратно. Высшій пунктъ такого развитія въ XVII вѣкѣ—пѣсни Разинскія. Къ этой-то области и эпохѣ относится своимъ происхожденіемъ большинство нашихъ пѣсней о Волгѣ и по Волгѣ, о Донѣ и по Дону, по Синему морю Хвалынскому, Степь — Царицынская, Моздоцкая, Саратовская, знаменитая «Молодость» и т. д., гдѣ стихъ и даже часто одно слово, одинъ слогъ и звукъ гуляетъ по нѣсколькимъ гаммамъ и регистрамъ. Когда не знали исторіи нашего пѣснотворчества,—а такое невѣдѣніе къ сожалѣнію длится съ рѣдкими исключеніями доселѣ,—въ этихъ пѣсняхъ видѣли древнѣйшій, исконный типъ Великорусскій, восторгались безконечною ширью и удалью, дивились неуловимости, умилялись тономъ протяжнымъ и заунывнымъ: тутъ нѣтъ іоты правды, все это сравнительно позднѣйшее, все — порожденіе окраинъ. Чѣмъ старше пѣсня наша вообще, тѣмъ,—развѣ отдѣляя порчу и новизну, строже и опредѣленнѣе складъ, короче составъ, сосредоточеннѣе художественность, размѣреннѣе и точнѣе стихъ, проще, яснѣе и уловимѣе напѣвъ, въ прямомъ соотвѣтствіи съ болѣе древними народными инструментами, обыкновенно разнообразными по количеству, но простѣйшими по качеству и строю, спеціальными по особымъ отдѣламъ пѣсни. Уже старшій и южный нашъ эпосъ, сравнительно позднѣйшій послѣ исконныхъ не-эпическихъ пѣсней, нѣсколько выступилъ отсюда, какъ мы видѣли выше и въ Замѣткахъ 7-го выпуска: расширилъ внѣшнею предметностью содержаніе, порастянулъ складъ, строй, стихъ, напѣвъ, и въ этомъ *его* ступень, въ этомъ особенности эпическаго творчества, историческое его отличіе и развитіе. Сюда-то, на извѣстной степени дальнѣйшей,

какъ убѣдимся еще ниже, примыкаютъ Малорусскія, — Козацкія Южныя Думы, такъ сказать вторичныя Былины Русскаго Юга на частномъ нарѣчіи Украйны; сюда же, еще того далѣе, подходятъ наши Великорусскія пѣсни Козацкія отъ Сибири и Урала до Кубани, отъ Каспійскаго, Чернаго, Азовскаго моря и устья Дона до верхней половины Волги. Былевое творчество собственно-Московское, напротивъ, мы знаемъ, прямо наслѣдовало старшей Былинѣ типической, во всей цѣлости ея состава, склада, стиха и напѣва: но, мало того,—восполнило убыль промежутка Княжескаго или Областнаго и воспрянуло вновь къ вящей и особой, назовемъ ее—*Сѣверовосточной* художественности. Петровскими пѣснями это завершилось: за то, въ ихъ эпоху, повторяемъ, не только достигло зрѣлости творчество Козацкое, но даже исторически, мѣстно и территоріально, вмѣстѣ съ самими козаками, подвинулось съ Юга въ верхъ, къ Воронежу и Москвѣ, отсюда разсыпалось по всему лицу земли Русской, обогнуло окраины самыя Сѣверныя и Западныя, прошло по морю Варяжскому, до Пскова, Двины, Нѣмана, а отсюда спустилось къ Полтавѣ и слилось навсегда съ творчествомъ Козацкимъ-Малорусскимъ. То есть, оно вернулось къ тому же южному началу, откуда нѣкогда вышло, но зрѣлое, обогащенное длиннымъ путемъ опытовъ, наложило свое господство и вліяніе на Украйну: съ тѣхъ поръ Малорусскія пѣсни отличаемъ лишь *по нарѣчію*; сколько въ нихъ есть еще Былеваго, сколько остатка отъ старшей Думы и сколько связи съ козачизною «Московской,»—это все уже не особый отдѣлъ, въ родѣ прежнихъ Думъ, напротивъ это *однѣ и тѣ же общія пѣсни Козацкія*. Разумѣется, всѣ эти явленія должны были потрясти Былевой строй творчества Московскаго: и однако оно еще устояло крѣпко *въ пѣсняхъ Петровскихъ, за Петровское время. Новое*, что̀ принесли съ собою въ поступательную исторію развитія Былины Петровскія,—это, кромѣ помянутыхъ выше отличій, — дальнѣйшее, рѣшительное образованіе *строфы*: при стихѣ въ *десять* или около того слоговъ, образуется стихъ

второй, добавочный, болѣе краткій; это уже не столько *повтореніе* второй половины стиха или втораго колѣна, даже не второе, надломившееся и отдѣляющееся колѣно, какъ мы видѣли въ нѣкоторыхъ былинахъ старшихъ и откуда *зараждалась* строфа, выдѣлялся *припѣвъ;* нѣтъ, это уже большею частію стихъ *особый*, также опредѣленный, только кратчайшій, и, чѣмъ обильнѣе онъ попадается въ общемъ складѣ, тѣмъ рѣзче выдается особенность «Петровская.» Именно, если симъ неминуемо прервано однообразное теченіе эпоса, то самое разнообразіе, стихъ—такъ сказать—пестрый не можетъ уже повторяться въ семъ видѣ *однообразно*: теченіе дѣлится на группы, каждая группа представляется изъ нѣсколькихъ сочетаній стиха —то длиннѣе, то короче, являются обороты и повороты склада, однимъ словомъ — строфы. Сравнительно съ классическою древностью, это почти то же, что сначала переходъ отъ гексаметра къ пентаметру, а далѣе, черезъ пентаметръ, до тѣхъ размѣровъ и строфъ, кои видимъ уже, на примѣръ, въ господствѣ у Горація. Разумѣется, такое явленіе есть уже одною ногою близкій шагъ къ паденію эпоса, это переходъ ко всякой прочей пѣснѣ, такъ называемой «Женской:» здѣсь отчасти дѣйствовало вліяніе пѣсней Козацкихъ, скоро слившихся съ Солдатскими. Въ музыкѣ инструментальной отвѣчало сему— не какое ни будь развитіе прежнихъ народныхъ инструментовъ,—они совсѣмъ пали и въ XVIII вѣкѣ немногіе остались лишь на долю пѣсней не-былевыхъ, особенно, всего дольше, Хоровыхъ и Обрядныхъ; не было и расширеній инструмента, и заимствованій, какія съ чужи привились къ нему у козаковъ: напротивъ взяла силу музыка *военная*, скоро совсѣмъ смѣнившая и замѣнившая народную, хотя при Петрѣ она отчасти держалась еще старыхъ формъ народныхъ и гораздо меньше, чѣмъ послѣ, наполнялась инструментами Нѣмецкими или Итальянскими. Многія пѣсни Петровскія, на примѣръ о походахъ Шереметева,—такъ и слышно въ складѣ,—слѣдуютъ военному маршу, въ тактъ не народному уже выступу и не пляскѣ на-

родной, а военному шагу или вычурной искусственной выпляскѣ: родоначаліе послѣдующихъ формъ Солдатскихъ. — Чтобы не осталось это для многихъ одной отвлеченностью, вотъ, пока до будущаго печатанія подробностей, нѣсколько наглядныхъ образцовъ:

а) Господствующій размѣръ старшихъ Былинъ:

Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Онъ въ сидняхъ сидѣлъ ровно тридцать лѣтъ.

Развившійся далѣе, но еще любимый:

Что не бѣлая берёза къ землѣ клонится.

Съ надломомъ, дѣленіемъ неровныхъ колѣнъ, зародышемъ строфы:

Какъ изъ далéча далéча
Изъ чистá поля.

Съ зачаткомъ припѣва:

Сослалъ ты намъ, Боже, прелестника,
Прелестника.

Съ повтореніями другаго свойства:

Вы скажите мнѣ про старое,
Про старое, про бывалое.

Побывальщины можно видѣть на каждомъ шагу, Старины особенно въ Ивановыхъ (выпускъ 6-й), строгія Московскія въ 7-мъ выпускѣ.

б) Козацкія и особенно Разинскія (выпускъ 7-й), растянутыя:

Ужь не травушка въ чистомъ полѣ зашаталась,
Не муравая ко сырой землѣ приклонялась.

—

Внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
Супротивъ то было устьица Самары рѣки.

Какъ далеченько-далеченько во чистомъ полѣ.

Тихохонько сине море становилося,
Ничѣмъ наше Каспійское не шевельнулося.

—

Достиженіе 16 слоговъ:

Еще внизъ то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
Легкая лодочка выплываетъ, братцы, коломенка,
Хорошо-больно легкая лодочка изукрашена.

—

Зачернѣлися на Волгѣ Черноярскіе стружечки.
«Охъ вы гой еси, козачье наше вольное собранье!»

Черезъ надломъ сей крайней длинноты стиха по поламъ, возвращеніе къ основнымъ 8 слогамъ:

Какъ по матушкѣ по Волгѣ | легка(я) лодочка плыветъ.

Еще яснѣе:

Ужь вы горы мои, горы, | прикажите-ка вы, горы,
Подъ собой намъ постояти, | намъ не годъ-то годовати.

—

Или:

Ужь вы горы мои, горы,
Прикажите-ка вы, горы,
Подъ собой намъ постояти,
Намъ не годъ-то годовати.

—

Зарожденіе припѣва:

Ты взойди, взойди, солнце красное,
Надъ горою да надъ высокою,
Надъ высокою!

(при пѣніи растягивается 10 слоговъ до 16-ти).

Подобно нѣкоторымъ старшимъ и въ переходѣ къ Петровскимъ, съ образованіемъ строфы:

Собирался князь Никита
Сынъ Ѳедоровичь,
Онъ во путь во дороженьку,
Въ Астрахань городъ

в) Изъ Петровскихъ, ближайшія къ старшему типическому складу Былинъ, въ особенности Стрѣлецкія, о казняхъ и всякой «грозѣ:»

Изъ Кремля-Кремля, крѣпка города,
Отъ дворца-дворца государева,
Что до самой ли Красной Площади.

—

Во далечѣ, во далечѣ во чисто́мъ полѣ,
А еще того подалѣ во раздольицѣ,
Тутъ не красное солнышко выкаталося.

Или:

Во далечѣ, во далечѣ
Во чисто́мъ полѣ,
А еще того подалѣ
Во раздольицѣ.

—

На зорѣ было на утренней,
На восходѣ солнца краснаго,
Государь-царь по дворцу гулялъ.

—

Возлѣ рѣченьки хожу млада,
Меня рѣченька стопить хочетъ.

—

Ахъ ты батюшка, свѣтёлъ мѣсяцъ,
Что̀ ты свѣтишь не по старому?

(Послѣдній размѣръ черезъ 9 слоговъ особенно рѣзко переходитъ къ лиризму и потому всего болѣе любимъ у насъ въ пѣсняхъ заунывныхъ,—это своего рода элегія послѣ эпоса).

XLI

Преимущественно возобновленныя въ размѣрѣ Московскомъ всего виднѣе въ Шереметевскихъ походахъ, и здѣсь же отзвукъ военный:

Не грозная туча возставала,
Не частъ-крупенъ дождикъ выпадаетъ.

—

Идетъ тутъ царёвъ большой бояринъ,
Графъ Борисъ Петровичь Шереметевъ.

—

Ни въ умѣ то было, ни въ разумѣ,
Въ помышленьицѣ того не было.

—

Ты злодѣй-злодѣй, ретиво̑ сердце,
Ретиво сердце молодецкое!

—

Графъ Борисъ сударь Петровичь Шереметевъ,
Не дошедши Красной Мызы становился,
Хорошо-добрѣ полками приполчился.

—

Какъ никто-то про то не знаетъ, не вѣдаетъ,
Что куда нашъ православный царь снаряжается.

То же съ отломомъ:

Какъ никто-то про то не знаетъ,
Не вѣдаетъ,
Что куда нашъ православный царь
Снаряжается.

Но и въ другихъ отдѣлахъ:

Злата труба въ полѣ протрубила,
Прогласилъ государь, слово молвилъ.

—

По́ морю мо́рю по Верейскому.

—

Охъ ты ягодка самородинка,
Распрекрасное мое деревцо...
Молодой сержантъ на часахъ стоялъ...
Воздыхаетъ онъ словно лѣсъ шумитъ,
Возрыдаетъ онъ ровно громъ гремитъ:
Вы подуйте съ горъ, вѣтры буйные!

—

Ахъ ты ноченька, ты ноченька осенняя,
Надоѣла ты мнѣ, молодцу, наскучила.

—

Что подъ славнымъ было городомъ подъ Шлюшеномъ,
Ахъ не люта змѣя, братцы, извивалася.

—

То же, въ другомъ лишь способѣ размѣщенія:

Ахъ не люта змѣя, братцы,
Извивалася.
И т. п.

Связь Петровскихъ пѣсней съ предыдущими и Козацкими въ переходѣ къ строфѣ:

Охъ вы гой естя, Азовскіи (ски)
Караульщички,
Доложите во Азовѣ свымъ
Начальничкамъ.

—

Что со вечера солдатамъ
Приказъ отданъ былъ,
Со полуночи солдаты
Ружья чистили,
Ко бѣлу свѣту солдаты
Во строю стоятъ.

г) Отличіе Петровскихъ пѣсней, особенно частое въ нихъ и потому закрѣпленное ими въ творчествѣ:

Со треми со тѣми со малыми
Съ пригородками,

XLIII

А и со славною со Кубаньей,
Съ крѣпкимъ Лютикомъ.

—

Перекинулся собака
Ко Азовскому пашѣ,
А Азовскій-то паша
Сталъ его спрашивать:
Ты скажи, скажи, пріятель,
Правду истинную.

—

Малые малолѣточки
Перепужалися,
По темнымъ лѣсамъ
Разбѣжалися,
Одинъ у нихъ стоитъ,
Не полóшится:
Стойте, малы малолѣточки,
Не пужайтеся!

—

Да никто къ этой избушечкѣ
Съ роду не захаживалъ,
Съ роду не заѣзживалъ.
Случилося ѣхать самому-то царю,
Петру Первому.
Захватили въ этой избушечкѣ
Добра молодца.

—

Распросилъ бы меня батюшка
Православный царь,
Я сказалъ бы ему, батюшкѣ,
Правду истинну.

—

Вечо́ръ то мнѣ, матушка,
Малымъ-мало спалося,
Что малымъ-мало спалося,
Много видѣлося....
Какъ на кустикѣ сидитъ птица,
Младъ сизо́й орелъ,
Во когтяхъ своихъ онъ держитъ
Черна ворона.

—

Ты дорожка ли моя, дорожка,
Торна-широкая!
Долиною ты, дорожка,
Конца-краю нѣту...
Закричалъ ли король Шведскій
Громкимъ голосочкомъ:
Поглядите вы, ребята,
На свою сторонку!

—

Какъ по кру́тому по красному
Бе́режку,
Какъ по жолтому-сыпучему
Песочку,
Тутъ ходилъ-гулялъ батюшко
Православный царь.
И т. п.

Просимъ однако не злоупотреблять сими примѣрами и не слишкомъ далеко простирать выводы: мы, для краткости, разсматриваемъ только *число слоговъ*; по количеству, протяженію голоса и удареніямъ — открываются совсѣмъ другія стороны и отличія. Здѣсь, для незнакомыхъ съ дѣломъ, нарочно беремъ только самый внѣшній и наглядный признакъ: но по удареніямъ, на примѣръ, даже десяти-сложные стихи Московскіе, и

особенно Петровскіе, существенно рознятся порою отъ древнѣйшихъ. Объ этомъ у насъ въ своемъ мѣстѣ.

Равнымъ образомъ, въ теченіе всего изданія, бѣглыми при случаѣ замѣтками старались мы обозначить послѣдовательность въ періодахъ Былеваго творчества. Но мы не имѣли времени хорошенько остановиться на существенномъ вопросѣ и рѣшить: что̀ именно слѣдуетъ считать здѣсь поступательнымъ *развитіемъ впередъ*, къ лучшему, и что̀ *искаженіемъ* творчества? Оставляемъ этотъ вопросъ пока открытымъ и думаемъ только, что имъ полезнѣе было бы заняться разнымъ современнымъ у насъ критикамъ, чѣмъ пустымъ ихъ разглагольствіемъ съ отвлеченными выводами о Былинахъ. Одно только слѣдуетъ здѣсь замѣтить всего ближе къ настоящему дѣлу: пѣсни Петровскія, составляя высшій, завершительный пунктъ Былеваго творчества Московскаго, въ то же время и даже тѣмъ самымъ готовятъ ослабленіе эпоса и пророчатъ очевидно его паденіе. Въ этомъ мы сходимся съ мнѣніемъ покойнаго П. В. Кирѣевскаго: «Царствованіе Петрово можно назвать и границею настоящихъ народныхъ историческихъ пѣсенъ.... Правда, что поются въ народѣ пѣсни о Семилѣтней войнѣ, о Турецкихъ и Шведскихъ войнахъ Екатерины, о войнѣ 1812 года и многія другія; но эти пѣсни разительно отличаются ото всѣхъ настоящихъ народныхъ пѣсенъ: онѣ лишены всякого поэтическаго достоинства и заслуживаютъ вниманія только какъ любопытные памятники времени [7].» Явную порчу мы часто отмѣчали при печатаніи самого текста; увидимъ еще пути ея при частномъ разсмотрѣніи отдѣльныхъ образцовъ; особенно же будемъ поучаться, когда предъ нашими глазами возстанутъ въ своемъ собственномъ видѣ, то есть во всемъ своемъ уродствѣ, произведенія съ половины XVIII вѣка. Теперь для насъ достаточны пока и разбросанныя выше бѣглыя черты: это—драматизмъ, самъ по себѣ прекрасный и двинувшій творчество впе-

7) См. у насъ выпускъ 1-й.

редъ, но вмѣстѣ разрушившій спокойное и ровное теченіе эпоса; вліяніе пѣсней Козацкихъ, а вмѣстѣ съ ними всѣхъ рѣчныхъ и степныхъ, бурлацкихъ и даже чумацкихъ, разбойничьихъ, темничныхъ, лихихъ и разудалыхъ, самихъ по себѣ весьма замѣчательныхъ, но ставшихъ въ разрѣзъ опредѣлившемуся Московскому складу; вторженіе военнаго строя въ смыслѣ новѣйшемъ—рекрутчины и солдатчины; подрывъ музыкѣ народной и отсутствіе ея поддержки для стиха; размѣръ, узаконившій пестрые стихи—разныхъ величинъ—и строфу; наконецъ, при краткости состава, природной и художественной, совсѣмъ иное—по обстоятельствамъ—историческое дробленіе и мельчаніе образцовъ, неудержимая связь ихъ съ прочими «женскими» пѣснями и понятная затерянность въ огромной массѣ сихъ послѣднихъ. Прибавьте сюда новизну многихъ явленій жизни, прозванныхъ словомъ иностраннымъ, и значительнѣйшую, чѣмъ прежде, близость творчества устнаго къ письму, къ литературѣ, гдѣ воцарился тогда павлиный языкъ: и вотъ выдаются признаки, возможные въ народномъ творчествѣ только *со временъ Петра. Сенатъ, фельдмаршалъ, графъ, гвардія, драгуны, армія, генералы, солдаты, кавалеры, сенаторы, бомбардиры, капитаны, офицеры, кареты, квартеры,* и т. д.; во всемъ этомъ, разумѣется, нѣтъ еще большой бѣды и это нисколько не хуже десятка словъ Татарскихъ, зашедшихъ въ наши старшія Былины; но на этомъ не остановилось. Народный устный языкъ, созданный, воспитанный, поддержанный, облагороженный и воздѣланный творчествомъ, постепенно уступилъ письменному, и не старому конечно, а ходячему тогда новому, то есть болѣе или менѣе безобразному. Это замѣтно въ пѣсняхъ еще лучшихъ, при Петрѣ: «Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца За измѣну противъ царскаго Величества;» — «Ахъ не выслужила головушка Ни корысти себѣ, ни радости, Какъ ни слова себѣ добраго И ни рангу себѣ высокаго;» «Ай что взго́воритъ Турецкой царь, Что султанское Величество, Ко своимъ ли ко фельдмаршаламъ (прежде гораздо проще его назвали бы «со-

бакою,» а свиту его — «дивьими, затылками бритыми» и т. п.);» «Тутъ много мы Шведовъ порубили, А въ трое того въ полонъ ихъ взяли, Тѣмъ прибыль государю учинили;» «Побѣдили силу Шведскую, Покорили городъ надобной;» «Хорошо Ярославль городъ построенъ, Что во тѣхъ ли во садочкахъ гуляютъ дѣвочки, генеральскія дочки (въ устахъ любимца Софьи!);» и т. п. Все это сильно отзывается пунктами новыхъ законовъ, регламентомъ, табелью о рангахъ, куртизанствомъ иностранныхъ дѣлъ, реляціями и курантами, даже зачаткомъ романсовъ и романовъ. Близость къ новой письменности и печати была виною явленій, не возможныхъ и не виданныхъ прежде: произведенія устнаго творчества носились въ старину изъ устъ въ уста—внѣ письма; если что *записывалось*, оно оставалось по корню устнымъ, хотя бы и *на письмѣ;* если это вставляли куда либо, на примѣръ въ лѣтопись, то именно *вставляли*, какъ разнородное, и оно легко здѣсь выдается, и не трудно для насъ выкраивается изъ страницы; если оно *пораждало* собою письменныя сказанія, то само оставалось неприкосновеннымъ источникомъ. Совсѣмъ напротивъ, съ эпохи Петра, распространившіеся «Пѣсенники» намѣренно соединяютъ и непремѣнно записываютъ, а скоро и печатаютъ ходячія пѣсни: здѣсь, сверхъ письменныхъ особенностей, проникшихъ въ самую пѣсню среди народа, составители особо еще дополняютъ—то или другое слово, выраженіе, даже образъ и цѣлую картину, за тѣмъ выправляютъ, а скоро *поддѣлываютъ* и *передѣлываютъ*; мало того, являются лица, и даровитыя, которыя священнымъ долгомъ своимъ поставляетъ *воздѣлать* пѣсню или даже вновь *сочинить* ее,—за народъ, вмѣсто народа, даже для самого народа; издатели позднѣйшіе соревнуютъ симъ поэтамъ, выбираютъ себѣ только воздѣланное и сами помогаютъ улучшенію, по крайнему своему разумѣнію. И на этомъ-то самомъ внѣшнемъ, доступномъ и наглядномъ отличіи всего болѣе пока мы останавливались, частію—чтобы вскрыть дѣйствительное искаженіе, частію чтобы очистить дѣйствительный или предпола-

гаемый подлинникъ: мы видѣли ясно покушенія Чулкова, пассивность перепечатавшаго Новикова, удачи Дмитріева, неудачи Попова и Львова, утонченныя уловки Сахарова, ревностные труды г. Костомарова съ г-жею Мордовцевой. Прибавьте къ тому, что скоро за эпохою Петра народная жизнь съ ея исконнымъ творчествомъ или по крайности съ творческой способностью—отдѣлилась рѣзко отъ всякой прочей; что событіе, то есть предметъ, вызовъ и содержаніе эпоса, сдѣлалось не народнымъ всецѣло, а исключительно общественнымъ, клерикальнымъ и всего чаще политическимъ; что политическая жизнь, на первомъ планѣ, явилась по преимуществу военною; что въ военной области первымъ обрисовался солдатъ: и вы поймете, что эпосъ вскорѣ сдѣлался солдатскимъ, а солдатскія пѣсни остались единственно съ характеромъ былевымъ; народъ устраненъ или самъ устранился отъ участія въ семъ новомъ мірѣ и благополучно замѣненъ формою «націи;» народныя, новыя пѣсни о новѣйшихъ событіяхъ—вовсе не зараждались. Разумѣется, этимъ выдвигалось впередъ творчество или, правильнѣе, искусство и художество личное, письменное, книжное: оно вступило законнымъ наслѣдникомъ творчеству народному, и это еще слава Богу, лучше, чѣмъ ничего, ибо въ творчествѣ народномъ оставалось только старое или именно ничего. Это предуготовило намъ Пушкина съ Борисомъ Годуновымъ, Полтавой и общественнымъ Онѣгинымъ: но этимъ же, и въ этомъ, рухнулъ до основанія эпосъ народный.—Такъ Петровскія пѣсни, кромѣ внѣшнихъ историческихъ обстоятельствъ, сами въ себѣ, въ собственной исторіи, несли зародышь разложенія и паденія: онѣ только въ послѣдній разъ отпраздновали торжество творчества народнаго, онѣ же окончательно и *отпѣли*.

Теперь понятно, что такое дѣло, какъ изданіе настоящаго выпуска, потребовало помянутаго «усиленнаго труда и напряженныхъ разысканій:» намъ понадобились разнородные пріемы, которые вовсе были не нужны и о которыхъ потому не говорили мы прежде. Здѣсь мѣсто разъяснить ихъ въ подробно-

сти.—Прежде намъ предстояло только *привести въ порядокъ* и *издать* готовое, собранное и записанное замѣчательными дѣятелями или нами самими, а при изданіи *пояснить текстъ замѣтками*, необходимыми для правильнаго разумѣнія; *выводы* и *указанія* наши, которымъ мы впрочемъ никогда не придавали особеннаго значенія, были потребны только по новости дѣла, ибо оно вводилось въ литературу и науку съ подобающимъ мѣстомъ и значеніемъ *впервые.* Понятіе и отличія творчества Былеваго, исключительно пока занимающаго половину нашихъ главныхъ изданій, отношенія его къ Исторіи и переходъ самого въ Историческое, равно какъ Исторія сего рода творчества въ самомъ себѣ, — вотъ задача и содержаніе нашихъ, правда, многочисленныхъ, но далеко еще не полныхъ выводовъ, указаній и указателей. Мы только ставили вопросы, предлагали задачи, указывали, на что слѣдуетъ обратить свое вниманіе наукѣ: не можемъ не пожалѣть одного, — что, сдѣлавши свое дѣло, работы наши остаются на Руси до сихъ поръ единственными въ этой области и, кромѣ праздныхъ разглагольствій, доселѣ не дополнены и въ существенныхъ вопросахъ не рѣшены со стороны другихъ дѣятелей серьезными, положительными, научными изслѣдованіями. Такъ на примѣръ Ѳ. И. Буслаевъ, отъ котораго одного ожидалось бы прямо ближайшее содѣйствіе въ семъ родѣ, до послѣднихъ дней печатно не сказалъ по поводу нашихъ изданій ни слова. — Главное же дѣло, *изданіе* наше — состояло въ слѣдующемъ. Всѣмъ извѣстенъ подвигъ П. В. Кирѣевскаго: ему первому вся честь и слава съ такимъ рвеніемъ, умѣньемъ и успѣхомъ въ обиліи записать и еще болѣе собрать записанные другими памятники народнаго творчества. Еще при жизни его, въ близкихъ сношеніяхъ, приглашенные къ участію въ участи его Сборника, мы учились изъ частыхъ бесѣдъ Петра Васильевича пріемамъ записыванья и собиранія, способу обращенія съ памятниками, пониманію ихъ и оцѣнкѣ. Къ сожалѣнію, сами занятые тогда больше процессомъ собственной работы, соби-

ранiемъ Духовныхъ Стиховъ (послѣ изданныхъ нами и издаваемыхъ), мы спѣшили приложить все это къ нашей личной практикѣ, и многое, касавшееся самого Сборника Кирѣевскаго, предоставляли будущему или памяти живыхъ нашихъ разговоровъ. Самъ Петръ Васильевичь, какъ извѣстно, подготовилъ къ изданiю только имѣвшiйся тогда подъ рукою отдѣлъ *Пѣсней Свадебныхъ*, до сихъ поръ хранящiйся въ рукописи, да *Стиховъ*, коихъ часть напечатана, но значительная часть въ тетради затеряна и до сихъ поръ не отыскана. Смерть его оставила дѣло въ нашихъ рукахъ и въ такомъ видѣ: куча съ тысячью листочковъ и сотнею тетратей, большею частiю разнородныхъ рукъ, гдѣ только мы одни, по памяти нашихъ бесѣдъ, въ состоянiи отличить мѣста и лица, гдѣ и кѣмъ что̀ либо записано; доля ихъ переписана наемнымъ писцомъ, обыкновенно съ ошибками; лучшая доля перебѣлена, съ отличнымъ знанiемъ дѣла, сестрою покойнаго, Марьей Васильевной, также вскорѣ скончавшеюся; наконецъ — переписанное или провѣренное для изданiя нами самими, еще при покойномъ. Все это помѣщалось въ знакомомъ для всѣхъ «жолтомъ чемоданѣ,» который обыкновенно П. В. возилъ всюду съ собою и который также точно долго послѣ сопровождалъ всюду наши переѣздки, пока недавно С. А. Соболевскiй сдѣлалъ для того прекрасный шкафъ и помѣстилъ его уже въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ для храненiя. Кромѣ листковъ съ пѣснями, кои записалъ самъ П. В., другихъ письменныхъ замѣтокъ его, для руководства изданiю, не осталось здѣсь *никакихъ*: то есть объ отдѣлахъ пѣсней и родахъ, о лучшихъ образцахъ, о выборѣ отсюда, о послѣдовательности, въ какой нужно бы издавать, объ исторiи сихъ памятниковъ, выраженiяхъ и мѣстахъ, требующихъ поясненiя, размѣрахъ, напѣвахъ и т. п. Если что либо въ семъ родѣ нынѣ есть на листочкахъ и тетратяхъ Сборника, то это принадлежитъ уже нашей рукѣ и сдѣлано послѣ смерти Собирателя, въ ту пору, какъ готовилось и велось настоящее изданiе. Когда, благодаря энергiи К. С. Аксакова, жертвованiю

В. А. Елагина, уступившаго завѣщанное ему наслѣдство, и средствамъ, предложеннымъ отъ Общества Словесности, дѣло изданія наконецъ пущено въ ходъ, Коммиссія, собиравшаяся для того на первыхъ порахъ, и такія почтенныя, опытныя или свѣдущія лица, какъ В. И. Даль и К. С. Аксаковъ, не мало имѣли труда для рѣшенія возникавшихъ недоразумѣній и споровъ: съ чего именно начать печатаніе, что̀ помѣстить въ избранномъ, первомъ Былевомъ отдѣлѣ, какому порядку здѣсь слѣдовать и какихъ пріемовъ держаться. По долгомъ соображеніи, планъ, порядокъ размѣщенія для 1-го выпуска и всѣхъ послѣдующихъ, основанія сего порядка, примѣненіе основаній и вообще пріемы изданія «установлены по мысли нашей [8].» Практиковались же они исключительно собственнымъ нашимъ трудомъ: К. С. Аксаковъ скоро за тѣмъ скончался, не дождавшись даже печати 1-го выпуска; В. И. Даль отвлеченъ былъ главнымъ, монументальнымъ трудомъ своего Словаря; Коммиссія распалась и перестала собираться. Остались мы одни, чтобы личными своими силами вынести все дѣло: къ намъ единственно съ довѣріемъ и надеждою обращались въ семъ случаѣ родственники покойнаго, Общество Словесности и Русское общество въ образованныхъ своихъ представителяхъ. Дальнѣйшія внѣшнія судьбы изданія извѣстны по печати: внутреннія, кажется, не совсѣмъ. Не разъ мы чувствовали всю тяжесть и неподсильность такого одиночнаго труда, гдѣ, кромѣ внутреннихъ условій, самая подборка листочковъ, провѣрка и размѣтка ихъ для печати, хлопоты по типографіи и продажѣ, корректура и всѣ прочія обстоятельства матеріальной работы и экономическаго расхода трудовому времени ложились на одно лицо; не разъ заявляли о томъ, напрасно привлекая въ пособіе или смѣну молодыя силы желающихъ, даже прямо отказывались отъ чести продолженія; не говоримъ уже о напряженіи мысли, примѣненіи знанія и опыта: но именно эти-то обстоятельства

[8]) Вып. I, стр. I—IV, „Замѣтка" стр. XXIII, XXIV—XXVIII.

постоянно и возвращали все дѣло снова въ наши руки. Намъ порою тяжело было видѣть, что, благодаря этому, безъ движенія остается наше собственное собраніе, въ нѣсколькихъ сундукахъ съ записанными лично или полученными отъ другихъ многочисленными памятниками, со специальностью нашей работы—Духовными Стихами, Пѣснями Дѣтскими, Хороводными, Бѣлорусскими, изслѣдованіями о Калѣкахъ Перехожихъ, объ исторіи народнаго творчества, музыкѣ, напѣвахъ и народныхъ инструментахъ: привязанность къ Петру Васильевичу и его завѣты, воспоминаніе убѣжденій И. В. и М. В. Кирѣевскихъ, любовь къ дѣлу сего рода, представленіе всей его важности и, увы, сознаніе, что пока *некому здѣсь дѣйствовать безъ насъ*,—все это давало намъ силы. Мы довольствовались по крайности, что при этомъ былъ случай добавлять образцы изъ собственнаго нашего собранія, дѣлиться опытностью, предлагать—для будущаго—указанія, по мѣрѣ надобности сообщать подробности изъ другихъ, специальныхъ областей нашего знанія въ томъ же родѣ. Оцѣнка Обществомъ Словесности, сочувствіе всего образованнаго общества Русскаго, мѣсто, завоеванное нами для народа и его творчества во всей литературѣ и наукѣ, интересъ, повсюду съ тѣхъ поръ возбужденный къ памятникамъ народнымъ, признаніе со стороны прочихъ Славянъ, обрадованныхъ не совсѣмъ ожиданнымъ успѣхомъ эпоса Русскаго,—все это достаточно наградило насъ. Размѣры успѣховъ расширились даже сверхъ нашего ожиданія и внѣ серьезнаго разсчета: казенныя программы «заведеній» грозно потребовали отъ воспитанниковъ знанія народнаго творчества, именно отпечатаннаго—Былеваго, а учебники и хрестоматіи, съ разнузданною у насъ безконтрольностью и достойнымъ нестыдѣніемъ, на перехватъ перепечатывали плоды нашего труда, даже безъ нашего имени. Наконецъ, по обычаю нашему опираться на отзывы иностранцевъ,—и нельзя же серьёзно не дорожить мнѣніями людей образованныхъ и трудами истинной науки,—иноземное одобреніе нашихъ работъ, пользованіе выводами, ряды статей, появив-

шихся тамъ о внезапномъ «открытіи» Русскаго творчества, провозглашеннаго собратомъ Гомеру, капитальные филологическіе труды, возникшіе за границей по разработкѣ изданныхъ нами памятниковъ, вниманіе Я. Гримма и Штейнталя, извѣстность въ литературѣ Англійской, Французской и Нѣмецкой [9]),— нельзя не признаться, мы этимъ гордимся, хоть конечно передаемъ главный успѣхъ и славу — не намъ, а имени П. В. Кирѣевскаго и за нимъ, еще болѣе, всецѣло,—нашему народу, для котораго не пожалѣемъ никакого труда. Наши свѣдѣнія, опытность, силы, сюда привнесенныя, разумѣется, какъ дѣло личное и притомъ одного лица, не могутъ обольщать нашего самомнѣнія; онѣ только лишь «вызываютъ» собою лучшее, только ищутъ, кому бы уступить достойнѣйшее поприще и заслуженный успѣхъ въ будущемъ: но вмѣстѣ онѣ же выводятъ собою и впереди себя цѣлое дѣло, цѣлую область, цѣлый міръ,— а этотъ міръ—великій міръ народа, эта область — вѣковѣчной народности, это дѣло—лучшихъ, высшихъ силъ человѣка, силъ творческихъ. Если имѣемъ мы какой поводъ о чемъ либо сожалѣть здѣсь, если сожалѣемъ потому, что очевидно со стороны нашей вкрался какой либо промахъ и мы не безъ вины въ собственномъ дѣлѣ: это то, что труды наши не вызвали доселѣ продолжателей и послѣдователей, работы стоятъ на точкѣ, гдѣ мы оставляемъ ихъ во всей бѣглости и слабости, наша Русская наука не сдѣлала здѣсь впередъ ни одного пока шага рядомъ съ нами и послѣ насъ, не возникло хоть бы одной ученической работы—въ родѣ указателей, словарей или объ-

[9]) Revue des deux mondes, 1868, La nationalité Bulgare d'après les chants populaires, p. M-me Dora d'jstria (Кольцова-Мосальская).—The fortnightly review, 1869, Russian Popular Legends, by Ralston.—Revue Britannique, 1869, Légendes populaires Russes.—Zeitschrift für Psychologie u. Sprachwissenschaft, v. Lazarus u. H. Steinthal, 1867—68, Das russische Volksepos, v. Bistrom.—Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung, v. A. Kuhn, 1869, Ueber den dialekt Der russischen Volkslieder, v. A. Leskien (въ Гёттингенѣ), подробное изслѣдованіе творческаго языка по всѣмъ грамматическимъ формамъ.—Archiv f. d. Studium d. neueren Sprachen u. Liter. v. Herrig, Das russische Helden-Epos, и друг.

ясненій текста, напротивъ, вмѣстѣ съ другими плодами, породили мы—о горе! —г. Стасова и его непримиримыхъ, неумолчныхъ критиковъ, на немъ же, г. Стасовѣ, круговращающихся, а на другомъ экстремѣ имѣли бѣдствіе увидать нѣжныхъ любителей Ильи Муромца и пожарную критику, прохлаждающую распаленный восторгъ ихъ... Оба явленія, судьбою своей одинаково горемычныя.

Взявшись за изданіе и печатаніе Сборника Кирѣевскаго, мы, говоримъ, имѣли въ рукахъ своихъ съ одной стороны сырой матеріалъ, никѣмъ еще не разобранный, не опредѣленный, не подобранный и даже не названный собственнымъ именемъ; съ другой никакого почти руководства къ изданію изъ прежней Русской литературы и науки, кромѣ собственнаго знанія и опыта, а въ наслѣдство отъ Петра Васильевича, для Былевыхъ Пѣсней, единственно только завѣтную «мысль» его или, лучше, «идеалъ,» чтобы этотъ отдѣлъ при изданіи не ограничивался одними, весьма недостаточными, образцами изъ его Сборника и былъ бы по возможности пополненъ изъ всѣхъ другихъ источниковъ, въ цѣльную картину нашей творческой народной Были [10]). Удовлетворить такой мысли можно было только при достаточномъ знаніи всей прежней нашей литературы и исторіи сего рода: но эта работа поисковъ, справокъ и выписокъ — скорѣе работа механическая и она затрудняла насъ единственно перепискою (переписчика и никакихъ подобныхъ средствъ мы до сихъ поръ не имѣли отъ Общества, выполняя все собственными силами и руками); частная наша библіотека, вмѣщающая въ себѣ значительнѣйшую долю всего, что только касается народнаго творчества, въ спискахъ и печатныхъ экземплярахъ, для Россіи и Славянства, отчасти для Европейскаго Запада и Азіатскаго Востока, въ семъ отношеніи превышающая обиліемъ рѣдкостей С.-Петербургскую Публичную, крайне облегчала нашъ трудъ и давала готовыя сред-

[10]) Вып. 1-й, „Предувѣдомленіе,“ стр. I.

ства [11]). За то самый строй внутренній и порядокъ внѣшній, уловимый складъ и наглядный видъ, въ которомъ народное творчество предстало съ тѣхъ поръ свѣту на страницахъ нашего послѣдовательнаго изданія; эти Отдѣлы и Области творчества Былеваго, съ постепеннымъ переходомъ въ Историческое, Южный, Кіевскій, Владиміровъ Кругъ, за нимъ Новгородскій, потомъ Княжескій и Московскій; эти разряды Богатырей-героевъ и воспѣтыхъ Былевыхъ данныхъ или Событій, съ той или другой Степенью, занятой ими въ разрядѣ; тотъ или другой Выборъ пѣсней, группированіе Образцевъ, опредѣленіе подлинности ихъ, старшинства, порчи и искаженія; факты изъ Исторіи самого Творчества, Термины, самыя Именованія, занятыя изъ источниковъ, и чаще изъ живыхъ устныхъ, изъ народнаго употребленія, намъ лично по опыту извѣстнаго; эти Виды—Былины, Побывальщины, Старины, Пѣсни Безъ-имянной Молодецкой, Тягольной, Женской и т. д.; отдѣленіе составныхъ Частей образца, раздѣленіе Стиха, условія Напѣва, сопровожденіе Орудіемъ-Инструментомъ, значеніе Лицъ, слагавшихъ и пѣвшихъ въ древности, пѣвшихъ или говорившихъ для записи недавней, Мѣстъ, гдѣ записано, и Лицъ собиравшихъ; условные Пріемы, отъ сего зависѣвшіе и въ текстѣ отражавшіеся; разнообразные вопросы Текста и рѣшеніе ихъ съ точки зрѣнія творчества, особенно же вопросы Языка, въ смыслѣ отдѣльныхъ словъ, въ словообразованіи и словосочиненіи, въ словоупотребленіи творческомъ и нетворческомъ, народномъ устномъ и письменномъ или позднѣйшемъ литературномъ; Объясненія и Примѣчанія, для сего къ тексту прибавленныя; соотношенія творчества Былеваго съ остальнымъ творчествомъ Народнымъ, по содержанію, изображенію, изложенію, языку; наконецъ отношенія къ Исторіи самой внѣшней, положительной

[11]) Она была представлена общему вниманію на Московской Этнографической Выставкѣ 1867 года и только часть пожертвована была нами послѣ въ Чешскій Музей Праги.

и дѣйствительной, Лѣтописной и Литературной, въ соотвѣтствіе, разъясненіе или подтвержденіе творческой, устной и народной, и т. д.: вотъ въ чемъ состояло собственно доселѣ наше *Изданіе* и все это совершено трудомъ нашимъ личнымъ. Полное вниманіе къ показаніямъ самого народа, какъ онъ ихъ передалъ намъ въ лучшемъ дѣлѣ его интеллектуальной жизни, въ творческомъ образѣ и словѣ, довѣріе къ этому, говоримъ, первѣйшему и живому источнику въ занимавшемъ насъ дѣлѣ; повѣрка данныхъ не личными воззрѣніями, а личнымъ опытомъ, добытымъ въ соучастіи съ жизнью народа, въ долгомъ обращеніи съ нимъ, въ интересѣ къ его произведеніямъ съ дѣтскихъ лѣтъ, въ двадцатилѣтнемъ собственномъ собираніи и столь же неспѣшномъ изученіи собраннаго; свѣрка и критическое сопоставленіе источниковъ другаго рода, внѣшнихъ творчеству, оцѣнка ихъ не выводами историковъ и не частными взглядами, а тою мѣрою, какою они вторили творчеству народному или же въ немъ вторились и отзывались; увѣренность въ правильности и примѣнимости извѣстныхъ пріемовъ изданія, основанная не въ самоувѣренной бойкости мысли, а въ довѣрчивомъ воспитаніи народными образцами классической древности, особливо Греческой, и въ предварительной практикѣ на памятникахъ Славянскихъ [12]); ученіе Буслаева, отлично излагавшаго выводы науки изъ произведеній Западной народности и проложившаго намъ путь къ собственному знакомству съ сею областью; указанія Каткова и Леонтьева, когда, въ блестящую пору ихъ ученой дѣятельности, ревностно способствовали они молодымъ умамъ проникнуть въ великую мысль величайшаго современнаго знатока интеллектуальной жизни народовъ—Шеллинга; курсъ свѣдѣній по литературѣ народовъ Восточныхъ, для которыхъ не имѣли мы нужды, подобно но-

[12]) Прежде, чѣмъ рѣшились мы издавать что либо народное наше, мы печатали уже объ эпосѣ и общемъ пѣснотворчествѣ Славянъ, напр. Болгаръ и Сербовъ въ изданіи „Болгарскихъ пѣсней“ 1855 года.

вѣйшимъ сочинителямъ «происхожденія Былинъ,» бѣгать поминутно за справкою къ Академику на Васильевскій Островъ, напротивъ выдержали пять лѣтъ серьезной студіи у П. Я. Петрова и съ тѣхъ поръ пользовались въ семъ дѣлѣ частыми и оживленными его бесѣдами; наконецъ такой учитель, какимъ былъ для насъ П. В. Кирѣевскій, и такая школа, какъ Московскихъ—минувшихъ—Славянофиловъ: вотъ что помогло намъ и чему благодарность изданія, въ той или другой степени. Потому, на сколько въ нашихъ, говоримъ мы, выводахъ и соображеніяхъ участвовала личная ошибка или оказалось неправильное уклоненіе частныхъ силъ, во столько терпѣло самое дѣло и во столько нуждается оно со временемъ въ лучшей постановкѣ: но на сколько личныя усилія и частные труды основывались здѣсь на талантѣ лучшихъ умовъ эпохи, на вѣчныхъ памятникахъ народовъ, на ихъ собственной жизни, на живомъ показаніи народа Русскаго, письменномъ и устномъ его завѣтѣ,—во столько же дѣло наше становилось дѣломъ народнымъ. Прочность мѣряется здѣсь не современнымъ успѣхомъ и не случайною его долею: пройдетъ много лѣтъ прежде, чѣмъ успѣютъ отъ существеннаго отдѣлить здѣсь заблужденія личныя, нерѣдко впрочемъ намъ самимъ извѣстныя и отнюдь не защищаемыя съ упорствомъ; потребуется еще больше лѣтъ, чтобы воспользоваться нашими указаніями и за ними подвинуть дѣло дальше; никогда не настанетъ той поры, когда бы разъѣдающими мелочами придирокъ и соблазнами разувѣренія смогли бы сдвинуть монументальный памятникъ, отнынѣ воздвигнутый народу собственными его силами и обезпеченный за его вѣчнымъ владѣніемъ.

Тѣмъ не менѣе, при всемъ личномъ трудѣ, на это положенномъ, мы имѣли по крайности до извѣстн й степени *готовый матеріалъ*, требовавшій работы, но ее вызывавшій яснымъ требованіемъ, если не всегда опредѣленный, то легче поддававшійся опредѣленію: запросъ на содѣйствіе личной силы былъ громокъ и внятенъ, стоило только вслушаться, чтобы ее при-

ложить, и закипало дѣло само собственной жизнью. Не могло же явиться, на примѣръ, дикихъ сомнѣній въ подлинности Былины, предъ вами излетавщей изъ устъ народа, не могла зародиться блажь повѣрять слово творческое пергаминомъ, киноварью и припиской. Сибирской язвы, поразившей Петербургскихъ критиковъ, мы на себѣ не испытали и потому не могло прійти въ душу чахоточное желаніе, нельзя ли богатый нашъ эпосъ перевести съ нарѣчія Алтайскихъ дикарей. Подобныя проказы, возможныя только на Васильевскихъ островахъ, гдѣ, словами пѣсни, «молодой матросъ корабли снастилъ,» не развлекали насъ. Очень важно, что предметы старшаго нашего эпоса безъ особеннаго труда отдѣлялись передъ взоромъ отъ письменности или же скоро отыскивались въ ней—если какъ ни будь туда заходили: Добрыню не уносилъ народъ тихонько въ свою Былину изъ Лѣтописи; Новгородецъ въ спискѣ посадниковъ и въ своемъ спѣшномъ разсказѣ о торговой общинѣ не поддѣлывалъ похищенныхъ изъ пѣсни именъ Буслаева и Садки, а говорилъ правду искреннюю, не предчувствуя даже самаго существованія г. Стасова; Ивана Грознаго трудно было бы вычеркнуть изъ Московскаго дѣеписанія и положительной исторіи; Ксенія, хотя заняла крови Татарской отъ предковъ, но пѣла чистымъ языкомъ Русскимъ и Англичанинъ, увезшій къ себѣ свѣжую еще пѣсню ея, не думалъ, кажется, перейти въ Православіе и подслужиться подъ дѣлкою Русскимъ патріотамъ. Былины, нами издававшіяся, чѣмъ старше происхожденіемъ, содержаніемъ и строемъ, тѣмъ меньше зависѣли отъ литературы книжной, сохраняя съ нею только равноправную параллель, тѣмъ прочнѣе уцѣлѣли въ памяти и устахъ народа живаго, тѣмъ слабѣе интересовали книжныхъ трудолюбцевъ XVIII вѣка, тѣмъ труднѣе были для поддѣлокъ Сахарова съ братіей, тѣмъ вѣрнѣе записаны въ старыхъ рукописяхъ или изданы были новыми издателями, такими, какъ Калайдовичъ. Вызванное связію съ сими вопросами, наше изслѣдова-

ніе о жизни и изданіяхъ Калайдовича [13]), знакомство съ ранними трудами и владѣніе бумагами старшаго собирателя, Кн. Н. А. Церетелева, сближеніе, кромѣ Кирѣевскаго, съ такими почтенными авторитетами въ области народнаго творчества, какъ М. А. Максимовичь и В. И. Даль, сотоварищество по работамъ съ Рыбниковымъ и сношенія со всѣми почти новѣйшими дѣятелями сего поприща, наконецъ постоянный интересъ ко всѣмъ обстоятельствамъ литературы, сюда примыкающимъ, отъ блаженной памяти Чулкова, Попова, Трутовскаго, Новикова и Дмитріева до забывчивости гг. Костомарова съ Мордовцевой, перепечатавшихъ старые пѣсенники новою печатью Саратовской,—все это раскрыло, разоблачило или разъяснило намъ въ подробности процессъ и ходъ занимавшаго насъ дѣла. Кромѣ того, какъ извѣстно, Южное поприще старшей Былины не мѣняется съ Сѣвернымъ, Быль Кіевская не забѣгаетъ въ Новгородскую, Терентьище не служитъ Владиміру, Садко не споритъ съ Дюкомъ, Буслаевъ не водится съ Суровцами Суздальцами, Москва, принимая наслѣдство творчества, быстро поднимаетъ господскую свою голову, ни съ кѣмъ не дѣлится, сама собою управляется въ эпосѣ, собственными силами спасаетъ старину и достигаетъ вящихъ новыхъ успѣховъ. Смѣшать то, или другое и третье нѣтъ никакой возможности; потеряться въ сходствѣ — негдѣ. Различны лица, территоріи, событія, данныя; ярко замѣтна взгляду внутренняя постепенность и послѣдовательность въ ходѣ самого творчества и въ пріемахъ его, въ стихѣ и въ самомъ дробномъ — въ числѣ слоговъ, въ языкѣ и въ выраженіяхъ. Есть всюду связь, но есть и рѣзкія спеціальныя отличія. Звѣньями связи указуются періоды времени, временемъ постепенность, постепенностью особенности. — Послѣ изготовленія къ изданію первыхъ выпусковъ Сборника Кирѣевскаго, еще легче намъ было съ Рыбниковскимъ: всѣ Былины здѣсь изъ одной нынѣшней

[13]) Оно два раза отпечатано, второй разъ со всѣми подробностями 1862 года.

мѣстности, записаны по большей части однимъ лицомъ отъ однихъ и тѣхъ же пѣвцовъ; получая черновыя тетрадки и листы прямо изъ подъ пера, изъ подъ свѣжаго дыханія пѣвшихъ живыхъ устъ, мы только приводили матеріалъ въ порядокъ, только прилагали къ нему пріемы изданія начатаго прежде, опредѣлившагося съ именемъ Кирѣевскаго, только *продолжали* ту же, прежде обозначившуюся, нить, только встрѣчали старыхъ намъ знакомыхъ или встрѣчали ихъ готовою обстановкой. У Кирѣевскаго, къ образцамъ его, мы многое прибавляли еще *сами*, разысканіемъ, заимствованіемъ изъ другихъ собраній, вставкою собраннаго нами лично: извѣстно, что, до 7-го выпуска, образцовъ, собранныхъ П. В—чемъ (хотя и не всегда имъ записанныхъ), приходится почти ровно на половину сравнительно съ прочими, у насъ отпечатанными (Кирѣевскаго 147, другихъ 148); съ 7-го даже дѣлается перевѣсъ и слагается Кирѣевскаго 196 образцовъ, остальные же 222 дополнены нашимъ трудомъ [14]). Но при изданіи сборника Рыбниковскаго мы не имѣли даже и этого труда: мы получали матеріалъ отъ одного лица, хоть и разныхъ рукъ, и только впослѣдствіи, отчасти самимъ Собирателемъ, обозначено было, что сюда вошло довольно вкладовъ отъ другихъ лицъ. Тѣмъ не менѣе, цѣльность всего того, что̀ сообщалъ намъ для изданія Рыбниковъ, заставляла забывать дробныя особенности и онѣ не увеличивали намъ затрудненій. Изданія, тогда же рядомъ или вслѣдъ за симъ начатыя нами изъ личныхъ нашихъ сборниковъ и по частямъ спеціальнымъ, какъ-то Духовные Стихи, вводившіе насъ въ область исключительную и мало другимъ извѣстную, а потому требовавшіе совершенно особыхъ пріемовъ, многихъ толкованій и разъясненій; Дѣтскія Пѣсни, кои собирали мы почти по словечку, а всего болѣе почерпнули изъ собственной памяти, по наслѣдству отъ на-

[14]) Это замѣчено нами еще при изданіи 1-го выпуска, стр. XXVIII, какъ пополненіе, „почти подавляющее долю самого Сборника“ Кирѣевскаго.

шей кормилицы, — изданіе первое въ семъ родѣ на Руси и у всѣхъ Славянъ, подготовленное совершенно новою работой; наконецъ Пѣсни Бѣлорусскія, печатающіяся доселѣ и стóившія значительныхъ хлопотъ, ибо собирались на огромномъ пространствѣ, въ сторонѣ, недостаточно намъ знакомой и родной (хотя— увѣряютъ — совершенно Русской), притомъ чаще въ мелкихъ отрывкахъ: все это однако, при издававшихся нами Пѣсняхъ *Былевыхъ* Великорусскихъ, не только не мѣшало симъ послѣднимъ, но даже, можно сказать, помогало сравненіемъ разнородныхъ отдѣловъ творчества. Однимъ словомъ, *матеріалъ* творчества Былеваго, въ прежнихъ выпускахъ, самъ по себѣ, какъ только былъ нами собранъ во едино, представлялъ способность и удобство къ обнародованію въ печати, легче поддавался пріемамъ изданія, самъ вызывалъ вопросы и отчасти самъ же отвѣчалъ на нихъ. Только одинъ Отдѣлъ здѣсь, по матеріалу, приносилъ съ собою наиболѣе затрудненій: это, какъ могли конечно замѣтить читатели, Былевыя пѣсни —такъ названныя нами—*Княжескія*, *впервые* съ этимъ именемъ указанныя нами въ области творчества и введенныя въ науку, никѣмъ другимъ прежде не отмѣченныя и никогда особо не выдѣлявшіяся, но ясно обозначившіяся предъ нашимъ взглядомъ, когда опредѣлились другіе отдѣлы Эпоса. Онѣ занимаютъ средину между старшимъ періодомъ, Южнымъ, Кіевскимъ, Владиміровымъ, а съ другой стороны между Московскимъ: и по времени ихъ процвѣтанія, и по содержанію, по складу и составу, по частности событій воспѣтыхъ, по личности интересовъ, по дробности образцовъ, по особенности въ самомъ даже стихѣ, по отличію ихъ употребленія, даже лицъ, ихъ пѣвшихъ, даже инструментовъ сопровождавшихъ. Ихъ слѣдовало выдѣлить изъ массы другихъ отдѣловъ, изъ пѣсней схожихъ, но не однородныхъ, что̀ мы и выполнили, отпечатавъ текстъ нѣсколькихъ образцовъ: но за этимъ, и гораздо больше, оставалось обозначить древній первообразъ ихъ, уцѣлѣвшій во многихъ Молодецкихъ и Безъимянныхъ, куда перешли онѣ потерявъ историческое имя

Княжеское, а также вскрыть слѣды ихъ употребленія во всей нашей древней словесности. Такая задача и работа трудна: мы ее обѣщали читателямъ, мы съ своей стороны и выполнили, но именно по запутанности и важности вопросовъ не рѣшались пока отпечатать, продолжая до сихъ поръ пополненія и исправленія. Въ послѣднее время впрочемъ мы очень утѣшены, получивъ удостовѣреніе, что за насъ предпринятъ сей трудъ уже другими: сотрудникъ «Зари (1870, № 1),» коего не имѣемъ мы чести знать, г. *К. Б. Р.* замѣчаетъ, что «критика почти не открываетъ слѣдовъ удѣльности въ народномъ эпосѣ,»—въ чемъ мы совершенно согласны, ибо дѣйствительно эпосъ самъ въ себѣ не дѣлился на политическіе княжескіе удѣлы, а за тѣмъ прибавляетъ, что «пѣсни, относимыя г. Безсоновымъ къ этому періоду, подлежатъ еще разсмотрѣнію.» Мы не сомнѣваемся въ спеціальныхъ свѣдѣніяхъ автора по этому вопросу и съ живѣйшимъ любопытствомъ ожидаемъ отъ него обѣщаннаго разсмотрѣнія. Такимъ образомъ и съ этой стороны облегчилось наше дѣло; а все остальное въ народномъ Былевомъ творчествѣ представляется, до конца XVII вѣка, *по матеріалу* достаточно яснымъ, цѣльнымъ, единымъ и полнымъ.

Совсѣмъ не то встрѣтили мы, какъ скоро дошли до Пѣсней Петровскихъ, занялись ими съ привычнымъ вниманіемъ, а по величію лицъ и эпохи сочли своей обязанностью посвятить изданію всѣ свои силы. Во первыхъ, насъ уже встрѣчала и останавливала здѣсь тенденціозность разныхъ взглядовъ: вся предшествующая литература или увѣряла Россію, что народъ въ своемъ творчествѣ *пропустилъ* величавую эпоху, или хвалила его за то, что онъ отъ души *простилъ* ее, а потому—намѣренно и усиленно—*забылъ*. Нельзя же было догадаться съ разу, что въ основѣ сихъ увѣреній лежитъ совершенное невѣдѣніе, а что напротивъ вѣдѣнію и наукѣ открывается здѣсь благодарнѣйшее поприще и обильнѣйшій матеріалъ. За тѣмъ, всѣ обстоятельства и черты, извлеченныя нами выше для характеристики Петровскаго періода пѣсней, прежде чѣмъ были еще нами

извлечены, — казались почти неодолимою преградой, манили наше любопытство, но вмѣстѣ являлись намъ въ формѣ дѣйствительныхъ и крайнихъ затрудненій. Великія событія эпохи, въ слѣдъ за двигавшимъ ихъ лицомъ, вмѣстѣ съ подвигами главныхъ лицъ, прошли по всему лицу земли Русской и покрыли его до крайнихъ предѣловъ; они переступили далеко за предѣлы прежняго Московскаго государства, проникли до окраинъ Польши и странъ Европы Западной, вступили въ Бѣлую Русь и Малую, достигли отдаленнаго Славянства на Югѣ. Съ событіями и лицами шли вмѣстѣ, шагъ за шагомъ, и пѣсни, питаясь возбужденіемъ интересовъ, отражая все, подлежавшее народному сознанію, возводя въ поэтическій образъ, отвѣчая творческимъ словомъ: полнота небывалая, разнообразіе невиданное, единство съ трудомъ уловимое, подробности легко на семъ пространствѣ теряющіяся. Вы переноситесь изъ Москвы за границу съ первыхъ же шаговъ Былины; потомъ идете на Югъ до Воронежа, Черкасска, Азова, Дуная; со всѣмъ, здѣсь пріобрѣтеннымъ, спѣшите отсюда на самый отдаленный Сѣверъ и Западъ, пускаетесь по Варяжскому морю и вдоль береговъ его; изъ Пскова движетесь въ Бѣлую Русь и Польшу; оттуда снова вдаетесь на Югъ, въ Малороссію до Запорожской Сѣчи; вашъ взоръ достигаетъ уже Бендеръ, вамъ рисуется въ сторонѣ и Хвалынское море, и Дербентъ, а предстоитъ вернуться опять въ новый Петербургъ и въ сенатъ, гдѣ замышляются новые «бои да драки,» откуда, ради Прута, вамъ слѣдуетъ еще прибыть въ Черную Гору и, не минуя же въ промежуткахъ сего перехода ни разнообразныхъ личныхъ характеровъ и обстоятельствъ, ни мелкихъ семейныхъ дѣлъ и частнаго лиризма, вы, утомленные слишкомъ разнородными встрѣчами долгаго пути, отдыхаете отъ тревоги охватившаго васъ роковаго движенія только при гробовой доскѣ «во соборѣ Петропавловскомъ;» но и тутъ еще замогильная тишина прерывается громомъ обстоящаго войска, стонами осиротѣвшей земли Русской, казнію двухъ вельможъ, которыхъ караетъ народъ

въ своемъ творчествѣ какъ искупительную жертву славы Петровой. Опуститься ли съ этой поверхности въ глубь, и, разумѣется, тѣ же судьбы отражаются во внутренней исторіи самого творчества, въ смѣнѣ и передвижкѣ его образовъ, то юныхъ, то сѣдыхъ древностью, то близкихъ вамъ, то уходящихъ въ туманную даль прошлаго, то чисто-историческихъ, то еще чисто-былевыхъ. Едва лишь коснулись вы пѣсни, на первой развернувшейся вамъ страницѣ эпическаго разсказа, какъ Петръ воскрешаетъ уже Добрыню, ѣздившаго съ молоду въ далекіе краи и возвращавшагося «въ платьѣ Латынскомъ:» вы переноситесь въ представленія Владимірова круга, а васъ сдерживаетъ при Петрѣ ревнивая Москва-Смородина. Только что за симъ освоились вы съ картинами Стрѣльцовъ, Правежа и смѣлаго Драгуна, представителя новому войску, съ картинами, куда переноситъ васъ живое творческое слово какъ будто это случилось вчера и сегодня, — и предъ вами возстаетъ образъ Грознаго Ивана, и вы за триста лѣтъ отъ сегодня. По Москвѣ возитъ васъ Голицынъ точь въ точь и съ тѣми же подробностями, какъ ѣздилъ онъ въ Троицкую Лавру и, даже больше, какъ ходилъ онъ въ своихъ пресловутыхъ Крымскихъ походахъ, въ той же обстановкѣ полчищъ, съ тѣмъ же яркимъ комизмомъ важности и неудачи. Но вотъ раздается приказъ къ Азову: ѣдетъ по Окѣ Шереметевъ, движеніе въ Воронежѣ, чистятъ ружья солдаты, поднимается самъ царь, стелется небывалая жизнь по Тихому Дону, вы уже въ средѣ чисто-козацкой, при осадѣ Азова: просыпаются видѣнія Бояновы, расцвѣли засохшія временемъ краски Слова о полку Игоревѣ. Невольно завлекаемся сферою козачества: любопытные, знакомимся то съ дѣйствительными, то съ баснословными образами мѣстныхъ героевъ, съ этимъ Флоромъ, Некрасовымъ, Ефремомъ и Ефремовымъ, Маныцкимъ, Иваномъ Заморяниномъ, Ѳедоромъ Ивановичемъ, Скорлыгинымъ, Голымъ. Есть тутъ и коварная смута, есть и великодушная милость государя, является и казнь, и прощеніе: Козацкія черты въ творчествѣ совпадаютъ со Стрѣ-

лецкими, и сцена снова двоится; не освоившись съ пріемами, вы не рѣшите, гдѣ это ходитъ самъ царь,—въ Черкасскѣ, въ Москвѣ или въ Петербургѣ; Козакъ ли въ тюрьмѣ передъ нимъ, или старый Стрѣлецъ и новобранный Гвардеецъ; какая Царица, Историческая старая, или новая, или вовсе небывалая и Былевая молитъ царя о пощадѣ. Чувствуете наступившій водоворотъ и среди громадныхъ волнъ его личный эпизодъ Евдокіи уже не волнуетъ вашего чувства, какъ бы ожидалось, — онъ успокоиваетъ; послѣ Тихаго Дона, нежданно огласившагося трескомъ и громомъ, вы дѣйствительно рады очутиться въ тихомъ пристанищѣ заточенной, предъ словами ея прощенія и молитвы: но, столь же неожиданно, образъ ея будитъ снова Грозную тѣнь Ивана, творчество вводитъ васъ въ старыя картины Старой Руси, движутся Старцы Перехожіе, подслушиваютъ вздохи у дверей кельи, пѣсни въ прорубленныхъ окнахъ, и—тѣсная ограда монастырская готовитъ повѣсть всему народу, разнесется Былина Лопухиной отъ края до края. Эта ожившая дѣйствительность Древней Руси сопровождается въ слѣдующихъ пѣсняхъ — столь же свойственными ей древними снами и видѣніями: Гроза Шведская носится въ воздухѣ образами Слова о Полку Игоревѣ и Мамаева Побоища, снова воскресшими, снова обѣщающими повторить на приморьѣ Варяжскомъ сцены недавно помутившагося Тихаго Дона и осажденнаго Азова. И точно, въ слѣдъ за пророческими видѣніями, наступаютъ сборы козаковъ, сборы новаго войска, сборы полководцевъ, прощальныя и семейныя сцены: а за ними — «не грозная туча возставала, не частъ-крупенъ дождикъ выпадаетъ,» и какъ звонкія капли ливня спѣшатъ по землѣ шаги войска при звукахъ оружія, тучею несутся полки съ грозою на сѣверъ и западъ. Тамъ очутились знакомцы ваши — Донскіе козаки, тамъ соединились одною задачею остатки стараго и кадры новаго войска: съ тѣхъ поръ море Верейское-Варяжское безпрестанно сливается съ Азовскимъ, Чернымъ и Хвалынскимъ; безъ умѣнья не различишь часто именъ ихъ, не

признаешь, гдѣ же собственно идетъ теперь дѣло. Прежде, чѣмъ опредѣлишь колеблющіеся признаки, сомнѣваешься нерѣдко, — по какому это морю несется въ кораблѣ самъ царь, на какомъ морѣ воспѣтъ подвигъ Рычкова, на какомъ доносятся вѣсти съ Дона къ сыновьямъ Флоровымъ, какимъ каналомъ, подъ землею, или изъ подъ земли и лѣтъ позднѣйшихъ, всплылъ Краснощоковъ передъ лицо Лёвенгаупта; въ довершеніе, Верейскія морскія стоянки чередуются съ сухопутными квартирами солдатъ въ городѣ Вереюшкѣ. Еще болѣе: Шведская королевна маскируется рѣкою Смородиной и миѳическая рѣка-дѣва губительница возсѣдаетъ на Шведскомъ престолѣ, чтобы сгубить былаго Молодца, а теперь созрѣвшаго лѣтами и опытомъ Государя. Тогда опять, и еще выше въ древность поднимаются народные образы творчества: старшій Селяниновичь, нѣкогда встрѣтившій и удивившій пріѣзжаго Олега, загонявшій его на своей соловой кобылкѣ, не умеръ и подоспѣваетъ въ XVIII вѣкѣ, чтобы вывезти на Русь государя, возвратить его изъ обаяній и лукавствъ Шведскихъ къ дѣйствительности Русской; благодаря этой связи миѳа, эпоса и исторіи, «Исторія,» случившаяся на Шведскомъ поморьѣ, повторяется слово въ слово среди Москвы, въ «Сказкѣ» среди «розысковъ» Преображенскаго Приказа. Но мало по малу чисто-историческія событія и имена даютъ однакоже возможность освоиться въ пѣсни съ поприщемъ Шведскихъ дѣяній; вы привыкаете къ нему и слышите *въ третій разъ*, какъ Петровская повѣсть заключается словами пѣвца «трудныхъ повѣстій» XII-го вѣка:

Распахана Шведская пашня
Солдатской бѣлой грудью;
Орана Шведская пашня
Солдатскими ногами;
Посѣяна новая пашня
Солдатскими головами;
Поливана новая пашня
Горячей солдатской кровью.

Такимъ заключеніемъ готовы бы повершить мы сами, какъ вдругъ, непосредственно за симъ, далекое и безучастное дотолѣ творчество Малорусское на полѣ Полтавскомъ дружится съ Московскимъ. Совершенно новый элементъ, новыя стихіи, усложняющія очеркъ. Предчувствіе Лебединаго поля, вызвавшее среди Москвы, при выходѣ изъ Успенскаго собора, задушевную пѣсню Шереметева, сбывается въ дѣйствительности среди города «Лебедина,» въ раздумьѣ военнаго совѣта передъ труднымъ «поединкомъ» съ королемъ Шведскимъ, подъ стѣнами Полтавы: и Малорусская пѣсня сберегла намъ нарочныя черты этого дѣла въ отвѣтъ на вѣщее слово Шереметевской пѣсни. «Царь Бѣлый,» герой творчества Московскаго, явился съ Петромъ и для Украинскаго. Дружатъ ему Искра съ Кочубеемъ, измѣняетъ ему Мазепа, совпадаетъ съ нимъ Палій въ одинакихъ очертаніяхъ Богатырскаго образа. Безъ займа и подражанія, пѣсня Черкасовъ вторитъ выраженіямъ пѣсни Московской. Съ этихъ поръ, сверхъ другихъ побужденій, вы *обязаны* уже знать нарѣчіе Малой-Руси: безъ того не полны Великорусскія пѣсни, творческіе памятники Руси общей; на оборотъ, крайній любитель Украйны заглянетъ теперь по неволѣ изъ Кіева въ Москву и—въ наши изданія. Пѣсня Петровская, пронесшаяся по всѣмъ краямъ Русскихъ нарѣчій и живущая съ оттѣнками любаго областнаго нарѣчія, даетъ намъ слышать ихъ вмѣстѣ, обязываетъ вѣдать ихъ въ общемъ цѣломъ. Что же, когда рѣчь наша раздастся еще среди Сербовъ и повѣсть Мазепы, пѣсня Полтавы вступитъ въ эпосъ Черногорскій? Сила Петрова и туда простерлась: отнынѣ Сербскую пѣсню непремѣнно видите вы рядомъ на страницѣ съ Московскою, и Петербургскій критикъ убѣждается промѣнять Академическую справку о нарѣчіяхъ Тюркскихъ на смиренную азбуку Южнаго Славянства. Сѣтованія Сербовъ, оставленныхъ Туркамъ, вторятся и у насъ на Югѣ, при неудачахъ Прутскихъ; бѣды Сѣчи связываются съ Полтавой; выгонъ Украинцевъ на казенныя работы сливается со стонами на Ладожскомъ каналѣ; вопли двоятся и троятся

въ пѣснопѣніи о вернувшихся съ ратнаго поля, умирающихъ одинаково и на торговой площади Московской, и на Дону въ семьѣ козацкой. Вотъ смертный одръ и самого государя; но такою же пѣснею завершается цѣлый рядъ воспѣтыхъ подвиговъ начиная съ Грознаго: что̀ же истекаетъ оттуда, что̀ принадлежитъ Петру, чѣмъ отличенъ Плачь по немъ отъ всѣхъ другихъ Плачей обрядныхъ? Это столько же требуетъ счетовъ на сотни лѣтъ творчества, сколько пѣсня о Меншиковѣ и Гагаринѣ отводитъ насъ къ Репнину въ XVII вѣкѣ: творчество заставляетъ самого Ивана смѣшивать Малюту съ Сибирскимъ губернаторомъ и обязываетъ по крайности насъ отличить спеціальность сподвижниковъ Петровыхъ. «Сподвижниковъ:» и готовая прежняя тенденція, вставивши эти пѣсни куда ни будь въ Швецію или Полтаву, заглавила бы «Сподвижники» и сказала бы—«вотъ какъ понималъ и рисуетъ народъ эпоху Петрову!» Но то же творческое слово, заимствуя черты и краски изъ XVII вѣка отъ Репнина, надѣляя наслѣдствомъ симъ заблудившихся любимцевъ Петровыхъ, то же слово однимъ, но меткимъ, стихомъ выгораживаетъ Петра изъ вины и отвѣта: обличители Меншикова и Гагарина «хвалятъ-величаютъ императора Петра.» И осторожный издатель, если онъ вѣренъ исторіи, воззрѣніямъ народнымъ и провѣреннымъ даннымъ творчества, не сомнѣвается «вынести» обѣ эти пѣсни за предѣлъ «общихъ» Пѣсней Петровскихъ.—Такой-то, широко раскинувшійся, разнородный и разнообразный матеріалъ предлежалъ намъ: понятны трудности при его изданіи и совершенно особыя условія для пріемовъ издательскихъ.

Историческій элементъ, осилившій въ Петровское время и столь ярко представляющійся взорамъ при сличеніи съ отдѣлами Былинъ предшествовавшихъ, убѣдилъ насъ держаться въ расположеніи и порядкѣ пѣсней—*нити исторической*, той связи, которая явно дается въ руки для изданія пѣсней Петровскихъ *внѣ условій самого творчества*, то есть не по идеѣ и сущности сего послѣдняго, а по исторической жизни и дѣй-

ствительности. Не насиловали мы эту связь и не натягивали послѣдовательность пѣсней въ настоящемъ выпускѣ: всякій видитъ, что она истекаетъ изъ самихъ данныхъ, изъ самого матеріала, и всякому легко понимается, какъ только всмотрится онъ въ ряды образцовъ отпечатанныхъ. Но каждый читатель столько же ошибется, если подумаетъ, что эта связь, во всякомъ случаѣ болѣе внѣшняя, прикрываетъ собою внутреннюю безсвязицу или безпорядокъ *въ самомъ творчествѣ*, смѣшеніе образовъ различныхъ, разнородныхъ и разновременныхъ, разъединеніе тождественныхъ и связныхъ. Нѣтъ, мы не утаивали особенностей сего рода и вездѣ, гдѣ только было можно и нужно, при текстѣ указали нарочито это *несоотвѣтствіе Были творческой* теченію и ходу, явленію и имени *дѣйствительности Исторической*. Напротивъ, нигдѣ, какъ въ пѣсняхъ Петровскихъ, нельзя такъ ясно усмотрѣть рѣзкаго отличія въ *Творчествѣ Былевомъ* отъ *Историческаго показанія и факта*; нигдѣ, говоримъ: ибо здѣсь только, и впервые, образъ творческій во всей выработанной его ясности и опредѣленности встрѣчается лицомъ къ лицу съ ясною, документальною исторической дѣйствительностью, намъ столь доселѣ близкою, намъ еще свѣжо памятною. Здѣсь-то и усмотрите все различіе пріемовъ того и другаго: и съ этой-то именно точки зрѣнія убѣдитесь, что смѣшенія и противорѣчія открываются только тогда, когда *мы* сравниваемъ, а сравнивая, сами неосторожно *смѣшиваемъ* Творческую Быль съ Исторіей и отъ одной требуемъ того, что̀ лишь возможно для другой. Точно, оно есть, это несоотвѣтствіе: для Исторіи со стороны творческой, для Творчества со стороны исторической. Но—*въ самомъ творчествѣ*, съ точки зрѣнія его собственной, тамъ, гдѣ мы, казалось, усмотрѣли присутствіе,—на самомъ дѣлѣ нѣтъ—ни смѣшеній, ни противорѣчій: тамъ управляетъ *свое* единство, тамъ руководитъ *своя* связь, тамъ властвуетъ *своя* цѣльность и ведетъ впередъ *своя* цѣль. Замѣтить и даже вездѣ указать это единство, эту связь, цѣль и цѣльность,—было нашей задачей, и мы, по мѣрѣ силъ, ее вы-

полнили: свойства и особенности творчества отмѣчены всюду въ нашемъ изданіи, *параллельныя* особенностямъ историческимъ, но своимъ путемъ *самобытныя*, *не нарушающія* исторіи въ ея спеціальности, но *вѣрныя самимъ себѣ*, изъ основъ своихъ истекающія, себя происхожденіемъ оправдывающія, въ себѣ самихъ опредѣляющіяся и разрѣшающіяся. Петръ и Грозный, Селяниновичь и прибрежный Балтійскій крестьянинъ, Дѣва Смородина и дѣва Шведская Королевна, слова реляцій и вѣщанія Слова о Полку Игоревѣ, море Азовское и Варяжское, Стрѣльцы и Донцы, Донцы и Гвардія, Репнинъ и Меншиковъ, Гагаринъ и Малюта, Москва и Полтава, и такъ далѣе, до всѣхъ подробностей,—эти образы и краски, имена и выраженія, при всемъ сопоставленіи разницъ и при всей разницѣ своего совмѣстнаго жительства, *въ самомъ творчествѣ* нисколько не подрываютъ единства, цѣлости и связи, напротивъ вызываютъ собою силу объединяющую и цѣлесообразную, напрягаютъ ее къ дѣйствію въ созданіи творческомъ, выражаютъ ее на практикѣ. Нить Былевая-Творческая и Историческая: даже не двѣ нити въ розь,—это нить, обвивающая одна другую; то одна подымается верхней волною, то другая спускается нижними волокнами; а въ концѣ концовъ—единая нить цѣльнаго созданія народнаго, Былеваго-Историческаго міровоззрѣнія. Различіе въ сходствѣ, сходство въ различіи,—усмотрѣть,—дѣло остроумія: не претендуя на даръ сей, завѣщанный, кажется, одному лишь современному ученому Петербургу, прибавимъ, что усмотрѣніе здѣсь—еще не все дѣло; важнѣе самый предметъ усмотрѣнія, а этотъ предметъ въ рукахъ народа, и цѣлому народу, въ лучшихъ его созданіяхъ—въ творчествѣ, — никто не откажетъ въ долѣ остроумія, по крайности на столько, не меньше, сколько доступна она сочинителямъ «происхожденія Былинъ.» Однимъ словомъ, связь творческая свободно здѣсь сошлась съ историческою, и послѣдованіе Былинъ въ нашей печати явилось продуктомъ той и другой, въ дѣйствительномъ существованіи обѣихъ.—Но, если въ дѣйствительности существовала эта

единая связь неизмѣнно, съ перваго звука, когда раздавались только что сложенныя Петровскія пѣсни; если легко опредѣляется она нашимъ взорамъ теперь, пробѣгая звѣньями по ряду размѣщенныхъ и отпечатанныхъ пѣсней: не такъ легко было усмотрѣть ее первому издающему, не такъ скоро удавалось вывести ее изъ матеріала и указать какъ готовую для усмотрѣнія всякому. Широта развлекала, разнообразіе путало, противорѣчія не были еще «видимыми,» а казались «дѣйствительными,» смѣшеніе долго представлялось цѣльною массою, не давая различать элементовъ и началъ, его слагавшихъ. Опредѣлить точки зрѣнія, соединявшія порядокъ, и пункты, различавшіе степень послѣдовательности, стоило порядочныхъ личныхъ усилій. Оріентироваться въ дѣлѣ, совершенно новомъ для литературы и науки, притомъ въ природной области не науки и литературы, а въ живой природѣ самобытнаго творчества народнаго, для коего еще нова и литература наша, и наука,—оріентироваться было труднѣе, чѣмъ на примѣръ нашимъ оріенталистамъ при объясненіи Былины изъ Азіатскаго Востока. Не разъ готовы мы были отказаться отъ начатой работы. Легче казалось намъ, какъ это ни трудно, вмѣстѣ съ писателями Петербурга, которые среди тумановъ своихъ рѣдко видаютъ солнце, доказать «лѣтнее солнце» послѣ густыхъ «тучь» въ образѣ Ильи Муромца, или «вѣроисповѣдное людоѣдство,» или даже «плодоносную лѣтнюю бабу,» чѣмъ успѣть въ трудѣ предстоявшемъ. Мы говоримъ теперь о распорядкѣ матеріала, о размѣщеніи и сопоставленіи образцовъ или данныхъ; это предполагаетъ собою матеріалъ *готовый,* данныя дѣйствительно кѣмъ либо *данныя*: но таковыхъ данныхъ и таковаго матеріала, вспомнимъ, намъ не было дано и никѣмъ не было съ разу изготовлено. *Есть* ли еще въ самомъ дѣлѣ какія либо пѣсни *Петровскія?* Предшественники наши отвѣчали—«нѣту;» Петръ Васильевичъ не отдѣлилъ ихъ въ своемъ Сборникѣ, какъ не успѣлъ отдѣлить и всей группы Былевой, къ которой бы принадлежали онѣ; онъ даже намъ *не оставилъ* всѣхъ Пѣсней

Петровскихъ; послѣ него осталась только *четвертая доля ихъ*, въ кучѣ разнородныхъ листковъ и тетратей. Чѣмъ же убѣдились мы, что онѣ есть и отыскать ихъ можно? Убѣдились бѣдою: не возложить же, какъ дѣлали другіе, на народъ нашъ, и безъ того бѣдный, послѣднюю бѣду—отсутствіе творчества за цѣлую, и великую, эпоху, прощеніе Петру—до забвенія собственныхъ пѣсней, забвеніе пѣсней до послѣдней простоты невѣжества, и безъ того порядкомъ обуревающей простой народъ нашъ. Онѣ *должны быть*, эти пѣсни, сказали мы себѣ, зная—и сколько мы знали—народъ нашъ: бѣдою куплена по-бѣда, и результатомъ явилось почти 200 образцовъ пѣсней Петровскихъ.—Откуда же?

Изъ собранія собственно Кирѣевскаго на весь выпускъ приходится только 53 №№. Намъ помогло нѣсколько вкладовъ послѣдующаго времени: пополненія отъ *В. И. Даля*, покойнаго *кн. В. Ѳ. Одоевскаго*, *С. М. Любецкаго*, сообщившаго намъ часть любопытныхъ остатковъ стариннаго своего сборника, и отъ покойнаго *кн. Н. А. Церетелева*, который въ прошломъ году, какъ только узналъ о начавшихся публичныхъ нашихъ Чтеніяхъ и прочелъ програму нашу по предмету народной Словесности, немедленно и беззавѣтно вручилъ намъ всѣ бумаги свои за пятдесятъ лѣтъ ревностныхъ занятій тѣмъ же предметомъ [15]).

[15]) При письмѣ отъ 12 Марта 1869 г. „Прочитавъ программу начатыхъ Вами публичныхъ чтеній, *О развитіи и современномъ положеніи Русскаго народнаго пѣснотворчества*, я искренно порадовался, что наконецъ скудныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, въ высшей степени интересномъ для Русскаго человѣка, будутъ пополнены компетентнымъ судьей этого дѣла. Давнымъ давно, за полвѣка предъ этимъ, когда у насъ весьма немногіе обращали вниманіе на Русское народное пѣснотворчество, я усердно собиралъ Русскія сказки и пѣсни, въ особенности же послѣднія... Въ 1865 году, поселясь въ Москвѣ, въ этомъ центрѣ Русской народной дѣятельности, я вспомнилъ и о моемъ сборникѣ.. Пожалѣлъ было, — но и утѣшился тѣмъ, что молодые, болѣе энергическіе собиратели сдѣлали то, чего я не сдѣлалъ, и сдѣлали лучше, чѣмъ бы я могъ сдѣлать... Препровождая къ Вамъ бренные останки моего покойнаго сборника, радъ буду, если они пригодятся Вамъ хотя какъ

Все это оказалось однако недостаточно и значительнѣйшая доля дополнена была собственнымъ нашимъ собираніемъ и трудомъ розысковъ. Трудъ сей, примѣнительно къ Петровскому періоду, начали мы еще съ 1863 года: уже въ 6-мъ нашемъ выпускѣ, при Иванѣ Грозномъ, читатели встрѣчали сноски на сравненіе съ пѣснями Петровскими. При подготовкѣ 8-го выпуска намъ приходилось пересмотрѣть нѣсколько тысячь различныхъ образцовъ, въ рукописи и въ печати. Въ этой громадѣ, кромѣ нѣсколькихъ историческихъ названій, опредѣлявшихъ эпоху Петра, не было собственно указаній на пѣсни Петровскія и онѣ вовсе не были такъ названы: разумѣется, если бы прежніе собиратели или издатели поняли и знали бы ихъ въ семъ смыслѣ, они бы не преминули выставить такой важный матеріалъ для Петровской Исторіи, воспользовался бы имъ конечно г. Пекарскій въ своей замѣчательной монографіи и не попали бы въ литературу увѣренія объ отсутствіи пѣсней Петровскихъ [16]).

варіанты." Письмо это прочтено было въ Общ. Л. Р. Сл. и, такъ какъ мы все, даже наше собственное, касавшееся Былинъ, пріобщали постоянно къ изданію Кирѣевскаго, то заявили желаніе предъ Обществомъ сюда же присоединить и подарокъ к. Церетелева. Въ немъ большею частію оказались списки съ печатныхъ, разбросанныхъ прежде, пѣсней: но нашлось нѣсколько и замѣчательныхъ новыхъ, записанныхъ А. Хр. Востоковымъ и Н. А. Полевымъ.

[16]) Пекарскаго „Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ," 2 тома, С.П.Б. 1862: сюда не вошли даже значительнѣйшіе „сочиненные" Стихи или канты о Петрѣ.—Не вошли пѣсни о Петрѣ и въ хрестоматіи Буслаева и Галахова, ни въ какія либо Исторіи нашей словесности, напротивъ, въ прекрасномъ трудѣ сего послѣдняго, въ „Исторіи Р. литературы," читаемъ такой отзывъ, результатъ всего тогдашняго положенія науки въ данномъ вопросѣ: „Могучая личность Петра не нашла достойнаго себѣ выраженія въ народной поэзіи: скудость пѣсенъ, отмѣтившихъ нѣкоторыя событія его царствованія, можетъ быть объяснена различно. Во первыхъ, время государственнаго устройства всего менѣе покровительствовало народному творчеству: напротивъ, указами и другими мѣрами оно преслѣдовало все то, чѣмъ питалось суевѣріе, но подъ вліяніемъ чего возникали памятники двоевѣрной литературы. Во вторыхъ, стоя въ сторонѣ отъ реформы, народъ не питалъ сочувствія къ преобразователю и не имѣлъ слѣдовательно охоты воспѣвать

Напротивъ, признаки сихъ пѣсней только что начинали опредѣляться на нашихъ глазахъ и въ нашу пору. Такъ, на примѣръ, Былина, рисовавшая Голицына, долго неизвѣстно было, къ какому Голицыну относилась, и лишь «Воронежская Бесѣда» 1861 года, въ записанномъ для нея образцѣ выводя на сцену Софью Алексѣвну, окончательно рѣшила сомнѣніе. «Возлѣ рѣченьки хожу млада» извѣстна была издавна въ числѣ пѣсней Безъимянныхъ, пока въ 1861 году сообщенный намъ варіантъ отъ В. И. Даля и записанный кн. В. Ѳ. Одоевскимъ образецъ 1862 года указали здѣсь несомнѣнно пѣсню Евдокіи Лопухиной.—Съ упорнымъ трудомъ, подвигаясь медленно шагъ за шагомъ, мы нѣсколько лѣтъ подбирали скудные образцы одинъ за другимъ: краткость Московскихъ Былинъ вообще, по ихъ природному составу и отличію, созданіе пѣсней Петровскихъ въ періодъ перелома, послѣ котораго творчество Былевое склонилось къ упадку, а потому быстрое ихъ разложеніе въ Безъимянныя и Молодецкія, близкая связь со всѣми прочими пѣснями, небылевыми, переходъ на нисшую ступень пѣсни Женской и Бесѣдной, отсюда отрывочность, разбросанность, затерянность въ массѣ произведеній совсѣмъ инаго рода,—особенности эти, неизвѣстныя прежнему нашему изданію кромѣ развѣ періода Княжескаго, вызывали крайнюю напряженность поисковъ. То одна прекрасная пѣсня Петровская вскрывалась нашему взору подъ покровомъ многихъ наносныхъ слоевъ, то въ пѣсняхъ совершенно обыдённыхъ усматривали мы искаженіе и передѣлку образовъ Былевыхъ съ конца XVII и изъ начала XVIII вѣка,

его въ своихъ пѣсняхъ, какъ онъ воспѣвалъ, на примѣръ, Грознаго: замѣна стараго новымъ, введеніе европейскаго образа жизни въ ущербъ роднымъ обычаямъ способнѣе были вызвать сатиру, нежели хвалебные гимны. Наконецъ, въ третьихъ, развитіе книжнаго стихотворчества нанесло также сильные удары безъискусственной поэзіи, мало по малу затихавшей въ своемъ эпическомъ движеніи.“ Сочинитель, при всемъ его — извѣстномъ — знаніи и стараніи, отыскалъ только *три пѣсни*, касавшіяся Петра, двѣ у Кирши и одну изъ матеріаловъ Географич. Общ. (см. ихъ у насъ въ текстѣ).

то характерную черту творчества Петровскаго долго теряли мы изъ виду въ обстановкѣ, многословно и плодовито затемняющей, то принуждены были часто отсѣкать прочь всю суть пѣсни современной и ходячей, начало, конецъ, середину, главныя лица и обстоятельства, дабы выручитъ отсюда слабый оттѣнокъ, не подходящій къ современности и очевидно истекающій изъ періода Петровскаго. Дѣло въ томъ, что *признаки* пѣсней Петровскихъ, постепенно опредѣлявшіеся для нашей критики и теперь явные въ изданіи, представшіе нынѣ критикѣ всеобщей какъ готовый и полный матеріалъ, вовсе *не были даны самимъ матеріаломъ въ началѣ*, въ эпоху его собиранія, не были никѣмъ для насъ и до насъ указаны: они *добыты только нашимъ трудомъ*. Еслибы мы ихъ имѣли и знали сначала, намъ легче было бы по нимъ отобрать и отдѣлить все Петровское: напротивъ, мы прежде перебирали все, подходившее къ Былевому творчеству, и постепенно уже, въ параллель самому собиранію и пересмотру, обозначались признаки однородные, впослѣдствіи, своею цѣлостью, указавшіе связь и послѣдовательность пѣсней Петровскихъ. Кто, на примѣръ, въ началѣ догадался бы, что «теремъ» боярыни въ извѣстной пѣснѣ передѣланъ изъ «таволжаной избушки,» что эта избушка по другимъ образцамъ однородна съ земляной «тюрьмою,» что «эта самая» тюрьма является въ Черкасскѣ, что освободитель изъ нея есть «царь» и что этотъ царь — «Петръ,» наконецъ что всѣ эти варіанты постепенно переводятъ насъ въ Москву, къ милости, эпически воспѣтой въ другихъ Былинахъ и исторически оказанной Петромъ Донскому козаку, Стрѣльцу, Молодцу на Правежѣ? Кто, услыхавъ пѣсню о томъ, какъ мать убивалась надъ растерзаннымъ сыномъ при кружалѣ государевомъ, обратилъ бы здѣсь вниманіе на черту «площади,» отправился бы отсюда искать плошадь «Красную,» а на ней нашелъ бы дѣйствительно казнь Петровскаго Стрѣльца и Боярина, выведеннаго изъ Кремля города? Читавшіе Сахарова узнали ли прежде насъ въ «воеводѣ,» столь часто тамъ встрѣчающем-

ся, замаскированнаго Петра? Приходило ли какому ни будь прежнему издателю на умъ, что подъ «Петербургомъ» во многихъ нынѣшнихъ искаженныхъ пѣсняхъ слѣдуетъ разумѣть «Шлиссельбургъ» и обстоятельства его осады? «Бѣлый Царь,» прозвище, трудомъ нашимъ и изданіемъ теперь специально утвержденное за Петромъ и въ самомъ дѣлѣ усвоенное ему народомъ по преимуществу, даже въ Малой Руси и у Сербовъ, помогло ли прежде кому либо выдѣлить по сему признаку пѣсни Петровскія и не скорѣй ли, на оборотъ, встрѣчавшимъ это имя рисовался прежде «Царь Древней Руси?» И такихъ подробностей, по видимому мелочей, и отчасти точно мелочныхъ, множество: всѣ онѣ теперь у насъ собраны, большею частію указаны при изданіи, всѣ вмѣстѣ сложили характеристику эпохи Петровской и народнаго ея творчества.—Тѣмъ же путемъ, уже подобравши пѣсни однородныя, опредѣливши ихъ признаки, а по признакамъ связь и послѣдовательность, цѣлость и единство Былеваго круга Петровскаго, мы успѣли замѣтить и отчасти обозначить читателямъ особенности Петровскаго склада въ пѣсняхъ, размѣра, стиха, послѣдовательности стиховъ, отношенія къ напѣву и къ музыкѣ, языка ихъ и слововыраженія.—Упомянемъ также, что мы первые, сличая эти пѣсни со всѣми другими Былевыми и только черезъ это выдѣляя, обратились къ пѣснотворчеству Малорусскому, сопоставили его съ Московскимъ, а далѣе къ Славянскому, именно Сербскому, гдѣ нашли тѣ же соотвѣтственныя черты.—Между тѣмъ Малорусское творчество обратило насъ къ сочиненнымъ, книжнымъ Стихамъ, Псальмамъ или Кантамъ, этому первому шагу, который послужилъ переходомъ отъ нашей народной устной словесности къ литературѣ книжной, къ поэзіи художественной и искуственной: самое названіе *Стиха*, а отсюда *Стихотворенія*, занято, какъ извѣстно, для нашей письменности изъ сей именно области, а первыя наши Стихотворенія содержаніемъ, складомъ, пріемомъ, риѳмой и языкомъ вышли прямо изъ показаннаго источника Стиховъ, Псальмъ и Кантъ. Собственное

собраніе наше, обильнѣйшее и спеціально для сей области назначенное, дало готовый матеріалъ для Кантъ о Петрѣ, доселѣ неизвѣстныхъ въ печати; съ тою же цѣлію испросили мы, часто при текстѣ цитованную, рукопись у *Ѳ. И. Буслаева*, много пособившую въ семъ дѣлѣ, такъ какъ она современна эпохѣ и произведенія записаны въ ней съ особой отчетливостью.— Отсюда, дальше, перешли мы къ прочей обще-русской письменности, и, какъ усмотрѣли связь пѣсней Петровскихъ съ ходячимъ языкомъ того времени, даже реляцій, такъ еще болѣе остановились вниманіемъ на зачаткахъ нашего книжнаго, письменнаго искусства словесности въ XVIII вѣкѣ. Стремленіе «творить стихотворенія» въ народномъ духѣ, способѣ и стилѣ, а за неумѣньемъ того—«поправлять» готовое, а за трудностью сего «передѣлывать и поддѣлывать,» яснѣе всѣхъ прежнихъ періодовъ предстало намъ въ періодъ послѣ Петра, забравшій себѣ въ пользованіе Петровскія пѣсни: труды въ семъ родѣ Попова и Дмитріева, отъ Львова до Сахарова, отъ Сахарова до гг. Костомарова и Мордовцевой, какъ уже поминали мы, предстаютъ теперь читателямъ въ достаточномъ разоблаченіи. Кое-что *новаго*, или, лучше, вѣрнаго народной *старинѣ*, удалось намъ отыскать и въ семъ искаженіи: еще успѣшнѣе опредѣлили мы самое *искаженіе* и *пути* его. Если же прибавить сюда искаженія, вторгнувшіяся *въ само творчество народное*, путемъ его наступившаго разложенія, ослабленія, мельчанія и раздробленія послѣ Петра, то мы получимъ еще новую задачу, предстоявшую нашему труду: отличить искаженія *дѣйствительныя*, возникшія симъ историческимъ способомъ, отъ мнимыхъ или кажущихся *противорѣчій* и *смѣшеній*, въ сущности только обособлявшихъ Былевое творчество отъ Исторіи, не нарушавшихъ, напротивъ своеобразно созидавшихъ его самостоятельность. И такого рода, совершенно розныя, стороны и точки зрѣнія также нашли разъясненіе въ нашемъ изданіи.— Вотъ бѣглыя черты поставленной нами и выполненной задачи, вотъ объясненіе «усиленному труду и напряженнымъ разыска-

ніямъ,» которые потребовались для настоящаго 8-го выпуска. Чередовавшійся съ прочими занятіями, но почти ежедневный трудъ изданія сего выпуска, не считая прежнихъ подготовокъ, взялъ у насъ цѣлыхъ *полтора года*.

* * *

Наши изданія народныхъ памятниковъ ведутся непрерывно уже цѣлыхъ десять лѣтъ и, представляя собою главное средоточіе Русской литературы сего рода, обыкновенно съ послѣдовательностью отмѣчаютъ все то, что̀ при нихъ вокругъ появляется новаго и важнѣйшаго въ той же области.—За недавнее время мы относимъ сюда съ особеннымъ удовольствіемъ два явленія замѣчательныхъ. Это, во первыхъ, продолжающееся печатаніе обильнаго сборника пѣсней, составленнаго *П. В. Шейномъ*, который, во вниманіе къ симъ трудамъ, единогласно избранъ въ Члены-соревнователи Общества Л. Р. Сл. [17]): къ сожалѣнію, нужно только прибавить, что, по спѣшности ли работы самого собирателя, или по винѣ взявшихся издавать, только до сихъ поръ не видно здѣсь пріемовъ, отличающихъ собственно порядочное и толковое *изданіе*, а между тѣмъ, кажется, довольно уже представлено нами образцовъ для руководства и успѣховъ въ семъ случаѣ; самый внѣшній видъ *печатанія*, сколько знаемъ — заглазнаго, вдали отъ собирателя, безобразенъ и очень много вредитъ своими корректурными ошибками. Впрочемъ матеріалъ собранный, на сколько онъ этимъ не испорченъ, все-таки сохраняетъ за собою неотъемлемое достоинство и значеніе.—Еще утѣшительнѣе другое дѣло, получившее недавно извѣстность: это собраніе «Олонецкихъ народныхъ причитаній,» составленное *Е. В. Барсовымъ*. Въ своемъ родѣ оно не уступаетъ дѣлу Рыбникова и, также точно, для Россіи и Славянства, вмѣстѣ съ тѣмъ частію для Европейской

17) Въ засѣданіи 3-го января сего года.

литературы, есть подлинно радостное событіе, которое вызоветъ конечно собою живѣйшее вниманіе и принесетъ неоспоримо много полезныхъ плодовъ. Избранный немедленно Дѣйствительнымъ Членомъ Общества [18]), собиратель, весьма естественно, но вмѣстѣ однако къ чести его, связалъ судьбу своего предстоящаго изданія съ прочими трудами этой области, изданными отъ имени Общества или ему посвященными. Такое расположеніе самого владѣльца матеріаловъ, встрѣченное радушнымъ содѣйствіемъ, и содѣйствіе Общества, принятое со всѣмъ серьезнымъ вниманіемъ издателя, какъ мы близко знаемъ, ручается, что успѣшныя условія изданія совершенно отвѣтятъ замѣчательному достоинству собранныхъ памятниковъ.—Совсѣмъ иное, обратное, значеніе получила по обстоятельствамъ въ кругѣ предметовъ, насъ соприкасающихся, пресловутая статья г. *Стасова* «О происхожденіи Русскихъ Былинъ [19]).» Какъ извѣстно, она встрѣчена была въ нашей наукѣ неблагопріятными отзывами ближайшихъ спеціалистовъ: но частныя мнѣнія автора объ интересующемъ его, хотя и мало знакомомъ для него, вопросѣ, отъ того конечно не теряли свойственной особенности, то есть оставались въ ряду обиходныхъ произведеній нашей литературы, не выдаваясь рѣзко впередъ, и самому дѣлу народныхъ памятниковъ, собиранію ихъ, изданію, пониманію и выводамъ, отъ того не было ни тепло, ни холодно. Послѣдовавшее за тѣмъ представленіе статьи на соисканіе и самая выдача меньшей Академической Уваровской преміи также были явленіемъ совершенно обыкновеннымъ, на которое никто не обратилъ бы серьезнаго вниманія. Но оно сопровождалось и завершилось, на позорищѣ Русской литературы и науки, пассажами отчасти грустнаго, отчасти потѣшнаго свойства, хотя не измѣнившими существенно, однако причудливо окрасившими теченіе нашихъ дѣлъ, такъ что не лишне будетъ сказать о томъ нѣсколько словъ.

18) Въ засѣд. 21 Марта с. г.

19) Печаталась нѣсколькими пріемами въ „Вѣстникѣ Европы.“

Участвовавшіе въ Московскомъ Археологическомъ съѣздѣ прошлою весною, члены Петербургскихъ кружковъ не скрывали своего удивленія передъ отвагою г. Стасова и, увѣренные въ безуспѣшности его исканія, возлагали надежду на Ѳ. И. Буслаева, которому отъ Академіи порученъ былъ разборъ Стасовской статьи. Съ своей стороны, вполнѣ равнодушные къ тому вопросу, получитъ авторъ какую либо сумму или не получитъ, мы возражали только, что по нашему убѣжденію непремѣнно получитъ, и основывали свое мнѣніе на самой непреложной посылкѣ: всѣ наши изданія въ сферѣ памятниковъ народнаго творчества, начиная съ «Болгарскихъ пѣсней (1855 г.),» въ теченіе пятнадцати лѣтъ и въ количествѣ до восьмнадцати томовъ различнаго содержанія, пользовались постоянными, усиленными дурными отзывами Академіи Наукъ, по извѣстному ея Отдѣленію, не снискали никогда никакихъ «премій,» «поощреній» и тому подобныхъ знаковъ расположенія. Исключеніе было лишь за изданіемъ Рыбникова, и то потому, что премія передавалась цѣликомъ собирателю, а не намъ—издателямъ, и самъ П. Н. Рыбниковъ, сколько знаемъ, лично хлопоталъ о томъ въ Петербургѣ [20]). Но и при всемъ этомъ, безъ всякихъ уже изъятій, Академическіе отзывы нѣкоторыхъ секцій самымъ рѣзкимъ образомъ порицали наши труды, набрасывая, какъ говорили мы выше, тѣнь сомнѣнія на «подлинность» печатанныхъ у насъ образцовъ и отыскивая, какъ мы знаемъ также, твердые «признаки» въ устномъ творчествѣ народа, то есть приписки, киноварь, года́, вообще палеографическія данныя. Разумѣется, если симъ же способомъ Нѣмцы старались нѣкогда заподозрить знаменитую Чешскую Краледворскую Рукопись, безсмертное открытіе Ганки, то тѣмъ худшаго должны мы были ожидать отъ нашихъ доморощенныхъ господъ, въ под-

[20]) Издержки труда и матеріальныхъ расходовъ, понесенныя нами съ Хомяковымъ при изданіи двухъ первыхъ томовъ сборника Рыбникова, за выдачею сему послѣднему еще предварительной суммы, доселѣ не вознаграждены крайне-тугою распродажею экземпляровъ.

твержденіе ихъ меткаго такта и тонкаго чутья къ творчеству народному. Но по тому же самому, естественно, статья г. Стасова, не имѣвшая прямаго отношенія къ памятникамъ пѣснотворческимъ, ни къ изданіямъ ихъ, ни къ наукѣ, ими вызванной или возбужденной, непремѣнно должна была разсчитывать на побѣду своего «подвига» въ ристаніи и наградный вѣнокъ изъ листовъ кредитныхъ.—Скоро сдѣлался извѣстенъ и отзывъ г. Буслаева, сопровождаемый то серьезнымъ научнымъ обличеніемъ несостоятельности, то неудержимымъ гомерическимъ смѣхомъ предъ открытіями сочинителя «происхожденія Былинъ.»—Другой Академикъ, на котораго возложена была оцѣнка искательной статьи, г. Шифнеръ, не смотря на то, что статья своими заявленіями неоднократно воздвигала ему памятникъ, чертала рельефно его имя и безпрестанно, личными сносками на его личный авторитетъ, даже въ частныхъ бесѣдахъ и разговорахъ, связывала тѣсно судьбу свою съ репутаціей Академика, г. Шифнеръ, говоримъ, не смотря на все это, какъ сказано печатно отъ Академіи, «доказалъ, что въ нынѣшнемъ положеніи нашихъ знаній по этому предмету, не только *нельзя согласиться съ главнымъ выводомъ* г. Стасова, о томъ, что всѣ наши былины заимствованы отъ Тюрковъ и Монголовъ, но что *напротивъ* Русскіе разсказы, вмѣстѣ съ чужими элементами Скандинавскаго сѣвера, занесены къ Тюркскимъ и Монгольскимъ племенамъ посредствомъ Новгородскихъ промышленниковъ и удалыхъ козаковъ,» т. е. изъ Россіи и русскаго народнаго творчества. «Въ заключеніе своей рецензіи, г. Шифнеръ замѣчаетъ,» сказано далѣе отъ Академіи, что «г. Стасовъ *не успѣлъ доказать восточное происхожденіе Русскихъ былинъ*, совершившееся, будто бы, въ сравнительно довольно позднее время, т. е. начиная съ XIII вѣка» и «должно напротивъ признать, что буддійская редакція (творчества) древнѣе другихъ редакцій и ближе къ древне-арійскимъ первообразамъ, такъ что уже *этимъ самымъ могло бы объясниться то большое сходство*, которое г. Стасовъ находитъ въ нихъ съ нѣкоторыми чертами Русскихъ

былинъ [21]),» то есть именно одно только *сходство*, общее Арійцамъ съ отдаленной древности, на что и указывали г. Стасову прежніе рецензенты, отвергая *заимствованіе* и *передѣлки цѣликомъ* съ позднѣйшей редакціи дикарей. Такимъ образомъ, спеціальный оріенталистъ, на коего возлагала всѣ надежды статья г. Стасова и которому на половину довѣряла сама Академія, отозвался рѣшительно, что главный выводъ г. Стасова не выдерживаетъ критики, противенъ положенію современной науки и ставитъ прочнѣе совсѣмъ обратныя начала воззрѣній, выраженныя прежде того изслѣдователями другими: а вся статья г. Стасова состоитъ въ *выводахъ*, кои сходятся въ одномъ помянутомъ «главномъ,» и болѣе того нѣтъ ничего другаго, ни труда и умѣнья въ собираніи или отысканіи народныхъ памятниковъ устнаго творчества, ни изданія ихъ съ какими ни будь пріемами науки и свѣдущаго опыта, ни современной общей науки «въ нынѣшнемъ положеніи знаній,» какъ выразилась Шифнеровская рецензія. Матеріалъ «собранъ» не изъ прямыхъ источниковъ, а изъ вторыхъ-третьихъ рукъ, именно изъ переводовъ съ языка Востока, и даже языка Слявянскаго, котораго, доказали г. Стасову, онъ не знаетъ; Русскій матеріалъ изъ нашихъ изданій—однѣ выписки; подлинная дѣятельность общей науки нашей, Славянской, Европейской, невнятная автору, замѣнена причудливостью кабинетнаго соображенія, во всей личной и частной исключительности, такъ что не затронутъ даже, а подавно не рѣшенъ, относительно устныхъ произведеній нашего творчества, ни одинъ вопросъ ни текста, ни склада и строя, ни стиха, напѣва и музыки, ни языка, ни вообще хоть бы одной черты изъ внутренней творческой исторіи или изъ отношеній ея къ исторіи внѣшней. Два Академика, особо довѣренные учрежденіемъ и компетентные по всѣмъ отзывамъ самого г. Стасова или его защитниковъ, высказались противъ

[21]) „Записки И. Акад. Н.“ т. XVI, кн. I, 1869 г. Изложеніе принадлежитъ Академической редакціи.

внутренняго достоинства статьи гораздо рѣзче и неумолимѣе, чѣмъ до того бѣгло и мимоходомъ отзывались рецензенты, «не оффиціальные.» «Тѣмъ не менѣе,» отнесся г. Шифнеръ [22], «трудъ г. Стасова весьма замѣчателенъ,» а Ѳ. И. Буслаевъ заключилъ, что онъ «заслуживаетъ вниманія [23],» и предлагалъ Академіи дать «почетный отзывъ» «за новость взгляда и обширность *собраннаго* матеріала.» Очевидно, это была извѣстнаго рода вѣжливость, принятая въ литературныхъ сношеніяхъ и ни къ чему необязательная, кромѣ ласковаго слова. Тѣмъ не менѣе опять, хотя и «меньшая,» г. Стасову присуждена премія. Члены, составлявшіе Академическую Коммиссію, были гг. ***Устряловъ***, ***Срезневскій***, ***Гротъ***, ***Куникъ***, ***Никитенко***, и ***Бычковъ***, а за отсутствіемъ по нездоровью ***Пекарскаго***, ***Броссе*** [24]).—Понятно, это не могло сдѣлаться или явиться «событіемъ» и никого бы не смутило, тѣмъ больше, что въ концѣ концовъ, послѣ того какъ опредѣлена степень «достоинства,» въ настоящемъ случаѣ не оказавшагося, здѣсь былъ вопросъ просто о денежной ссудѣ въ извѣстное «поощреніе,» и тѣмъ естественнѣе, что въ той же Коммиссіи назначена такая же премія г. Хрущову, не смотря на отзывъ довѣреннаго отъ Академіи рецензента, К. И. Невоструева. Профессоръ Невоструевъ подобнымъ же образомъ изъ деликатности отнесся, что разбираемый трудъ «заслуживалъ бы поощрительную премію,» прибавивши однако въ заключеніе: «но съ такимъ направленіемъ и съ тѣми недостатками, какіе замѣчены въ 3-мъ пунктѣ, поощрять сочиненіе... считаю неприличнымъ и не совсѣмъ справедливымъ, подъ тѣмъ развѣ условіемъ, если авторъ признаетъ и исправитъ замѣченные въ этомъ отношеніи недостатки [25]).» То, что здѣсь высказалъ уважаемый всѣми рецензентъ *въ концѣ*, съ одинакимъ

22) Тамъ же.

23) Тамъ же и „Вѣстникъ Европы“ февр. 1870, стр. 898, 899.

24) „Зап. А. Н.“

25) „Разсмотрѣніе книги И. Хрущева“ и проч. стр. 82.

смысломъ выразили гг. Шифнеръ и Буслаевъ *въ началѣ* отзыва. Никому, разумѣется, не прійдетъ въ голову вторгаться, относительно денежныхъ вопросовъ, въ права Академіи, усвоенныя ей оффиціально. Если бы даже приговоръ ея, по высшимъ соображеніямъ, не сходился съ рѣшеніемъ избранныхъ рецензентовъ или заключалъ бы въ себѣ ошибку и заблужденіе, и въ такомъ случаѣ вся отвѣтственность передъ судомъ общественнымъ лежитъ на самомъ учрежденіи, а рецензентамъ и всякому стороннему зрителю, въ литературѣ и наукѣ, остается во всей силѣ не право оспоривать казенныя права́, а извѣстное право общества, право личнаго или частнаго мнѣнія и слова. Конечно, желаніе людей свѣдущихъ могло бы допустить, чтобы капиталъ, во всякомъ случаѣ составляющій неотъемлемое народное достояніе, помѣщенъ былъ гораздо производительнѣе на вопіющія нужды самого народа: то есть на собираніе гибнущихъ съ каждымъ часомъ неоцѣненныхъ памятниковъ его творчества; на порядочное изданіе ихъ, для котораго, изъ за матеріальныхъ средствъ, бьются пока всѣ еще собиратели и тѣмъ не менѣе, по тѣмъ же причинамъ, лежатъ неизданными цѣлыя громады собраннаго; далѣе на серьезную обработку такого незамѣнимаго ничѣмъ матеріала, на спеціальные выводы науки сего рода или даже хоть на популярное изложеніе всего того, что̀ касается народнаго творчества и въ чемъ такъ нуждаются наши среднія учебныя заведенія, домашнее воспитаніе, подростки молодежи. Стороннее личное мнѣніе не можетъ также не пожалѣть, что учрежденія, отъ коихъ сверху долженъ бы задаваться тонъ, начиная съ исторіи Ломоносова не принимаютъ на себя такую высокую роль въ дѣлѣ народномъ и пропускаютъ нерѣдко удобный случай стать дѣйствительно во главѣ столь замѣчательнаго явленія нашихъ дней, охватившаго интересомъ всѣ великіе умы и крайнія вершины науки въ Европѣ,—мы говоримъ о народномъ творчествѣ, которое, даже при слабыхъ трудахъ частныхъ, успѣло занять у насъ видное мѣсто и самостоятельную область вѣдѣнія, къ чести и славѣ самого

творца—народа, къ пользѣ и поученію его будущимъ потомкамъ. Но, какъ бы то ни было, повторяемъ, все это только голосъ общественный, частное или личное мнѣніе и скромное слово, столь же необязательныя для власти и оффиціи, какъ противуположныя мнѣнія и многія слова г. Стасова. Ни право преміи, ни фактъ самой преміи не могли въ обществѣ возбудить спора или показаться неестественными въ нашемъ привычномъ теченіи дѣлъ.

Но къ прискорбію, уже самый печатный докладъ о преміи, который Коммиссія, какъ говоритъ, «имѣла честь довести *до всеобщаго свѣдѣнія* [26]),» то есть, другими словами, до вниманія и обсужденія общества Русскаго, намекнулъ намъ, необычнымъ способомъ, что въ этомъ дѣлѣ запутаны какіе-то вопросы *кромѣ* вопроса о преміи и объ оцѣнкѣ статьи. «Литературные споры» по ея поводу, увѣряетъ насъ Коммиссія, «*ясно показали*, что сочиненіе—г. Стасова—высказываемыми въ немъ взглядами *затрогиваетъ не одни чисто научные интересы*. Это обстоятельство налагало на Коммиссію обязанность *приложить особенную заботу* о томъ, чтобы при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ этого сочиненія *были устранены всѣ другія соображенія, кромѣ ученыхъ*. Коммиссія полагаетъ, что она *исполнила эту обязанность*, избравъ въ рецензенты — Акад. Ѳ. И. Буслаева и А. А. Шифнера [27]).» Не посвященные въ эту закулисную тайну, ни мы, ни кто либо въ Русскомъ обществѣ, конечно не въ состояніи были проникнуть въ тонкость намека. Если тутъ разумѣется соревнованіе и даже зависть касательно суммы 500 р. сер., то литературнымъ спорщикамъ во время споровъ вовсе еще не извѣстно было ни о представленіи къ наградѣ, ни объ ея выдачѣ. Литературно спорившіе, и даже не спорившіе, ибо споръ предполагаетъ обмѣнъ, котораго не было, а только отозвавшіеся прежде о статьѣ г.

[26]) Тамъ же въ Зап. А. Н.

[27]) Тамъ же.

Стасова, единственно были лишь мы, гг. Гильфердингъ, Миллеръ, Веселовскій и Некрасовъ: но здѣсь не затронуто, не могло быть и даже нельзя предположить инаго интереса, кромѣ научнаго и отношенія статьи г. Стасова къ наукѣ. Разумѣется, само творчество народное не есть наука, и мы думали было, его-то и разумѣетъ Академія: но самый способъ и умѣнье собирать народные памятники, а тѣмъ болѣе издавать и объяснять, а тѣмъ паче дѣлать изъ нихъ выводы и совершать по нимъ изслѣдованіе, конечно принадлежатъ уже чисто къ области науки. Довѣренные рецензенты Академическіе слѣдовали совершенно тому же пути; самый способъ возраженія, если бы прежде точно не были соблюдены въ немъ условія науки, явился однакоже въ устахъ гг. Шифнера и Буслаева, особенно послѣдняго, такимъ же продолженіемъ прежняго, даже, какъ мы видѣли, съ вящею еще неумолимостью, рѣзкостью и даже насмѣшливостью, вовсе не нарушающею предѣловъ живой науки между живыми людьми. Какимъ же образомъ, избраніемъ сихъ лицъ и отзывами ихъ «устранены всѣ другія соображенія, кромѣ ученыхъ,» и что̀ это за соображенія или «не одни чисто научные интересы?»

Дѣло оставалось и такъ бы осталось на всегда для всѣхъ загадкою, не весьма впрочемъ интересною, такъ что скорѣе видѣли бы въ ней случайную обмолвку и легко забыли бы ее, если бы «Вѣстникъ Европы,» гдѣ прежде печаталась статья г. Стасова, въ Декабрьской книжкѣ 1869 г. не поспѣшилъ «растолковать» всѣмъ, на что̀ намекала загадка и каковъ подлинный смыслъ ея. Похваливъ «приличное безпристрастіе» Академіи, журналъ продолжаетъ: «Благопріятный отзывъ Академической Коммиссіи нельзя не счесть хорошимъ урокомъ для тѣхъ черезъ мѣру пылкихъ и торопливыхъ критиковъ, которые поспѣшили произнести отлученіе надъ г. Стасовымъ, обвинивъ его какъ въ недостаткѣ *патріотической гордости*, такъ и въ отсутствіи всякого ученаго значенія въ его трудѣ. Послѣднее, т. е. ученое значеніе, признано отзывомъ Академи-

ческой Коммиссіи; перваго, т. е. недостатка *патріотизма*, Коммиссія вовсе и не касалась, и конечно прекрасно одѣлала, потому что дѣйствительно ничто не можетъ до такой степени опошлить науки, какъ подобныя полицейскія розысканія о количествѣ *патріотизма* у писателя, и, главное, какого *патріотизма*?—того самаго, который зиждется на невыносимо глупомъ самохвальствѣ и кисло-сладкой сантиментальности [28]).» Итакъ, разгадка всѣхъ этихъ «не научныхъ интересовъ» и «не ученыхъ соображеній»—въ *патріотизмѣ*. Но, если патріотизмъ разумѣть какой угодно, обыкновенный и всюду существующій, то ему конечно все равно, выводитъ ли наука происхожденіе Былинъ и даже цѣлой Руси съ Востока, откуда, съ прародины, и дѣйствительно всѣ мы нѣкогда пришли вслѣдъ за старшими братьями Европейцами, или откуда ни будь иначе, даже изъ Сибири, съ Алтая и Борнео, о чемъ хлопочетъ г. Стасовъ. Скажите, чѣмъ же отъ того меньше будетъ всякій любить настоящее свое отечество, чѣмъ тутъ смущаться патріоту, чѣмъ уязвляется здѣсь народная гордость? Наука можетъ отвѣтить, что это вздоръ: но патріотъ въ чувствѣ своемъ даже и не справится съ нею. — Если же здѣсь понимать тотъ, описанный въ «Вѣстникѣ,» тотъ полицейскій, самохвальный и кислосладкій патріотизмъ, проще фальшивый, недавно у насъ, съ Петербургской эры, объявившійся и точно противный честному чувству, а еще болѣе несостоятельный въ наукѣ, то солидному журналу съ его редакціей и сотрудниками, а вмѣстѣ и цѣлому Русскому обществу должно быть очень хорошо извѣстно, что такимъ «патріотизмомъ» вовсе не пользуется у насъ народное дѣло, а потому и народное творчество: не ищетъ оно успѣховъ у такого «патріота,» не пользуется здѣсь фаворомъ, даже не привлекаетъ къ себѣ подобнаго «патріотическаго» вниманія, не вѣдается въ такого рода сферахъ, обойдено въ оффиціальной области,

28) „В. Евр.“ стр. 104—108.

обдѣлено всякого рода преміями, не осчастливлено наградами, не поощрено чинами, степенями или орденами. Не забѣгаетъ оно въ душу писателей съ допросомъ, по той простой причинѣ, что, кромѣ двухъ-трехъ, много если десятка, писатели и не знаютъ его, не пишутъ объ немъ и его не касаются, состоя внѣ народа и его дѣла, снаружи. Существуетъ оно, кое-какъ уцѣлѣвши, въ уголкѣ внѣ сихъ «патріотическихъ» сферъ, въ массѣ народа «простаго:» тамъ допѣваются и послѣднія пѣсни, тамъ работаютъ немногіе самоотверженные собиратели и оттуда выносятъ сокровища—драгоцѣнныя по ихъ мнѣнію, но совершенно безобидныя, оттуда выходятъ издатели и изслѣдователи съ однимъ лишь трудомъ и затрудненіемъ, на нихъ падающимъ, съ недостаткомъ всякихъ средствъ матеріальныхъ, почти безъ всякого нравственнаго содѣйствія въ обществѣ, и только ихъ упорному убѣжденію въ достоинствѣ предпріятій обязано само дѣло нѣкоторымъ успѣхомъ, болѣе внутреннимъ и существеннымъ, чѣмъ внѣшнимъ, а уже подавно не патріотическимъ полицейскимъ, ибо извѣстны напротивъ случаи направленнаго сюда «полицейскаго надзора.» Вотъ почему и дѣятели сего рода, а вмѣстѣ отчасти и прежніе возражатели г. Стасову, какъ сами уже нисколько не принадлежатъ къ описаннымъ «патріотамъ,» и усвоивать имъ подобное свойство было бы напрасною клеветою, такъ, сколько знаемъ, за исключеніемъ развѣ интимныхъ объясненій г. Миллера, ребячество которыхъ никому не вмѣнимо кромѣ самого г. Миллера и участника ихъ г. Стасова, не вторгались въ душу автора «происхожденія былинъ» ни съ какимъ вопросомъ о патріотизмѣ и даже, помнится, вовсе не употребляли этого слова.—Остается только одно: подъ именемъ «патріотизма» разумѣть здѣсь само народное творчество, а такъ какъ это одинъ изъ главныхъ членовъ и выразительнѣйшихъ представителей, то понимать вмѣстѣ «цѣлое—вообще—все народное Русское дѣло.» Дѣйствительно, его нѣтъ, оно не затронуто ни одной чертою, не воспособлено, не двинуто и не рѣшено ни малѣйше въ подвигѣ

и статьѣ г. Стасова. Съ этой точки зрѣнія, обязательно растолкованной журналомъ, разъясняются всѣ намеки и обстоятельства самымъ лучшимъ способомъ; отсюда и возражатели усматривали въ статьѣ *недостатокъ*, ибо ей точно *недостаетъ* народнаго творчества и воспитанной на немъ или устремленной къ нему науки; отсюда Академическая Коммиссія нашла, что сочиненіе г. Стасова *затрогивало* не одни чисто-научные интересы, т. е. затрогивало народное творчество и дѣло, но такъ, что это послѣднее не вошло въ науку г. Стасова, а осталось цѣликомъ внѣ, на долю его возражателей; отсюда же «особенная забота» Коммиссіи устранить эти «всѣ другія соображенія,» какъ не-ученыя, ибо дѣйствительно Академія съ постоянствомъ вычеркивала эту область изъ своихъ наукъ, изданій, вниманій и премій; отсюда же не принятъ былъ «къ исполненію» приговоръ Буслаева, ибо онъ оказался на сторонѣ народнаго творчества и «другихъ соображеній,» т. е. науки, связанной съ вопросомъ народнымъ; отсюда наконецъ и изъ отзыва г. Шифнера взятъ къ соображенію только кончикъ «тѣмъ не менѣе,» а все начало «хотя» отнесено къ «соображеніямъ другимъ,» то есть къ самому дѣлу творчества и выводамъ его науки.—Чтó дѣлать! Насильно милъ не будешь: остается помириться съ фактомъ и народу нашему не привыкать стать къ подобному терпѣнію, — онъ, какъ извѣстно, не въ авантажѣ, особенно въ сферахъ Петербургскихъ. По неволѣ утверждаемся на томъ, что по господствующему мнѣнію С. Петербурга творчество народное и связи его съ дѣломъ народа суть ничто иное, какъ глупый, самохвальный, кислосладкій и сантиментальный патріотизмъ, а разысканія въ области этого рода суть «полицейскія разысканія о количествѣ патріотизма.» Оставалось только рукоплескать такому послѣдовательному и меткому выводу, а съ другой стороны устыдить сопротивниковъ: чтó съ усердіемъ и совершено С. Петербургскимъ журналомъ.

Правда, журналъ въ томъ же самомъ отзывѣ выразился: «Оказывается такимъ образомъ, что изслѣдованіе (г. Стасова)—вѣрно

или невѣрно въ своихъ выводахъ, *все равно*;» правда, что этому же «все равно» въ точности слѣдовали учрежденія, покинувши въ сторонѣ показанія своихъ рецензентовъ о непригодности главнаго вывода или существенныхъ выводовъ. Но по крайности равнодушіе, столь громко заявленное, требовало бы, кажется, дальнѣйшаго хладнокровнаго безпристрастія и, одинъ разъ сдѣлавши промахъ, помѣстивши у себя статью, внушившую ученымъ ужасъ или смѣхъ передъ монстромъ, журналу изъ простаго приличія не дурно было бы промолчать о послѣдствіяхъ и не сопровождать прежней ошибки новымъ неловкимъ упорствомъ. Единственный плодъ сочиненія, который объявляется журналомъ съ дѣтскою радостью послѣ его мужественнаго «все равно,» это: оно, говорятъ, по крайности «поставило вопросъ такъ, что привело ученую археологію въ нѣкоторое затрудненіе, и она не вдругъ нашлась, что̀ отвѣчать.» Но столь же извѣстна пословица, что дѣйствительно десятокъ умныхъ не справится иногда съ тяжелымъ камнемъ, брошеннымъ съ маху въ воду. Это еще не заслуга смѣльчака, и не вина умному труду. Къ сожалѣнію, какъ ученая Коммиссія, не удовлетворившись фактомъ, противъ коего никто бы съ нею не спорилъ, и чувствуя неоправданнымъ кое-какое внутреннее требованіе, поспѣшила прибавить увѣсистую хулу на «не-ученые интересы» и «не-ученыя соображенія,» такъ и «Вѣстникъ Европы» не остановился на оффиціальномъ успѣхѣ, котораго никто не отнималъ у него святотатственною рукою, напротивъ постарался «растолковать» его, порицая тѣхъ, кто вытаскивалъ камень. Признаться, мы всегда прежде наклонны были уважать солидность и степенность сего журнала, болѣе, говоримъ, чѣмъ другія современныя явленія въ періодической литературѣ. Но при этомъ уваженіи насъ невольно смутило неожиданное отсутствіе всякого такта: какъ можно съ такой узкостью защищать случайную печать прежнихъ страницъ своихъ, очевидно проскользнувшую въ свѣтъ благодаря отсутствію, въ ближайшемъ кружкѣ, компетентныхъ, предварительныхъ критиковъ?

Какъ можно *продолжать* случайную ненормальность новыми рѣшительными и бездоказательными обвиненіями на возражателей; и какими еще обвиненіями? Какова бы ни была форма, въ которой они высказаны, но только самыя обвиненія свойства отнюдь не деликатнаго. Г. Стасову возражали или о статьѣ его отозвались ученые, *какіе ни есть у насъ*, но только единственно спеціальные въ данномъ случаѣ, по вопросу народнаго творчества, Русскаго, или Обще-славянскаго, или Западнаго Европейскаго, ученые, раздѣленные въ то время огромными пространствами Россіи, отъ Петербурга до Москвы и отъ Москвы до Одессы, частію даже вовсе не знакомые между собою лично, какъ на примѣръ мы съ г. Миллеромъ, и во всякомъ случаѣ безъ сношеній и предварительныхъ объясненій, а отозвались почти въ одно время и въ одинъ голосъ. Мало того: мы, на примѣръ, по преимуществу заняты нынѣ областью творчества Русскаго, г. Гильфердингъ исключительно Славянскаго, г. Веселовскій Западно-Европейскаго; съ нами діаметрально противуположенъ въ своихъ работахъ и выводахъ г. Миллеръ [29]), мы не сочувствуемъ пріемамъ его послѣдующей дѣтской полемики; намъ непріятна и неумѣстна казалась «обличительная» параллель, проведенная г. Гильфердингомъ между Стасовымъ и Духинскимъ (ибо конечно отъ нея нисколько не проигралъ бы первый, еслибы оба были правы въ наукѣ). И однако же въ главномъ, на статьѣ г. Стасова, всѣ сошлись: откуда такое единодушіе? Не ужели въ самомъ дѣлѣ заговоръ или общая полоса невѣдѣнія? Не ужели тутъ нѣтъ доли правды, по крайности въ силу явнаго безкорыстія, не прибѣгавшаго ни къ какимъ преміямъ, и въ силу искренности, явной до того, что она въ своемъ негодованіи не избѣгла даже рѣз-

[29]) У котораго, какъ извѣстно, собственно только то и заслуживаетъ вниманія, что взято имъ изъ нашихъ изданій, у г. Буслаева или изъ Западной литературы и не слишкомъ затемнено его собственнымъ способомъ выводовъ.

кости выраженій? Отвергнуть ли за то всякую спеціальность знанія или вложить усильно корыстное намѣреніе и полицейскій разсчетъ? Понятно, къ этому способу могъ обратиться г. Стасовъ, въ отчаяніи узрѣвши вокругъ, какъ l'homme qui rit въ палатѣ, изумленные безобразіемъ взоры или расхохотавшіяся лица: но журналу, солиднѣйшему изъ прочихъ, то есть—излишне бы говорить—органу мнѣнія общественнаго и цѣлой конгрегаціи людей науки или литературы, слѣдовало бы, кажется, оцѣнить, хоть частью, мнѣніе возражателей, не прямыхъ своихъ, а косвенныхъ противниковъ случайнаго сотрудника. Между тѣмъ вотъ какою широкою и крупною кистью маляра журналъ обводитъ ихъ подъ одинъ цвѣтъ и въ одну краску. «Наука, говорятъ, имѣетъ свойство *очищать и возвышать понятія и цивилизовать нравы:* наши ученые не рѣдко блистательно это опровергаютъ. Дѣло въ томъ, что такое благотворное дѣйствіе оказываетъ только настоящая наука, которая ставитъ себѣ цѣлію только изслѣдованіе истины, какова бы она ни была, пріятна для насъ лично или непріятна, *соотвѣтственна полицейскимъ вкусамъ или несоотвѣтственна,*—а не такая ученость, которая занимается только формальностями науки, или же мнимо ученымъ фантазерствомъ, и *ношеніемъ ученаго мундира.* Поэтому такіе ученые и не могутъ выносить никакой свободы чужаго мнѣнія, никакого противорѣчія понятьицамъ ихъ собственнаго изобрѣтенія или той рутинѣ, которой они служатъ учеными представителями: сколько они ни окружаютъ себя учеными аттрибутами, изъ за этихъ аттрибутовъ выглядываетъ все тотъ же «ветхій человѣкъ,» тотъ же не совсѣмъ образованный человѣкъ, *не рѣдко со всѣми дикими понятіями и замашками,* какого до сихъ поръ за частую производитъ наша жизнь. Поэтому въ нашемъ ученомъ быту и встрѣчаются такъ часто *уродливыя явленія* въ родѣ тѣхъ нападеній, которыя дѣлались противъ г. Стасова... Нападеніе на г. Стасова сдѣлано было *совершенно въ духѣ этихъ нравовъ.* Прежде всего нашли нужнымъ дать понять *о недостаткѣ*

патріотизма, (а потомъ?) отвергали всякое научное значеніе труда [30]).» Ѳ патріотизмѣ, котораго не требовали отъ г. Стасова, сказано нами уже выше. Отвергать научное значеніе ничтожнаго труда на основаніи специальной, какой ни есть, науки, значитъ по этимъ словамъ держаться полицейскаго вкуса, то есть впадать въ тотъ же полицейскій патріотизмъ, лишаться чистыхъ и возвышенныхъ понятій, не имѣть цивилизованныхъ нравовъ, отличаться дикими замашками и т. д.,—свойства по преимуществу «личныя,» которыхъ не ставили въ упрекъ даже г. Стасову и которыя счелъ приличнымъ солидный журналъ приписать возражателямъ. Не говоримъ уже объ этой мягкости выраженія, ни объ изяществѣ пріемовъ: мы только отмѣтимъ здѣсь *ношеніе ученаго мундира*. Надѣемся, что его вовсе не стыдно носить тѣмъ, кто состоитъ на Русской службѣ ученаго или учебнаго вѣдомства, и не знаемъ, на сколько уничтожаетъ противниковъ это тяжелое обвиненіе. Не извѣстно также намъ, носитъ ли свой мундиръ профессоръ Миллеръ: но г. Веселовскій, нынѣ профессоръ всеобщей литературы, не занималъ еще никакой каѳедры, когда возражалъ г. Стасову; г. Некрасовъ, также теперь профессоръ Русской словесности, сколько намъ извѣстно, произнесъ рѣчь, гдѣ коснулся выводовъ г. Стасова (даже не называя его), только что прибывши въ Одессу, заготовивши матеріалы въ Москвѣ и едва ли успѣвши изготовить мундиръ, столь ненавистный для редакціи журнала; мы вовсе не принадлежимъ къ профессурѣ; а г. Гильфердингъ никогда и не носилъ синяго мундира. Страхи, которымъ всюду мерещится полиція на яву, скрываютъ за собою не рѣдко полицію другую: есть мундиры, которыхъ не надѣваютъ при появленіи въ публику; есть равно обличители мундировъ, которые при первомъ случаѣ прячутся подъ такой же мундиръ, и такого же цвѣта, только чужой. Достоинство статьи г. Стасова журналъ считаетъ

[30]) Тамъ же, стр. 1005, 1006.

рѣшеннымъ и рѣшаетъ неопровержимымъ потому только, что ему дана премія отъ Академіи. «Благопріятный отзывъ Академической Коммиссіи нельзя не счесть хорошимъ урокомъ для тѣхъ черезъ мѣру пылкихъ и торопливыхъ критиковъ.... Ученое значеніе признано отзывомъ Академической Коммиссіи,» и т. д. [31]). Самъ г. Стасовъ въ томъ же журналѣ простирается еще далѣе: «Съ искренней благодарностью принялъ я отъ Академіи Наукъ приговоръ ея, признавшій, что мое изслѣдованіе о происх. Русск. был. имѣетъ нѣкоторое значеніе не только для нашей публики, но и для ученыхъ, и для науки. Теперь, *когда дѣло уже кончено*, я признаюсь, что не совсѣмъ былъ увѣренъ въ томъ... Тѣмъ поразительнѣе и дороже было для меня извѣстіе, что не только Академія Наукъ нашла нѣкоторое значеніе въ моемъ изслѣдованіи, но что *даже премія* за него присуждена мнѣ ею едва ли не единогласно.» Онъ доходитъ до того, что, разбирая отзывы *оффиціальныхъ*, игнорируетъ и глубоко презираетъ другихъ *не-оффиціальныхъ* рецензентовъ, возражавшихъ *по собственному желанію*: «Кромѣ двухъ Академиковъ, разсматривавшихъ мой трудъ по порученію Академіи Наукъ, и при этомъ представившихъ свои возраженія, у меня было еще нѣсколько другихъ возражателей, разсматривавшихъ мое изслѣдованіе по собственному своему желанію. Я не стану излагать ихъ мнѣній.... [32]).» Намъ просто не вѣрится, ужели серьезные органы общественнаго мнѣнія серьезно думаютъ утвердить или видятъ достоинство статьи на основаніи данной преміи; намъ даже совѣстно предположить, что они въ рѣшеніи извѣстнаго «учрежденія,» хотя бы и спеціальнаго, усматриваютъ непогрѣшимость папы, невозможность заблужденія, ошибокъ и тому подобныхъ явленій, именно то, чего не видитъ въ себѣ само учрежденіе и чего избѣгаетъ, предлагая въ печати на общественный судъ свои акты къ отчету.

[31]) Тамъ же и см. выше.

[32]) Тамъ же, кн. 2 и 3-я 1870 г. стр. 897, 390.

При всемъ нашемъ уваженіи къ правамъ и общему достоинству всякого оффиціальнаго учрежденія, мы хорошо знаемъ, со всею Россіей, что оффиціальность не ограждаетъ еще отъ ошибокъ и случайныхъ мотивовъ рѣшенія: иначе не было бы права аппеляцій въ области той же самой системы и не нужна была бы періодическая литература, излагающая свои мнѣнія о совершенныхъ актахъ. Мы помнимъ: во всякомъ учрежденіи Русскомъ, даже въ избранной отъ него Коммиссіи, легко случиться, на примѣръ, что по вопросамъ, касающимся народнаго дѣла или специальнѣе Русскаго народнаго творчества, могутъ участвовать люди, вовсе его не признающіе и, по отсутствію палеографическихъ признаковъ, отвергающіе подлинность самаго его существованія; могутъ присутствовать, какъ у насъ въ Россіи за частую, иностранцы, весьма достойные, но безъ всякого живаго интереса къ подобнымъ вопросамъ; могутъ быть даже отличные специалисты, только не по той специальности, которая требуется въ данномъ случаѣ. Такъ оріенталисты, болѣе или менѣе оффиціальные по своей профессіи, на которыхъ постоянно ссылается г. Стасовъ, поелику статья его фигурируетъ «восточною страною,» даже оріенталисты Академики, могутъ легко не имѣть никакого правильнаго понятія о пѣснотворчествѣ Русскомъ, къ суду котораго привлекъ ихъ г. Стасовъ, а по тому самому и тѣмъ болѣе поводовъ имъ ошибаться, еслибы захотѣли они примѣнять къ предмету незнакомому выводы собственной своей оріентальной области. Мы позволимъ себѣ привести примѣры изъ того времени, когда, при выходѣ «Областнаго Словаря» Русскаго, Академики и прочіе оффиціалисты оріентальныхъ знаній сообщали свои мнѣнія о происхожденіи, именно заимствованіи многихъ словъ Русскихъ съ поздняго Востока Азіатскаго. Г. Григорьевъ, на примѣръ, выводилъ слово «болобанъ (перегласовка «болванъ»)» *съ Татарскаго;* оттуда же «буять;» «жупанъ (исконное Славянское, своего стариннаго, сложнаго словообразованія)» *отъ Татарскаго,* а у Татаръ «изъ языка Персіянъ;» «озарной, озарничать» *отъ Персидскаго;* «отава

(видъ травы)» *съ Тюркскаго*; «зариться» «въ связи съ Персидскимъ корнемъ;» «таланъ (талантъ)» — *Персидское.* Г. Казембекъ: «бабай, бабайка (въ той же почти формѣ у Сербовъ и Болгаръ—старшій въ родѣ, отецъ, прамать и т. п.)» отыскивалъ въ *Персидскомъ* и *Тюркскомъ*; «бажатка (божатка, *крестная* мать)» въ *Адербиджанскомъ Тюркскомъ языкѣ*; «боровчакъ (заборовѣвшій, заматорѣвшій, взрослый теленокъ)» *въ Тюркскомъ* «бозовъ (съ перемѣною *з* въ *р*),» а «что касается до окончанія *чакъ* или *сакъ*, то оно *чисто Тюркское*;» «буйный (о хлѣбѣ; ср. Польск.)» и «буять (рости на волѣ)» *изъ Тюркскаго*; «витвина (вѣтвина)»—«въ нѣкоторыхъ *Тюркскихъ нарѣчіяхъ*;» «вица (вѣтвь, свитое, прутъ и прутья, розги)» *въ Персидскомъ*; при выраженіи «въ назирку» поставлено «восточное слово, которое, по наружной формѣ, имѣетъ здѣсь болѣе право на родоначаліе; *Араб.* гл. *незерэ*;» «выбрякать (выбрякнуть, слово)» — «заимствовано изъ *Тат.* глагола *бригамек*;» «вытаращиться,» при чемъ, въ смыслѣ страха, хоть бы вспомнить греч. «Тарассо,» послѣ Рейфа, искавшаго въ Персидскомъ, —«въ *Тюркскомъ дириш*мек;» «вьюнъ»—«можно подозрѣвать въ *Тюркскомъ*.» Г. Березинъ: «водөрень (въ одерень, въ разрѣзъ, въ разъ, совсѣмъ)» изъ *Татар.* «ботара;» «дробина»— —*Персид.* «мердебан» и т. д. Самъ г. Шифнеръ, въ знаніяхъ коего не имѣемъ мы повода сомнѣваться, опровергшій храмину главнаго вывода у г. Стасова и постоянно имѣющій несчастіе пользоваться его ссылками или благоволеніемъ, г. Шифнеръ, сообщившій привязчивому почитателю, по увѣренію сего послѣдняго, существенныя оріентальныя объясненія, по неволѣ несетъ вину за производство словъ, которыя г. Стасовъ съ тріумфомъ ведетъ съ Востока: *артель* (перегласовка и дальнѣйшая форма отъ «роты»), *буеракъ* (буй яругъ, заросшій или дикій оврагъ), *жупанъ* и *зипунъ*, *товаръ* (общее Индоевропейское), даже *упырь* (вампиръ) и т. п. [33]). Никто не за-

[33]) Тамъ же, кн. 3, стр. 389.

подозритъ спеціальныхъ свѣдѣній упомянутыхъ оріенталистовъ, но никто также изъ Русскихъ, Славянъ или вообще Европейцевъ, сколько ни будь образованныхъ филологически въ «своей спеціальности,» не удержится отъ улыбки, читая приведенныя словопроизводства и сближенія: какъ же не ошибиться послѣ этого въ высшей еще функціи народнаго слова, въ пѣснотворчествѣ устномъ, которое, помимо всего прочаго, мало извѣстно въ подробностяхъ даже многимъ ученымъ спеціалистамъ литературы Русской? Не удивительно, если бы излюбленные ученые погрѣшили здѣсь невѣдѣніемъ и даже, по невѣдѣнію, отнеслись сочувственно къ статьѣ г. Стасова. Притомъ можно очень сочувствовать чувствомъ сердца, но, какъ мы видѣли, въ то же время критикою ума отвергать главные выводы и по человѣческой слабости грѣшить въ дѣлѣ спеціальнаго знанія. Степенному журналу очень хорошо извѣстно, что въ подобномъ вопросѣ не застрахованы Академики отъ заблужденій прочихъ своихъ собратьевъ ученыхъ и не имѣютъ предъ ними въ дѣлѣ науки никакого преимущества, кромѣ оффиціальнаго положенія и—связаннаго съ нимъ мундира. Журналъ, ратующій чуть не въ каждой книжкѣ за свободу литературы и науки противъ монополіи учрежденій, оффиціальности и мундира, журналъ, ради либеральности своей, которой мы не могли бы не сочувствовать въ *истинномъ* смыслѣ, подвизающійся противъ Министерства Просвѣщенія и особенно Университетовъ, въ настоящемъ случаѣ, купно съ прикрытымъ уже достаточно сотрудникомъ, укрылся самъ также точно *подъ мундиръ*, и развѣ только, при синемъ цвѣтѣ и прочихъ форменныхъ отличкахъ, измѣнилъ пуговицамъ и шитью воротника. Мы всегда были убѣждены, что либерализмъ Петербургскій въ сущности, подъ покровомъ, есть постоянно жесточайшій деспотизмъ, именно въ дѣлѣ литературы и науки.

Журналъ, разумѣется, разсыпается вмѣстѣ съ тѣмъ въ похвалахъ рецензентамъ, Академикамъ Буслаеву и Шифнеру, признавая ихъ вполнѣ компетентными судьями въ интересующемъ

вопросѣ. «Выбраны были дѣйствительно *компетентные* люди: г. Буслаевъ доселѣ есть *самый заслуженный специалистъ по древней Русской поэзіи*; г. Шифнеръ извѣстенъ своими трудами о сказочномъ эпосѣ и *могъ наилучшимъ образомъ судить о восточныхъ элементахъ вопроса* [34].» Мы готовы совершенно раздѣлить это мнѣніе, особенно относительно г. Буслаева, который намъ столько же знакомъ почтенными трудами и вліяніемъ благотворнымъ, сколько неизвѣстенъ лично, и однако ничѣмъ еще не оказалъ противнаго г. Шифнеръ.

Но, дѣло въ томъ, что все это писалось въ журналѣ, когда, по увѣренію его, «подробный отчетъ Академической Коммиссіи, гдѣ будутъ напечатаны вполнѣ и самыя рецензіи, *еще не вышелъ въ свѣтъ* [35].» Намъ нѣтъ возможности проникать въ закулисныя тайны или предполагать, что журналу не были хорошо извѣстны тогда же, до печати, и отзывъ Коммиссіи, и рецензіи гг. Шифнера съ Буслаевымъ, тѣмъ болѣе, что на нихъ-то прямо и основываетъ журналъ торжество статьи г. Стасова.

Вскорѣ однако, если не въ одно время съ выходомъ Декабрьской книжки «Вѣстника Европы,» отпечатано и то, и другое, и третье. «Отчетъ» разсказалъ о составѣ Коммиссіи и о «другихъ соображеніяхъ,» ею устраненныхъ, а рецензія одного Академика опровергла въ статьѣ все существенное, другой же Академикъ превзошелъ всѣхъ прежнихъ возражателей неумолимымъ обличеніемъ, рѣзкостью приговора въ дурную сторону и элементомъ комизма, или, лучше, неудержимаго смѣха. И вотъ на страницахъ того же самаго журнала, въ слѣдующей же февральской книжкѣ, тотъ же самый компетентный судья и самый заслуженный специалистъ оказался просто никуда не пригоднымъ и ниже всякой критики. Нѣтъ мѣры ярости противъ г. Буслаева со стороны г. Стасова; рецензія Академика

[34]) Тамъ же, Декабрь 1869, стр. 1004.

[35]) Тамъ же, стр. 1008.

«крайне изумительна по своей непослѣдовательности,» «онъ совершаетъ нѣсколько эволюцій, въ которыхъ нѣтъ ничего хорошаго,» и т. д. Какъ вы думаете, впрочемъ, какой выставляется здѣсь первый предлогъ гнѣва? Трудно повѣрить этому въ печати: за чѣмъ г. Буслаевъ присуждалъ за статью *почетный отзывъ* (а *не премію*). Другими словами, но въ томъ же самомъ смыслѣ, авторъ даетъ разумѣть, что еслибы Буслаеву быть послѣдовательнымъ, то ему непремѣнно должно бы или отозваться хорошо и приговорить премію, или уже не предлагать почетнаго отзыва, а рѣшительно осудить или уничтожить статью. «Я всего болѣе желалъ, чтобъ моимъ критикомъ сдѣлался этотъ ученый (и Академія, уничтожая стороннія соображенія, мы видѣли, исполнила это желаніе)... Я былъ твердо убѣжденъ, что если правда не на моей сторонѣ, то пусть же все ложное и слабое такъ сразу и погибнетъ подъ ударами, науки, знанія, глубокихъ соображеній и могучей силы (Буслаевъ это и исполнилъ, какъ убѣдимся еще ниже, а предложеніе почетнаго отзыва не въ состояніи воздвигнуть падшаго подъ ударами «могучей силы»); но за то, если правъ я, тогда въ самомъ настоящемъ свѣтѣ выступитъ значеніе высказанныхъ мною положеній (и воспослѣдуетъ, заключаемъ мы отъ себя, согласіе на премію).... Я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ его рецензіи, ожидалъ отъ нея *горы пользы* и поученія для себя. Но, прочитавъ ее, я былъ удивленъ *только однимъ*: какимъ образомъ послѣ всего, что̀ профессоръ Буслаевъ нашелъ въ моемъ изслѣдованіи, онъ *могъ еще* предложить Академіи наукъ, чтобы она присудила мнѣ *почетный свой отзывъ* (и такъ вся бѣда въ почетномъ отзывѣ: онъ-то и обиденъ). Почти нѣтъ ни единой страницы въ критикѣ профессора Буслаева, гдѣ бы не было говорено о моей непозволительной точкѣ зрѣнія на факты и такомъ же способѣ обращенія съ ними, о моихъ пріемахъ, не относящихся къ серьезной наукѣ, о моемъ насильственномъ приравниваніи былинъ къ иностраннымъ оригиналамъ, объ уклоненіи отъ открытія дѣйствительнаго сходства между

тѣми и другими, о затеряніи мною того *«кое-что,»* которое безъ сомнѣнія есть между былинами и восточными сказаніями, о моихъ натяжкахъ, о моихъ ухищренныхъ натяжкахъ, о моей методѣ храбрыхъ натяжекъ, о моемъ навязываніи былинамъ безсмысленности, пошлыхъ урѣзокъ и недомолвокъ, о капризной случайности моихъ болѣе или менѣе остроумныхъ сравненій, о моихъ многочисленныхъ запутанностяхъ, и т. д. (канцелярскимъ слогомъ, но безпристрастно авторъ по Буслаеву высчитываетъ всѣ свои недостатки: кажется, Буслаевъ выполнилъ все свое дѣло? Но—или премія, или ничего! Все сводится къ тому: за чѣмъ почетный отзывъ, столь безполезный и не правый?)... Не почетнаго отзыва, а самаго рѣшительнаго осужденія и самаго строгаго порицанія заслуживаютъ они (пріемы и выводы г. Стасова), и, конечно обязанность Академіи Наукъ состояла именно въ томъ, чтобъ еще съ *большею рѣшительностію*, чѣмъ ея рецензентъ, дать отпоръ нехорошимъ вещамъ, имѣющимъ претензію проникнуть въ святилище науки; вѣдь Академія должна быть самымъ вѣрнымъ стражемъ этой послѣдней.» Сравните выше понятіе г. Стасова и журнала объ оффиціальномъ положеніи Академіи; продолжая безпристрастіе свое, авторъ обвиняетъ и ее за непослѣдовательность въ присужденіи преміи. Но, раздѣляя съ г. Стасовымъ мнѣніе о свободѣ критики вообще и относительно сужденій Академіи, мы однако же, въ данномъ случаѣ, обязаны въ защиту ея замѣтить, что, обращаясь къ «отпору нехорошихъ вещей,» она уклонилась бы въ стороннія соображенія не-ученыя и въ интересы не-научные: для устраненія ихъ, какъ сказано, и выбранъ былъ г. Буслаевъ, а потому нужно же было дать свободу его мнѣніямъ и отзывамъ. Куда однако, среди этихъ упрековъ, затерялись похвалы журнала безпристрастію Академической Коммиссіи? Другими словами: если бы не дана была премія, тогда, по логикѣ журнала, восторжествовали бы стороннія соображенія и полицейскій патріотизмъ, а между тѣмъ обличенія Буслаева все-таки остались бы въ «могучей силѣ,» да

уцѣлѣлъ бы и ненавистный «почетный отзывъ.» Развѣ это было бы пріятнѣе г. Стасову? «Правда, проф. Буслаевъ предлагалъ дать мнѣ почетный отзывъ—за *новость взгляда»* и за *«обширный матеріалъ*;» но, безъ сомнѣнія, такіе мотивы не могутъ имѣть равно никакого значенія для Академіи Наукъ, и «новость взгляда,» никуда негодящагося, и «обширность матеріала,» употребленнаго во зло или искаженнаго, все это не достоинства, а пороки, требующіе кары.» Надо признаться, намъ рѣдко случалось видать столь спокойныя, столь безпристрастныя обличенія, направленныя на себя самого и на всѣ свои труды до послѣдней подробности. Авторъ признается, что не стоитъ даже почетнаго отзыва. Авторъ ставитъ вѣрному стражу святилища науки противу вторженія вещей нехорошихъ суровую дилемму: или будь послѣдователенъ, вѣренъ довѣреннымъ рецензентамъ и, устраняя всякіе не научные интересы и не ученыя соображенія, осуди меня, лиши даже деликатнаго почетнаго отзыва;—или же будь непослѣдователенъ, войди въ соображенія стороннія и дай нехорошимъ вещамъ премію къ полному ихъ торжеству. Какъ ни рѣзко здѣсь исканіе правды, всегда весьма почтенное, мы можемъ только замѣтить автору, что онъ слишкомъ натянулъ отношенія, что онъ черезъ чуръ напрягъ соображенія, кои не входятъ въ науку спокойную и только раздражаютъ, да и въ жизни такой способъ дѣйствій доводитъ иногда до крайности преступленій и во избѣжаніе ихъ именно улаживается мягче какими ни будь компромиссами. Не возможно же быть такимъ строгимъ, особенно въ отношеніи нашихъ учрежденій, иногда затрудненныхъ въ своемъ оффиціальномъ признаніи разными неотвратимыми случайностями. Однако не довольно еще того: сочинитель, выступивъ совсѣмъ изъ области литературы и науки, обратился къ собственному лицу и предначерталъ себѣ нравственный подвигъ. «Награды тутъ немыслимы, и, если бы, какимъ нибудь чудомъ, по какой-то невообразимой оплошности, Академія присудила что ни будь за вещь негодную, всякому автору, сколько ни будь раз-

мыслящему и сознающему свое достоинство, слѣдовало бы отказаться отъ столь странной награды [36]).» Мало удавалось намъ встрѣчать такую неподкупную искренность или высоту въ сознаніи нравственныхъ требованій, и, хотя они конечно уже удаляются отъ сферы науки въ соображенія стороннія, моральныя и этическія, но по нашему вовсе нѣтъ бѣды въ родствѣ и связи такихъ двухъ важныхъ областей человѣческой жизни. Можно сказать, вспоминая слова Журнала, этимъ данъ хорошій урокъ тѣмъ черезъ мѣру пылкимъ и торопливымъ критикамъ, которые отдѣляютъ рѣзко вопросъ науки отъ жизненныхъ соображеній, яко бы стороннихъ, требующихъ заботливаго исключенія. Можно не соглашаться съ авторомъ, становясь на практическую точку зрѣнія и допуская неизбѣжные—увы—компромиссы; но послѣдняя дилемма его, по логикѣ ума и чутью нравственному, остается въ могучей силѣ: или премія присуждена за вещь негодную, не естественнымъ путемъ, чудомъ, даже невообразимою оплошностью, и въ такомъ случаѣ судъ послѣдователенъ отзыву компетентнаго, довѣреннаго Академика, а награжденный, если онъ мыслитъ и сознаетъ свое достоинство, немедленно обязанъ отказаться отъ странной награды; — или же Академія непослѣдовательна, Буслаевъ негоденъ, прочь его почетный отзывъ, а годна только самая вещь, и естественно, не чудомъ и не по оплошности, напротивъ совершенно послѣдовательный, авторъ долженъ принять премію.

Прекративъ однако же свои нападки на Академію, прибавимъ—несправедливыя, авторъ предпочелъ въ сей дилеммѣ не отказаться отъ преміи, созналъ свою вещь годною и только обрушился на негодность профессора Буслаева. Но этотъ послѣдній подвигъ, если онъ совершенъ, какъ изъ всего оказывается, главнымъ образомъ за «почетный отзывъ,» также намъ кажется несправедливымъ, ибо выступаетъ *исключительно* въ сферу нравственныхъ требованій, уже не въ родствѣ и въ связи,

[36]) Тамъ же, Февраль 1870, стр. 898, 899.

а во враждѣ и въ противуположности съ наукою. Конечно, можно требовать: но вѣдь можно же ошибаться въ самыхъ—кажется— нравственныхъ требованіяхъ, а главное, *нашихъ* требованій не всегда въ состояніи исполнить *другіе*. Можетъ статься правда, Буслаевъ былъ непослѣдователенъ, допустивши «почетный отзывъ» послѣ того, какъ уничтожилъ все научное значеніе статьи: тѣмъ не менѣе, уничтожая, вѣдь онъ дѣйствовалъ во имя науки, ея средствами, столь у него богатыми, со всею искренностью научнаго убѣжденія, столь извѣстнаго въ почтенномъ профессорѣ. *Со стороны науки* онъ правъ и совершенно послѣдователенъ: и вотъ почему, между прочимъ, ничего не возражала и не нашла ему возразить Академія, вполнѣ довѣрчивая къ своему достойному сочлену и хорошо понимающая его достоинства. Переходя отсюда къ «почетному отзыву,» профессоръ вступалъ въ область *нравственныхъ вопросовъ*: можетъ быть онъ хотѣлъ только поощрить къ добру, поднять человѣка, пособить ему выйти изъ заблужденія, чтобы не совсѣмъ оттолкнуть, чтобы не отбить впередъ охоты отъ всякихъ уже занятій отечественной словесностью? Допустимъ, что здѣсь оказалъ онъ нравственную непослѣдовательность и слабость: вѣдь это уже переходитъ въ свойства моральныя; а кто же имѣетъ право пробираться сюда, вкрадываться, какъ говоритъ «Вѣстникъ Европы,» въ душу писателя съ полицейскими разысканіями, о количествѣ патріотизма или направленіи нравственномъ? Статься можетъ, ваше требованіе черезъ чуръ уже строго; статься можетъ, ему и не могли удовлетворить въ данномъ случаѣ. Да и какіе же мы судьи нравственныхъ побужденій! Сами вполнѣ готовые изъ за нихъ отречься отъ прямой выгоды, бросимъ ли камень въ тѣхъ, кто, положимъ по слабости, желалъ намъ дать хоть почетный отзывъ? Вспомните, что даже Академія, выслушавъ Буслаева съ полнымъ вниманіемъ и довѣряя вполнѣ его серьезному научному обличенію, съ другой стороны имѣя отзывъ г. Шифнера, также уничтожившій суть статьи, не колебалась однако и, почти едино-

гласно, какъ увѣряетъ г. Стасовъ, дала ему премію: конечно, не съ дурною же, не съ злобною цѣлію и коварнымъ намѣреніемъ, не по оплошности, не въ насмѣшку, а именно въ поощреніе, въ вящее побужденіе трудиться впередъ и совершенствоваться, принимая къ сердцу отпечатанныя строгія рецензіи и высвобождаясь отъ заблужденій. Вотъ что и значило подлинно *устранить* всякія *иныя, внѣ науки, соображенія*, вынести ихъ за предѣлы критики: то есть, мы не имѣемъ теперь права и входить въ нихъ; другое дѣло отзывы науки,—ихъ можно критиковать, а совсѣмъ другое область нравственная, куда простираться нѣтъ намъ никакого права ни относительно высшихъ учрежденій, какъ состоящихъ изъ человѣческихъ лицъ, ни относительно рецензентовъ, также лицъ въ положеніи человѣческомъ. Тутъ нужно уже съ нѣкоторою деликатностію понимать личныя *положенія*. Чего, на примѣръ, вы можете требовать и даже ожидать отъ г. Невоструева, келейнаго труженика, отдавшаго всю жизнь и силы своей наукѣ, среди Славянскихъ рукописей, священныхъ текстовъ, богослужебныхъ книгъ или церковной исторіи, умѣвшаго въ своемъ уединеніи возвыситься изъ сферы кропотливаго труда до замѣчательнаго творчества мысли, вкусившаго этой свободы знанія и его освобождающей силы, никакой внѣшности не ищущаго, не связаннаго разсчетами званія, мѣста, чина, степени, дохода, преміи, какого угодно журнала, однимъ словомъ того г. Невоструева, котораго всѣ знаютъ,—и онъ этому требованію отвѣтилъ, онъ правдиво—по своему убѣжденію—отвергъ всякое приличіе преміи за книгу г. Хрущова: того же, говоримъ, и въ той же мѣрѣ, несправедливо, черезъ чуръ сурово, насильственно было бы домагаться и непремѣнно то самое вымагать у лицъ совсѣмъ инаго положенія, лицъ хотя бы единичныхъ, въ какомъ ни будь профессорѣ и академикѣ, хотя бы коллективныхъ, въ сложной Академической Коммиссіи или въ цѣлой Академіи. Притомъ, къ чему же привелъ научный и тѣсно соединившійся нравственный подвигъ г. Невоструева, конечно,

какъ слѣдуетъ предполагать, стоившій ему не мало раздумья, не мало нравственныхъ колебаній, не мало споровъ съ собственнымъ личнымъ, столь же извѣстнымъ, добродушіемъ? Сочиненіе г. Хрущова, не смотря на отзывъ довѣреннаго рецензента, не склонившагося на частныя инсинуаціи, говорятъ, ему предпосылавшіяся, было увѣнчано наградою: и вопросъ возвращается съ тою же, прежнею силою, и если бы даже Буслаевъ, слѣдуя примѣру Невоструева и внушеніямъ г. Стасова, взялъ назадъ свой почетный отзывъ, и тогда г. Стасовъ всё-таки не избѣгъ бы непріятнаго положенія получить премію. Наконецъ нельзя же не принять въ разсчетъ личнаго *характера*, отъ котораго не имѣетъ возможности вполнѣ высвободиться писатель и куда мы не имѣемъ права вторгаться съ преобразованіями. У иного кажущаяся слабость или видимая неустойчивость условливается и даже объясняется на самомъ дѣлѣ природнымъ добродушіемъ, врожденною деликатностью и постоянною привычкою къ мягкости отношеній, такъ что человѣкъ, видя даже ничтожество произведеній другаго, просто не въ силахъ произнести рѣзкаго заключенія и, хоть къ концу, да всё-таки похвалитъ непремѣнно. Этого, къ величайшему сожалѣнію всѣхъ людей благомыслящихъ, также не оцѣнилъ г. Стасовъ: минуя правдивую сторону рецензіи и разборъ серьезныхъ аргументовъ, безъ всякой лести уничтожившихъ всю статью г. Стасова, онъ опять, за почетный отзывъ, устремился въ другую крайность, на *личную характеристику* г. Буслаева. Здѣсь онъ превзошелъ всякую мѣру и, если мы выпишемъ хоть нѣсколько строкъ его заключенія, то единственно лишь въ примѣръ, какъ, по словамъ Академіи, легко можно избѣгнуть науки и впасть совсѣмъ въ иныя, стороннія соображенія. «Проф. Буслаевъ, какъ истый старовѣръ въ литературѣ, всегда восхищался самыми невообразимыми, самыми удивительными вещами въ древней русской литературѣ и исторіи, приводя лишь тѣмъ въ удивленіе своихъ читателей. Всякій обскурантизмъ, всякое нелѣпое ханжество, всякая чепуха старин-

ныхъ легендъ и сказаній находили въ немъ постоянно наивнаго энтузіаста; всякое наибезобразнѣйшее произведеніе древняго русскаго искусства находило въ немъ себѣ набожнаго поклонника и пропагандиста, лишь бы только оно было древнее и русское. Однимъ словомъ, хотя онъ отъ времени до времени и подсмѣивается надъ Славянофилами, но онъ тотъ же Славянофилъ, только въ новомъ видѣ и образѣ, отчасти за ново прошпигованный кое-какими европейскими диссертаціями и трактатами. Ему и Европейцемъ-то быть хочется (даже, если возможно, современнымъ), да и русскихъ-то всѣхъ предразсудковъ уступать нѣтъ охоты. Вотъ, труся и того другаго (отъ того до другаго?), шатаясь постоянно отъ одного берега къ другому, онъ никогда не достигаетъ ничего опредѣленнаго. Спрашивается, легко ли при такой натурѣ и тенденціяхъ вдругъ отказаться отъ стародавняго убѣжденія на счетъ самостоятельности цѣлаго отдѣла старой русской поэзіи [37])?» Мы удивляемся только, какъ солидный журналъ, за мѣсяцъ говорившій съ увлеченіемъ о г. Буслаевѣ, какъ судьѣ «компетентномъ и самомъ заслуженномъ спеціалистѣ по древней Русской поэзіи,» то есть когда нужно было, до напечатанія рецензіи, выставить торжество г. Стасова, теперь, ради одного упорства въ прежней ошибкѣ, допустившей статью г. Стасова, соизволилъ еще новую и вящую, не опасаясь, что это можетъ компрометировать всякую репутацію степеннаго органа общественнаго мнѣнія. Если даже предположить, что г. Буслаевъ дѣйствительно оказалъ какую ни будь слабость, то это уже слишкомъ незаслуженная кара. Давно и глубоко уважая почтеннаго нашего профессора, мы не можемъ скрыть живѣйшаго негодованія на, такое «личное» обращеніе среди вопросовъ науки. Самому г. Стасову, ни прежніе рецензенты, ни гг. Шифнеръ и Буслаевъ, такихъ вещей не высказывали и не согласятся сказать даже теперь. Напротивъ, не имѣя чести знать лично г. Стасова, мы,

[37]) Тамъ же, кн. 2. стр. 935.

на основаніи его прежнихъ статей и брошюрокъ, всегда были увѣрены по крайности въ его талантѣ, остроуміи, находчивости соображеній и, не ощущая ни нужды, ни права, ни охоты обращаться къ «натурѣ» и тому подобнымъ личнымъ свойствамъ, видѣли въ немъ постоянно полезнаго въ литературѣ любителя, въ наукѣ диллетанта. Даже знаменитая статья «о происхожденіи Русскихъ былинъ» не совсѣмъ поколебала наши заочныя убѣжденія: мы усматривали только, и откровенно это высказали въ своемъ мѣстѣ, что г. Стасовъ взялся за дѣло, которое ему вовсе не подъ силу, такъ какъ онъ очевидно не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о Русскомъ народномъ пѣснотворчествѣ, не знаетъ и Славянскаго—по незнанію языковъ и литературъ Славянскихъ, съ прочимъ народнымъ пѣснотворчествомъ Европы знакомъ только по переводамъ, популярнымъ изложеніямъ и учебникамъ, а Восточнаго не вѣдаетъ и подавно, ни въ оригиналахъ, ни въ критическихъ изданіяхъ текста, замѣняя все это поминутными справками у окружающихъ—болѣе или менѣе — спеціалистовъ, урывками прихватывая, случайно пользуясь, на обумъ цитуя, по догадкѣ растолковывая, то не договаривая, то переговаривая, то оговариваясь. Трудность такой задачи—повѣствовать о томъ, и печатно, чего не знаешь, заставляла автора на неблагодарную работу тратить непроизводительно, по мелочамъ, свойственное остроуміе, напряженность дивинаціи, ловкость пріемовъ, нѣкоторую художественность въ построеніи статей изъ непрочнаго матеріала и замѣтный всё-таки литературный талантъ вообще. Узнавъ о преміи, мы радовались искренно этому поощренію, ибо снисходительность одной стороны побуждаетъ другую, если она сколько ни будь правильно развита, восходить выше и подниматься, освобождаясь отъ недостатковъ. Не принадлежа нисколько къ противникамъ г. Стасова и къ массѣ его неустающихъ ратоборцевъ, мы готовились, напротивъ, при случаѣ пособить г. Стасову и сообщить ему, разумѣется пріятный, но конечно неизвѣстный по незнанію Славянскихъ литературъ, отзывъ почтеннаго За-

гребскаго ученаго В. Ягича, который въ отвѣтъ нѣкоторымъ Русскимъ сомнѣніямъ призналъ статьи г. Стасова статьями «трезвыми [38]).» Прискорбныя послѣдствія злополучной преміи, т. е. статьи, за ней появившіяся и особенно самого г. Стасова, а всего больше отношенія его къ рецензіи г. Буслаева, совершенно измѣнили, доселѣ достаточно прямое, дѣло и вопросы чистой науки, не совсѣмъ еще прежде обойденные.

Обстановка журнальная, сопровождавшая естественное присужденіе преміи, бросила обратно какой-то странный свѣтъ на все теченіе дѣла. Эти предварительныя, никому собственно ненужныя, оправданія и «особенныя заботы» объ устраненіи какихъ-то «другихъ соображеній.» Это довѣріе къ Академикамъ, позднѣе не оправданное примѣненіемъ ихъ приговора; эти похвалы рецензентамъ до напечатанія рецензій и страшныя хулы по напечатаніи тотчасъ же; это нравственное отвращеніе отъ почетнаго отзыва и отъявленная готовность къ подвигу отказа отъ преміи; эти хлопоты ссылокъ на составъ Коммиссіи и суровая ссылка цѣлому составу ученыхъ критиковъ; эти неоднократныя пополненія вѣнчаемаго труда новыми справками и приписками, честь пополняющимъ, горе не видавшимъ того; эти бѣганья, забѣганья и убѣганья... А тутъ еще проносится вѣсть громкаго «Голоса» о томъ, какъ забалотированъ почтенный ученый г. Гильфердингъ: обстоятельство весьма странное намъ, и по самому желанію или разсчету балотироваться, и по чернотѣ шаровъ. Можетъ статься, мы ошиблись, но только взору нашему предстали слишкомъ явныя знаменія времени: времени, неблагопріятнаго успѣхамъ Русскаго и всего Славянскаго народнаго творчества, собиранію, изданію, оцѣнкѣ памятниковъ, выводамъ науки въ сей области и вообще движенію, въ семъ смыслѣ, общаго народнаго дѣла.

Случайно этотъ «тонъ дѣлающій музыку» заданъ былъ въ ту

38) „Труды“ Югославянской Академіи, кн. VIII, 1869; г. Ягичь называетъ „трезно писаними чланци од В. Стасова.“

именно пору, когда послѣ нѣсколькихъ неудачь предъ высшимъ судилищемъ, но послѣ десятилѣтнихъ удачь изданія, извѣстнаго подъ именемъ Кирѣевскаго, мы рѣшились было представить трудъ свой на соисканіе Уваровской преміи, съ цѣлію, матеріальными ея средствами ускорить продолженіе того же или двинуть впередъ ходъ другихъ подготовленныхъ изданій народнаго Русскаго пѣснотворчества. Насъ въ семъ случаѣ отнюдь не отталкивалъ успѣхъ г. Стасова въ соисканіи, напротивъ именно эта, неожиданно объявившаяся, склонность поощрять подъ рядъ всѣ труды, направленные въ народную область, всего болѣе вызывала и обнадеживала. Документы Общества Л. Р. Слов. всего яснѣе раскроютъ ходъ этого дѣла. «По докладѣ секретаря о томъ, что въ виду оказаннаго недавно вниманія И. Академіи Наукъ къ сочиненіямъ о памятникахъ нашей народной словесности, удостоеннымъ Уваровской преміи, благовременно было бы представить къ тому же соисканію законченныя нынѣ *двѣ части* изданія «Пѣсенъ, собр. П. В. Кир.,» обнимающія былевое творчество всей Древней Руси до Петра І-го и снабженныя, при текстѣ пѣсенъ, многочисленными примѣчаніями, нѣсколькими указателями и изслѣдованіями, г. предсѣдатель выразилъ желаніе слышать о семъ мнѣніе В. А. и Н. А. Елагиныхъ, родственниковъ покойнаго собирателя, кои вмѣстѣ состоятъ дѣйств. членами Общества, но въ настоящее время отсутствуютъ [39]).» В. А. Елагинъ, которому вручено было покойнымъ П. В. Кирѣевскимъ распоряженіе его сборникомъ по смерти и который передалъ намъ пѣсни, а Обществу право изданія, отвѣтомъ своимъ, какъ и слѣдовало ожидать, подтвердилъ: «Вы конечно и безъ моего отвѣта знаете мое мнѣніе о Вашемъ предложеніи Обществу: съ Вашей стороны обращеніе къ Обществу было только одною учтивостью, потому что Вы имѣли полное право представить Вашъ почтенный трудъ

[39]) Проток. О. Л. Р. Сл. 265 засѣд. 1869 года; печатаются протоколы въ „Моск. Вѣдом." и „Журн. Мин. Нар. Просв."

на премію ни съ кѣмъ не спрашиваясь, и я не понимаю, почему бы хотя малѣйшая частица преміи могла принадлежать, по всѣмъ правамъ, *кому либо кромѣ Васъ* [40]).» Тѣмъ не менѣе издатель, въ виду новыхъ, означенныхъ выше, неблаговидныхъ обстоятельствъ вынужденъ былъ отказаться отъ намѣренія, выжидая въ будущемъ лучшей перемѣны господствующаго тона. «Общество, выслушавъ отвѣтъ д. ч. В. А. Елагина по вопросу о представленіи изданія «Пѣсенъ, собранныхъ П. В. Кир.,» на соисканіе Академической преміи и выразивъ вновь полное сочувствіе издателю д. ч. П. А. Безсонову, предоставило его собственному усмотрѣнію распорядится впредь по сему предмету; при чемъ издатель прочтенною докладною запиской заявилъ, что въ виду нѣкоторыхъ современныхъ обстоятельствъ онъ отлагаетъ съ своей стороны соисканіе преміи.... [41])» По-

[40]) Письмо при дѣлахъ Общества.

[41]) Проток. 266-го засѣд. Докладная записка при дѣлахъ Общества: «Побужденія и права, руководившія издателемъ къ соисканію преміи, достаточно разъяснились.—Между тѣмъ мнѣніе самого издателя о соисканіи Академической преміи совершенно измѣнилось. — Произведеніе г. Стасова, удостоенное отъ Академіи Уваровской награды, входитъ въ область Русскихъ памятниковъ народнаго творчества, которыхъ сочинитель никогда не собиралъ, не издавалъ и по видимому даже не читалъ какъ слѣдуетъ, ибо выводы его касаются гораздо болѣе Алтая, Борнео и Ореноко. Посему, спеціалисты наши по предмету народнаго творчества и народной исторической жизни у Славянъ вообще, а у Русскихъ въ особенности, какъ-то гг. Миллеръ (весьма впрочемъ намъ несочувственный), А. Ѳ. Гильфердингъ, А. Н. Веселовскій, Ѳ. И. Буслаевъ, коего печать по справедливости празнаетъ «самымъ заслуженнымъ спеціалистомъ по древней Русской поэзіи,» и нѣкоторые другіе сочлены нашего Общества— не открыли въ изслѣдованіи г. Стасова слѣдовъ успѣшнаго обращенія съ предметомъ. — Тѣмъ не менѣе лестное вниманіе Академіи Наукъ удостовѣряло готовность ея — поощрять всякой трудъ, касавшійся народнаго творчества, особенно же, если бы встрѣтилось

слѣдствія еще дальнѣйшія доказали, что по крайности относительно господствующаго нынѣ тона въ литературѣ и наукѣ даннаго предмета издатель не ошибся, воздержавшись вступить на арену немножко странную и въ сообщество не весьма вожделѣнное.

Премія, данная г. Стасову, сама по себѣ безобидная, вмѣстѣ съ рецензіями оффиціальныхъ критиковъ и антирецензіями авто-

изданіе или сочиненіе дѣйствительно порядочное. Въ этихъ видахъ и сдѣлано было представленіе Обществу Любителей Россійской Словесности, дабы итти на встрѣчу заявленному расположенію Академіи и дабы суммы, очевидно составляющія излишекъ въ оборотѣ народнаго капитала, посвященнаго поддержкѣ наукъ, получили бы прямое назначеніе, то есть съ ихъ помощію могло бы отпечататься и разъясниться еще нѣсколько памятниковъ, составляющихъ неотъемлемое духовное достояніе народа, для пользы его же самого и потомства.—Къ сожалѣнію, въ настоящее время журналы, пользующіеся нѣкоторымъ удѣльнымъ вѣсомъ, усмотрѣли напротивъ и провозгласили въ поощрительномъ дѣйствіи Академіи, своеобразно толкуя его, какое-то знамя свѣжей партіи, смѣняющей Русскаго «ветхаго человѣка,» и торжество началъ новѣйшихъ, олицетворенныхъ статьею «о происхожденіи Русскихъ Былинъ.» Слѣдовательно *возможный успѣхъ* соисканія преміи по тому же предмету набросилъ бы нынѣ на труды испытанные и долголѣтніе невыгодную тѣнь, поставивши ихъ на ступень равную съ дѣтскими играми юнѣйшихъ началъ, а *вѣроятный неуспѣхъ* придалъ бы искателямъ вовсе ненужный блескъ достоинства, которымъ неблагонамѣренные могли бы воспользоваться для незаслуженнаго укора ученому учрежденію. — Потому, ММГГ., впредь до измѣненія обстоятельствъ, издатель, удерживая за собою право, ему принадлежащее, соисканіе преміи означеннымъ путемъ отлагаетъ.»

*

Послѣ этого въ сочиненіяхъ г. Миллера встрѣтили мы совершенно излишнюю и безполезную шутку, будто въ предлежащемъ изданіи или прочихъ трудахъ моихъ «взято» мною все главнѣйшее у

ра, подала сигналъ еще далѣе къ безконечному пролитію чернилъ и къ появленію статеекъ, статей, цѣлыхъ толстыхъ книгъ, излюбившихъ предметомъ своимъ частію Илью Муромца, частію г. Стасова, литературныхъ преній просто или даже оффиціальныхъ диспутовъ въ университетѣ, и т. д.; на двухъ оконечностяхъ, раздѣленные барьеромъ, стали г. Стасовъ и г.

старшихъ Славянофиловъ: изъ собранія Кирѣевскаго мнѣ по смерти его переданъ только «матеріалъ;» статьи и примѣчанія покойнаго или К. С. Аксакова, немногочисленныя и также посмертныя, отпечатаны вездѣ съ подписью ихъ. Остальное все въ изданіи и самое «изданіе,» въ тѣхъ условіяхъ, которыя темны взору, непривычному въ сихъ дѣлахъ, и пояснены нами выше, принадлежитъ исключительно мнѣ. Дядюшка г. Миллера, по трогательному разсказу сего послѣдняго, положилъ ему, дитяти, на рабочій столъ въ первыхъ выпускахъ Кирѣевскаго трудъ *мой*, безъ котораго нынѣшній обильный авторъ, взявшій изъ моего изданія «рѣшеніе собственной жизненной задачи,» долго, можетъ быть никогда, не зналъ бы текста, содержанія, языка, отличій, самаго имени нашего эпоса, въ томъ видѣ, въ какомъ это извѣстно стало теперь, а подавно не пришелъ бы къ блестящимъ своимъ выводамъ и высшимъ степенямъ. Ему неизвѣстны, умалчивая уже объ А. Ст. Хомяковѣ, связи мои съ Кирѣевскими, ни постепенный ростъ Славянофильства, въ которомъ былъ я ближайшимъ сверстникомъ (немного позже) К. С. Аксакова. При всемъ моемъ уваженіи къ памяти ихъ, ради котораго я и несу на себѣ долгъ, завѣщанный пріязнію высокихъ друзей моихъ, едва ли кто въ состояніи заподозрить независимость и самостоятельность моихъ изданій или прочихъ трудовъ, сколько бы ни нашелъ въ нихъ недостатковъ. Г. Миллеръ не можетъ уразумѣть при семъ даже тотъ смыслъ, который имѣетъ у меня употребленіе названій «собраніе, Общество Л. Р. Сл., Коммиссія» и т. д.: совсѣмъ обратнымъ путемъ поднимаясь на свои, недостижимыя мнѣ, степени, привыкъ онъ открывать Америку безъ предшественниковъ и не скрываетъ «единственныхъ» заслугъ своихъ подъ названіями, кои намекали бы на сообщество и содѣйствіе.

Миллеръ, по бокамъ свидѣтели, вокругъ толпа сторонниковъ того или другаго; не только прочесть, даже перечесть всѣхъ перипетій отчаянной борьбы нѣтъ никакой возможности. Одинъ противникъ называетъ другаго «любезнѣйшій Владиміръ Васильевичь,» «сѣдовласый мужь,» «доблестный мужь:» другой отвѣчаетъ эпитетами «кропотливаго крота,» человѣка «Молчалинскихъ принциповъ,» который «не надѣленъ даромъ остроумія,» или прозвищемъ Русскаго «Менцеля.» Говорится о «гнѣздѣ» г. Миллера и о томъ, что «ничего другаго не знаютъ и не вѣдаютъ слѣпые его глаза,» особенно «послѣ трудовъ проф. Буслаева, стоящихъ на столько же выше трудовъ г. Миллера, на сколько трудъ мастера стоитъ выше ковырянья ученика, которому суждено никогда изъ учениковъ не выйти.» Ставится вопросъ о статьяхъ: «честно ли это?» Обзываются литературныя мнѣнія то «штучками,» то «завывающимъ тономъ анаѳемы, обличительною буллою, непогрѣшимостью папы.» Докладывается Русской публикѣ, что одинъ другаго «отлучилъ отъ общества умныхъ людей» и что пожалуй «книга моя невыразимо глупа.» Ссылаются на то, что̀ одинъ соперникъ говорилъ «при свидѣтеляхъ» и какъ ему данъ былъ «отъ рукописи (статьи) послѣдній листокъ,» но листкомъ злоупотребили. По поводу вѣнчанія, одна сторона намекаетъ на «закулисныя сдѣлки» съ кѣмъ-то и разбираетъ, дѣйствительно ли «трудъ независимъ отъ какого либо Нѣмецкаго наважденія;» другая сторона спѣшитъ предупредить, кого сіе касается, чтобы толстая книга врага, эта «плодоносная лѣтняя баба,» не получила также успѣха въ соисканіи: «Сотни страницъ, употребленныя лишь на подобныя кривыя толкованія, становятся, не взирая ни на какой трудъ, ничтожными и ни на что негодными, и такой книгѣ нельзя желать успѣха. Русскій народъ имѣетъ за собою столько дѣйствительныхъ качествъ заслугъ и значительныхъ историческихъ фактовъ, что не требуетъ себѣ на помощь славянофильской реторики и размазни.» Выводится какое-то учрежденное Общество, въ коемъ про-

исходили личныя объясненія, а компреметирующіе факты «выпущены изъ жалости (къ тому-то) въ печатномъ протоколѣ засѣданія.» Сцена переносится въ университетъ, на оффиціальный диспутъ; печатается, что противнику «немедленно» доставлена была диссертація «для диспута,» а онъ явился только чтобъ «просидѣть;» увѣряютъ, чему мы впрочемъ продолжаемъ не вѣрить, будто какіе-то «писатели» на диспутѣ возражали, что «мужичье преобладаетъ и господствуетъ въ жизни Слявянской,» но что «словесность этого мужичья составляетъ предметъ совершенно чуждый какимъ либо живымъ вопросамъ,» и т. д., и т. д. Какъ ни прискорбно намъ, что въ этой передрягѣ одинъ роняетъ видимый литературный талантъ свой, другой незамѣтно самому себѣ дѣлаетъ слишкомъ замѣтнымъ свое безсиліе, однако и тутъ еще не конецъ. Тотъ и другой главный супостатъ, въ свитѣ сторонниковъ, попеременно прибѣгаетъ — печатно — къ посредству г. Ламанскаго и называетъ его — одинъ — «добрѣйшій, многоуважаемый,. любезный Владиміръ Ивановичь,» другой — «мой старинный пріятель В. И. Ламанскій,» или за одно — «нашь общій старинный пріятель.» Только что нашь извѣстный любитель Славянства въ Европѣ, Азіи и Африкѣ, успѣлъ произнести «объединяющую» «Русскую» рѣчь среди Славянъ въ Прагѣ; только что мы получили въ иллюстрированныхъ Чешскихъ изданіяхъ прекрасный портретъ его; только что задалъ онъ въ оффиціальномъ журналѣ «непорѣшенный вопросъ» и не рѣшилъ его до такой степени, что открылъ и подробно описалъ новоболгарскую рукопись «XVI—XVII вѣковъ,» «не позже первой половины XVII и едва ли раньше второй половины XVI вѣка,» выразивъ догадку о памятникѣ, «что онъ писалъ до 1666 года,» а въ самомъ дѣлѣ онъ по письму и языку XVIII-го, если еще не XIX вѣка; только что, при разборѣ и описаніи, минуя разстояніе двѣнадцати вѣковъ, смѣшалъ здѣсь Никомидійскаго Великомученика Георгія съ мученикомъ Георгіемъ, такъ называемымъ Сербскимъ или, правильнѣе, Болгарскимъ, и очень удивился, что при по-

слѣднемъ является, въ Болгарской Софіи, въ замѣнъ Діоклитіана султанъ съ пашами, кадіями, спахіями, съ диваномъ и съ ферманами [42]); только что выразилъ сожалѣніе относительно найденной рукописи, что ни изъ покойниковъ, «ни другой кто изъ Славистовъ не употребили ея для своихъ грамматическихъ изслѣдованій, не представили хотя краткаго ея описанія и не сообщили даже отрывковъ изъ нея,» а самъ въ обиліи пополнилъ сей недостатокъ и, умолчавши о своихъ предшественникахъ въ изученіи новоболгарскаго языка, поплатился за свою забывчивость, прочитавъ въ рукописи и напечатавъ изъ нея «легома» вмѣсто «голема (большой, великій),» а особенно остановившись на курьезномъ словѣ «*псаха*» и приведя выраженіе «или псаха,» то есть вмѣсто «и липсаха,» прошедшее отъ глагола «липсамъ [43]);» наконецъ, только что коснулся здѣсь споровъ гг. Стасова и Миллера, назвавши перваго «старымъ и добрымъ пріятелемъ,» а втораго «столь же старымъ и добрымъ пріятелемъ:» только что,—говоримъ,—какъ оба подхватили его на третейскій судъ въ свои посредники и пронесли нынѣ имя его въ качествѣ «легома злѣ» по мытарствамъ своей литературной размолвки. Голосъ, Вѣстникъ Европы, С.-Петербургскія Вѣдомости, Журналъ Мин. Нар. Просв., Заря и кажется еще два-три «органа общественнаго мнѣнія» приняли на свои страницы и, кажется, еще не кончили всей перипетіи этой драмы. — Вопросъ локализировался въ С.-Петербургѣ: кромѣ Академій, Университетовъ, учрежденныхъ Обществъ, органовъ общественнаго мнѣнія, литераторовъ и ученыхъ, есть тамъ теперь цѣлыя стѣнки: одни *за* народное пѣснотворчество, другіе противъ, одни за г. Миллера, другіе за г. Стасова, одни за вмѣняемость приговора г. Ламанскаго, другіе за невмѣня-

[42]) Славистъ нашъ долженъ бы знать по крайности, кѣмъ и когда писано по Славянски житіе этого мученика.

[43]) Это послѣднее такой уже курьезъ въ дѣлѣ „Слависта,“ что близко роднитъ его со многими „Оріенталистами.“

емость. Справедливо общественное мнѣніе негодуетъ на разныя Московскія «исторіи,» ему надоѣвшія: но онѣ ограничиваются обычно своимъ «мѣстнымъ» поприщемъ и, не претендуя на «общее» значеніе, оставляютъ общее и серьезное дѣло итти послѣдовательно въ прежнемъ, болѣе или менѣе правильномъ, теченіи поступающей впередъ жизни. Только лишь провинціализмъ Петербургскій одинъ въ состояніи забирать вопросы Русской науки въ свою карманную собственность и, забывая объ остальной Россіи, Славянствѣ, Европѣ, выдавать свои бюрократическія рѣшенія за всеобщія. Мы всегда боялись за вопросъ ученый, какъ скоро онъ туда переходитъ; оставалось, въ дѣлѣ народномъ, только одно нетронутое — пѣснотворчество: но пришла пора и ему. Нельзя было не радоваться, пока тамъ учились сему дѣлу по указкѣ Москвы, какъ нельзя равно не желать, чтобы дѣятельность интересующей насъ области покинула исключительную — по обстоятельствамъ — сферу Московскую и децентрализировалась по нашимъ провинціямъ къ лучшему преуспѣянію: но Петербургъ, вмѣсто того, чтобы слѣдовать столичному образу дѣйствій, по обычаю и здѣсь вдался въ свой узкій—и однако же—импонирующій провинціализмъ. Можно сказать теперь о народѣ нашемъ, что послѣднія, дотолѣ по крайности неприкосновенныя, ризы его раздѣлены и о послѣдней великолѣпной одеждѣ его, а иногда пожалуй и о простой послѣдней сорочкѣ его, простѣйшей пѣснѣ, метали жребій. И все это, кажется, ради профессорскаго мѣста, ученой степени, удачи диспута или преміи, журнальнаго гонорарія и своего рода славы. . . .

Мы безъ вины здѣсь виноваты. Наши изданія, наши труды подали поводъ къ трагикомической локализаціи вопроса въ С.-Петербургѣ. Тѣмъ не менѣе, наше дѣло само въ себѣ и по существу своему, сколько бы ни было привнесено сюда частныхъ и личныхъ ошибокъ, не причастно подобной провинціальной суматохѣ. Вотъ почему мы обязаны были по крайности въ нѣсколькихъ словахъ выгородить его на будущее и высво-

бодить на всегда отъ грезъ, надавленныхъ на Русскій мозгъ туманами прибалтійскаго Сѣвера. Наше дѣло, на сколько оно народно и посвящено цѣлому народу, поступаетъ въ развитіи неуклонно: свидѣтельствомъ уже предлежащій выпускъ. Общество Любителей Россійской Словесности, какъ ни скудно оно матеріальными средствами, существуя и дѣйствуя безъ казенныхъ субсидій, безъ видовъ на мѣста, степени, преміи и гонораріи, въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ вопроса приняло его горячо къ своему сердцу и продолжаетъ отстаивать со всѣмъ рвеніемъ, не словами, а самимъ дѣломъ. Пожертвованія Д. Чл. А. И. Кошелева, нынѣ—недавно—предсѣдателя, дали возможность пустить въ печать Словарь Даля. Обществу посвящены первые выпуски «Калѣкъ Перехожихъ:» теперь на тѣ же средства печатается 7, 8 и 9-й выпускъ. Обществу поднесены были первые томы коллекціи Рыбниковской, издававшіеся расходами его сочленовъ: нынѣ, могли мы порадовать Русскихъ, рѣшено съ пособіемъ тѣхъ же суммъ Общества печатаніе замѣчательныхъ Олонецкихъ Причитаній. На тѣ же издержки печатается громадный сборникъ пѣсней Бѣлорусскихъ, куда вошелъ вкладъ покойнаго П. В. Кирѣевскаго: а присный сборникъ послѣдняго, съ дополненіями, изготовленъ нынѣ въ матеріалахъ къ 9-му выпуску Пѣсней Историческихъ, отъ Петра 1-го до Александра 1-го. Если прибавить сюда еще нѣкоторые одновременные труды сочленовъ Общества по изданію памятниковъ и рѣшенію разныхъ вопросовъ народнаго пѣснотворчества, да двѣ-три статьи, хотя бы въ Петербургскихъ журналахъ, но внѣ помянутой злополучной локализаціи, то мы въ правѣ сказать, что само дѣло далеко еще не проиграно, послѣднее время не прошло для него даромъ и будущее сулитъ намъ еще новые существенные успѣхи.

* * *

Послѣ общаго обзора тому, что вошло содержаніемъ въ выпускъ 8-й, намъ по плану остается перейти къ частностямъ, къ Отдѣламъ и отдѣльнымъ Образцамъ.—Пѣсни о Петрѣ или, правильнѣе, Пѣсни Петровскія,—ибо онѣ далеко не всѣ выводятъ на сцену лицо государя, хотя и всѣ почти связаны съ нимъ такъ или иначе, — въ настоящемъ видѣ своемъ, когда собраны и послѣдовательно размѣщены согласно съ нитью исторической и вѣрно единству взгляда творческаго, распадаются видимо на *два Отдѣла главныхъ*: первый начинается рожденіемъ Петра и молодостью, простираясь до Войны Сѣверной и Походовъ Шведскихъ, второй идетъ до смерти государя и заканчиваетъ нѣсколькими лицами, поставленными внѣ общаго хода дѣйствій. Въ первомъ народъ, какъ было съ нимъ и въ дѣйствительности, не успѣлъ еще и не смогъ въ умопредставленіяхъ и въ своей творческой фантазіи овладѣть слишкомъ крупною фигурою Петровой, ясно различить черты этого героя, возвести ихъ въ свой цѣльный образъ и опредѣлить здѣсь творческимъ однороднымъ способомъ. Народъ видимо раскидывается и даже какъ будто растеривается: то хватается за черты жизни личной и частной, то развлекается отношеніями и сценами семейными. Съ другой стороны, хорошенько не справившись здѣсь и чувствуя, что это почва не подобающая строгому творчеству, то прибѣгаетъ народъ къ наслѣдству Руси Древней и пробуетъ пустить на полотно ея краски, не будутъ ли онѣ приличнѣе, то принаравливается къ выступающимъ гордо явленіямъ жизни совершенно новой и пытается говорить ея языкомъ; то держится завѣщаннаго стариною склада, то чуткимъ ухомъ слышитъ и даетъ слышать первые аккорды музыки со всѣмъ иной, не бывалой; то рисуетъ Петра по своему, въ крайне незатѣйливомъ нарядѣ, въ обиходной обстановкѣ, то какъ будто внезапно замѣчаетъ и приглашаетъ насъ замѣтить неожиданный ростъ державнаго исполина, а потому, увлекаясь имъ, вдается въ область древняго богатырства и не прочь искать пособія своему изображенію въ миѳологическихъ

цвѣтахъ и очеркахъ. Это, какъ и слѣдуетъ ожидать, всего чувствительнѣй отзывается и всего яснѣе выражается въ первой же Былевой пѣснѣ—*о рожденіи и молодости Петра,* потомъ въ повтореніи тѣхъ же почти мотивовъ, но уже въ другой половинѣ и во второмъ Отдѣлѣ, гдѣ историческое положительное міросозерцаніе взяло перевѣсъ и гдѣ самый образъ Петра достаточно опредѣлился передъ творческимъ взглядомъ, такъ что мѣсто Дѣвы-Рѣки Смородины заняла полумиѳическая, полуисторическая Шведская Королевна. — Однако подробности образцовъ въ томъ и другомъ Отдѣлѣ, взаимное сличеніе ихъ и частныя отличія отняли бы теперь у насъ много мѣста и мы ихъ отлагаемъ до «Замѣтки» слѣдующаго выпуска. Тамъ ихъ еще удобнѣе будетъ разсмотрѣть, между прочимъ и потому, что онѣ связаны съ остальными Историческими Пѣснями XVIII вѣка. И такъ, до будущаго.

П. Безсоновъ.

Конецъ 8-го выпуска.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Цѣна 1 р. 50 коп. сер.

Цѣна 1 р. 50 коп.

*

Изъ Пѣсней, собр. П. В. Кир., въ продажѣ:

		Руб.	Коп.
Выпускъ 1, 2, 3 и 6-й	по	—	50
— 4, 5 и 7-й	„	1	—
Всѣ съ 8-мъ	„	6	50

Прочія изданія Общества:

Кирило-Меѳодіевскій Сборникъ	„	2	—
Письма Карамзина и Грибоѣдова	„	—	50
Сочиненія Мерзлякова, 2 тома	„	3	—
Бесѣды въ Общ. Л. Р. Сл. вып. 1 и 2-й	„	1	—
Всѣ изданія Общества	„	14	—

Уступка не менѣе какъ при 10-ти экз.

—

При Обществѣ:

Калѣки Перехожіе, сборникъ народныхъ духовныхъ Стиховъ, вып. 1—6	„	1	—
Рыбникова, сборникъ пѣсней, т. 1 и 2-й	„	2	—
Дѣтскія Пѣсни, кн. 1 съ рисунками	„	1	50
То же на обыкновенной бумагѣ	„	—	80

За всѣми изданіями вмѣстѣ обращаться (пересылка безплатно) къ Секретарю О., *П. А. Безсонову*, въ Университетѣ.

—

100p

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Kireevskij, Petr V.,

Pěsni sobrannyja P. V. Kirěevskim Izdany Obšěstvom ljubitelej rossijskoj slovesnosti

Bd.: 8

Moskva 1870

4 P.o.russ. 7 e-5/7
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10945725-1